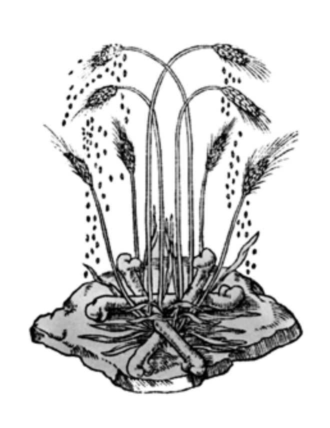
Достоевский

И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

#1/2024

ДОСТОЕВСКИЙ И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА. Филологический журнал. — 2024. № 1 (25)
М.: ИМЛИ РАН, 2024. —272 с.

Подписной индекс по каталогу «Почта России» — ПМ 253

Основан в 2018 г. Выходит 4 раза в год

Редакция: 121069 г. Москва, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1
Тел.: +7 495 690-50-30
e-mail: fedor@dostmirkult.ru

Фотография: Ф.М. Достоевский. Фото К. Шапиро. Петербург, 1879 г.

Обложка: Коллаж Дарьи Тихомоловой на основе иллюстрации алхимического процесса (Alchemical and Rosicrucian compendium, 1760)

DOSTOEVSKY AND WORLD CULTURE. Philological journal. — 2024. No. 1 (25)
Moscow, IWL RAS, 2024. — 272 p.

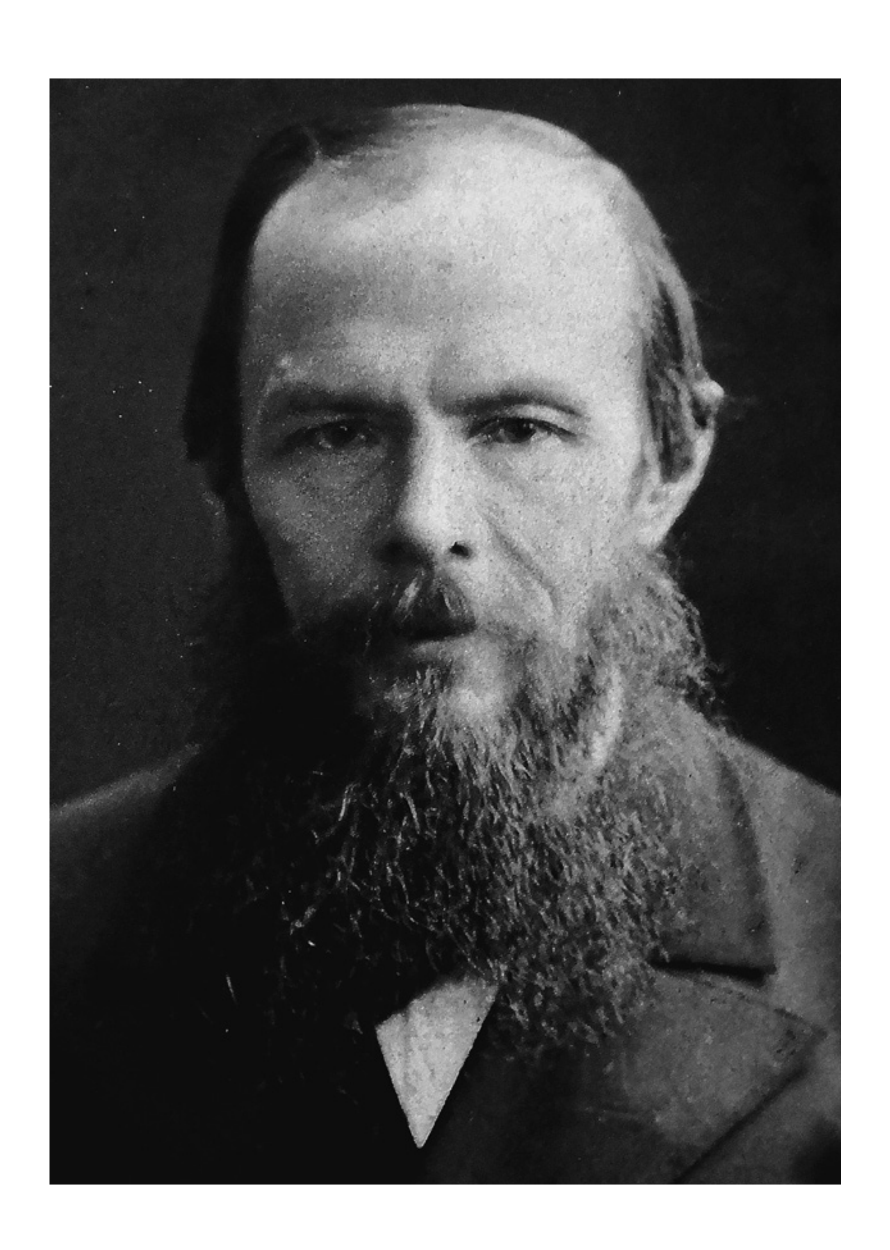
Subscription index according to the catalogue “Pochta Rossii”: PM 253

Founded in 2018. Quarterly edition

Editorial office: Povarskaya 25A, bld. 1, 121069 Moscow
Tel.: +7 495 690-50-30
e-mail: fedor@dostmirkult.ru

Picture, right: F.M. Dostoevsky. Photo by K. Shapiro. Petersburg, 1879

Front cover: Collage by Daria Tikhomolova, based on an illustration of the alchemical process (Alchemical and Rosicrucian compendium, 1760)

Federal State Budget Institution of Science
A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

DOSTOEVSKY
and
WORLD CULTURE

Philological journal

No. 1/2024

Moscow

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ДОСТОЕВСКИЙ
и
МИРОВАЯ КУЛЬТУРА

Филологический журнал

№ 1/2024

Москва

Dostoevsky and World Culture. Philological journal. – Moscow: A.M. Gorky Institute of World Literature Russian Academy of Sciences, 2024. – No. 1. – 272 p.
ISSN 2619-0311

Founded in 2018. Quarterly edition

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. – М.: ИМЛИ РАН, 2024. – № 1. – 272 с.
ISSN 2619-0311

Основан в 2018 г. Выходит 4 номера в год

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-10-19
https://elibrary.ru/VDZLJE

От редактора:

«Преступление и наказание»: современное состояние изучения – завершаем проект

Уважаемые коллеги, дорогие читатели, мы в этом номере с грустью и благодарностью вспоминаем недавно ушедших наших коллег-достоевистов: Нину Федотовну Буданову, чьи труды по составлению каталога библиотеки Ф.М. Достоевского и летописи его жизни имеют непреходящую ценность (как бы они потом ни корректировались и ни дополнялись) и Валентину Александровну Твардовскую, воспринимавшую и описывавшую жизнь и мысль Достоевского в широком контексте истории русской общественной мысли. Помню, как давно, в самом начале 1990-х, я приехала к Валентине Александровне (по моей просьбе и ее приглашению), чтобы обсудить проект создания исследования, посвященного почвеннической мысли Достоевского. Меня очень смущало тогда, с первого прикосновения к этой теме, что мысль Достоевского нивелируется исследователями, встраивается в ряд, возглавляемый Аполлоном Григорьевым, в то время как не эмоциональное (свойственное Григорьеву), а логически выверенное, ***работающее*** описание того, почему так важно обращаться к «почве», дал именно Достоевский. И его описание как никогда актуально и сейчас. Достоевский утверждает, что настаивающие на механических заимствованиях учреждений Запада страшно и роковым образом заблуждаются по одной простой причине: они стремятся заимствовать не ***идеи***, а сложившиеся в определенных условиях, под давлением определенных обстоятельств и во взаимодействии с определенным типом национальной культуры ***формы***, в которых эти идеи воплотились. Он убедительно показывает, что такие заимствования невозможны и вредны, и если уж заимствовать, то должно заимствовать идею и дать ей свободно развиться в те формы, которые свойственны принявшей ее культуре: так нельзя перенести из одного климата в другой взрослое дерево, но можно посадить семя, и вырастет растение, в чем-то существенно отличное от тех, что развиваются из таких семян в ином климате. Разовьется растение, вполне подходящее

к взрастившей его почве, органичное для нее. В.В. Розанов в своем эссе «О Достоевском», словно дополняя сказанное, глядя под другим углом, так формулирует воззрения Достоевского: «Миросозерцание народное, как общая почва, на которой может единственно правильно возрастать всякое индивидуальное развитие; Россия, исторически возникшая — как фундамент и ряд звеньев, на который налагая дальнейшие звенья мы только и можем правильно трудиться» [Розанов, 1990, с. 69–70]. Мы с Валентиной Александровной тогда часа три проговорили о почвенничестве Достоевского — и сошлись на том, что все описания почвенничества, представляя некоторую конфигурацию «приверженцев направления», нечто внятное и годное для жизни и сейчас говорят только тогда, когда обращаются к мысли Достоевского.

Проект тогда не состоялся по разным причинам — но эти подаренные мне Валентиной Александровной три часа, думаю, отразились во многих моих работах, посвященных жизни и мысли Достоевского.

Мы публикуем два слова об ушедших, дающих прозвучать их голосам ученых и исследователей, формирующих основательное представление об их вкладе в науку, подготовленных Николаем Подосокорским.

Первый номер в большой своей части посвящен теме «“Преступление и наказание”: современное состояние изучения». Темой этой наш научно-исследовательский центр «Ф.М. Достоевский и мировая культура» активно занимается третий год — и до сих пор исследования только набирают интенсивность — но при этом уже в конце года нам предстоит сформировать четвертую книгу серии «Романы Ф.М. Достоевского: современное состояние изучения» и подвести некоторые итоги изучения как «Преступления и наказания», так и основных принципов его исследования и преподавания. В связи с этим я напоминаю всем заинтересованным в участии коллегам о том, что крайний срок предоставления статей по проекту — 20 июня 2024 года.

28, 29 февраля – 1 марта 2024 года мы провели третью Международную научную онлайн-конференцию «“Преступление и наказание”: современное состояние изучения». В конференции приняли участие 58 исследователей из России, Азербайджана, Италии, Китая, Сербии, США, Турции, Хорватии, Чехии. В последний день конференции прошел хорошо подготовленный всем ходом конференции круглый стол «Преподавание романа “Преступление и наказание” в школе и вузе». Можно сказать, что вся конференция с ее необыкновенно разнообразной тематикой стала путем к круглому столу, посвященному ракурсам восприятия, практикам анализа и подходам к преподаванию романа — и я полагаю,

что такая очень практическая цель и перспектива — лучшее, что может случиться с любой теорией.

Не могу не обратиться здесь к приветственному слову заместителя директора ИМЛИ РАН Юлии Вадимовны Шевчук, ставшему действительным и прекрасным эпиграфом к конференции, пересказав его так, как сама поняла и запомнила. Процитировав слова Анненского о том, что в «Преступлении и наказании», как ни в каком другом романе, более всего захватывают ***сила и свобода светлой мысли***, она сказала: Достоевский — человек светлой мысли, но и светлой совести — и такое состояние не является нашим обычным состоянием, психофизиологически определяемым. Такое состояние нам может быть только даровано. И вот общение с Достоевским — это возможность для нас войти в состояние честной и светлой мысли и совести.

Программу конференции можно посмотреть здесь: https://imli.ru/139-konferentsii/seminary-i-konferentsii-2024-goda/5828-iii-mezhdunarodnaya-nauchnaya-onlajn-konferentsiya-prestuplenie-i-nakazanie-sovremennoe-sostoyanie-izucheniya

Записи первого дня: https://www.youtube.com/watch?v=0jSkDpKXmEk&t=13s

https://www.youtube.com/watch?v=fyd1Aq46XVA

Записи второго дня: https://www.youtube.com/watch?v=xaiRmjkMEFg

https://www.youtube.com/watch?v=f7wHRUjR1O4&t=1s

https://www.youtube.com/watch?v=EoK5c8nbV2w

Записи третьего дня, включая круглый стол: https://www.youtube.com/watch?v=wDoCHXyja_k

Две статьи этого номера, публикующиеся в разделе «Герменевтика. Медленное чтение», моя и Татьяны Магарил-Ильяевой, подготовлены уже на основе докладов, сделанных на конференции.

Моя статья посвящена алхимическому подтексту у Достоевского, проступающему сквозь обычные и даже намеренно низкие слова, и тому рисунку, образуемому чередованием синонимов (в данном случае: *жирный* и *полный*), который Достоевский использует как один из способов настроить глаз читателя, отформатировать его парадигму восприятия. Из сочетания этих способов построения текста возникает необыкновенно странная в описаниях и характеристиках фигура Порфирия Петровича, само имя которого значит «красный камень» (что есть название последней стадии обретения «философского камня», превращающего металлы в золото, в алхимических трактатах отождествлявшегося с Христом) и который делает все мыслимое и немыслимое, чтобы герой смог «стать

солнцем» (напомню, что для обозначения солнца и золота использовался один и тот же знак ʘ).

Статья Татьяны Магарил-Ильяевой посвящена пути героя к преображению в творчестве Достоевского. Путь этот, который Достоевский многократно ***начинал*** описывать в ранних текстах, в «Преступлении и наказании» впервые доводится до своего завершения — если мы оставляем в стороне истории детей, которым и в раннем творчестве было дано прикоснуться к своей иной природе.

Хочу напомнить, что следующая конференция Центра в этом году — XXVI Международные чтения «Произведения Ф.М. Достоевского в восприятии читателей XXI века» — пройдет 18–20 апреля 2024 в городе Старая Русса. В этом году в центре конференции — роман «Идиот». Срок подачи заявок — до 25 марта. Подробности — в информационном письме на сайте ИМЛИ РАН: https://imli.ru/139-konferentsii/seminary-i-konferentsii-2024-goda/5882-khkhvi-mezhdunarodnye-chteniya-proizvedeniya-f-m-dostoevskogo-v-vospriyatii-chitatelej-khkhi-veka

Третья конференция этого года, «Книга в книге», впервые прошедшая в 2023 году, запланирована на 1–3 октября 2024 года. Эта конференция посвящена теоретической проблеме присутствия книг ***как прямо упомянутых*** текстов ***и материальных предметов, участвующих в сюжете***, в произведениях мировой литературы и культуры. Мы просим желающих участвовать в конференции обратить внимание на слова, выделенные жирным курсивом.

Я хотела бы подчеркнуть, что на все наши конференции — и особенно на ежегодные Международные чтения «Произведения Ф.М. Достоевского в восприятии читателей XXI века», поскольку это ***обучающая конференция*** — можно присылать заявку на участие в качестве слушателя и участника обсуждения (со сведениями о себе) — мы включаем таких участников в программу и очень ценим их участие в общей научной работе на конференции.

2021–2024 годы отмечены выходом большого числа изданий, посвященных Достоевскому и его творчеству. Мы будем рады предоставлять страницы журнала для публикации обстоятельных и содержательных рецензий на вышедшие в 2021–2024 годах книги и сборники. Также мы всегда открыты для публикации содержательных обзоров прошедших конференций.

В рубрике «Поэтика. Контекст» публикуется статья Елены Кудрявцевой, посвященная манипулятивным стратегиям подпольного человека, «человека читающего», внимательно читавшего в том числе и Карамзина

и усвоившего идиллический способ высказывания как метод извлечения женщины из построенной ею защитной скорлупы. Проблема здесь в том, что такое извлечение, как внезапно обнаруживает Подпольный, предполагает существенное открытие границ самого извлекающего; что предложение идиллического варианта развития истории вовлекает в эту новую историю не только слушательницу, но и рассказчика — совершенно против его воли и намерений: он вынужденно переходит границу, отделяющую манипуляцию от вовлеченности, поскольку ему приходится усиливать идиллию, преодолевая вызывающее в нем злобу сопротивление героини. Это невольная сдача собственных границ порождает в нем повышенную тревожность и стремление защититься от захватывающей его против его воли идиллической стихии — путем создания теперь антиидиллической оптики[1]. Оказывается, надевание идиллической маски для другого не проходит даром для того, кто ее примерил: маска вовлекает его в продолжающийся, соответствующий себе сюжет, вместо того, чтобы дать возможность (сняв ее) навсегда закрыть дверь в событие, ради которого ее только и надевали. Манипулятивные стратегии героя строятся также на обращении к священным текстам, включении цитат из них в свою речь в качестве несущих конструкций идиллии. Нужно отметить, однако, что включение евангельских цитат в идиллический дискурс уже само по себе означает резкое изменение их смысла, переключение их из регистра самоотверженной любви в гораздо более низкий регистр любви заинтересованной и даже эгоистической: «Тут и работа весела, тут и в хлебе себе иной раз отказываешь для детей, и то весело. Ведь они ж тебя будут за это потом любить; себе же, значит, копишь. Дети растут, — чувствуешь, что ты им пример, что ты им поддержка; что и умрешь ты, они всю жизнь чувства и мысли твои будут носить на себе, так как от тебя получили, **твой образ и подобие** примут» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 158]; «Любовь! — да ведь это всё, да ведь это алмаз, девичье сокровище, любовь-то! Ведь чтоб заслужить эту любовь, иной готов **душу положить**, на смерть пойти. А во что твоя любовь теперь ценится?» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 159]. И если для вовлечения Лизы эта лестница смыслов может сработать именно так, как задумал Подпольный, создавая идиллическую иллюзию бесконечной высоты брачной половой любви, то читатель, по идее Достоевского, дол-

[1] Антиидиллическая оптика, по наблюдению исследовательницы, появляется в его речах и в процессе первоначальной манипуляции — с целью наказания героини за то, что она не сразу сдается, продолжает удерживать границы.

жен заметить как раз радикальное снижение самой идеи любви в этих картинках.

Хочу отметить проблематичность повествовательной стратегии самой исследовательницы (хотя такая стратегия настойчиво внедряется в сознание молодых исследователей определенным сегментом научного сообщества): она уделяет внимание и считает своим долгом процитировать статьи, обращающиеся к той же ***теме*** — но весьма далекие от ***идеи*** ее собственной работы. Такая стратегия затрудняет восприятие, уводит читателя от магистральной линии текста, предлагает ему блуждать по ненужным и тупиковым в свете идеи данной работы путям. А в худшем варианте может и совсем затемнить и распылить интересную и продуктивную мысль автора. Я бы посоветовала молодым исследователям (прежде всего — тем, кто намеревается публиковаться у нас) для списков работ коллег, обращавшихся к той же теме пользоваться исключительно подстрочными примечаниями, не ломая идейную линию своего текста, включая в нее только те отсылки, которые прямо работают на мысль автора статьи, в диалоге с которыми эта мысль развивается и усложняется (а не усложняется бессмысленно лишь изложение этой мысли, создавая проблемы для читательского восприятия).

Во второй статье рубрики автор Оксана Воробьева, на мой взгляд, очень обоснованно, выступает против непременного поиска «прототипов» вещей и явлений произведений Достоевского в окружающей действительности. Она указывает на то, что писатель создает вещи и явления в соответствии со своей творческой задачей, а не рабски и натуралистически копирует из окружающей жизни просто потому, что они там есть. По ее мысли, история статьи Раскольникова, отданной, как она показывает, в ***газету***, а попавшей в ***журнал***, влечет за собой ряд существенных последствий для восприятия статьи и психологического состояния героя, которые никак не проясняются существующими «реальными» комментариями.

В первой статье рубрики «Достоевский в XX–XXI веке» Ирина Львова показывает, что книги Достоевского в произведениях американских писателей оказываются важными структурными элементами, которым, добавлю немного от себя, иногда удается одним своим присутствием указать на сокровенный смысл этих произведений. Так, например, герой Натанаэля Уэста («Miss Lonelyhearts») читает слова о любви к человеку и миру из «Братьев Карамазовых» в спальне, где висит Христос из слоновой кости, снятый с креста и шипами прибитый к стене (и это значимая аллюзия на историю, рассказанную Лизой Хохлаковой

о четырехлетнем мальчике, распятом жидом): цель героя была заставить Христа извиваться в агонии — но Он остается украшением, эстетически отстраненным, не могущим взволновать. Мы видим здесь нечто противоположное тому, что постоянно удается Достоевскому — разбить нашу эстетическую отстраненность, не просто показать нам Христа в агонии, а еще и посадить напротив него девочку с ананасным компотом — с тем, чтобы мы осудили и ее, и автора — и только потом (и не все) догадались, что смотрим в зеркало.

Во второй статье рубрики Владимир Двоеглазов прослеживает концепт «правда» в работах Александра Павловича Скафтымова о Достоевском. Согласно исследователю, в конечном итоге «правда» в понимании Скафтымова (как, заметим, и «истина» в христианстве) оказывается скорее личностью, чем идеей: личностью, не искаженной алчностью и страхом за себя, способной к состраданию и самоотдаче (можно сказать иначе: личностью ***в те моменты***, когда она не искажена страхом и алчностью, проникнута состраданием и осуществляет самоотдачу).

Третья статья рубрики, принадлежащая перу Геннадия Карпенко, очевидно выходит за пределы рубрики: хотя речь в диптихе автора будет идти о Достоевском и Бунине, первую статью диптиха можно было бы поместить и в рубрику «Герменевтика. Медленное чтение», и в рубрику «Преподавание Достоевского», поскольку ее предмет — слова Раскольникова о праве на преступление и «темная» природа человека, обретающая свои основания и утверждение в философии после антропологического поворота Канта, получающая оправдание своему взгляду на другого как на объект, усваивая «абстракционизм» Гегеля. Автор пишет: «Достоевский, оставаясь “со Христом” в объяснении человека, не упрощает свое понимание антропологической проблемы». Я бы вспомнила в поддержку слов автора, как удивительно, странно и точно описал это Розанов: «Удивительно: в эпоху совершенно безрелигиозную, в эпоху существенным образом разлагающуюся, хаотически смешивающуюся — создается ряд произведений, образующих в целом что-то напоминающее религиозную эпопею, однако со всеми чертами кощунства и хаоса нашего времени. Все подробности здесь — **наше**; это — **мы**, в своей плоти и крови, бесконечном грехе и искажении говорим в его произведениях; и, однако, во все эти подробности вложен не наш смысл, или по крайней мере смысл, которого мы в себе не знали. Точно кто-то, взяв наши хулящие Бога языки и ничего не изменяя в них, сложил их так, так сочетал тысячи разнородных их звуков, что уже не хулу мы слышим

в окончательном и общем созвучии, но хвалу Богу; и, ей удивляясь, ее дичась — к ней влечемся» [Розанов, 1990, с. 69].

В рубрике «Преподавание Достоевского» мы публикуем первую статью («Преступление») диптиха Ольги Юрьевой, в котором она рассматривает название романа как ключ к его целостному анализу. Автор смещает наш привычный взгляд, показывая и доказывая, что истинным преступлением в романе оказывается само возникновение, допущение Раскольниковым в свое сознание ***идеи***, а не совершение ***действия***, которое есть всего лишь следствие. Я бы добавила, что такой ракурс довольно прямо показывает нам историю психофизических состояний Раскольникова в свете описанных Иоанном Лествичником стадий овладения человеком греха: прилог, сочетание, сосложение, пленение, борьба и страсть, будучи приняты во внимание, становятся отчетливо узнаваемы в романе, изменения душевных движений Раскольникова точно соответствуют описаниям Иоанна Лествичника, и мы можем наблюдать, как эти стадии последовательно проходятся героем. Ольга Юрьевна показывает некую неочевидную до сих пор вещь: оказывается, теория Раскольникова делит людей на том основании, что одни из них («высшие») способны стать прибежищами и орудиями идей — а другие нет. Но Достоевский показывает, что мысль самого ничтожного («второстепенного») на первый взгляд человека оказывается способной менять мир не потому, что им овладела идея — а потому что в сердце его зажглось сострадание, которое не сможет заглушить никакая идея; сострадание, порождающее причастность и ответственность — и эта вольно принятая на себя ответственность становится основанием (может быть, единственным) истинной свободы человека. Я полагаю, что Ольга Юрьевна сделала этой статьей очень важный шаг в приближении школьного преподавания к истинной мысли Достоевского. Ибо идея как преступление — важная, проходящая сквозь все его творчество, являющаяся истинным ядром концепта «двойничества» мысль Достоевского, наиболее прямо выраженная им в «Братьях Карамазовых», где он показал, что даже если человек не выпустит сам свою идею наружу, создав, как ему кажется, надежно защищенное «только свое» пространство мысли, где он волен все себе позволить, — все равно непременно найдется тот, кто окажется менее способен ей противостоять, кто с радостью воспримет ее от «учителя» и станет ее орудием. Орудием, которое идея уничтожит после своего осуществления. Нельзя не отметить связанной со сказанным выше важности пересмотра автором статьи представлений о размере личности Разумихина и роли этого персонажа в романе.

В рубрике «Достоевский: круг чтения» Ольга Седельникова реконструирует историю возникновения и развития идеи незавершенного прозаического цикла Аполлона Николаевича Майкова «Рассказы из русской истории»: в сущности — учебника по русской истории для начальных классов (но и для всех интересующихся), написанного не аналитически, а «живыми картинами», обдумывавшегося автором в диалоге с Достоевским. Важно, что Достоевский еще усиливает идею Майкова: он считает, что историю нужно писать не только как художественный текст, но и как буквально текст поэтический, стихотворный, легко запоминающийся, заучивающийся наизусть; он хочет внедрить русскую историю (в которую включает и падение Константинополя, видя Русь духовной и династической наследницей Византии) и в сердце, и в голову русского человека.

В рубрике «Обзоры, рецензии» публикуются две в высшей степени интересные и содержательные рецензии, написанные Николаем Подосокорским. Они посвящены монографиям о двух главных издателях произведений Достоевского: редакторе журнала «Отечественные записки» Андрее Александровиче Краевском (С.М. Волошина «Власть и журналистика. Николай I, Андрей Краевский и другие») и редакторе журнала «Русский вестник» Михаиле Никифоровиче Каткове (Сюзан Фуссо «Катков. Издатель Тургенева, Достоевского и Толстого»). Замечу, что если в случае русского исследователя рецензент говорит о введении в научный оборот новых документов, о систематизации фактов, о формировании нового образа Краевского, исправляющего приписанные ему авторитетными для определенного времени конкурентами и недоброжелателями искаженные черты (хотя отмечает и неточности), то главное значение монографии иностранного автора и смысл ее перевода на русский, очевидно, состоит в том, чтобы познакомить русского читателя со взглядом на Каткова, сформировавшимся (или формирующимся) у американских славистов. Думаю, здесь речь идет не про сравнительное качество вообще русских и западных монографий — а про политику издательства[2]: все же научное издательство должно было бы представлять разницу в степени осведомленности отечественного и зарубежного читателя в русской литературе и истории и предъявлять более высокий критерий научной новизны к тому, что оно переводит, а не считать книгу безусловно заслуживающей публикации на русском лишь на том основании, что она была опубликована за рубежом — и там это имело смысл.

---

[2] Рецензент замечает, что «монография профессора Фуссо, несомненно, одна из лучших книг серии “Современная западная русистика”, посвященных Достоевскому и его окружению, которые нам довелось прочесть».

У журнала есть паблики вконтакте и в телеграме (собравшие ныне более 9400 подписчиков), подписавшись на которые, можно следить за новостями журнала и научно-исследовательского Центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура», получить доступ к полнотекстовым записям семинаров и конференций Центра, читать и скачивать книги и статьи о творчестве Достоевского. Адреса страниц:

Vkontakte: https://vk.com/dostmirkult

Telegram: https://t.me/dostmirkult

Журнал издается в сотрудничестве с Комиссией по изучению творческого наследия Ф.М. Достоевского научного совета «История мировой культуры» РАН. Работа ведется в контакте с российским и международным Обществом Ф.М. Достоевского.

Как и прежде, все цитаты из произведений Ф.М. Достоевского, за исключением особо оговоренных случаев, будут приводиться в журнале по 30-томному Полному собранию сочинений писателя (Л.: Наука, 1972–1990), со ссылками согласно правилам РИНЦ. Заглавные буквы в именах Бога, Богородицы, других именах и понятиях, вынужденно пониженные в этом издании по требованиям советской цензуры, восстанавливаются по прижизненным изданиям. Во всех цитатах — опять-таки за исключением оговоренных случаев — курсивом выделяются слова, подчеркнутые автором цитаты, полужирным шрифтом — подчеркнутые автором статьи.

Наш почтовый электронный адрес — fedor@dostmirkult.ru Рабочими языками журнала являются русский и английский. Мы готовы рассмотреть любые материалы по тематике журнала из России и из-за рубежа. О решениях по публикации или возврате материала авторы будут оповещаться в течение месяца.

Татьяна Касаткина

Список литературы

1. Достоевский, 1972–1990 – *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

2. Розанов, 1990 – *Розанов В.В.* О Достоевском (Отрывок из биографии, приложенной к собранию сочинений Ф.М. Достоевского, изд. «Нивы», 1893 г. Ч. III) // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931. М.: Книга, 1990. С. 64–73.

From the Editor:

Crime and Punishment: Current State of Research. Project Conclusion Approaching

Esteemed Colleagues, Dear Readers,

In this issue we fondly remember our recently departed colleagues who dedicated themselves to the study of Dostoevsky: Nina Fedotovna Budanova, whose works for the catalog of Fyodor Dostoevsky's library and the chronicle of his life have enduring value, no matter how much they are corrected or supplemented, and Valentina Alexandrovna Tvardovskaya, who perceived and described Dostoevsky's life and thought in the context of the history of Russian social thought. I remember, back in the early 1990s, I visited Valentina Alexandrovna (at my request and her invitation) to discuss a research project dedicated to Dostoevsky's *pochvennichestvo*. At that time, I was greatly troubled by the fact that Dostoevsky's thought was leveled by researchers, integrated into a series led by Apollon Grigoryev, while Dostoevsky provided not an emotional (as characteristic of Grigoryev), but a logically balanced, working description of why it is so important to turn to the "pochva". His description is as relevant now as ever. Dostoevsky insists that those who make a stand on mechanical borrowings from Western institutions are terribly and fatally mistaken for one simple reason: they seek to borrow not ideas, but the forms in which these ideas have been shaped by specific conditions, under the pressure of specific circumstances, and in interaction with a certain type of national cultural context. He compellingly demonstrates that such borrowings are impossible and harmful, and if borrowing is to take place, then it must borrow the idea and allow it to develop freely in the forms inherent to the culture that adopts it: just as it is impossible to transplant a mature tree from one climate to another, but it is possible to plant a seed, and the plant will grow, significantly different from those that develop from such seeds in a different climate. The plant that will grow will be quite suitable for the soil that nurtured it, organic to it. Vasily Rozanov, in his essay "On Dostoevsky," as if complementing what has been said, looking at it from another angle, formulates Dostoevsky's views as follows: "The worldview of the people is

a common soil, on which only any individual development can rightly grow; Russia, historically arisen is the foundation and a series of links, on which, laying further links, we can work correctly" [Rozanov, 1990, pp. 69–70]. Valentina Alexandrovna and I spent about three hours discussing Dostoevsky's *pochvennichestvo*, and we agreed that all descriptions of it, representing a certain configuration of "followers," only make sense as something coherent and viable for life when they refer to Dostoevsky's thought.

The project did not come to fruition back then for various reasons, but the three hours given to me by Valentina Alexandrovna, I believe, have influenced many of my works dedicated to the life and thought of Dostoevsky.

We publish two texts about the departed, allowing their voices to be heard by scholars and researchers and forming a comprehensive understanding of their contribution to Dostoevsky studies, prepared by Nikolay Podosokorsky.

The first issue of 2024, for the most part, is devoted to the theme "*Crime and Punishment*: Current State of Research." Our academic Research center "Dostoevsky and World Culture" has been actively engaged in this topic for the third year now — and research is only gaining momentum — yet by the end of the year, we will need to compile the fourth book of the series *Dostoevsky's Novels: Current State of Research* and draw some conclusions about the study of both *Crime and Punishment* and the basic principles of study and teaching it. In this regard, I remind all interested colleagues about the deadline for submitting articles for the project — June 20, 2024.

From February 28 to March 1, 2024, the third International Academic online Conference "*Crime and Punishment*: Current State of Research" was held. The conference was attended by 58 researchers from Russia, Azerbaijan, Italy, China, Serbia, the USA, Turkey, Croatia, and the Czech Republic. On the last day of the conference, a well-prepared round table "Teaching *Crime and Punishment* in school and university" took place. It can be said that the entire conference, with its exceptionally diverse topics, led to the round table, which was dedicated to perspectives of perception, analysis practices, and approaches to teaching the novel. I believe that such a practical goals and perspectives are the best things that can happen to any theory.

I cannot fail to mention here the welcoming words of the Deputy Director of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences, Yulia V. Shevchuk, which became a true and beautiful epigraph to the conference, paraphrasing it as I understood and remembered it. Quoting Annensky's words about how in *Crime and Punishment*, more than in any other novel, ***the power and freedom of bright thought*** captivate the most, she said: Dostoevsky is a person of bright thought, but also of bright conscience

— and such a state is not our usual state, it is not given by psycho-physiological factors. Such a state can only be gifted to us. And communication with Dostoevsky is an opportunity for us to enter a state of honest and bright thought and conscience.

Here you can find the program of the Conference (in Russian): https://imli.ru/139-konferentsii/seminary-i-konferentsii-2024-goda/5828-iii-mezhdunarodnaya-nauchnaya-onlajn-konferentsiya-prestuplenie-i-nakazanie-sovremennoe-sostoyanie-izucheniya

First day: https://www.youtube.com/watch?v=0jSkDpKXmEk&t=13s

https://www.youtube.com/watch?v=fyd1Aq46XVA

Second day: https://www.youtube.com/watch?v=xaiRmjkMEFg

https://www.youtube.com/watch?v=f7wHRUjR1O4&t=1s

https://www.youtube.com/watch?v=EoK5c8nbV2w

Third day (including Round table): https://www.youtube.com/watch?v=wDoCHXyja_k

The two articles of this issue, published in the section *Hermeneutics. Slow Reading*, mine and Tatiana Magaril-Il'iaeva's, are based on the presentations given at the conference.

My article is devoted to the alchemical subtext in Dostoevsky, which permeates through ordinary and even deliberately low words, and to the pattern formed by the alternation of synonyms (in this case: "zhirnyi" and "polnyi"), which Dostoevsky uses as one of the ways to adjust the reader's gaze, to format their paradigm of perception. The combination of these text-building methods creates the extraordinarily strange figure of Porfiry Petrovich in descriptions and characteristics, whose very name means "red stone" (the name of the final stage of obtaining the "philosopher's stone," which turns metals into gold, in alchemical treatises identified with Christ) and who does everything imaginable and unimaginable so that the hero could "become the sun" (I remind readers that the same symbol ʘ was used to denote both the sun and gold).

Tatiana Magaril-Il'iaeva's article is dedicated to the hero's path to transformation in Dostoevsky's work. This path, the beginning of which Dostoevsky repeatedly describes in early texts, is brought to its conclusion for the first time in *Crime and Punishment* — if we set aside the stories of children, who were also given the opportunity to reach their other nature in early works.

I would like to remember that our next conference will be dedicated to *The Idiot* and will take place on April 18–20, 2024 in Staraya Russa as part of the annual Readings "Dostoevsky's Works in the Perception of

21st-Century Readers." The deadline for the call for paper is March 25. Details can be found here: https://imli.ru/139-konferentsii/seminary-i-konferentsii-2024-goda/5882-khkhvi-mezhdunarodnye-chteniya-proizvedeniya-f-m-dostoevskogo-v-vospriyatii-chitatelej-khkhi-veka

Our third Annual conference, "The Book in the Book," which first took place in 2023, is scheduled for October 1–3, 2024. This conference is dedicated to the theoretical problem of the presence of books ***as directly mentioned texts and material objects participating in the plot***, in the works of world literature and culture. We ask those willing to participate in the conference to pay attention to the words highlighted in bold italics.

I would like to emphasize that for all our conferences — especially for the annual Readings "Dostoevsky's Works in the Perception of 21st-Century Readers," as it is an educational conference — you can apply to participate as a listener and participant to the discussion (with information about yourself): we do include such participants in the program and greatly appreciate their participation in the overall research work of the conference.

The years 2021–2024 are marked by the release of a large number of publications dedicated to Dostoevsky and his works. We will be happy to provide our pages for the publication of comprehensive and substantive reviews of books and collections released in 2021–2024. We are also always open to publishing substantive overviews of past conferences.

In the section *Poetics. Context*, an article by Elena Kudryavtseva is published, dedicated to the manipulative strategies of the Underground man, the "reading man," who carefully read, among other things, Karamzin, and assimilated the idyllic way of expression as a method of extracting a woman from the protective shell she had built. The problem is that such extraction, as the Underground Man suddenly discovers, implies a significant crossing of the extractor's own boundaries; proposing an idyllic development of the story involves not only the listener but also the narrator of the new story against his will and intentions: he is forced to cross the boundary separating manipulation from involvement, as he has to intensify the idyll, overcoming the resistance of the heroine that evokes anger in him. This involuntary surrender of his own boundaries engenders increased anxiety in him and a desire to protect himself from the captivating, against his will, idyllic element, by creating an anti-idyllic perspective. It turns out that wearing the idyllic mask for someone else does not go unnoticed for the one who wears it: the mask involves him in a continuing, self-consistent plot, instead of giving him the opportunity (by removing it) to forever close the door to the event for which it was worn. The hero's manipulative strategies are also based on references to sacred texts,

including quotations from them in his speech as carriers of idyllic constructions. It should be noted, however, that the inclusion of gospel quotes in the idyllic discourse signifies a sharp change in their meaning, as it shifts them from the register of selfless love to a much lower register of interested and selfish love: “Here, work is joyful, sometimes you even deny yourself bread for the sake of children, and it’s still joyful. Because they will love you for it later; you save for yourself. Children grow up — you feel that you are their example, their support; that even if you die, they will carry your feelings and thoughts throughout their lives, as they received them from you, they will take on your image and likeness” [Dostoevsky, 1972–1990, vol. 5, p. 158]; “Love! — but this is all, this is all, this is a diamond, a maiden’s treasure, love is! After all, to deserve this love, one is ready to lay down one’s soul, to go to death. And what is your love valued for now?” [Dostoevsky, 1972–1990, vol. 5, p. 159]. While these meanings can work just as the Underground Man intended for involving Liza, creating an idyllic illusion of endless heights of conjugal sexual love, the reader, according to Dostoevsky’s idea, should notice a radical lowering of the very idea of love in these images.

I want to highlight the problematic narrative strategy of the researcher herself (although such a strategy is persistently introduced into the consciousness of young researchers by a certain segment of the academic community): she pays attention to and considers it her duty to quote articles addressing the same topic, although very distant from the idea of her own work. Such a strategy complicates perception, leads the readers away from the main line of the text, and makes they wander through unnecessary and dead-end paths. In the worst case, it may completely obscure and dissipate the interesting and productive thought of the author. I would advise young researchers (especially those who intend to publish with us) to use only footnotes for lists of colleagues’ works addressing the same topic, without breaking the conceptual line of their text, including only those references that directly contribute to the author’s thought, in dialogue with which this thought is developed and enriched (rather than needlessly complicating the exposition of this thought, creating problems for the reader’s perception).

In the second article of the section Oksana Vorobyeva very reasonably (in my opinion) argues against the mandatory search for “prototypes” of things and phenomena in Dostoevsky’s works in the surrounding reality. She points out that the writer creates things and phenomena in accordance with his creative task, rather than slavishly and naturalistically copying from real life just because they exist there. According to her idea, the history of Raskolnikov’s article, submitted, as she shows, to a newspaper but ending up

in a journal, entails a number of significant consequences for the perception of the article and the psychological state of the character, which are not clarified by existing "real" comments.

The section *Dostoevsky in the 20th-21st Centuries* opens with an article by Irina Lvova. It shows that Dostoevsky's books in the works of American writers turn out to be important structural elements, which, I will add a bit from myself, sometimes manage to indicate the hidden meaning of these works with their presence alone. Thus, for example, Nathanael West's character ("Miss Lonelyhearts") reads words about love for humanity and the world from *The Brothers Karamazov* in a bedroom where there is a Christ made of ivory, taken down from the cross and nailed to the wall with thorns (and this is a significant allusion to the story told by Lisa Khokhlakova about a four-year-old boy crucified by a Jew): the goal of the character was to make Christ wriggle in agony. However, He remains an adornment, aesthetically detached, unable to stir. We see here something opposite to what Dostoevsky constantly manages to do: to break our aesthetic detachment, show us not just Christ in agony, but also a girl with pineapple juice sit opposite Him — so that we condemn both her and the author — and only then (and not everyone) realize that we are looking in a mirror.

In the second article of the section, Vladimir Dvoeglazov traces the concept of "truth" in the works of Alexander Skaftymov on Dostoevsky. According to the researcher, in the end, "truth" in Skaftymov's understanding (as, we note, is "truth" in Christianity) turns out to be more of a personality than an idea: a personality not distorted by greed and fear for oneself, capable of compassion and self-sacrifice (one might say differently: a personality at those moments when it is not distorted by fear and greed, imbued with compassion, and exercises self-sacrifice).

The third article in the section, by Gennady Karpenko, obviously goes beyond the scope of it: although the author's diptych will be about Dostoevsky and Bunin, the first article could have been placed in both the *Hermeneutics. Slow Reading* section and the *Teaching Dostoevsky* section, since its subject is Raskolnikov's words about the right to commit a crime and the "dark" nature of man, which find their foundations and affirmation in philosophy after Kant's anthropological turn, justifying its view of the other as an object, assimilating Hegel's "abstractionism." The author writes: "Dostoevsky, remaining 'with Christ' in explaining the nature of man, does not simplify his understanding of the anthropological problem." I would recall in support of the author's words how Rozanov amazingly, strangely, and accurately described this: "Amazingly: in an era completely irreligious, in an era sig-

nificantly disintegrating, chaotically mixing — a series of works is created, forming as a whole something reminiscent of a religious epic, but with all the features of blasphemy and chaos of our time. All the details here — are ours; it is us, in our flesh and blood, infinite sin and distortion, who speak in his works; and, however, in all these details there is not our meaning, or at least the meaning that we did not know in ourselves. Exactly as if someone, taking our blaspheming tongues and changing nothing in them, folded them, combined thousands of their diverse sounds in such a way that in the final and general consonance we hear not blasphemy, but praise to God; and, marveling at it, rushing to it — we are drawn to it" [Rozanov, 1990, p. 69].

In the section *Teaching Dostoevsky*, we publish the first article ("Crime") of Olga Yuryeva's diptych, in which she examines the title of the novel as the key to its comprehensive analysis. The author shifts our familiar view, showing and proving that the true crime in the novel turns out to be the very emergence, the admission by Raskolnikov into his consciousness of the idea, and not the commission of an action, which is merely a consequence. I would add that such a perspective directly shows us the history of Raskolnikov's psychophysical states in the light of the stages of mastering human sin described by John Climacus: attraction, combination, cooperation, capture, struggle, and passion, being taken into account, become distinctly recognizable in the novel, changes in Raskolnikov's mental movements clearly correspond to John Climacus's descriptions, and we can observe how these stages are sequentially traversed by the character. Olga Yuryeva shows something not obvious until now: it turns out that Raskolnikov's theory divides people on the basis that some of them ("higher ones") are capable of becoming shelters and tools of ideas — and others are not. But Dostoevsky shows that the thought of even the most insignificant ("secondary," at first glance) person turns out to be capable of changing the world not because it has been seized by an idea — but because compassion has ignited in his heart, which no idea can stifle; compassion that gives rise to involvement and responsibility — and this freely accepted responsibility becomes the basis (perhaps the only one) for true human freedom. I believe that Olga Yuryeva has taken a very important step in bringing school teaching closer to Dostoevsky's true thought with this article. Because the idea as a crime is an important, pervading concept throughout his work, embodying the true core of Dostoevsky's concept of "doubleness," most directly expressed by him in *The Brothers Karamazov*, where he showed that even if a person does not release his idea outwardly, creating, as it seems to him, a securely protected "only his own" space of thought, where he is free to do anything — still there

will inevitably be someone less able to resist it, who will gladly accept it from the "teacher" and become its tool: a tool that the idea will destroy after its realization. It is impossible not to note the importance, associated with the above, of the author's reevaluation of the size of Razumikhin's personality and the role of this character in the novel.

In the section *Dostoevsky: His Readings*, Olga Sedelnikova reconstructs the history of the emergence and development of the idea of the unfinished prose cycle by Apollon Maikov, *Tales from Russian History*: essentially a textbook on Russian history for primary school (but also for anyone interested), written not analytically, but with "living pictures," contemplated by the author in dialogue with Dostoevsky. Importantly, Dostoevsky further strengthens Maikov's idea: he believes that history should be written not only as a work of art but also as a literally poetic, verse-like text, easily memorable and memorizable by heart; he wants to embed Russian history (which includes the fall of Constantinople, seeing Russia as the spiritual and dynastic heir of Byzantium) both in the heart and in the mind of the Russian people.

In the section *Reviews. Summaries*, two highly interesting and substantive reviews, written by Nikolay Podosokorsky, are published. They are dedicated to monographs on two main publishers of Dostoevsky's works: the editor of the journal *Otechestvennye Zapiski* (Eng. "Notes of the Fatherland"), Andrey Kraevsky (Svetlana Voloshina's *Power and Journalism. Nicholas I, Andrei Kraevsky, and Others*) and the editor of the journal *Russkiy Vestnik* (Eng. "The Russian Bulletin"), Mikhail Katkov (Susan Fusso's *Editing Turgenev, Dostoevsky, and Tolstoy. Mikhail Katkov and the Great Russian Novel*). I would note that if in the case of the Russian researcher, the reviewer speaks about the introduction of new documents into scholarly circulation, the systematization of facts, the formation of a new image of Kraevsky, correcting the distorted traits attributed to him by authorities of the time and competitors (although he also notes inaccuracies), then the main significance of the foreign author's monograph and the meaning of its translation into Russian, obviously, is to acquaint the Russian reader with the view of Katkov formed (or forming) among American Slavists. I believe that here we are not talking about the comparative quality of Russian and Western monographs in general but about the publishing policy: after all, a scholarly publisher should represent the difference in the level of knowledge of Russian literature and history between domestic and foreign readers and apply a higher criterion of scholarly novelty to what it translates, rather than considering a book worthy of publication in Russian solely on the basis that it was published abroad — and there it made sense.

The journal is on Vkontakte and Telegram (with already 9 447 followers). You can subscribe to our pages to follow news from both the Journal and Research Centre "Dostoevsky and World Culture." Among other things, all the recordings from seminars and conferences organized by the Centre are published here. Books and articles dedicated to Dostoevsky are also available for download.

Vkontakte: https://vk.com/dostmirkult

Telegram: https://t.me/dostmirkult

The journal is published in cooperation with the Commission for the Study of Fyodor Dostoevsky's Artistic Heritage at the Academic Council "History of World Culture" RAS. Our work is carried out in close contact with the Russian and International Dostoevsky Society.

As before, all quotations from Fyodor Dostoevsky's works, if not specified otherwise, are cited according to the Complete Works in 30 vols. (Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990) with the references formatted according to the rules of the Russian Science Citation Index. Capital letters in the names of God, the Virgin, as in other holy names and concepts, that were lowered in this edition because of Soviet censorship are here restored in accordance with the editions published during Dostoevsky's life. The author's original emphasis in quotations (where not specified otherwise) is indicated by italics; the emphasis of the author of the article is indicated by bold font.

Our email address is fedor@dostmirkult.ru. The journal accepts articles in Russian and English. We accept submissions related to the subject of the journal from Russia and abroad. The authors will be notified about acceptance or refusal within a month.

Tatiana Kasatkina

References

1. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

2. Rozanov, V.V. "O Dostoevskom (Otryvok iz biografii, prilozhennoi k sobraniiu sochinenii F.M. Dostoevskogo, izd. "Nivy", 1893 g. Ch. III)" ["On Dostoevsky (Excerpt from the Biography Attached to the Collected Works of F.M. Dostoevsky, Published by 'Niva,' 1893. Part III)"]. *O Dostoevskom. Tvorchestvo Dostoevskogo v russkoi mysli 1881–1931* [*About Dostoevsky. Dostoevsky's Works in Russian Thought 1881–1931*]. Moscow, Kniga Publ., 1990, pp. 64–73. (In Russ.)

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 1 (25), 2024.

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2=411.2)
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-29-44
https://elibrary.ru/VHSYYV

© 2024. Татьяна Касаткина

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

«Жирный» и «полный» в «Преступлении и наказании». К апологии Порфирия Петровича

© 2024. Tatiana A. Kasatkina

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

“Zhirnyi” and “Polnyi” in *Crime and Punishment*. For an Apology of Porfiry Petrovich

Информация об авторе: Татьяна Александровна Касаткина, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, зав. научно-исследовательским центром «Ф.М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

https://orcid.org/0000-0002-0875-067X

E-mail: t-kasatkina@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу образа Порфирия Петровича. Анализ исходит из лексического рисунка текста, создаваемого Достоевским в «Преступлении и наказании» за счет распределения в нем слов-синонимов «жирный» и «полный». «Жирный», занимая место в характеристиках «положительных» героев и вытесняя более ожидаемое в этом случае «полный», сдвигает восприятие слова «полный» в иной сегмент его смыслового поля: оно вытесняется из сознания читателя как имеющее отношение к физической комплекции и актуализирует общий смысл полноты (целостности, исполненности, завершенности), поддержанный многократным использованием в тексте разнообразных слов с этим корнем именно со смыслом окончательной восполненности. Если исходить из этой точки — начинают собираться во вполне внятное целое представляющиеся на первый взгляд разрозненными, странными, уничижительными и маргинализующими авторские характеристики Порфирия

Петровича. Они собираются в единство, которое вполне описывается именем персонажа, по-русски читающимся как «красный камень» или «красный камня».

Ключевые слова: Достоевский, «Преступление и наказание», Порфирий Петрович, алхимические символы, философский камень, лексический рисунок текста, акцентуация синонимов.

Для цитирования: *Касаткина Т.А.* «Жирный» и «полный» в «Преступлении и наказании». К апологии Порфирия Петровича // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25). С. 29–44. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-29-44

Information about the author: Tatiana A. Kasatkina, DSc in Philology, Director of Research, Head of the Research Centre "Dostoevsky and World Culture," A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

https://orcid.org/0000-0002-0875-067X

E-mail: t-kasatkina@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the analysis of the image of Porfiry Petrovich. The analysis is based on the lexical drawing of the text created by Dostoevsky in *Crime and Punishment* by distributing the synonymous words "zhirnyi" ("fat") and "polnyi" ("full" + "plump") in it. "Fat," taking a place in the characteristics of "positive" characters and displacing the more expected in this case "polnyi," shifts the perception of the word "polniy" to another segment of its semantic field: it is displaced from the reader's consciousness as related to physical complexion ("plump") and actualizes the general meaning of completeness (integrity, fulfillment). This shift in meaning is supported by the repeated use of various words in the text with the root "poln" precisely with the meaning of final completion. If we proceed from this point, the author's characteristics of Porfiry Petrovich, which at first glance seem disjointed, strange, derogatory, and marginalizing, begin to gather into a completely coherent whole. They gather into a unity that is fully described by the character's name, which in Russian reads like "the red stone" or "the red stage in stone making."

Keywords: Dostoevsky, *Crime and Punishment*, Porfiry Petrovich, alchemical symbols, the Philosopher's stone, lexical drawing of the text, accentuation of synonyms.

For citation: Kasatkina, T.A. "'Zhirnyi' and 'Polnyi' in *Crime and Punishment*. For an Apology of Porfiry Petrovich." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 1 (25), 2024, pp. 29–44. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-29-44

В «Преступлении и наказании» гораздо обильнее, чем в других романах, присутствует слово «жирный», и оно не может быть не замечено, поскольку поражает читателя своим участием в нейтральных и даже положительных характеристиках персонажей. При этом нельзя сказать, что такая нейтральность вообще свойственна Достоевскому.

Уже в романе «Идиот» слово «жирный» употребляется (всего 3 раза против 8 раз в «Преступлении и наказании») либо в ряду «грязный, неопрятный» (в случае, если говорится об одежде), либо в описании монахов, жирующих вопреки бедствиям всего остального человечества. Вот что сказано об Антипе Бурдовском: «Это был молодой человек, бедно и неряшливо одетый, в сюртуке с засаленными до зеркального лоску рукавами, с ***жирною***, застегнутою доверху жилеткой, с исчезнувшим куда-то бельем» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 215]. А вот о монахах: «И это, уж конечно, построили все эти бедные люди, вассалы. Кроме того, они должны были платить всякие подати и содержать духовенство. Где же тут было себя пропитать и землю обработывать? Их же тогда было мало, должно быть, ужасно умирали с голоду, и есть буквально, может быть, было нечего. Я иногда даже думал: как это не пресекся тогда совсем этот народ и что-нибудь с ним не случилось, как он мог устоять и вынести? Что были людоеды, и, может быть, очень много, то в этом Лебедев, без сомнения, прав; только вот я не знаю, почему именно он замешал тут монахов и что хочет этим сказать?

— Наверно, то, что в двенадцатом столетии только монахов и можно было есть, потому что только одни монахи и были ***жирны***, — заметил Гаврила Ардалионович.

— Великолепнейшая и вернейшая мысль! — крикнул Лебедев, — ибо до светских он даже и не прикоснулся. Ни единого светского на шестьдесят нумеров духовенства, и это страшная мысль, историческая мысль, статистическая мысль, наконец, и из таких-то фактов и воссоздается история у умеющего; ибо до цифирной точности возводится, что духовенство по крайней мере в шестьдесят раз жило счастливее и привольнее, чем всё остальное тогдашнее человечество. И, может быть, по крайней мере в шестьдесят раз было ***жирнее*** всего остального человечества...» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 313–314][1].

[1] Здесь и далее — курсив+полужирный в цитатах — выделено мной, полужирный — выделено цитируемым автором — *Т.К.*

Заметим, что здесь максимально подчеркнута именно плотскость даваемой за счет слова «жирный» характеристики (даже с подчеркиванием ***питательности*** этой плоти) — плотскость же будет выходить на первый план и в «Преступлении и наказании» — но в «Преступлении и наказании» будет полностью отсутствовать столь радикальное указание на то, что жирность непременно достигается истощением ближнего — и на то, что эта плоть тоже может подлежать перераспределению: пока такому перераспределению принадлежат только деньги.

Вполне очевидно это слово используется именно в отрицательных (подчеркнуто отрицательных: возможно, оно применяется к персонажам, создающим полюс отрицательности в романах — но это предмет отдельного исследования) характеристиках в романах «Подросток» и «Братья Карамазовы», к тому же оно используется в них по одному разу.

В «Подростке»: «Затерявшийся и конфузящийся новичок, в первый день поступления в школу (в какую бы то ни было), есть общая жертва: ему приказывают, его дразнят, с ним обращаются как с лакеем. Здоровый и жирный мальчишка вдруг останавливается перед своей жертвой, в упор и долгим, строгим и надменным взглядом наблюдает ее несколько мгновений. Новичок стоит перед ним молча, косится, если не трус, и ждет, что-то будет» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 7].

В «Братьях Карамазовых» это слово входит в портретную характеристику Федора Павловича Карамазова: «Я уже говорил, что он очень обрюзг. Физиономия его представляла к тому времени что-то резко свидетельствовавшее о характеристике и сущности всей прожитой им жизни. Кроме длинных и мясистых мешочков под маленькими его глазами, вечно наглыми, подозрительными и насмешливыми, кроме множества глубоких морщинок на его маленьком, но жирненьком личике, к острому подбородку его подвешивался еще большой кадык, мясистый и продолговатый, как кошелек, что придавало ему какой-то отвратительно сладострастный вид. Прибавьте к тому плотоядный, длинный рот, с пухлыми губами, из-под которых виднелись маленькие обломки черных, почти истлевших зубов. Он брызгался слюной каждый раз, когда начинал говорить. Впрочем, и сам он любил шутить над своим лицом, хотя, кажется, оставался им доволен. Особенно указывал он на свой нос, не очень большой, но очень тонкий, с сильно выдающеюся горбиной: “Настоящий

римский, — говорил он, — вместе с кадыком настоящая физиономия древнего римского патриция времен упадка". Этим он, кажется, гордился» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 22].

В романе «Бесы» слово «жирный» используется больше и многообразнее (4 раза) — но тоже с очевидным сдвигом в отрицательную часть спектра — и там тоже есть то противоположение «жирный» — «полный», которое так очевидно в «Преступлении и наказании». «Стыдящейся своей полноты» там в конце концов оказывается «костлявая» генеральша Ставрогина, что указывает на довольно радикальный сдвиг значения. Вообще же «полными» в романах оказываются женщины — в «Подростке» — Катерина Николаевна, в «Братьях Карамазовых» — Грушенька, и там тоже всегда есть ощущение, что речь, в конце концов, идет не совсем о физической комплекции.

В «Преступлении и наказании» же, если первое появление слова «жирный» вполне соответствует читательским ожиданиям (и стратегии писателя в других романах), поскольку связано именно с резко отрицательным персонажем, жирным господином, желающим заполучить девочку[2], — то тем неожиданнее и ***заметнее*** для читателя окажется дальнейшая ***нейтрализация*** слова в описаниях других персонажей: хозяйки Раскольникова и Зосимова.

«Догадавшись, что он очнулся, хозяйка, подглядывавшая из дверей, тотчас же притворила их и спряталась. Она и всегда была застенчива и с тягостию переносила разговоры и объяснения; ей было лет сорок, и была она толста и ***жирна***, черноброва и черноглаза, добра от толстоты и от лености; и собою даже очень смазлива. Стыдлива же сверх необходимости» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 93]. «Зосимов был высокий и ***жирный*** человек, с одутловатым и бесцветно-бледным, гладковыбритым лицом, с белобрысыми прямыми волосами, в очках и с большим золотым перстнем на припухшем от жиру пальце. Было ему лет двадцать семь. Одет он был

---

2 «И однако ж в стороне, шагах в пятнадцати, на краю бульвара, остановился один господин, которому, по всему видно было, очень бы хотелось тоже подойти к девочке с какими-то целями. Он тоже, вероятно, увидел ее издали и догонял, но ему помешал Раскольников. Он бросал на него злобные взгляды, стараясь, впрочем, чтобы тот их со не заметил, и нетерпеливо ожидал своей очереди, когда досадный оборванец уйдет. Дело было понятное. Господин этот был лет тридцати, плотный, ***жирный***, кровь с молоком, с розовыми губами и с усиками, и очень щеголевато одетый. Раскольников ужасно разозлился; ему вдруг захотелось как-нибудь оскорбить этого ***жирного*** франта» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 40].

в широком щегольском легком пальто, в светлых летних брюках, и вообще всё было на нем широко, щегольское и с иголочки; белье безукоризненное, цепь к часам массивная. Манера его была медленная, как будто вялая и в то же время изученно-развязная; претензия, впрочем усиленно скрываемая, проглядывала поминутно. Все, его знавшие, находили его человеком тяжелым, но говорили, что свое дело знает» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 103].

На фоне «жирных» хозяйки Раскольникова и доктора Зосимова[3] первое описание пристава следственных дел должно особо задержаться в сознании читателя именно внезапной сменой уже неоднократно его удивившей и зацепившей его внимание лексики: «Порфирий Петрович был по-домашнему, в халате, в весьма чистом белье и в стоптанных туфлях. Это был человек лет тридцати пяти, росту пониже среднего, ***полный*** и даже с брюшком, выбритый, без усов и без бакенбард, с плотно выстриженными волосами на большой круглой голове, как-то особенно выпукло закругленной на затылке. Пухлое, круглое и немного курносое лицо его было цвета больного, темно-желтого, но довольно бодрое и даже насмешливое. Оно было бы даже и добродушное, если бы не мешало выражение глаз, с каким-то жидким водянистым блеском, прикрытых почти белыми, моргающими, точно подмигивая кому, ресницами. Взгляд этих глаз как-то странно не гармонировал со всею фигурой, имевшею в себе даже что-то бабье, и придавал ей нечто гораздо более серьезное, чем с первого взгляда можно было от нее ожидать» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 192].

Тут нужно сделать «небольшой крюк», и сказать, что все же и в «Преступлении и наказании» Порфирий — не единственный, к кому прилагается эпитет «полный». Есть еще одна фигура — женщина, что гораздо естественнее для общей лексической системы пяти великих романов, по видимости — проходной персонаж, но употребленное в очевидно иначе построенной системе «Преступле-

[3] Кстати, даже при описании Порфирия слово «жирный» будет использовано — но только применено оно будет не к нему, не как ***общая*** характеристика, а к его ногам: «Порфирий Петрович перевел на минутку дух. Он так и сыпал, не уставая, то бессмысленно пустые фразы, то вдруг пропускал какие-то загадочные словечки и тотчас же опять сбивался на бессмыслицу. По комнате он уже почти бегал, всё быстрей и быстрей передвигая свои ***жирные*** ножки, всё смотря в землю, засунув правую руку за спину, а левою беспрерывно помахивая и выделывая разные жесты, каждый раз удивительно не подходившие к его словам. Раскольников вдруг заметил, что, бегая по комнате, он раза два точно как будто останавливался подле дверей, на одно мгновение, и как будто прислушивался... “Ждет он, что ли, чего-нибудь?”» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 260].

ния и наказания» определение «полная» заставляет приглядеться к этой женщине поближе.

Мы знаем, что «Преступление и наказание» построено так, что сквозь персонажей второго плана часто проступают образы души главного героя. Такова сцена избиения хозяйки поручиком Порохом из-за преступления Раскольникова[4]. Эта сцена, правда, происходит во сне (о котором, впрочем, герой не знает, что это сон — и сон этот без видимой границы переходит в реальность), но вот уже наяву[5] из-за спины героя вышагивает и перешагивает через перила моста, на котором он раздумывает о самоубийстве, Афросиньюшка, «допившаяся до чертиков» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 132], словно его душа, опоенная грехом, потерявшая разум, что отражается и в ее измененном просторечным произношением имени (если Εὐφροσύνη, от εὖ — «добро, благо» и φροντίς — «мышление, размышление» — значит «благомыслящая, благоразумеющая», то ἀφροσύνη первым значением имеет безумие (а также — нерассудительность, глупость)). Такова серия снов Свидригайлова, в которых он видит свою

[4] См. ее анализ: [Касаткина, 2015, с. 197–200].

[5] Впрочем, это тоже весьма относительное «наяву», судя по описанию состояния Раскольникова прямо перед происшествием: «Раскольников прошел прямо на —ский мост, стал на средине, у перил, облокотился на них обоими локтями и принялся глядеть вдоль. Простившись с Разумихиным, он до того ослабел, что едва добрался сюда. ***Ему захотелось где-нибудь сесть или лечь, на улице***. Склонившись над водою, машинально смотрел он на последний, розовый отблеск заката, на ряд домов, темневших в сгущавшихся сумерках, на одно отдаленное окошко, где-то в мансарде, по левой набережной, ***блиставшее, точно в пламени***, от последнего солнечного луча, ударившего в него на мгновение, на темневшую воду канавы и, казалось, со вниманием всматривался в эту воду. ***Наконец в глазах его завертелись какие-то красные круги, дома заходили, прохожие, набережные, экипажи — всё это завертелось и заплясало кругом***. Вдруг он вздрогнул, может быть спасенный вновь от обморока одним диким и безобразным видением. Он почувствовал, что кто-то стал подле него, справа, рядом; он взглянул — и увидел женщину, высокую, с платком на голове, с желтым, продолговатым, испитым лицом и с красноватыми, впавшими глазами. Она глядела на него прямо, но, очевидно, ничего не видала и никого не различала. Вдруг она облокотилась правою рукой о перила, подняла правую ногу и замахнула ее за решетку, затем левую, и бросилась в канаву» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 131]. Заметим, что слова «кто-то стал подле него, справа, рядом» почти прямо указывают на появляющегося из-за правого плеча Раскольникова ангела-хранителя (или — прямо Господа, поскольку вертящиеся красные круги вызывают довольно прямую ассоциацию с Серафимами — огненными колесами Колесницы Господней (Иез. 1)), являющего ему дальше картину, в результате которой почти решившийся на самоубийство герой получает от него отвращение и импульс движения «к конторе» — к признанию: «Нет, гадко... вода... не стоит, — бормотал он про себя. — Ничего не будет, — прибавил он, — нечего ждать. Что это, контора... А зачем Заметов не в конторе? Контора в десятом часу отперта...» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 132].

насильственно растленную душу-самоубийцу — девочку-подростка и обнаруживает свою новую душу — младеницу-растлительницу, древнюю соблазнительницу, приводящую его в ужас. Такова, полагаю, и встреча Свидригайлова с иудеем-эллином Ахиллесом перед самым его самоубийством. Вообще, если Свидригайлов видит призраки, то Раскольников по преимуществу видит иной уровень реальности именно проступающим сквозь «насущное видимо-текущее», граница между общедоступным и доступным только в исключительном состоянии растворяется — и Достоевский показывает, как это происходит, наглядно демонстрируя и то, как в этом состоянии герой изнутри создает внешнюю реальность — или реальность прямо отзывается на его невыраженное внутреннее (как в сцене самоубийства Афросиньюшки).

На этом фоне встреча Раскольникова в полицейской конторе наутро после убийства двух женщин с ***двумя дамами*** уже и сама по себе может привлечь внимание.

Первая дама молчаливая и «траурная», ею занимается письмоводитель, игнорируя, как бы отодвигая на второй план Раскольникова. Они словно заканчивают рассмотрение завещания: денег, предназначенных Аленой Ивановной на помин души в монастырь (об этом завещании в черновиках говорилось подробнее, чем в окончательном тексте). Встреча с ними Раскольникова описана так: «Между посетителями были две дамы. Одна в трауре, бедно одетая, сидела за столом против письмоводителя и что-то писала под его диктовку. Другая же дама, очень ***полная*** и ***багрово-красная***, ***с пятнами***, видная женщина, и что-то уж очень пышно одетая, с брошкой на груди, величиной в чайное блюдечко, стояла в сторонке и чего-то ждала» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 75]. Лицо второй дамы словно залито кровью, хлынувшей из лба, в который вонзился топор[6], а зовут ее Луиза Ивановна, что, конечно, не совсем то же самое, что Лизавета Ивановна, но вот Порох далее в тексте почему-то начинает называть ее Лавизой (и это имя выделяется Достоевским в тексте курсивом) — а это уже вполне анаграмма имени Лизав(ета). И недаром ее смешного и глупого пьяного обидчика, визжащего

[6] При этом в описании сцены убийства Лизаветы ***крови нет***: «Удар пришелся прямо по черепу, острием, и сразу прорубил всю верхнюю часть лба, почти до темени. Она так и рухнулась» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 65]. Кровь как бы и появляется только в проступании ее образа сквозь образ встреченной в конторе «дамы», соединяя тем самым эти два образа.

как «маленькая свинья», презирающего всех в «благородном доме» и обещающего написать на них сатиру, Порох прямо соотнесет с Раскольниковым. Интересно, что во фразе: «Я, говориль, на вас большой сатир гедрюкт будет, потому я во всех газет могу про вас всё сочиниль» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 79], слово «гедрюкт», очевидно значащее «печатный», может означать и «давящий, сжимающий, угнетающий», что еще больше сближает эту сатиру со статьей Раскольникова, сдавливающей «обычного» человека, вжимающей его в отведенную для него клеточку, превращающей его в убогую функцию. Ну и прямо «свиньей» в романе после этого эпизода будут называть только Раскольникова.

Эта полная, пышная, все более оживающая от внимания мечущего громы и молнии поручика Ильи Петровича дама оказывается связана с Порфирием Петровичем не только полнотой, но и цветом. Багровый — это почти то же, что Порфирий (багряный). Эти цвета различаются только эмоционально: как цвет той крови, которую ты пролил, — и той, которую ты пытался остановить: той крови, что разъединила тебя со всем человечеством, и той, что вновь соединила тебя с ним, хотя бы на мгновение.

Можно сказать, что Лавиза Ивановна здесь ***полная***, потому что ее судьба (вернее, судьба той, что видна Раскольникову (или читателю) через нее) — восполнена.

Порфирий сразу, при первом своем появлении, представлен как ***полный*** именно поэтому же.

В своей впечатляющей внутренней сопричастностью автора разбираемому им сюжету статье «Человек в человеке (образ пристава следственных дел из “Преступления и наказания”)» [Карякин, 1971] Ю.Ф. Карякин старается показать ***динамику*** образа Порфирия Петровича, становящегося, по его мнению, постепенно из озлобленно соперничающего с Раскольниковым безнадежно любящим его и искренне радеющим о его спасении. Однако Порфирий назван «полным» уже при первом описании — и остальные элементы этого описания работают на создание ощущения той же полноты и завершенности, которую он во время последней встречи прямо назовет своей «поконченностью» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 351]. Порфирий круглый (только варианты слова «круглый» в небольшом описании повторены трижды — а есть ведь и другие элементы, указывающие на «круглоту» — то же «брюшко»: напомню, что шар, по Платону, — совершенная форма). Его «темно-жел-

тое» лицо наиболее прямо указывает на золотой цвет из всего желтого спектра романа (а все желтые цвета в романе — это цвета выродившегося, истощенного или сокрытого золота [Касаткина, 2015, с. 12–13]). Порфирий андрогинен и вообще двуполярен: в его фигуре настойчиво пробивается «бабье»; он насмешлив, но странное, я бы сказала, меркуриальное («с каким-то жидким водянистым блеском», прикрытым белыми ресницами) описание глаз внезапно делает его очень серьезным. Он «шутит», рассказывая о себе как о женихе и о монахе. И это — не говоря уже о его имени, прямо значащем «красный камень» (или «красный камня» — тоже весьма осмысленное словосочетание, учитывая, что философский камень может быть в разных состояниях: белом и красном[7]).

Порфирий как бы представляет собой ***завершившего*** философское делание, ***закончившего*** трансформацию, обретшего себя как философский камень, что чувствует Раскольников, при последней встрече восклицающий: «— Да вы-то кто такой, — вскричал он, — вы-то что за пророк? С высоты какого это спокойствия величавого вы мне премудрствующие пророчества изрекаете?» — на что и получает все же очень странный и только при таком толковании совершенно естественный ответ: «— Кто я? Я ***поконченный*** человек, больше ничего. Человек, пожалуй, чувствующий и сочувствующий, пожалуй, кой-что и знающий, но уж совершенно ***поконченный***» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 352]. А на предыдущей встрече Порфирий объясняет: «Я, знаете, человек холостой, этак несветский и неизвестный, и к тому же ***законченный*** человек, ***закоченелый*** человек-с, ***в семя пошел***» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 257]. Философский камень (часто прямо называемый алхимиками Христом[8]) и есть подаваемое металлу или душе семя его истинной природы.

Философский камень (Достоевский опишет его в «Зимних заметках о летних впечатлениях» и в «Маша лежит на столе...» как личность на высшей ступени развития, не могущую больше ничего другого пожелать, кроме как отдать себя всю всем, безраздельно и беззаветно, чтобы всех превратить в личности такого же уров-

7 Про использование белого и красного камня при трансформации металлов см., например, книгу, вышедшую на русском языке в 1787 году [Собрание разных достоверных химических книг, 1787, с. 600–611].

8 См. об этом [Jung, 1980], ch. 5 “The Lapis-Christ Parallel”; в современных исследованиях см., например: [Зотов, 2016].

ня[9]) — то что обладает свойством «превращать металлы в золото» — то есть восстанавливать их в их истинной славе, возвращать им их истинную природу (алхимик смотрит на превращение металлов не как на незаконное изменение их природы, но как на подчиняющееся высшему закону восстановление ее, почитая все металлы «больным золотом»; для алхимика превращение металлов в золото — это всего лишь сопутствующий процесс, свидетельствующий о том, что изменение его личности произошло и удалось — и что он сам может быть философским камнем для тех, с кем он вступает во взаимодействие). Собственно, именно об этом — о возвращении истинной природы герою — идет речь, когда Порфирий говорит Раскольникову: «Станьте солнцем, вас все и увидят. Солнцу прежде всего надо быть солнцем»[10] [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 352]. Навязчивый желтый цвет романа — убитое, больное, растленное солнечное сияние, желтый цвет, который собирается вокруг героя, не обретшего своей солнечной природы, вернее, отказавшегося от нее в тот момент, когда решил не отдавать, а отнимать ресурс у окружающего мира, жертвовать себе, а не собой.

Надо сказать, что Достоевский достаточно настойчив в демонстрации того, что есть Порфирий Петрович. Он как бы собирает именования и образы из разных систем, чтобы читатель мог увидеть его истинное положение и его действия в их истинном свете. Во время второй встречи (которую Карякин описывает как злобное истязание) Порфирий «кудахчет»[11] над готовым взорваться Рас-

---

[9] «Что же, скажете вы мне, надо быть безличностью, чтобы быть счастливым? Разве в безличности спасение? Напротив, напротив, говорю я, не только не надо быть безличностью, но именно надо стать личностью, даже гораздо в высочайшей степени, чем та, которая теперь определилась на Западе. Поймите меня: самовольное, совершенно сознательное и никем не принужденное самопожертвование всего себя в пользу всех есть, по-моему, признак высочайшего развития личности, высочайшего ее могущества, высочайшего самообладания, высочайшей свободы собственной воли. Добровольно положить свой живот за всех, пойти за всех на крест, на костер, можно только сделать при самом сильном развитии личности. Сильно развитая личность, вполне уверенная в своем праве быть личностью, уже не имеющая за себя никакого страха, ничего не может сделать другого из своей личности, то есть никакого более употребления, как отдать ее всю всем, чтоб и другие все были точно такими же самоправными и счастливыми личностями. Это закон природы; к этому тянет нормально человека» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 79].

[10] Заметим, что в алхимии знак солнца ʘ — это и знак золота, золото и солнце — взаимозаменяемые именования того, что должно произойти в результате взаимодействия с философским камнем как с металлом, так и с личностью.

[11] Причем это странное слово употреблено не однажды, чтобы уж читатель его точно не пропустил: «— Господи! Да что вы это! Да об чем вас спрашивать, — ***закудахтал*** вдруг

кольниковым, как курица над снесенным яйцом, которого нельзя повредить, из которого еще не готов проклюнуться цыпленок (и это, конечно, соотносится со странным описанием зарождения в голове Раскольникова идеи убийства: «Странная мысль наклевывалась в его голове, как из яйца цыпленок, и очень, очень занимала его» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 53]). Порфирий называет себя буффоном, а Раскольников его — полишинелем. То есть он — шут — а это как в обычной, так и в Таро колоде карта за пределами рангов, нулевая или последняя, начинающая и завершающая, могущая принимать любое значение, завершать любую неполноту расклада, изменяя себя в соответствии с его требованиями. Порфирий говорит, что он «трясется как ***гуммиластик***» — слово, присутствующее в русском языке едва ли не только в «Преступлении и наказании»[12], но важное, потому что алхимики иначе называли красную тинктуру, философский камень — красной камедью — гумми (от греч. κομμίδιον, κόμμι), гуммиарабиком[13]. Надо, кроме того, отметить известное,

Порфирий Петрович, тотчас же изменяя и тон, и вид и мигом перестав смеяться, — да не беспокойтесь, пожалуйста, — хлопотал он, то опять бросаясь во все стороны, то вдруг принимаясь усаживать Раскольникова, — время терпит, время терпит-с, и всё это одни пустяки-с!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 257]. «— Да-с, припадочек у нас был-с! Этак вы опять, голубчик, прежнюю болезнь себе возвратите, — ***закудахтал*** с дружественным участием Порфирий Петрович, впрочем, всё еще с каким-то растерявшимся видом. — Господи! Да как же этак себя не беречь?» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 265].

[12] Еще, правда, в «Крокодиле» — и тоже в алхимическом контексте [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 203].

[13] В переводе на английский книги Юнга «Психология и алхимия» английским gum переведено немецкое gummi: «Thus Khunrath declares that the “red” gum is the “resin of the wise” — a synonym for the transforming substance. This substance, as the life force (vis animans), is likened by another commentator to the “glue of the world” (glutinum mundi), which is the medium between mind and body and the union of both» [Jung, 1980, c. 180]. То есть: «Кунрат называет “красную” камедь “смолой мудрости”, что является синонимом трансформирующего вещества. Другой комментатор приравнивает это вещество, жизненную силу, к “клею мира/мировому клею”, посреднику между разумом и телом и союзу обоих» (пер. мой). Надо заметить, что это склеивающее вещество отразилось и в фамилии Софии романа «Преступление и наказание» — Мармеладова (в упоминаемом далее трактате «Consilium coniugii» («Соединение супругов») связующим элементом будет назван *сладкий запах*). Далее Юнг пишет: «Старинный трактат “Consilium coniugii” объясняет, что “философский человек” состоит из “четырех природ камня”. Из них три — земных, обретаемых на земле, но “четвертая природа — вода камня, представляющая собой жидкое золото, которое называют красной камедью и которым окрашиваются три земные природы”. Далее мы узнаем, что камедь — важнейшая из четырех природ, она двойственна: одновременно мужская и женская, и одновременно единственна: aqua mercurialis» [Jung, 1980, c. 180]. И еще приводит слова одного из трактатов, где говорится о «меркуриальной воде, нашей благословенной камеди, называемой Семенем Философов» [Jung, 1980, c. 385] (пер. в обоих случаях мой).

но не очевидное: Кеплер и Ньютон, которых первыми приводит в пример Раскольников Порфирию Петровичу для демонстрации своей теории — оба алхимики[14].

Обретший себя как философский камень выходит за пределы тех соперничеств и волнений мира, которые приписывает Порфирию Петровичу Карякин. Почему же Порфирий «терзает» Раскольникова? Достоевский приоткрывает нам процесс работы философского камня, процесс исцеления безнадежно падшего, процесс раздергивания и растрепывания границ отчуждения, взаимного содрогания и выхода из себя (Порфирий так его опишет: «Ведь мы как расстались-то, помните ли: у вас нервы поют и подколенки дрожат, и у меня нервы поют и подколенки дрожат» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 343] — процесс, который невозможен без оборачивания[15] ситуации, без того, чтобы охотник, человек высшего разряда и Зевес не

В Словаре алхимических образов читаем: «В *Sophic Hydrolith* говорится о первой материи Камня: “они называют его камнем и не камнем; они уподобляют его камеди и белой воде”. В другом контексте очищенные, трансформированные меркуриальные слезы представали как сочащаяся смола или бальзам философского дерева. Сочащаяся смола дерева указывает на драгоценную живую сущность, необходимую для создания Камня. Красная камедь — это название магического эликсира или тинктуры, получаемой на конечной стадии Опуса, rubedo. Стихи в *Theatrum chemicum Britannicum* повествуют, что меркуриальная вода – вначале “словно Камедь – струящийся свет”, затем становится “красной камедью, нашей Тинктурой”» [Abraham, 1999] (перевод автора жж: https://duhonavt.livejournal.com/209137.html).

[14] О Ньютоне см., например: [Brewster, 1855].

[15] На один из примеров такого терзающего оборачивания указывает Николай Подосокорский: «К мысли о недостаточной внутренней решимости для того, чтобы стать настоящим солнцем, Порфирий подводит Раскольникова постепенно. Во время их второй беседы он как бы неожиданно вспоминает о битве под Ульмом, которая состоялась за полтора месяца до Аустерлица и во многом содействовала победе Наполеона во всей осенне-зимней кампании 1805 года. Причем Порфирий на этот раз как будто отказывает Раскольникову в наполеонизме, сравнивая его вовсе не с французским полководцем, а с австрийским придворным военным советом — гофкригсратом» [Подосокорский, 2023, с. 67]. Замечу, что фраза, в которой Порфирий сопоставляет себя с Наполеоном, построена так же с опорой на внутреннюю форму слов, как все высказывания о нем, приведенные выше, рисующие за низким и смешным высокое, почти недосягаемое. Он говорит: «Вижу, вижу, батюшка, Родион Романович, смеетесь вы надо мною, что я, такой статский человек, всё из военной истории примерчики подбираю. Да что делать, слабость, люблю военное дело, и уж так люблю я читать все эти военные реляции... решительно я моей карьерой манкировал. Мне бы в военной служить-с, право-с. Наполеоном-то, может быть, и не сделался бы, ну а майором бы был-с, хе-хе-хе!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 263]. Майор (меня всегда удивляло, почему Порфирий выбирает именно это звание, пока я не обращала внимания на этот постоянный для его описаний второй план) — от лат. maior (major), сравн. от magnus — большой, великий, могучий. По сути, Порфирий здесь говорит: «Наполеоном бы не сделался, был бы больше (major)».

ощутил себя загнанной и дрожащей жертвой. Так восстанавливается отринутая эмпатия, так восстанавливается полный объем человека, сначала поделившего единое человечество на секции, а затем почти согласившегося запереть себя на аршине пространства.

В 1813 году митрополит Филарет «называл Наполеона “непорфирородным царем, возжелавшим быть еще и непомазанным пророком”» [Гуминский, 2002, с. 220], [Тихомиров, 2016, с. 320]. Порфирородный в византийской империи — это рожденный в порфировой зале: там рождались дети правящих императора и императрицы[16]. Но можно сказать, что это — рожденный в присутствии Порфирия, красного камня; от него, пошедшего в семя, получивший свою природу — исконную царскую и священническую, дарованную Богом природу человека, которому нет надобности становиться узурпатором.

P.S. В 1840 году Наполеона похоронили в Париже в саркофаге из красного гранита или порфира, доставленного из России.

Список литература

Исследования

1. Гуминский, 2002 — *Гуминский В.М.* Гоголь, Александр I и Наполеон // Наш современник. 2002. № 3. С. 216–231.
2. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
3. Зотов, 2016 — *Зотов С.О.* Взаимодействие герметической и христианской иконографии в алхимическом трактате «Розарий философов» // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2016. Т. 17. Вып. 4. С. 228–235.
4. Карякин, 1971 — *Карякин Ю.Ф.* Человек в человеке // Вопросы литературы. 1971. № 7. С. 73–97.
5. Касаткина, 2015 — *Касаткина Т.А.* Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с.
6. Подосокорский, 2023 — *Подосокорский Н.Н.* Наполеон-Солнце в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023 № 2 (22). С. 57–105. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-57-105
7. Тихомиров, 1986 — *Тихомиров Б.Н.* Из творческой истории романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: (Соня Мармеладова и Порфирий Петрович) // Русская литература. 1986. № 2. С. 217–223.

[16] См.: [Успенский, 1997, с. 227].

8. Тихомиров, 2016 — *Тихомиров Б.Н.* «Лазарь! гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Серебряный век, 2016. 556 с.

9. Успенский, 1997 — *Успенский Ф.И.* История Византийской империи: Период Македонской династии (867–1057). М.: Мысль, 1997. 527 с.

10. Abraham, 1999 — *Abraham L.* A Dictionary of Alchemical Imagery. Cambridge University Press, 1999. 271 p.

11. Jung, 1980 — *Jung C.G.* Psychology and Alchemy. 2nd ed. // Collected Works of C.G. Jung. London: Routledge, 1980. 705 p. URL: https://www.holybooks.com/c-g-jung-collected-works-free-pdf/ (дата обращения: 15.02.2024).

Источники

12. Собрание разных достоверных химических книг, 1787 — Собрание разных достоверных химических книг, а именно: Иоанна Исаака Голланда Рука философов, о Сатурне, о растениях, минералах, Кабала, и о Камне философическом, с приобщением небольшого сочинения от неизвестного автора о заблуждениях алхимистов, с вырезанными на меди фигурами. СПб.: Императорская академия наук, 1787. 662 с.

13. Brewster, 1855 — *Brewster D.* Memoirs of the Life, Writings, and Discoveries of Sir Isaac Newton. Edinburgh: T. Constable and Co., 1855. Vol. 2. 564 p.

References

1. Guminskii, V.M. “Gogol’, Aleksandr I i Napoleon” [“Gogol, Alexandr I, and Napoleon”]. *Nash sovremennik*, no. 3, 2002, pp. 216–231. (In Russ.)

2. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

3. Zotov, S.O. “Vzaimodeistvie germeticheskoi i khristianskoi ikonografii v alkhimicheskom traktate ‘Rozarii filosofov’” [“Correlations of Hermetic and Christian Iconography in the Alchemical Treatise *The Rosary of the Philosophers*”]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, vol. 17, issue 4, 2016, pp. 228–235. (In Russ.)

4. Kariakin, Iu.F. “Chelovek v cheloveke” [“The Man in Man”]. *Voprosy literatury*, no. 7, 1971, pp. 73–97. (In Russ.)

5. Kasatkina, T.A. *Sviashchennoe v povsednevnom: dvusostavnyi obraz v proizvedeniiakh Dostoevskogo* [*The Sacred in the Ordinary: The Two-Folded Image in the Works of F.M. Dostoevsky*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2015. 528 p. (In Russ.)

6. Podosokorskii, N.N. “Napoleon-Solntse v romane F.M. Dostoevskogo ‘Prestuplenie i nakazanie’” [“Napoleon-Sun in Dostoevsky’s Novel *Crime and Punishment*”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 2 (22), 2023, pp. 57–105. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-57-105

7. Tikhomirov, B.N. “Iz tvorcheskoi istorii romana F.M. Dostoevskogo ‘Prestuplenie i nakazanie’: (Sonia Marmeladova i Porfiriyi Petrovich)” [“From the Creative History of Dostoevsky’s Novel *Crime and Punishment*: (Sonya Marmeladova and Porfiry Petrovich)”]. *Russkaia literatura*, no. 2, 1986, pp. 217–223. (In Russ.)

8. Tikhomirov, B.N. *"Lazar'! Griadi von" Roman F.M. Dostoevskogo "Prestupenie i nakazanie" v sovremennom prochtenii: Kniga-kommentarii* [*"Lazarus! Come Out." A Contemporary Reading of Dostoevsky's Novel* Crime and Punishment. *Book-Commentary*]. 2nd Edition, rev. and edd. St. Petersburg, Serebrianyi Vek Publ., 2016. 560 p. (In Russ.)

9. Uspenskii, F.I. *Istoriia Vizantiiskoi imperii: Period Makedonskoi dinastii (867–1057)* [*History of the Byzantine Empire: Period of the Macedonian Dynasty (867–1057)*]. Moscow, Mysl' Publ., 1997. 527 p. (In Russ.)

10. Abraham, Lyndy. *A Dictionary of Alchemical Imagery*. Cambridge University Press, 1999. 271 p. (In English)

11. Jung, Carl Gustav. *Collected Works of C.G. Jung. Psychology and Alchemy*. 2nd Edition. London, Routledge, 1980. 705 p. Available at: https://www.holybooks.com/c-g-jung-collected-works-free-pdf/ (Accessed 15 Feb. 2024) (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 05.03.2024
Одобрена после рецензирования: 10.03.2024
Принята к публикации: 11.03.2024
Дата публикации: 25.03.2024

The article was submitted: 05 Mar. 2024
Approved after reviewing: 10 Mar. 2024
Accepted for publication: 11 Mar. 2024
Date of publication: 25 Mar. 2024

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 1 (25), 2024.

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2=411.2)
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-45-61
https://elibrary.ru/TVLYZK

© 2024. Татьяна Магарил-Ильяева
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

Путь героя в ранних текстах Ф.М. Достоевского и «Преступлении и наказании»

© 2024. Tatiana G. Magaril-Il'iaeva
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The Hero's Journey in Dostoevsky's Early Works and *Crime and Punishment*

Информация об авторе: Татьяна Георгиевна Магарил-Ильяева, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.
https://orcid.org/0000-0001-7521-1898
E-mail: vutka@yandex.ru

Аннотация: В статье предлагается рассмотреть то, каким образом соотносится раннее творчество Ф.М. Достоевского и роман «Преступление и наказание» на уровне их внутренних символических историй, создаваемых автором за внешними сюжетами произведений. В настоящей работе выдвигается гипотеза о том, что Раскольникову удается пройти путь духовного преображения, который писатель стремился отыскать и для своих героев 1840-х годов, однако тогда ему это не удалось осуществить в полной мере. Несмотря на продолжающиеся в научной среде споры о роли эпилога в «Преступлении и наказании», все же можно говорить о том, что в этом романе, единственном из «Великого пятикнижия», показан путь героя от полного падения до прямо прописанного духовного воскресения. В статье предпринимается попытка показать, что Раскольников проходит путь по «траектории», описанной в ранних текстах, но очевидно с некоторыми коренными изменениями, позволившими этот путь осуществить. Статья представляет собой описание первых шагов в разработке данной темы.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Преступление и наказание», ранние произведения Достоевского, мотив солнца, уединение, каторга.

Для цитирования: *Магарил-Ильяева Т.Г.* Путь героя в ранних текстах Ф.М. Достоевского и «Преступлении и наказании» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25). С. 45–61. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-45-61

Information about the author: Tatiana G. Magaril-Il'iaeva, PhD in Philology, Senior Researcher, Research Centre "Dostoevsky and World Culture," A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

https://orcid.org/0000-0001-7521-1898

E-mail: vutka@yandex.ru

Abstract: The article proposes to consider how the early work of Fyodor Dostoevsky and the novel *Crime and Punishment* correlate at the level of their internal symbolic stories created by the author behind the external plots of the works. In this work, the hypothesis is put forward that Raskolnikov manages to follow the path of spiritual transformation, which the writer sought to find for his heroes of the 1840s, but then he failed to fully realize it. Despite the ongoing debate in the academic community about the role of the epilogue in *Crime and Punishment*, it can still be said that this novel, the only one from the Five Great Novels, shows the hero's path from a complete fall to a directly prescribed spiritual resurrection. The article attempts to show that Raskolnikov follows the path along the "trajectory" described in the early texts, but obviously with some fundamental changes that allowed this path to be realized. The article is a description of the first steps in the development of this topic.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, *Crime and Punishment*, Dostoevsky's early work, the motif of the sun, solitude, hard labor.

For citation: Magaril-Il'iaeva, T.G. "The Hero's Journey in Dostoevsky's Early Works and *Crime and Punishment*." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 1 (25), 2024, pp. 45–61. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-45-61

Исследователи нередко стремятся протянуть нити от ранних текстов Ф.М. Достоевского к большим романам, ищут в творчестве 1840-х годов ростки его будущих идей, прообразы героев «Великого пятикнижия». Если обратиться к теме соотношения ранних произведений и «Преступления и наказания», то одним из первых, кто указал на наличие прямой связи образа Раскольникова с литературными впечатлениями докаторжного периода жизни и творчества писателя, был Л.П. Гроссман, кратко упомянувший об этом в статье 1918 года «Путь Достоевского» [Гроссман, 1921, с. 92]. Позже в кни-

ге из серии ЖЗЛ в связи с размышлениями о повести «Хозяйка» исследователь отметил: «Эта повесть <…> являет в раннем творчестве Достоевского одно из предвестий его созданий зрелой поры»; «По своей типической сущности Ордынов — предвестник Раскольникова. Перед нами одинокий, одичавший в своем уединении молодой мыслитель» [Гроссман, 1965, с. 98]. Предвестников Раскольникова находили и в других героях, например, В.С. Нечаева была возмущена предположением Б.И. Бурсова о том, что «в ничтожном чиновнике Прохарчине отчетливо прорезывается образ Раскольникова» (цит. по: [Нечаева, 1979, с. 282]). Однако чаще всего этого героя рассматривают как более зрелый этап развития образа мечтателя, а точнее мечтателей раннего творчества Достоевского. Собственно, Гроссман, отметивший общую «типическую сущность» Раскольникова и Ордынова, также называл героя «Хозяйки» мечтателем.

Однако путь рассмотрения связи текстов через обнаружение типических черт героев видится не всегда оптимальным. В достоеведении можно встретить немало работ, в рамках которых ученые обращаются к теме мечтательства, прослеживают ее развитие в разных текстах, стремятся создать типологию мечтателей, см. например: [Гроссман, 1965], [Жилякова, 1989], [Мелетинский, 1964], [Косяков, 2009], [Федорова, Любарец, 2023] и др. По воле исследователей мечтателями оказываются очень многие герои Достоевского и даже персонажи тех произведений, в которых слово «мечта» практически не употребляется, как, например, в повести «Хозяйка»[1]. Здесь правомерен теоретический вопрос: на что мы опираемся в процессе выявления некого типа героев — важно ли авторское обозначение персонажа, или достаточно исследовательских предположений о характерных чертах, свойственных тому или иному типу[2]? Однако

[1] Слово «мечта» в этом произведении упоминается один раз наравне с перечисляемыми внутренними процессами Ордынова (мыслями, жизненным опытом, детскими грезами, впечатлениями от чтения книг), которые начали воплощаться в его сне [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 279]. То есть вовсе не как описание сущности героя или его основной деятельности.

[2] Примечательно, что в связи с образом мечтателя у нас как раз есть описание определяющих его черт. В работе Д.А. Медведевой и А.А. Казакова «Мечтатели и идеологи в мире Ф.М. Достоевского в свете феноменологии безумия» [Медведева, Казаков, 2015] справедливо отмечается, со ссылкой на предложенное Ф.М. Достоевским в «Петербургских летописях» размышление, что мечтатель — это тот, кто по внутренней слабости оказался не способен к делу. В связи с этим становится более понятно, почему план Раскольникова до окончательно принято им решения о его воплощении в жизнь называется «безобразной мечтой», а после чтения письма матери предстает в новом

стоит отметить, что, если работа по сопоставлению персонажей ведется только на самом поверхностном уровне без выяснения того, признаками чего являются обнаруженные внешние схождения, исследователям нередко приходится отходить от авторского текста[3].

Тем не менее, несмотря на теоретические вопросы, возникающие в связи с настойчивым стремлением исследователей увязать различных героев в некие категории, распространенность данного подхода все же свидетельствует о присутствующем у ученых интуи-

грозном виде («<…> разница была в том, что месяц назад, и даже вчера еще, она была только мечтой, а теперь... теперь явилась вдруг не мечтой, а в каком-то новом, грозном и совсем незнакомом ему виде, и он вдруг сам сознал это...» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 39]). Авторы статьи полагают, что начавший действовать мечтатель становится идеологом, однако эта гипотеза не учитывает, что понятие *дела,* на которое оказался не способен мечтатель, также не сводится Достоевским к его поверхностному пониманию.

[3] Приведу один пример, связанный с Ордыновым, которого наиболее часто стремятся «записать» в мечтатели. О.А. Богданова и Г.А. Водопьянова в статье «Эволюция образа мечтателя в раннем творчестве Ф.М. Достоевского» пишут: «Тема мечтательства приводит Достоевского к повести “Хозяйка” (1847). Ее герой <…> петербургский мечтатель Ордынов как и “фланер” из “Петербургской летописи” любит бродить по улицам Петербурга. Но бесплодное фантазерство “фланера” сурово осуждалось в “Летописи”. (Такая жизнь, — “трагедия и карикатура”)» [Богданова, Водопьянова, 1999, с. 91]. Исследовательницы переворачивают описание блуждающего по городу Ордынова таким образом, что оно действительно начинает напоминать путь мечтателя из «Белых ночей», которого, однако, автор ни разу не называет фланером (соотношение фланера и мечтателя в «Петербургской летописи» также далеко не линейно), но мечтатель хотя бы любит бродить по городу, недаром ему «знаком весь Петербург» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 102]. В «Хозяйке» же приведенная выше фраза выглядит следующим образом: «Всё более и более ему нравилось бродить по улицам. Он глазел на всё как *фланер*» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 266]. Ордынов впервые за долгое время выходит из своего добровольного заточения и оказывается вовлечен в вихрь жизни, который начинает увлекать его. Однако автор тут же уточняет, что даже если со стороны могло показаться, что он смотрит на все как фланер, то есть как внешний наблюдатель, не имеющий цели и не вовлекающийся в происходящее, на самом деле Ордынов «и теперь, верный своей всегдашней настроенности, <…> читал в ярко раскрывавшейся перед ним картине, как в книге между строк», то есть как раз вовлекался гораздо глубже, чем обычный наблюдатель. Далее писатель еще более прямо пишет, что герой только попытался примерить на себя жизнь, которой всегда бежал и которая ему была как бы «не по размеру»: «<…> ему как-то бессознательно хотелось втеснить как-нибудь и себя в эту для него чуждую жизнь, которую он доселе знал или, лучше сказать, только верно предчувствовал инстинктом художника» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 266]. Вскоре открывшаяся действительность и вовсе начала его подавлять. Ордынов в тексте повести описан как тот, кто всем своим существом, своей природой противоположен как фланеру, так и мечтателю, если учитывать хотя бы тот факт, что в своем уединении он придается вовсе не мечтам, а науке. Относя Ордынова к мечтателям, исследователи были вынуждены проигнорировать крайне важные для понимания образа героя характеристики.

тивном ощущении наличия некой связи персонажей ранних текстов как между собой, так и с героями больших романов, в частности «Преступлением и наказанием». Однако до сих пор остается не очень понятно, как говорить об этой связи, на каком уровне ее выявлять и какими средствами.

Помимо сопоставления образов героев одним из путей исследования очевидно присутствующего схождения ранних текстов и «Преступления и наказания» может служить и обращение к мотивам, проходящим через рассматриваемые произведения. Здесь возникает интересный нюанс. Из-за малого объема произведений 1840-х годов у нас не всегда есть возможность в рамках одного текста удостовериться, что тот или иной образ, или слово, или сюжетный ход являются частью мотива/концепта, то есть крайне значимым элементом, дающим возможность выйти на символический уровень текста. Одним из средств работы с мотивами этого периода может как раз служить прослеживание пути их дальнейшего развития в зрелом творчестве писателя. Это позволяет и подтвердить, что некие повторяющиеся элементы составляют авторский мотив, и углубить его понимание или подтвердить ту глубину, которая лишь угадывается на каком-то этапе исследования ранних текстов, и в то же время проследить, каким образом развивалась мысль писателя.

На II Международной научной онлайн-конференции «“Преступление и наказание”: современное состояние изучения» я выступала с докладом, в рамках которого постаралась проследить трансформации мотива солнца от ранних текстов к «Преступлению и наказанию». Значимость этого мотива в зрелом творчестве не вызывает сомнений, он подробно изучен и описан[4]. В связи с ранним творчеством образ солнца периодически упоминается исследователями как значимая деталь повествования, но никогда не становился предметом специального изучения, хотя и героям раннего творчества солнце является как знак потенциальной возможности полного преображения их личности для *обновленной* жизни, которая началась у Раскольникова, для чего ему, однако, пришлось дать просиять солнцу в себе (стать самому солнцем). Трансформация мотива связана не с принципиальным изменением его смысловой наполненности, но она отражает результаты глубочайшего переосмысления Достоевским пути духовного преображения человека, явления его высшей

[4] См., например: [Дурылин, 1928], [Медведев, 2009], [Касаткина, 2015] и др.

природы. Солнце-Христос из внешнего маяка, сигнализирующего о потенциальной возможности явления *новой* жизни, становится для Достоевского самой глубокой сутью человека, которой нужно дать проявиться. Одним из свидетельств возникновения отчетливого понимания необходимости найти Христа в себе может служить письмо Достоевского к брату, написанное после несостоявшейся казни: «Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. <...> On voit le soleil!» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_1, с. 162]. Таким образом, рассмотрение мотива в разные творческие периоды позволило гораздо лучше понять проблематику раннего творчества, увидеть, что *вопрос* о том, каковы духовные пути преображения человека в мире, не возникает только после пережитой Достоевским каторги, но и лежит в основе произведений 1840-х годов; отличие заключается в предполагаемом писателем *ответе* на этот вопрос в разные периоды его жизни.

Собственно, в этой статье будет осуществлена попытка обратиться к той символической истории о духовном пути человека в ранних текстах и «Преступлении и наказании», которую авторские мотивы, образы героев и призваны описывать, к которой должны вести внимательного читателя. Выдвигаемая в работе гипотеза состоит в том, что Раскольникову удалось пройти путь духовного преображения[5], который стремился отыскать Достоевский для своих героев в ранних текстах и по какой-то причине не смог найти. Причем проходит он этот путь внешне по «траектории», описанной в произведениях 1840-х годов, но очевидно с некоторыми коренными изменениями, подобно «перемещению» солнца «из вне во внутрь», позволившими этот путь осуществить.

Мне не раз приходилось говорить и писать о том, что почти все истории из раннего творчества писателя включают в себя в качестве предыстории или начинаются с описания того, что герой находится в состоянии крайней уединенности и максимальной отгороженности от мира. Основные же события сюжета разворачиваются, когда изолированность героя (внешняя — физическая или внутренняя — ментальная/душевная) оказывается нарушенной и продолжаться больше не может (с его согласия или нет). Можно сказать, что все ранее творчество писателя было посвящено трагедии замкнутого, уединенного существования людей и попыткам его преодоления, увы,

[5] Важно отметить, что в этом романе, единственном из «Великого пятикнижия», показан путь героя от полного падения до прямо прописанного духовного воскресения.

почти безуспешным. Достоевский в текстах 1840-х годов показывал, как такое существование вошло в сознание его современников так глубоко, что стало восприниматься как естественное, единственно нормальное, а насильственное выведение из него могло оказаться даже смертельным, как в случае с господином Прохарчиным.

Приведу примеры из различных текстов докаторжного периода, в которых жизнь людей в состоянии замкнутости описывается Достоевским посредством удивительно схожих образов. Так, Прохарчин был «человек несветский, совсем смирный и жил до того самого времени, как попал в компанию, в глухом, непроницаемом уединении, отличался тихостию и даже как будто таинственностью; ибо всё время последнего житья своего на Песках лежал на кровати за ширмами, молчал и сношений не держал никаких. Оба старые его сожителя жили совершенно так же, как он: оба были тоже как будто таинственны и тоже пятнадцать лет пролежали за ширмами. В патриархальном затишье тянулись один за другим счастливые, дремотные дни и часы <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 246]. Это фантастическое описание в фельетоне «Петербургская летопись» стало характеристикой горожан, которые ужасно боятся общественный жизни и оттого разошлись по кружкам: «В кружке можно самым безмятежным и сладостным образом дотянуть свою полезную жизнь, между зевком и сплетнею, до той самой эпохи, когда грипп или гнилая горячка посетит ваш домашний очаг и вы проститесь с ним стоически, равнодушно и в счастливом неведении того, как это всё было с вами доселе и для чего так всё было?» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 12]. Герой повести «Хозяйка», вынужденно выйдя из своего угла, оказывается захвачен толпой, буйной жизнью, которую обычные люди всячески избегают, так как, напротив, «хлопотливо <...> отыскивают средств умириться, стихнуть и **успокоиться** где-нибудь в теплом гнезде» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 264]. В объяснительной при аресте, размышляя о причинах, приведших к задержанию, одной из которых оказывается утраченная возможность или способность людей говорить друг с другом, Достоевский писал: «Сознания не высидишь и не выживешь молча. Сами мы бежим обобщения, дробимся на кружки или черствеем в уединении. А кто виноват в этом положении? Мы, мы сами и более никто, — я так всегда думал» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 121]. В «Петербургской летописи» это уединенное состояние людей прямо называется болезнью, возможность излечения кото-

рой появляется в момент явления весеннего солнца, о котором уже немного было сказано выше[6]. Соответственно, состояние уединения маркируется Достоевским отсутствием солнца: так, например, Ордынов «отрешился от света» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 265], а к мечтателям в их уголки «как будто не заглядывает то же солнце, которое светит для всех петербургских людей» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 112].

Если не воспринимать приведенные описания исключительно как метафоры, то они поистине ужасают. Достоевский осмысляет ситуацию, сложившуюся в обществе, не как социальный или политический вопрос, а рассматривает ее как проблему онтологического уровня, он предъявляет читателю состояние духовной природы человека одурманенной, забывшей о своих истинных задачах. Люди, разучившиеся чувствовать нужды своей другой природы, превращаются в живых ***покойников***, окруженных такими же покойниками, к чему они сами, однако, настойчиво стремятся. Сообщение с внешним миром начинает ощущаться как что-то неясное и крайне болезненное, и оттого нежелательное, в уединении искажается сознание, извращаются мысли и идеи. И только солнце как явление внеположное здешней реальности указывает на болезненность, неестественность наличествующего положения человека.

Наиболее отчетливо как проблема онтологического уровня эта тема раскрывается в «Хозяйке», где прямо описывается процесс порабощения духовной природы. В сне Ордынова, в котором, если рассмотреть его не как галлюцинацию или бред, а как откровение об истинном положении вещей и самого героя, описывается, как дух, пребывающий в райском саду, постепенно одурманивался нашептываниями злого старика, «впадал в оцепенение, в беспамятство. Потом <...> просыпался вдруг человеком» [Достоевский, 1972–1990, т.1, с. 279], который ничего не помнил о своей другой жизни. Воспоминания, как и возможность что-то изменить, появляются у героя благодаря тому, что он, будучи *вынужденным выйти из уединения*, поддается внутреннему порыву (или некой силе, которой он сдался)[7]

[6] Подробнее о теме явления солнца в «Петербургской летописи», см.: [Магарил-Ильяева, 2021].

[7] «Уж третий день, как Ордынов жил в каком-то вихре в сравнении с прежним затишьем его жизни; но рассуждать он не мог и даже боялся. Всё сбилось и перемешалось в его существовании; он глухо чувствовал, что вся его жизнь как будто переломлена пополам; одно стремление, одно ожидание овладело им, и другая мысль его не смущала» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 273].

и становится жильцом Катерины. Все время его пребывания у нее будет ознаменовано реальной болезнью Ордынова, сама же героиня, ухаживающая за жильцом, многократно называется солнцем. Так, например, в момент пробуждения герой чувствует, что какое-то существо стоит рядом, и тут же к нему обращается Катерина «с приветливою и светлою, как солнце, улыбкою». Автор пишет, что лучи солнца (то ли действительного, то ли от образа Катерины) «казалось, согревали его [Ордынова] какою-то торжественною, светлою радостью», и «он чувствовал, что новая, сильная, невидимая жизнь началась для него»[8] [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 275]. В первом же разговоре Катерина-солнце предлагает Ордынову свою *сестринскую любовь в качестве цели его выздоровления* и ждет в ответ любовь братскую (которую в итоге герой дать не сумел): «Встанешь, будем жить, как брат и сестра. Хочешь? Ведь сестру трудно нажить, как Бог родив не дал» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 276]. Достоевский, буквально воплотив солнце в этом произведении, то есть представив его в образе героини, показал, что именно может излечить поврежденную духовную природу, какого уровня связь должна быть между людьми — не посягающая страсть, стремящаяся завладеть любимым, но братская любовь, жаждущая исцеления любимого. Явление такой любови, хоть и на краткий миг, становится источником новой, настоящей жизни. Чтобы быть с Варенькой, Макар Девушкин прерывает двадцатилетние уютное уединение со своей прошлой хозяйкой, так как оказывается, что ничего нет важнее этой новой связи, если этой связи не будет, то остается только броситься в Неву [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 58]. Как о единственном моменте жизни говорит мечтатель о встрече с Настенькой: «О, будьте благословенны, вы, милая девушка, за то, что не отвергли меня с первого раза, за то, что уже я могу сказать, что я жил хоть два вечера в моей жизни!» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 118]. Такая любовь позволяет по-настоящему познать другого. Это прямо проговорено в «Слабом сердце» между героями мужчинами, что еще раз подчеркивает, что Достоевский пишет о связи между всеми людьми. Так, Вася спрашивает Аркадия: «<…> я давно хотел спросить тебя: как это ты так хорошо меня знаешь?», на что друг отвечает: «Если

---

[8] Солнцем Катерину называл и Мурин: «Урони ж хоть словечко, красная девица, просияй в бурю солнцем, разгони светом темную ночь!» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 298]. Собственно, абсолютное большинство случаев упоминания слова солнце в повести связано именно с описанием образа главной героини.

бы ты знал, Вася, до какой степени я люблю тебя, так ты бы не спросил этого, — да!» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 39]. Еще одним из способов описания такого глубинного познания становится мотив узнавания впервые встретившимися героями друг друга как давно знакомых («Я вас так знаю, как будто уже мы двадцать лет были друзьями...» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 109] — говорит Настенька мечтателю).

Несмотря на то что Достоевский строит свои ранние произведения таким образом, чтобы герой в начале повествования оказался выведенным из уединения, так как писателю было понятно, что в этом мертвом пространстве невозможно никакое радикальное изменение (например, встреча с другим как с солнцем), этого выхода, тем более обеспеченного внешними обстоятельствами, оказывается недостаточно для излечения героя. И даже соприкосновение с обновленной жизнью, с целительным действием солнца, с не требующей ничего взамен любовью, оказывается недостаточно для полного перерождения человека, для его духовного воскресения. Болезнь въелась в существо человека слишком глубоко, раскрыться навстречу другому, а не попытаться захватить, присвоить его как объект[9], оказывается невозможно.

В «Преступлении и наказании» герой проходит путь вместе с той, кто стала для других источником жизни, буквально колодцем[10], кто была готова всегда идти рядом, любить и ждать. Это путь от полного уединения до того, что: «<...> в этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь. Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 421].

Тема длительной уединенной жизни героя очень важна в романе. Первое, что мы о нем узнаем: он «до того углубился в себя и уединился от всех, что боялся даже всякой встречи, не только

[9] О двух возможных путях взаимодействия людей между собой писала Т.А. Касаткина: «Самораскрытие личностей в их красоте в ответ на явление красоты — это путь изобилия, путь превращения человека в источник благодати миру; стремление присвоить явленную другим красоту — это путь нищеты, недостатка, путь превращения человека в черную дыру, высасывающую благодать из мироздания» [Касаткина, 2015, с. 473].

[10] «Ай да Соня! Какой колодезь, однако ж, сумели выкопать! и пользуются! Вот ведь пользуются же! И привыкли. Поплакали, и привыкли. Ко всему-то подлец-человек привыкает!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 25]

встречи с хозяйкой» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 5][11]. Именно уединение стало *почвой* для его «безобразной мечты»: «там-то, в углу, в этом-то ужасном шкафу и созревало всё это вот уже более месяца» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 45]; «Какая у тебя дурная квартира, Родя, точно гроб, — сказала вдруг Пульхерия Александровна, прерывая тягостное молчание, — я уверена, что ты наполовину от квартиры стал такой меланхолик. — Квартира — отвечал он рассеянно. — Да, квартира много способствовала... я об этом тоже думал...» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 421][12].

В отличие от описанных в раннем творчестве обстоятельств и последствий замкнутой жизни героев, в «Преступлении и наказании» Достоевский показывает самую дальнюю перспективу того, к чему может привести крайнее уединение — окружающие люди становятся не просто докучливыми объектами, но материалом, которым можно распоряжаться по собственному усмотрению, в том числе и утилизировать.

В крайней точке, достигнутой Раскольниковым, человек уже не избегает общественный жизни, как герои раннего творчества, а *отрубает* себя от нее. В конторе, куда Раскольников пришел по вопросу о неуплате за квартиру, попытавшись вступить в разговор со служащими, он вдруг ощущает «всею силою ощущения, что не только с чувствительными экспансивностями, как давеча, но даже **с чем бы то ни было ему уже нельзя более обращаться к этим людям**, в квартальной конторе, и будь это всё его родные братья и сестры, а не квартальные поручики, то и тогда ему **совершенно незачем было бы обращаться к ним** и даже ни в каком случае жизни; он никогда еще до сей минуты не испытывал подобного странного и ужасного ощущения. И что всего мучительнее — это было более ощущение, чем сознание, чем понятие; непосредственное

[11] Отмечу, что, образ хозяйки, упомянутой на первой же странице романа, не может не вызывать ассоциаций с ранним творчеством писателя. Т.А. Касаткина неоднократно отмечала, что хозяйка квартиры в ранних текстах — это символ души, живущей в теле. Об этом же значении образа хозяйки в «Преступлении и наказании», которой кругом задолжал герой и которую бьет за его преступление Илья Петрович, также не раз говорила исследовательница, см.: [Касаткина, 2015, с. 197].

[12] Опять же замечу, что квартира как то, что определяет судьбу героя, очень важный мотив раннего творчества, однако, я не раз слышала мнение, что квартиры «похуже» и «почерней» — всего лишь реалии жизни самого молодого Достоевского. При этом в «Преступлении и наказании» символическая роль данного мотива не вызывает сомнений. Напомню, что в «Униженных и оскорбленных» Ихменев прямо сказал: «Перемена места — значит перемена *всего*!» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 430].

ощущение, **мучительнейшее ощущение из всех до сих пор жизнию пережитых им ощущений**» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 82]. На протяжении романа Раскольникова не раз будет бросать от одних чувств к другим, от желания сознаться, до уверенности в своих силах скрыть преступление, но это уловленное ощущение, которое, как подчеркивает автор, было не сознанием или понятием, а именно ощущением, очень важно. Раскольников на собственный шкуре ощутил, что, то состояние, в котором он оказался, невыносимо. К уединенному закукливанию герои ранних текстов стремятся, оно ощущается как норма, Раскольников же достигает наконец той точки, в которой это состояние нельзя принять за норму. Кроме того, оказывается, что в этом пределе невозможно ни на что посягнуть: ни на награбленное, ни на личность, которой хотел стать.

Однако в раннем творчестве писателя есть два текста, в которых главным героям все же удается что-то радикально изменить в самих себе и своей жизни — это «Неточка Незванова», которую Достоевский не успел дописать из-за ареста, и «Маленький герой», написанный им во время заключения в Петропавловской крепости. Примечательно, что на символическом уровне описываемые автором пути обоих героев имеют немало схождений, как кажется, неслучайных. Так, истории обоих персонажей с очевидностью разделяются на два этапа: у Неточки — жизнь с матерью и отчимом и жизнь в доме князя, у маленького героя — период претерпевания гонений от тиранки блондинки и период, в который он спасает m-me M. Первый из периодов обоими героями ощущался как то, что необходимо преодолеть, как нечто неестественное и гнетущее («Я поняла, и уж не помню как, что в нашем углу — какое-то вечное, нестерпимое горе <...> я обвинила матушку <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 161], маленькому герою в начале повествования нигде не находилось места, он везде оказывался лишним, а насмешки блондинки «язвили до крови» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 273]). Оба героя ощущают потребность в другом бытии, оба интуитивно ведомы тайной этого иного бытия[13], завешанной, что интересно, красным покрывалом

[13] Именно как о стремлении постичь тайну говорит маленький герой о своем внимании к m-me M: «Часто по целым часам я как будто уж и не мог от нее оторваться; я заучил каждый жест, каждое движение ее, вслушался в каждую вибрацию густого, серебристого, но несколько заглушённого голоса и — странное дело! — из всех наблюдений своих вынес, вместе с робким и сладким впечатлением, какое-то непостижимое любопытство. Похоже было на то, как будто я допытывался какой-нибудь тайны...» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 274]. Как о рае мечтает Неточка о доме напротив: «И тотчас же сложилось в моих

(дом с красными занавесями, о котором мечтает Неточка, и m-me M с красной косынкой, которую хотел себе оставить маленький герой). Обоим героям удается прикоснуться к влекущей их тайне, что коренным образом изменяет их самих. Маленький герой принимает брошенный тиранкой вызов и благодаря «воскресшему духу» оседлывает дикого коня Танкреда — блондинка, как и все присутствующие, признает в нем рыцаря, насмешки прекращаются: «<...> серьезным, важным голоском, какого от нее никогда не слыхали, сказала, указав на меня: “Mais c'est très sérieux, messieurs, ne riez pas!”» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 287]. После этого герой получает возможность послужить той, к которой стремилась его душа, в результате чего m-me M снимает свой красный покров, и герой впервые прозревает свою истинную природу: «Я слабо вскрикнул, открыл глаза, но тотчас же на них упал вчерашний газовый платочек ее <...> весь трепеща, как былинка, невозбранно отдался первому сознанию и откровению сердца, первому, еще неясному прозрению природы моей...» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 295]. Неточка же теряет мать и отчима, все, что связывало ее с прошлой жизнью, умерло, и она сама как будто умирает для старой жизни, возрождаясь для новой: «Я почувствовала, как всё лицо мое облилось кровью. Мгновение спустя я лишилась чувств... <...> Я пробудилась для новой жизни» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 187], в которой она обретает свой голос («Аннета! да у тебя чудный голос, <...> Да благословит же тебя Бог, мое милое, бесценное дитя! Благодари Его за этот дар» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 237]). Герои этих двух произведений проходят путь от ощущения неправильности их наличествующего состояния к соприкосновению с зовущей их тайной, которое позволило им прозреть их истинную природу. Кажется немаловажным, что оба героя, которым удалось переродиться для новой жизни, были дети. Взрослому даже очень умному человеку оказывается крайне сложно как ощутить, так и поверить своему ощущению неестественности и даже невыносимости своего положения.

догадках, что мы переселимся именно в этот дом и будем в нем жить в каком-то вечном празднике и вечном блаженстве. С этих пор, по вечерам, я с напряженным любопытством смотрела из окна на этот волшебный для меня дом, припоминала съезд, припоминала гостей, таких нарядных, каких я никогда еще не видала; мне чудились эти звуки сладкой музыки, вылетавшие из окон; я всматривалась в тени людей, мелькавшие на занавесах окон, и всё старалась угадать, что такое там делается, — и всё казалось мне, что там рай и всегдашний праздник» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 274].

В заключении отмечу, что одним из следствий достижения предела, до которого не доходили герои ранних текстов, стало то, что Раскольников оказался на каторге, где и произошло его перерождение. Напомню о необычном совете, который дал Достоевский своему молодому другу Всеволоду Соловьеву. Писатель предложил каторгу как лекарство от начинающейся «болезни», симптомы который очень напоминали то, что испытывали как Раскольников, так и герои 1840-х годов[14]. «Я [Соловьев] сколько раз к вам собирался, но вот никак не мог собраться: я нигде не бываю; по целым дням сижу дома. Он [Достоевский] задумался. — Да, вот я так и решил, так оно и есть... вот об этом мы и поговорим, голубчик. <...> — Видите, что я хотел вам сказать, — заговорил Достоевский, — так у вас не может продолжаться, вы что-нибудь с собою сделайте... и не говорите, и не рассказывайте... я все знаю, что вы мне хотите сказать, я отлично

[14] На III Международной научной онлайн-конференции «“Преступление и наказание”: современное состояние изучения» Ольга Меерсон отметила, что понятие уединения в сознании Достоевского не было столь однозначным. Действительно, Достоевский прямо писал о невозможности на каторге побыть хоть в каком-то уединении как об одном из самых тяжелых испытаний: «Вот уже очень скоро пять лет, как я под конвоем или в толпе людей, и ни одного часу не был один. Быть одному — это потребность нормальная, как пить и есть, иначе в насильственном этом коммунизме сделаешься человеконенавистником. Общество людей сделается ядом и заразой, и вот от этого-то нестерпимого мучения я терпел более всего в эти четыре года. Были и у меня такие минуты, когда я ненавидел всякого встречного, правого и виноватого, и смотрел на них, как на воров, которые крали у меня мою жизнь безнаказанно. Самое несносное несчастье это когда делаешься сам несправедлив, зол, гадок, сознаешь всё это, упрекаешь себя даже — и не можешь себя пересилить. Я это испытал» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_1, с. 177]. Именно как нарушение «нормального» состояния ощущают многие герои ранних текстов вырывание их из уединения. Обособленность — свойство низшей природы человека, если он полностью захвачен ею, то высшая/новая природа воспринимается как ненормальная и даже опасная. Вот как описывается соприкосновение с ней в «Идиоте»: «Невдалеке была церковь, и вершина собора с позолоченною крышей сверкала на ярком солнце. Он помнил, что ужасно упорно смотрел на эту крышу и на лучи, от нее сверкавшие; оторваться не мог от лучей: ему казалось, что эти лучи его новая природа, что он чрез три минуты как-нибудь сольется с ними... Неизвестность и отвращение от этого нового, которое будет и сейчас наступит, были ужасны <…>» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 52]. Выход из уединения — это не только встреча с Настенькой или Катериной, но и встреча со всем человечеством. «Нормальный» человек сделает все, чтобы избежать ее, только внешние обстоятельства на *определенном этапе развития человека* могут обеспечить невозможность сокрытия вновь в своей раковине. Однако «сильно развитая личность, вполне уверенная в своем праве быть личностью, уже не имеющая за себя никакого страха, ничего не может сделать другого из своей личности, то есть никакого более употребления, как отдать ее всю всем, чтоб и другие все были точно такими же самоправными и счастливыми личностями. Это закон природы; к этому тянет **нормально** человека» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 79].

понимаю ваше состояние, я сам пережил его. Это та же моя нервная болезнь, может быть, в несколько иной форме, но, в сущности, то же самое. Голубчик, послушайте меня, сделайте с собою что-нибудь, иначе может плохо кончиться… Ведь я вам рассказывал — мне тогда судьба помогла, меня спасла каторга… совсем новым человеком сделался… О! Это большое для меня было счастие: Сибирь и каторга! Говорят: ужас, озлобление, о законности какого-то озлобления говорят! ужаснейший вздор! Я только там и жил здоровой, счастливой жизнью, я там себя понял, голубчик… Христа понял… русского человека понял и почувствовал, что и я сам русский, что я один из русского народа. Все мои самые лучшие мысли приходили тогда в голову, теперь они только возвращаются, да и то не так ясно. Ах, если бы вас на каторгу!..» [Достоевский в воспоминаниях современников, 1990, с. 211–212].

Список литературы

1. Богданова, Водопьянова, 2001 — *Богданова О.А., Водопьянова Г.А.* Эволюция образа мечтателя в раннем творчестве Ф.М. Достоевского // Вестник Тамбовского университета. 2001. № 3–5 (23). С. 91–93.

2. Гроссман, 1921 — *Гроссман Л.П.* Путь Достоевского // Творчество Достоевского. 1821–1881–1921. Одесса: Всеукр. гос. изд-во, 1921. С. 83–108.

3. Гроссман, 1965 — *Гроссман Л.П.* Достоевский. 2-е изд., испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 1965. 608 с. (Жизнь замечательных людей).

4. Достоевский в воспоминаниях современников, 1990 — Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1990. Т. 2. 623 с.

5. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

6. Дурылин, 1928 — *Дурылин С.Н.* Об одном символе у Достоевского. Опыт тематического обзора // Достоевский: Труды Государственной Академии Художественных наук. Литературная секция. Вып. 3. М.: ГАХН, 1928. С. 163–199.

7. Жилякова, 1989 — *Жилякова Э.М.* Традиции сентиментализма в творчестве раннего Достоевского (1844–1849). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1989. 271 с.

8. Касаткина, 2015 — *Касаткина Т.А.* Священное в повседневном. Двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 523 с.

9. Косяков, 2009 — *Косяков С.А.* Мечтатель и его трансформации в творчестве Ф.М. Достоевского: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009. 155 с.

10. Магарил-Ильяева, 2021 — *Магарил-Ильяева Т.Г.* Фельетоны 1847 года как «толковый словарь» философии раннего творчества Ф.М. Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 4 (16). С. 24–39. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2021-4-24-41

11. Медведева, Казаков, 2015 — *Медведева Д.А., Казаков А.А.* Мечтатели и идеологи в мире Ф.М. Достоевского в свете феноменологии безумия // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 4 (36). С. 141–150.

12. Медведев, 2009 — *Медведев А.А.* Символика косых лучей в творчестве Ф.М. Достоевского и православная литургическая и богословская традиция // Контекст-2008: Историко-литературные и теоретические исследования. М.: ИМЛИ РАН. 2009. С. 18–46.

13. Мелетинский, 1994 — *Мелетинский Е.М.* О литературных архетипах. М.: Культурная инициатива, 1994. 136 с.

14. Нечаева, 1979 — *Нечаева В.С.* Ранний Достоевский. 1821–1849. М.: Наука, 1979. 288 с.

15. Федорова, Любарец, 2023 — *Федорова Е.А., Любарец В.В.* Мечтатель и Подпольный герой М.Ю. Лермонтова и Ф.М. Достоевского в свете этического учения А.А. Ухтомского // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 2. С. 50–71. https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-2-50-71

References

1. Bogdanova, O.A., and G.A. Vodopianova. “Evoliutsiia obraza mechtatelia v rannem tvorchestve F.M. Dostoevskogo” [“The Evolution of the Image of the Dreamer in Dostoevsky’s Early Works”]. *Vestnik Tambovskogo universiteta*, no. 3–5 (23), 2001, pp. 91–93. (In Russ.)

2. Grossman, L.P. “Put’ Dostoevskogo” [“Dostoevsky’s Path”]. *Tvorchestvo Dostoevskogo 1821–1881–1921* [*Dostoevsky’s Work. 1821–1881–1921*]. Odessa, Vseukr. gos. izd-vo Publ., 1921, pp. 83–108. (In Russ.)

3. Grossman, L.P. *Dostoevskii* [*Dostoevsky*]. 2nd Edition, rev. and edd. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1965. 608 p. (In Russ.)

4. *F.M. Dostoevskii v vospominaniiakh sovremennikov* [*Fyodor Dostoevsky in the Memoirs of the Contemporaries*], vol. 2. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. 623 p. (In Russ.)

5. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

6. Durylin, S.N. “Ob odnom simvole u Dostoevskogo. Opyt tematicheskogo obzora” [“About One Symbol in Dostoevsky: An Experiment of Thematic Review”]. *Dostoevskii: Trudy Gosudarstvennoi Akademii Khudozhestvennykh nauk. Literaturnaia sektsiia* [*Dostoevsky: Proceedings of the State Academy of Arts. Literature Section*], issue 3. Moscow, GAKhN Publ., 1928, pp. 163–199. (In Russ.)

7. Zhiliakova, E.M. *Traditsii sentimentalizma v tvorchestve rannego Dostoevskogo (1844–1849)* [*Sentimentalism Traditions in the Early Works of Dostoevsky (1844–1849)*]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo un-ta Publ., 1989. 271 p. (In Russ.)

8. Kasatkina, T.A. *Sviashchennoe v povsednevnom. Dvusostavnyi obraz v proizvedeniiakh F.M. Dostoevskogo* [*The Sacred in the Ordinary: The Two-Folded Image in Dostoevsky’s Works*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2015. 523 p. (In Russ.)

9. Kosiakov, *S.A. Mechtatel’ i ego transformatsii v tvorchestve F.M. Dostoevskogo* [*The Dreamer and His Transformations in Dostoevsky’s Work: PhD Dissertation*]. Voronezh, 2009. 155 p. (In Russ.)

10. Magaril-Il'iaeva, T.G. "Feletony 1847 goda kak 'tolkovyi slovar'' filosofii rannego tvorchestva F.M. Dostoevskogo" ["1847 Feuilletons as an 'Explanatory Dictionary' of the Philosophy of Dostoevsky's Early Works"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (16), 2021, pp. 24–39. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2021-4-24-41

11. Medvedeva, D.A., and A.A. Kazakov. "Mechtateli i ideologi v mire F.M. Dostoevskogo v svete fenomenologii bezumiia" ["Dreamers and Ideologist in Dostoevsky's Work in the Light of a Phenomenology of Craziness"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiia*, no. 4 (36), 2015, pp. 141–150. (In Russ.)

12. Medvedev, A.A. "Simvolika kosykh luchei v tvorchestve F.M. Dostoevskogo i pravoslavnaia liturgicheskaia i bogoslovskaia traditsiia" ["Symbolism of Oblique Rays in the Works of Fyodor Dostoevsky and the Orthodox Liturgical and Theological Tradition"]. *Kontekst-2008: Istoriko-literaturnye i teoreticheskie issledovaniia* [*Context 2008: Historical-Literary and Theoretical Research*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2009, pp. 18–46. (In Russ.)

13. Meletinskii, E.M. *O literaturnykh arkhetipakh* [*On Literary Archetypes*]. Moscow, Kul'turnaia initsiativa Publ., 1994. 136 p. (In Russ.)

14. Nechaeva, V.S. *Rannii Dostoevskii. 1821–1849* [*Early Dostoevsky. 1821–1849*]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 288 p. (In Russ.)

15. Fedorova, E.A., and V.V. Liubarets. "Mechtatel' i Podpol'nyi geroi M.Iu. Lermontova i F.M. Dostoevskogo v svete eticheskogo ucheniia A.A. Ukhtomskogo" ["The Dreamer and the Underground Man of Mikhail Lermontov and Fyodor Dostoevsky in the Light of A.A. Ukhtomsky's Ethical Doctrine"]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 5, no. 2, 2023, pp. 50–71. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-2-50-71

Статья поступила в редакцию: 08.03.2024
Одобрена после рецензирования: 12.03.2024
Принята к публикации: 13.03.2024
Дата публикации: 25.03.2024

The article was submitted: 08 Mar. 2024
Approved after reviewing: 12 Mar. 2024
Accepted for publication: 13 Mar. 2024
Date of publication: 25 Mar. 2024

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 1 (25), 2024.
Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2=411.2)
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-62-91
https://elibrary.ru/TVRTBN

© 2024. Елена Кудрявцева
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

Человек читающий и человек сочиняющий: «Бедная Лиза» (1792) Н.М. Карамзина и «Записки из подполья» (1864) Ф.М. Достоевского

© 2024. Elena M. Kudryavtseva
Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Reader and Writer: *Poor Liza* (1792) by Nikolay Karamzin and *Notes from Underground* (1864) by Fyodor Dostoevsky

Информация об авторе: Елена Михайловна Кудрявцева, младший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.
https://orcid.org/0009-0002-7952-196X
E-mail: lkandk68@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению образа homo legens в «Бедной Лизе» Н.М. Карамзина и «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского. Для романиста повесть Карамзина была включена в процесс познания феномена человека XIX столетия. Выступая против философского знания (идеи позитивизма), упрощающего, по мнению Достоевского, представления о человеке, писатель создает образ Подпольного как человека читающего и сочиняющего с опорой на художественные открытия Карамзина в повести «Бедная Лиза». Типологически встреча мечтателя и девушки в «Записках из подполья» повторяет ситуацию «Бедной Лизы». Эраст мечтает об идиллии, «сочиняет» будущую жизнь с Лизой по законам этого жанра, а крестьянка, в отличие от читающего героя, понимает, что мечты невозможно воплотить в жизни. В повести Достоевского эта ситуация усложняется. Подпольный в соответствии с литературными

образцами создает две истории в идиллическом и антиидиллическом духе ради манипулирования чужой душой, ради самоутверждения. Лиза же поначалу не верит ни словам посетителя, ни в возможность выхода из публичного дома. Подпольный предваряет свои истории двумя библейскими цитатами: «образ и подобие Божие» и «положить душу свою за друзей своих». Он вводит сакральный образ как средство манипуляции чувствами героини. Лиза, восприняв эти цитаты, искренне поверила в возможность выйти из публичного дома и предлагает мечтающему герою свою любовь, которую автор рассматривает как возможность выхода «из подполья». Герой эту возможность принять не может. Создавая образ homo legens в «Записках из подполья» Достоевский показывает, что хаотичное «слепое» следование литературным жанрам, ситуациям и жестам и манипулирование как литературным, так и сакральным текстами ставит человека в положение неразрешимого конфликта с «живой жизнью».

Ключевые слова: «Записки из подполья», Ф.М. Достоевский, «Бедная Лиза», Н.М. Карамзин, идиллия, homo legens, человек читающий, человек сочиняющий.

Для цитирования: *Кудрявцева, Е.М.* Человек читающий и человек сочиняющий: «Бедная Лиза» (1792) Н.М. Карамзина и «Записки из подполья» (1864) Ф.М. Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25). С. 62–91. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-62-91

Information about the author: Elena M. Kudryavtseva, Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) of the Russian Academy of Sciences, Makarova emb. 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

https://orcid.org/0009-0002-7952-196X

E-mail: lkandk68@gmail.com

Abstract: The article analyses the image of *homo legens* in *Poor Liza* by Nikolay Karamzin and *Notes from Underground* by Fyodor Dostoevsky. The novelist considers Karamzin's short story as a part of the process of the knowledge of the human being in the 19th century. In contrast to positivist philosophical knowledge, which, according to Dostoevsky, simplifies the phenomenon of the person, the writer, with the help of Karamzin's artistic discoveries in the short story *Poor Liza*, creates the image of the Underground Man as a person who both reads and writes. Typologically, the encounter of the dreamer with a girl in *Notes from Underground* repeats the situation in *Poor Liza*. Erast dreams of an idyll and "invents" his future life with Liza according to the laws of the genre, while the peasant woman, unlike the reading hero, understands that dreams cannot be realized. In Dostoevsky's novella the situation is more complicated. Following literary models, the Underground Man creates two stories in an idyllic and anti-idyllic key, in order to manipulate the soul of another person and to affirm himself. At first, Liza does not believe the words of the visitor or the possibility of leaving the brothel. The Underground Man prefaces his stories with two biblical quotations: "the image and likeness of God" and "lay down your life for the sake of friends." He introduces the sacred as a means of manipulation of the heroine's feelings. Having identified these quotations, Liza sincerely believes in the possibility of leaving the brothel and offers her love to the dreamer, which the author sees as an opportunity for him to come out of "the underground." The hero cannot

accept this chance. By creating the image of *homo legens* in *Notes from Underground* Dostoevsky shows that a chaotic and blind adherence to literary genres, situations, and gestures together with the manipulation of both literary and sacred texts places man in a position of insoluble conflict with “living life.”

Keywords: *Notes from Underground*, Fyodor Dostoevsky, *Poor Liza*, Nikolay Karamzin, idyll, *homo legens*, reader, writer.

For citation: Kudryavtseva, E.M. “Reader and Writer: *Poor Liza* (1792) by Nikolay Karamzin and *Notes from Underground* (1864) by Fyodor Dostoevsky.” *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 1 (25), 2024, pp. 62–91. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-62-91

В отечественном и зарубежном литературоведении последних десятилетий изучение карамзинской традиции в творчестве Достоевского идет в двух направлениях: предметом внимания, с одной стороны, становятся осмысление и развитие романистом литературных и историософских открытий Карамзина в прозе и публицистике и, с другой, характер восприятия писателем в 1860–70-е годы повестей «Марфа Посадница, или Покорение Новагорода» (1802) и «Фрол Силин» (1802)[1].

Вопрос о месте и роли повести «Бедная Лиза» (1792) Карамзина в творчестве Достоевского практически не изучен. Обычно исследователи указывают на взаимосвязь этой карамзинской повести и романа Достоевского «Бедные люди» (1845) [Жилякова, 1989], [Олейник, 2017], а также подчеркивают связь рассказа «Вечный муж» (1870) с сентименталистской традицией и повестью «Бедная Лиза» [Жилякова, 1991, с. 194–195], [Пращерук, 2007]. А.Б. Криницын выявляет такие общие черты в образах героинь Достоевского, названных Лиза или Лизавета, как «худоба, болезненность, неправильность черт лица <…> и блестящие большие глаза, оживляющие лицо», «падшесть» (реальная или воображаемая), преждевременная трагическая смерть, детскость, юродство, вспыльчивость [Криницын, 2017, с. 111]. Прямое указание на связь «Бедной Лизы» с повестью «Записки из подполья» (1864) Достоевского находим лишь в недавно переведенной на русский язык книге канадской славистки Д. Орвин «Следствия самоосознания: Тургенев, Достоевский, Толстой»[2].

[1] Динамика восприятия творчества Карамзина Достоевским подробно описана в статье [Архипова, 1983].

[2] Важно уточнить, что автора настоящей статьи влияние повести «Бедная Лиза» на повесть «Записки из подполья» интересовало еще до знакомства с переводом книги

Исследовательница справедливо называет Эраста предшественником Подпольного в аспекте феномена книжного сознания, соотнося возникновение такого типа сознания на русской почве с петровскими реформами. Д. Орвин рассматривает эти реформы как радикальные по отношению к национальному опыту России и проведенные при помощи книжного, а не реального «эволюционного опыта» (термин исследовательницы. — *Е. К.*). «Следуя европейским образцам, которые русские **наблюдали** лично или *читали* о них, они не могли их ассимилировать полностью: **отказавшись от старых устоев, они не приобрели новых**» [Орвин, 2022, с. 50–51]. В то же время Д. Орвин ограничивается этим суждением и не раскрывает свой тезис о преемственности между книжным сознанием Эраста и Подпольного.

Впервые в литературоведении образ homo legens (читающего человека) как проблему, относящуюся ко *всей русской литературе XIX века*, поставила болгарская исследовательница Д. Чавдарова. Имея в виду противопоставление типов Гамлета и Дон Кихота, предложенное еще И.С. Тургеневым, исследовательница обозначает оппозицию homo legens (читающий человек, доминантой которого являются «рефлексия, болезненное самосознание») — homo faber (человек творящий, деятель) [Чавдарова, 1996, с. 26–27][3].

Персонажи докаторжного и послекаторжного творчества Достоевского отнесены Д. Чавдаровой к разным вариантам бытования образа homo legens. В раннем творчестве писателя это человек, «сбегающий» от действительности в более привлекательную художественную реальность чужого текста и бунтующий против создателя этого текста (или Творца в терминологии исследовательницы): Макар Девушкин («Бедные люди», 1846), Ордынов («Хозяйка», 1847), Мечтатель («Белые ночи», 1848), а также Нелли («Уни-

Д. Орвин. Результаты нашего исследования были представлены на международных научных конференциях «Гуманитарные науки: пересекая временные и культурные границы» (Рига, Латвийский университет, 15–16 октября 2020) и «Ф.М. Достоевский в диалоге культур: взгляд из XXI века» (Москва, Государственный институт искусствознания, 24–26 сентября 2021).

[3] Среди homo legens, выделенных Д. Чавдаровой, назовем Евгения Онегина («Евгений Онегин» А.С. Пушкина, 1830), Поприщина («Записки сумасшедшего» Н.В. Гоголя, 1834), Печорина («Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова, 1840), Александра Адуева («Обыкновенная история» И.А. Гончарова, 1847), Павла Петровича Кирсанова («Отцы и дети» И.С. Тургенева, 1862), Анну Каренину («Анна Каренина» Л.Н. Толстого, 1875–1877), Треплева («Чайка» А.П. Чехова, 1896). В этот ряд исследовательницей включены и персонажи Достоевского.

женные и оскорбленные», 1861) и фельетонист в «Петербургских сновидениях» (1861)[4].

В послекаторжном периоде (преимущественно — романном) творчества Достоевского образ homo legens трактуется Д. Чавдаровой как «“литературный человек” в сфере хаоса и сакрума» [Чавдарова, 1996, с. 89]. В этот ряд включены Подпольный («Записки из подполья»), Раскольников, Соня, Свидригайлов («Преступление и наказание», 1866), Аглая, Ганя Иволгин («Идиот», 1868), Степан Трофимович Верховенский, Ставрогин («Бесы», 1871–1872), Аркадий, Версилов («Подросток», 1875), Иван Карамазов («Братья Карамазовы», 1880).

Среди характерных черт homo legens в произведениях послекаторжного творчества Достоевского, выделенных исследовательницей, для нашей статьи важен, во-первых, круг чтения: в сознании читающего героя представлены не только тексты русской, но и европейской культуры. Д. Чавдарова подчеркивает, что в него входят произведения разных направлений и разной авторитетности [Чавдарова, 1996, с. 89].

Во-вторых, человек *читающий* ориентируется в действительности с помощью литературных ситуаций и жестов: «в своем стремлении к познанию действительности <он> непрерывно соотносит ее с литературными моделями» [Чавдарова, 1996, с. 89]. Следование литературе, по мысли исследовательницы, не рассматривается самими героями как «поза» или «подражание», а является для них знаком идентичности мира художественных текстов и «действительности» [Чавдарова, 1996, с. 91]. В отличие от своих героев, Достоевский понимал опасность «слепого» следования литературным образцам и сделал акцент на иерархии текстов в культуре, предлагая homo legens ориентир — сакральные тексты [Чавдарова, 1996, с. 106].

В задачи нашей статьи не входит установление правомерности или неправомерности постановки в один ряд таких героев как, например, Раскольников и Аглая. Однако предполагаем, что среди homo legens на материале романного творчества Достоевского можно создать более подробную классификацию героев, делая акцент на качестве и цели их чтения или цитирования. Подобную классификацию предлагает Н.В. Чернова [Чернова, 2007], [Чернова, 2010].

[4] Исследовательница не поясняет, почему герои двух произведений послекаторжного периода поставлены в один ряд с героями произведений периода докаторжного.

Феномен homo legens в литературе сентиментализма ранее подробно изучила Н.Д. Кочеткова. Согласно ее авторитетному мнению, чтение — неотъемлемая черта героев сентименталистских произведений: оно определяло их поведение и отношения с действительностью. Однако постоянная ориентация на европейские литературные образцы[5] нередко приводила к разладу с реальностью: в финале повестей, как правило, герой выбирал уединенную жизнь в отдалении от людей. Таким образом писатели-сентименталисты актуализировали оппозицию «мечта — действительность». Исследовательница справедливо заключает: «Чтение романов делает героя неподготовленным к реальным жизненным коллизиям. В результате страдает и он сам, и те люди, с которыми ему приходится сталкиваться» [Кочеткова, 1994, с. 181].

Если герои сентименталистских повестей не осмысляли оппозицию «мечта — действительность» как коллизию, имеющую проблемный характер, то писатели-сентименталисты двояко относились к ней: с одной стороны, они осознавали неестественность жизни «по книжной схеме», с другой — рассматривали художественную литературу как источник нравственных образцов, поэтому высоко оценивали значение чтения, делая акцент на его круг [Кочеткова, 1994, с. 186].

В настоящей статье мы проведем сравнительный анализ историй с Лизами в «Бедной Лизе» и «Записках из подполья» в аспекте функционирования идиллического хронотопа[6]. В плане героя рассмотрим мечты Эраста и Подпольного, рождавшиеся у них вследствие знакомства с произведениями идиллического жанра, в соответствии с законами этого жанра, а также проанализируем аллюзии к повести Карамзина при создании Подпольным в публичном доме идиллии для Лизы. В плане героини проследим, как Достоевский усложняет традицию изображения бедной девушки Лизы, заложенную Карамзиным, обращаясь к сфере сакрального. Анализ этих двух планов

---

[5] В статье «Герой сентиментализма. 1. Чтение в жизни “чувствительного” героя» Н.Д. Кочеткова выделяет самые популярные произведения конца XVIII – начала XIX веков: «Страдания юного Вертера» И.В. Гете, «Ночные размышления» Э. Юнга, «Новая Элоиза» Ж.-Ж. Руссо, «Времена года» Дж. Томсона и «Грандисон» С. Ричардсона [Кочеткова, 1983].

[6] Сентиментальная повесть Карамзина «Бедная Лиза», по-видимому, была связана для Достоевского с воспоминаниями о детстве (в том числе о матери, которая привила писателю любовь к литературе), с представлениями об идиллическом патриархальном мире. Эти преставления были воплощены в образе бедной Лизы, а в финале «Записок из подполья» перенимаются Лизой из Риги.

невозможен без осмысления авторской позиции в «Записках из подполья» и комментариев повествователя в «Бедной Лизе», в которых выражается согласие или несогласие с героями.

В повести Карамзина встречаются мечтательный дворянин и крестьянка. Мир мечты героя представлен литературными клише об идиллическом: «Красота Лизы при первой встрече сделала впечатление в его сердце. **Он читывал** романы, **идиллии**, имел довольно **живое воображение** и часто **переселялся мысленно** в те времена (**бывшие или не бывшие**), в которые, **если верить стихотворцам**, все люди беспечно гуляли по лугам, купались в чистых источниках, целовались, как горлицы, отдыхали под розами и миртами и в счастливой праздности все дни свои провождали» [Карамзин, 1964, т. 1 с. 610]. Эраст, разочарованный в светских забавах, надеется, что чувство к Лизе сможет развеять его тоску: «Ему **казалось**, что он нашел в Лизе то, чего **сердце** его давно искало. “**Натура** призывает меня в свои объятия, к чистым своим радостям” — думал он и решился — **по крайней мере на время** — оставить **большой свет**» [Карамзин, 1964, т. 1 с. 610–611].

В структуре повествования в этих отрывках определим характер соотношения двух планов: героя и повествователя. Эраст, повторим, воспринимает мир Лизы сквозь призму идиллического хронотопа: «большой свет» противопоставлен «объятьям» натуры и «чистым радостям» природы[7]. Как убедительно показали А.Г. Кросс и вслед за ним Е.И. Ляпушкина, отношение героя к миру Лизы, во-первых, артистическое и, во-вторых, временное (преходящее): Эраст «по крайней мере на время» решает выступить в роли идиллического героя, которым на самом деле стать не может, поэтому рано или поздно ему придется оставить мир возлюбленной. Важно, что такая интерпретация истории с Лизой очевидна и для повествователя, и для самого героя [Кросс, 1969, с. 222], [Ляпушкина 1996, с. 55–56].

Однако дополним положения исследователей. Комментарии повествователя («в те времена (**бывшие или не бывшие**) в которые, **если верить стихотворцам**») служат сигналами для читателей, указывающими на книжный характер чувств Эраста. Точки зрения героя и повествователя на происходящее не совпадают. Повествова-

---

[7] Во втором томе «Словаря древней и новой поэзии» Н.Ф. Остолопова среди прочих указана следующая черта жанра идиллии: «<…> довольствуется чувствованием, нежностию и повествованием, и более старается описывать самую природу <…>» [Остолопов 1821, с. 9].

тель вводит свое видение истории героя с Лизой под знаком «казалось»[8], а также акцентирует внимание на «сердечном», чувственном, начале мыслей Эраста.

В статье «Нечто о науках, искусствах и просвещении» (1794) Карамзин формулирует оригинальную для того времени концепцию воспитания. Понятия сердца (чувства) и разума в представлении писателя не противопоставлялись друг другу, а были включены в единый процесс познания мира [Кочеткова, 1994, с. 34]. «Чувствительные впечатления» — первый этап этого процесса, а на следующем этапе уже разум «разделяет и совокупляет их, находит между ними различия и сходства», систематизирует их [Карамзин, 1964, с. 125][9]. В отрыве друг от друга сердце и разум обесцениваются: знание без нравственной основы рождает «злой ум», а сердце в отрыве от разума не может сформировать подлинное представление о мире.

Эраст, по мысли повествователя, находясь исключительно во власти чувств, не способен отвечать за свои поступки. Спустя время герой начинает верить в реальное воплощение мечты об идиллии: «Я буду жить с Лизою, как брат с сестрою, — думал он, — не употреблю во зло любви ее и буду всегда счастлив!» [Карамзин, 1964, т. 1 с. 614]. Он мечтает о целомудрии, о недопустимости зла в отношении возлюбленной. Как следствие, у него рождается надежда на счастье — вероятно, этой составляющей идиллического хронотопа герой не находил в городской жизни.

Чувства Эраста вновь даются повествователем под знаком недоверия: «**Безрассудный** молодой человек! **Знаешь ли ты свое сердце**? Всегда ли можешь отвечать за свои движения? Всегда ли **рассудок** есть царь чувств твоих?» [Карамзин, 1964, т. 1 с. 614]. Подчеркнем, что в этом рассуждении обозначен разрыв между чувственным и рассудочным началом у Эраста, недопустимый в человеке по представлениям Карамзина.

---

[8] По справедливой мысли немецкого русиста П. Тиргена, в русской литературе конца XVIII – XIX веков образ Аркадии (золотого века), тесно связанный с идиллической традицией, рассматривался в качестве положительного образа эстетического идеала природы и душевного состояния человека и одновременно осмыслялся как мнимый, недостижимый образец, рождающий представления об антиидиллии [Тирген 2015, с. 99–100].

[9] Н.Д. Кочеткова подчеркивает: с одной стороны, концепция «сердца и разума» Карамзина является соединением идей Р. Декарта, Дж. Локка, Э. де Кондильяка, а с другой, устойчива для русских писателей второй половины XVIII века [Кочеткова, 1994, с. 34].

Проблематика повести «Бедная Лиза», во-первых, основана на несоответствии книжной мечты Эраста об идиллической жизни — и действительности, а также на несовпадении чувственного и разумного начал в герое. Во-вторых, раскрывается благодаря взаимодействию двух тематических оппозиций «мечта — действительность» и «идиллия — антиидиллия» и разворачивается в двух сюжетных планах: Эраста и Лизы.

Герой видит мир крестьянки в русле идиллического жанра, но, парадоксально, не может воспринять и усвоить идиллическое миропонимание, «связанное с представлениями о нравственной и эстетической ценности патриархальной жизни» [Степанов, 2008, с. 77]. По справедливому наблюдению Е.И. Ляпушкиной, жанр идиллии всегда связан с идеей невозможности возврата к естественному до-городскому существованию. Герой идиллии невинен и не способен к рефлексии, т. к. обитает в гармоничном мире. Автор же, воссоздающий идиллический мир, ему не принадлежит и находится в позиции внешнего наблюдателя по отношению к герою: «<...> идиллическая жизнь внутри жанра предстает в перспективе абсолюта, а за его пределами — в сознании автора <...> — относительной ценности» [Ляпушкина 1996, с. 13–14].

Эраст не был сопричастен идиллической реальности, но мечтал о ней. Лиза же, с одной стороны, до встречи с барином живет в гармонии с природой, с другой стороны, уже начинает утрачивать связь с идиллическим: потеряв отца в 15 лет и «не щадя своей нежной молодости, не щадя редкой красоты своей, трудилась день и ночь» [Карамзин 1964, с. 607]. Именно в размышлениях героини еще раз подчеркивается несоответствие мечты и действительности: «“**Если бы** тот, кто занимает теперь мысли мои, рожден был простым крестьянином, пастухом, <...> Мечта!”» [Карамзин 1964, с. 611]. Сослагательным наклонением передается предчувствие героини, высказанное ей позднее: «“Однако ж тебе нельзя быть моим мужем!”» [Карамзин 1964, с. 611]. Как бы ни были пленительны мечты об идиллическом будущем, в действительности они не могут воплотиться: крестьянка не будет женой барина.

Любя Эраста и утрачивая связь с идиллическим, Лиза все еще оставалась частью этого мира, в отличие от героя. Любовь крестьянки к Эрасту «стала событием, отделившим ее (крестьянку. — *Е. К.*) от всей предшествующей жизни» [Ляпушкина 1996, с. 60]. Таким образом, для героини разлука с возлюбленным и его дальнейшее

предательство — трагический распад целостной действительности на идиллическую и антиидиллическую.

Если в повести Карамзина мир идиллии прямо или опосредованно относился к героям, то в «Записках из подполья» Подпольный и Лиза с ним никогда не были связаны: homo legens имеет представление об идиллии как о жанре, однако это не относится к миропониманию героя, а детство Лизы нельзя назвать гармоничным[10]. В повести Достоевского встреча мечтателя и девушки происходит в публичном доме, у героев уже состоялись интимные отношения.

Как и Эраст, Подпольный связывает встречу с Лизой с возможностью воплотить свои мечты в действительности: у героя Карамзина они заключались в стремлении к идиллической жизни, а у героя Достоевского — в первоначально не вполне осознанном желании самоутвердиться за счет другого человека. Затем оно постепенно обретает силу идеи и перерастет в стремление стать героем в глазах другого: «Меня унизили, так и я хотел унизить; меня в тряпку растерли, так и я **власть захотел показать**...» — позже признается Подпольный, доходящий до сути когда-то происходившего в нем [Достоевский, 2013–, т. 5, с. 194].

Оба героя нарушают определенный ими же вектор развития отношений. Эраст сначала предполагал целомудренно жить с Лизой, как с сестрой, но потом губит ее непорочность и, как следствие, жизнь. Подпольный создает «напускную» идиллию и свой образ героя-спасителя ради манипулирования чувствами героини, но затем сам же в это верит.

Разговор Подпольного и Лизы начинается с темы смерти, заданной героем. Сперва он выступает в роли резонера, взывая к чувствам проститутки: «— То и худо, что не думаешь. Очнись, пока время есть» [Достоевский, 2013–, т. 5, с. 173]. И предлагает ей историю похорон девки из публичного дома, которую сам тут же на ходу и сочиняет. В действительности Подпольный видел только часть действа: как выносили гроб. Однако на Волковом кладбище он ни разу не был, а про воду в могиле только «слышал, как рассказывали» [Достоевский, 2013–, т. 5, с. 172].

В реальном комментарии к повести во втором Полном собрании сочинений и писем Ф.М. Достоевского в 35 т. отмечено, что

[10] Ср. слова Лизы о жизни в отеческом доме: «— Другие-то продать рады дочь, не то что честью отдать, — проговорила она вдруг. А! вон оно что!» [Достоевский, 2013–, т. 5, с. 175].

«картина, которую рисует Подпольный герой Лизе, характерна для “петербургского текста русской литературы” (термин В.Н. Топорова)» [Достоевский, 2013–, т. 5, с. 530]. Это указание свидетельствует, что Подпольный создает первую историю для Лизы на основе уже прочитанных им ранее текстов, т. е. выступает в двойной роли читателя-автора. С одной стороны, эта история похорон проститутки оборачивается по инициативе Подпольного описанием возможной ближайшей судьбы Лизы. С другой, в этом эпизоде задана интенция для дальнейшего развития их отношений: у героя «какая-то цель “явилась”» (его цель, как позднее поймет герой, заключается в желании манипулировать чувствами другого человека). Героиня нехотя вступает в диалог со своим посетителем, но затем отреагирует на его призыв («очнись», т. е. начни думать) и воспримет его предупредительную историю как его искреннее желание помочь ей выйти из публичного дома.

Оба героя: Эраст и Подпольный — и читатели, и сочинители. Однако в случае с героем Достоевского сочинительство явлено более развернуто. Между героем, действующим в непосредственном общении с Лизой, и героем вспоминающим существует разность: создавая свои «записки», герой, с одной стороны, действительно постигает суть когда-то происходившего в нем, а с другой стороны, начинает «спрямлять» прошлое, оставляя в тени другие свои чувства и последовательно выводя определенную идею. Однако при этом — согласно автору повести — нельзя забывать, что палитра чувств Подпольного много богаче и в ситуации его прошлой истории с Лизой, и в момент ее повторного переживания. Понимая это, сосредоточимся, однако, на одной только тематической линии в дальнейшей истории Подпольного с Лизой.

Проследим за действовавшим в прошлом героем, образ которого позднее создает вспоминающий и неизбежно сочиняющий герой. Продолжая вести игру-манипуляцию, Подпольный пытался расспросить Лизу о ее прошлом, но получал злобные отрывистые ответы: «— Не все замужем-то счастливые, — отрезала она **прежней грубой скороговоркой**» [Достоевский, 2013–, т. 5, с. 173]. Подобными ответами Лиза, по мнению Подпольного, нарушила заданные им и не ведомые ей правила его игры-борьбы во имя самоутверждения в роли героя-спасителя: «Меня это тотчас же подозлило. Как! я так было **кротко** с ней, а она...» [Достоевский, 2013–, т. 5, с. 173]. Подчеркнем, что игровое начало их взаимоотношений скрыто для Лизы и будет открыто ей героем только в финале.

Подпольный — как, повторим, позднее он рисует себя — понимает, что ему *пока* не удается завладеть ее чувствами и найти к ней подход. Вся его речь, оформленная в процессе воспоминания, свидетельствует о поиске ключа, с помощью которого он сможет управлять Лизой и реализовать свою цель выглядеть героем-спасителем в глазах другого человека. И он втягивается в соревновательно-игровые, в его восприятии, отношения с Лизой и признается: «Более всего меня **игра увлекала**» [Достоевский, 2013–, т. 5, с. 174]. Однако «кротостью» Подпольный пытался лишь прикрыть свои навязчивость и грубость, которые так тонко почувствовала Лиза. Вовлеченный в игру-борьбу Подпольный расценивает ответы Лизы как обиду, и у действующего героя появляется почва для желания отомстить ей.

Подпольный, охваченный в игре эмоцией мщения, рисует Лизе типичные картинки идиллического детства и отеческой любви, надеясь, что эти сентиментальные сюжеты растрогают ее и она раскроет перед ним душу: «— А ведь как хорошо в отцовском-то бы доме жить! Тепло, привольно; гнездо свое» [Достоевский, 2013–, т. 5, с. 174]. Но в ответ получает неожиданные реакции Лизы: «— Другие-то продать рады дочь, не то что честью отдать, — проговорила она вдруг. А! вон оно что!» [Достоевский, 2013–, т. 5, с. 175]. Героиня, с точки зрения Подпольного, разрушает мир «прекрасного и высокого», который он сочиняет, ориентируясь на известные ему образцы. В итоге получается, что вспоминающий герой отчасти сочиняет свой образ в прошлом, а действующий герой в прошлом также выступил в роли сочинителя.

Ответами Лизы автор вводит в свою повесть оппозицию «идиллия — антиидиллия», которую, на наш взгляд, он осмыслял с опорой на повесть Карамзина. Для того чтобы осмыслить понимание идиллии и антиидиллии в плане Подпольного и Лизы, сделаем несколько замечаний о специфике жанра идиллии и феномене «ложной чувствительности» в сентиментализме.

Достоевский создает героя, который, пытаясь «справиться с молодой душой», обращается к разным видам — согласно терминологии М.М. Бахтина — идиллического хронотопа. «Заход» Подпольного-сочинителя к Лизе о жизни в родительском доме соотносим с началом типичной семейной идиллии, главная черта которой — жизнь в родном месте, где жили предки и будут жить потомки [Бахтин, 1975, с. 374–375]. Подпольный-сочинитель, хорошо

понимая невозможность возврата к гармонии, предлагает Лизе, увлекаясь игрой, ложную картину этого гармоничного мира, которая опровергается фактами реальной судьбы героини.

Типологически встреча мечтателя и девушки в «Записках из подполья» повторяет ситуацию «Бедной Лизы». Эраст мечтает об идиллии, «сочиняет» будущую жизнь с Лизой по законам этого жанра, а крестьянка, в отличие от читающего героя, понимает, что мечты невозможно воплотить в жизни. Знаменателен диалог героев: «“Однако ж тебе нельзя быть моим мужем!” — сказала Лиза с тихим вздохом. — “Почему же?” — “Я крестьянка”. — “Ты обижаешь меня. Для твоего друга важнее всего душа, чувствительная, невинная душа, — и Лиза будет всегда ближайшая к моему сердцу”» [Карамзин, 1984, с. 615].

В повести Достоевского эта ситуация усложняется. Подпольный в соответствии с литературными образцами создает истории в идиллическом духе ради манипулирования чужой душой, ради самоутверждения. Лиза же поначалу не верит ни словам посетителя, ни в возможность выхода из публичного дома.

Следовательно, в повести Достоевского актуализируется соотношение «истинной» и «ложной» чувствительности. Еще А.Л. Бем заметил, что романист «должен был рано почувствовать его (сентиментализма. — *Е. К.*) слащавость и слепоту к суровой жизненной правде, заслоненной **искусственной чувствительностью**» [Бем, 2019, с. 6]. Дополним это положение мыслью Н.Д. Кочетковой: для писателей-сентименталистов было важным различать «истинную» и «ложную» чувствительность: если первая открывала неизведанный тогда внутренний мир человека, то вторая сатирически осмыслялась как подражательство и пошлость [Кочеткова, 1991, с. 72].

В контексте таких представлений очевидно, что в разговоре Подпольного с Лизой словно сталкиваются два проявления сентиментализма: отсылающее к «истинной» чувствительности, позже воплощенное в поведении героини, — и внешнее, или сочиненное, относящееся к «искусственной чувствительности», которое и «задает» Подпольный.

В логике развития игры-манипуляции Подпольный предлагает Лизе следующую историю, так же основанную на идиллической традиции. Это становится возможным, потому что Лиза реагирует на слова Подпольного: «<...> такая **девушка, как ты**, верно, не

с охоты своей сюда попадет...» [Достоевский, 2013–, т. 5, с. 175]. Герой зарождает в Лизе надежду на то, что она — *девушка*, а не девка, и еще сможет выйти из публичного дома. Это переломный момент в восприятии героиней слов Подпольного: теперь она *поверила* в то, что он сочиняет.

Благодаря собеседнику, в Лизе укрепилась надежда сохранить себя, уберечь свое «стыдливое и целомудренное сердце». По воле Подпольного она получила целительную возможность посмотреть на себя другими глазами: «— **Какая такая я девушка**? — **прошептала она едва слышно**; но я расслышал» [Достоевский, 2013–, т. 5, с. 175]. С этого момента Лиза, на наш взгляд, поверила в моделируемую Подпольным-импровизатором ложную идиллическую историю ее жизни в духе первой части карамзинской «Бедной Лизы» (до разлуки Лизы с Эрастом). Более того, Лиза восприняла, не распознав ложь, приписываемую ей Подпольным роль идиллической героини, главные черты которой, повторим, невинность, гармония с природой и отсутствие рефлексии.

Доверчивая реакция Лизы позволяет тонко чувствующему герою развить идиллическую линию разговора, и он рисует ей картину семейного быта, предваряя его отсылкой к библейскому тексту: «<...> твой образ и подобие примут <...> Это есть счастие небесное!» [Достоевский, 2013–, т. 5, с. 177]. К анализу этой библейской цитаты мы вернемся позднее.

Подпольный назовет отрывок, описывающий семейный быт, «картинкой», что позволяет сделать предположение о его исходной художественной основе.

В переводе с греческого *идиллия* — значит «картинка»[11]. Если вновь вспомнить работу М.М. Бахтина «Идиллический хронотоп в романе», то допустим следующий ход рассуждений: в этой «картинке» действующий Подпольный в очередной раз обращается к жанру семейной идиллии, но теперь на первый план им выведен другой акцент — создание семьи и рождение детей. Лиза, судя по всему, драматически переживала свое положение проститутки и мечтала о муже и детях — это и стало для Подпольного ключом к ее «молодой душе». Предложенную нами интерпретацию подтверждает и тот факт, что Лиза бережно хранила письмо влюбленного в нее студента,

[11] После создания картины семейного быта Подпольный восклицает: «Картинками, вот этими-то картинками тебя надо! — подумал я про себя, хотя, ей Богу, с чувством говорил, и вдруг покраснел» [Достоевский, 2013–, т. 5, с. 177].

вещь, которая связывала ее с жизнью до публичного дома. В картине семейного быта Подпольный указывает Лизе на христианский идеал и провоцирует ее представить себя ее матерью Святого семейства.

На предложенную Подпольным «картинку» Лиза неожиданно отвечает: «— **Что-то вы... точно как по книге,** — сказала она, и что-то как будто насмешливое вдруг опять послышалось в ее голосе» [Достоевский, 2013–, т. 5, с. 177].

Чуткая реакция Лизы еще раз подчеркивает «искусственность» чувств и книжность речей Подпольного, и в прошлом и в настоящем оторванного от «живой жизни». Он *сочиняет* идиллию по известным образцам (литературным или живописным), а не мечтает в отличие от Лизы о гармонии в настоящем. Он пользуется этими образцами в своих целях.

Разоблачающая реакция героини — «как по книге» — больно ущемила самолюбие героя, и он решает уже на новом витке диалога жестко отомстить Лизе, сочиняя следующую историю — о ее возможной скорой смерти как проститутки — относящуюся к миру «действительности» и «антиидиллии». Подпольный предваряет ее аллюзией на евангельский текст: «Ведь чтоб заслужить эту любовь, иной готов душу положить, на смерть пойти» [Достоевский, 2013–, т. 5, с. 178][12]. В этой реплике Подпольный предлагает Лизе еще один христианский образец: «положить душу за друзей своих», пожертвовать собой ради ближнего.

Резкий переход рассказа героя из мира «мечты» в мир «действительности» доводит Лизу до истерики, после которой героиня надеется на свое нравственное воскресение, а Подпольного считает спасителем, который выведет ее из публичного дома.

Подпольный понимает, что своими манипуляциями он наконец-то добился большего, чем изначально предполагал, но одновременно с тревогой предчувствует, что не способен быть тем блистательным героем-спасителем, каким он уже нарисовал себя Лизе: «Я был измучен, раздавлен, в недоумении. Но истина уже сверкала из-за недоумения. Гадкая истина!» [Достоевский, 2013–, т. 5, с. 183]. В герое нарастают чувства страха, стыда и даже ужаса: его напугало искреннее доверие девушки, которого он же и добился. Сочинитель роковым образом оказывается во власти своего творения:

[12] В академическом реальном комментарии отмечено, что эта фраза восходит к словам Христа: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15: 13).

в логике развития созданного образа героя-спасителя он, терзаемый сомнениями, дает Лизе свой адрес.

С одной стороны, этот жест имеет книжное основание и отсылает читателя к стихотворению Н.А. Некрасова «Когда из мрака заблужденья...», которое герой цитирует в 8 главе, а автор ставит в качестве эпиграфа ко всей второй части повести и повторно к 9 главе[13]. По авторитетному мнению Р. Джексона, Подпольный пародировал сюжет стихотворения Некрасова, но в финале оказался в ловушке своей же пародии [Джексон, 1998, с. 145].

С другой стороны, предлагая свой адрес Лизе, Подпольный переносит свои мечты в реальность и тем самым выходит за границы иллюзорного мира. И в этот момент проявляется ранее им не манифестированное. Вспомним его слова: «Потому что я только **на словах поиграть**, в голове **помечтать**, а на деле мне надо, знаешь чего: **чтоб вы провалились**, вот чего!» [Достоевский, 2013–, т. 5, с. 194]. На этом этапе развития сюжета обнаруживается и не только для читателя, но и — в плане итогового осознания — для самого героя: Подпольный, следуя литературному клише, маскирует свое истинное стремление — бунт против мира[14].

Под «вы» Подпольный подразумевает окружающий его мир и людей вокруг — весь свет. Далее герой признается: «Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что **свету провалиться**, а чтоб мне чай всегда пить» [Достоевский, 2013–, т. 5, с. 194]. В этом высказывании Подпольный отстаивает свою свободу как абсолютную, доводя каприз «чай всегда пить» до своеволия.

Сделаем несколько предварительных замечаний для дальнейшего анализа. Вслед за Б.Н. Тихомировым, скажем, что первая и вторая часть повести «Записки из подполья» между собой связаны в художественное целое. Эта мысль важна потому, что в первой идеологической части «Подполье» герой бунтует против мира и современного ему философского знания, упрощающего, по его мнению,

[13] Подробнее о функциях некрасовского текста в повести см.: [Буданова, 2015], [Достоевский, 2013–, т. 5, с. 500–501]. Н.В. Живолупова отмечает, что история Подпольного с Лизой также повторяет сюжетно-фабульную ситуацию «спасения» падшей девушки из повести «Невский проспект» Н.В. Гоголя. См.: [Живолупова, 2018, с. 98].

В реальном комментарии в новом Полном собрании сочинений Ф.М. Достоевского в 35 томах отмечено: по мысли В.Б. Шкловского, история Подпольного и Лизы имеет аналогию с историей проститутки Насти Крюковой и студента Кирсанова в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?» [Достоевский, 2013–, т. 5, с. 531].

[14] Мотив бунта в «Записках из подполья» соотносят с книгой Иова [Михновец, 2014].

представления о человеке[15]. На наш взгляд, во второй «сюжетной» части Подпольный продолжает свой бунт и, следуя литературным образцам, сотворяет не только истории для Лизы, и как следствие миф о ней как об идиллической девушке, но и самого себя «возвышает» до образа героя-спасителя, основанного на предшествующей литературной и библейской традиции. Подпольный рациональным путем пытается побороть рациональное знание о человеке, оставаясь «глухим» к нравственному началу, подспудно проявляющемуся в нем. Вспомним очень важное суждение Б.Н. Тихомирова: Подпольный находит в самом себе «неразложимое моральное ядро» — точку опоры, «которая позволяет ему не только не примириться с законами природы, но и страстно отвергнуть их непреложность» [Тихомиров, 2012, с. 280].

Слова Подпольного «чтоб вы провалились» дают основание для предположения, что история с Лизой для героя — по сути — финальная попытка бунта самоутверждения героя в «живой жизни». На наш взгляд, Подпольный через ее отрицание в то же время стремится быть сопричастным ей.

Современный американский славист Дж. Гивенс, рассматривая образ Ивана Карамазова, считает, что герой избирает путь литературного апофатизма, т.е. путь обнаружения божественного начала в мире через его отрицание [Гивенс, 2021]. С нашей точки зрения, ранее этому пути следует Подпольный. В основу игры-манипуляции он вовлекает жанр идиллии, повесть Карамзина «Бедная Лиза» и две библейские цитаты («твой образ и подобие примут», «положить душу свою за друзей своих»), тем самым выворачивая наизнанку нравственные ценности.

Укажем на важнейшую черту человека читающего, отмеченную Д. Чавдаровой: вовлеченность homo legens в литературу «ставит этого героя в ситуацию хаоса, среди которого он ищет и не может найти свое настоящее “я”» [Чавдарова, 1997, с. 96]. Однако добавим: хорошо ориентируясь в предыдущей литературной традиции, а также помня евангельский текст, Подпольный знает, какими именно текстами можно манипулировать. Следовательно, структуру текстов Подпольный все же выстраивает. Однако герой не создает из них

[15] В академическом комментарии в новом Полном собрании сочинений и писем в 35 томах отмечается полемика Достоевского с идеями О. Конта и Н.Г. Чернышевского, представляющих философию позитивизма и материализма, отрицающими, по мысли Достоевского, свободу человеческой воли [Достоевский, 2013–, т. 5, с. 493–497].

иерархической системы, которая делала бы акцент на авторитетности того или иного текста. Сакральный текст осмысляется им наравне с художественным. Отсутствие в представлениях героя ценностной иерархии погружает его в хаос.

Цв. Тодоров видит возможность выхода «из подполья» для героя в молчаливом жесте Лизы. Исследователь цитирует предложение из повести: «Тогда она вдруг бросилась ко мне, обхватила мою шею руками и заплакала» [Достоевский, 2013–, т. 5, с. 195]. Молчанием героиня словно «говорит», что готова полюбить его таким, какой он есть [Todorov, 1978, p. 158].

Однако возникает вопрос, в чем состоит основа этой молчаливой любви? На наш взгляд, эта основа имеет религиозно-нравственную природу, которая в повести воплощается в двух отсылках к библейскому тексту. В речь Подпольного в первую встречу с Лизой были включены цитаты: «образ и подобие Божие» и «положить душу свою за друзей своих».

Формула «образ и подобие Божие» хорошо знакома верующему человеку не только как элемент повседневного словоупотребления, но и как почти прямая цитата из тропарей по непорочных, которые поются во время отпевания[16]: «Дре́вле у́бо от несу́щих созда́вый мя, / **и о́бразом Твои́м Боже́ственным почты́й**, / преступле́нием же за́поведи / па́ки мя возврати́вый в зе́млю, от нея́же взят бых, / на е́же по подо́бию возведи́ / дре́внею добро́тою возобрази́тися» [Требник, с. 156]. Это мольба, обращенная к Богу: дай мне возможность восстановить себя и свою жизнь по образу и подобию Твоему, возможность приблизиться к Божественному началу в себе.

К цитате из Евангелия «положить душу свою за друзей своих» Достоевский уже обращался в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863) в отрывке, который Т.А. Касаткина рассматривает как определение «истинной природы человека — личности на высшей ступени развития» [Касаткина, 2022]. «Добровольно положить свой живот за всех, пойти за всех на крест, на костер, можно только сделать при самом сильном развитии личности. **Сильно развитая личность** <...> **ничего не может сделать другого** из своей личности, то есть никакого более употребления, **как отдать ее всю всем**, чтоб и другие все были точно такими же самоправными и счастливыми

[16] 17 апреля 1864 года состоялось отпевание М.Д. Достоевской, первой жены писателя, следовательно, в памяти Достоевского были актуализированы эти строки из тропаря.

личностями. Это закон природы; **к этому тянет нормально человека**» [Достоевский, 2013–, т. 5, с. 89]. Человек в высшей степени нравственного развития посвятит свою жизнь служению ближнему.

Среди исследователей творчества Достоевского нет единого мнения, в какой тональности — соответствующей или не соответствующей Священному Писанию — употреблены эти цитаты Подпольным[17]. На наш взгляд, герой Достоевского и цинично выхолащивает цитаты из библейского текста (т.к. сознательно включает их в манипуляцию), и одновременно тяготеет к их воплощению в «живой жизни», о которой сам же мечтает.

Двойственную направленность Подпольного можно понять, учитывая соотношение понятий «сердца» и «ума», важными для творчества Достоевского. По мысли А.М. Буланова, «у Достоевского “сердце” связано с духовной сферой человека», с нравственно-религиозным началом в нем, с совестью [Буланов, 1992, с. 59]. Разум же воплощен в «идее-страсти», которая борется с эмоциональной сферой человека, хочет подчинить ее себе.

«Страсть» Подпольного, явленная в истории с Лизой, также двойственна: владеть чужой душой и бунт против мира («чтоб вы все провалились»). Первая «страсть» основана на извращенном представлении героя и любви к ближнему, вторая подчеркивает его оторванность от «живой жизни» и бунт против нее. В Подпольном, на наш взгляд, рациональная сфера довлеет эмоциональной, но, повторим, не отменяет его тяготение к нравственному началу в самом себе.

Забегая вперед, скажем: Лиза восприняла библейские цитаты из уст Подпольного вне «хаоса литературы» и борьбы сердца и разума, в которые тот включен. Героиня приняла истинный смысл библейского текста, и, решив «оттуда совсем выйти», она, может быть, сама того не понимая, пришла спасти героя из этого хаоса, предложив ему в качестве опоры смысл сакрального текста и идиллическое миропонимание («ценность патриархальной жизни»)[18].

---

[17] Так, О. Меерсон полагает, что Подпольный «ссылает на библейский источник как на нечто избитое и банальное», см.: [Меерсон, 1999, с. 46]. Б.Н. Тихомиров высказывает противоположное суждение о том, что аллюзии Подпольного соответствуют тональности Священного Писания, см.: [Достоевский, 2011, с. 396].

[18] Лиза открывает ряд «молчаливых» героинь Достоевского, нашедших опору в сфере сакрального: Соня читает Раскольникову сюжет о воскрешении Лазаря («Преступление и наказание», 1866), Кроткая совершает самоубийство с образом Богородицы в руках.

Манипуляция чувствами героини дает Подпольному почву для его собственных «сладких мечтаний» о себе как о спасителе и о будущей жизни с Лизой. Но одновременно герой болезненно переживает несовпадение образа героя-спасителя, нарисованного девушке, и реальной бытовой ситуации, до которой он «опустился» с воображаемых высот: «Скверно уж одно то, что она увидит, например, как я живу» [Достоевский, 2013–, т. 5, с. 185]. Это несоответствие мечты и действительности лежит в основе неразрешимого для героя конфликта. Извращая ценность патриархальной жизни (идиллию) и христианскую нравственность, Подпольный оказывается не способным поверить в искренность чувств Лизы, пришедшей к нему спустя несколько дней.

В своих мечтах вспоминающий герой прямо указывает на основу его историй, сочиненных для Лизы в публичном доме: «<…> как мало нужно было идиллии (да и идиллии-то еще напускной, книжной, сочиненной), чтоб тотчас же и **повернуть всю человеческую душу по-своему**» [Достоевский, 2013–, т. 5, с. 186]. Следовательно, Подпольный приходит к мысли, что идиллия обладает средствами для манипулирования чужой душой, и останавливается на ней. Отметим, что автор повести, напротив, в отличие от своего героя, в идиллическом и христианском миропонимании видел нравственную опору для современного ему человека XIX столетия. Эту опору Подпольный, утративший Лизу, не способен обрести. Подпольный не смог смириться с тем, что их роли поменялись: теперь героиня-спасительница — Лиза, ранее стоящая ниже, «униженное и раздавленное созданье» [Достоевский, 2013–, т. 5, с. 196] — он. Однако вопрос о герое, вспоминающем о произошедшем, все-таки остается открытым.

Но вернемся к событийной истории. Чем больше Подпольный отдаляется — и по временной шкале, и в мечтах — от встречи с Лизой, тем меньше становится для него угроза развенчания созданного им же мифа о герое-спасителе. И Подпольный занимается привычным делом: «сладко мечтает», т. е. в очередной раз занимается сочинительством.

Отрывок, в котором описано это состояние, нужно прокомментировать особо, приведем его: «Я, например, спасаю Лизу, именно тем, что она ко мне ходит, а я ей говорю… **Я ее развиваю, образовываю**. Я, наконец, замечаю, что она меня любит, страстно любит. Я прикидываюсь, что не понимаю (не знаю, впрочем, для

чего прикидываюсь; так, для красы, вероятно). Наконец она, вся смущенная, прекрасная, дрожа и рыдая, бросается к ногам моим и говорит, что я ее **спаситель** и что она меня любит больше всего на свете. Я изумляюсь, но... <...> Но теперь, теперь — ты моя, ты **мое созданье**, ты чиста, прекрасна, ты — **прекрасная жена моя**» [Достоевский, 2013–, т. 5, с. 186–187].

В этих мечтах герой сочиняет уже следующую историю — историю спасения Лизы из публичного дома и их свадьбы. Сочиненная в публичном доме история идиллической жизни Лизы Подпольным и его поздние, «домашние» мечты об их совместном будущем, в которых герой называет Лизу «мое созданье» и «прекрасная жена моя», а себя «спасителем», свидетельствуют о том, что в повесть входит миф о Пигмалионе, к которому Достоевский повторно обратится в повести «Кроткая» (1876) (ср. этот отрывок с мечтами Ростовщика о семейной жизни с Кроткой)[19].

Однако сразу же после «высокой» мечты Подпольный резко возвращается в реальность и мысленно называет Лизу «мерзавкой». Происходит резкий перескок из мира воображаемого в мир «действительности». Заметим, что в истории спасения Лизы оппозиция «девка — девушка», связанная с образом героини, теперь осложняется в мечтах Подпольного до оппозиции «мерзавка — чистое прекрасное созданье».

Последняя встреча Подпольного с Лизой, с нашей точки зрения, тесно связана с дневниковой записью Достоевского от 16 апреля 1864 года «Маша лежит на столе...». У гроба первой жены Марии Дмитриевны Достоевский размышляет о христианской любви. Писатель приходит к выводу, что земная любовь — несовершенная форма человеческих отношений. Идеал христианской любви для Достоевского соотнесен с райской жизнью, где «не женятся и не посягают», где нет «Я» и закона личности (о том, что Я это не «закон личности», а «закон личности на земле», см.: [Касаткина, 2019]).

В той же записи читаем: «Возлюбить человека, *как самого себя*, по заповеди Христовой, — невозможно. Закон личности на земле связывает. *Я* препятствует. <...> высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности, из полноты развития своего я, — это как бы уничтожить это я, отдать его целиком и каждому безраздельно и беззаветно» [Достоевский, 1972–1990, т. 20, с. 172].

[19] О функционировании мифа о Пигмалионе в «Кроткой» см.: [Полоцкая, 1994].

В «любовной» истории «Записок из подполья» именно в образе Лизы воплощен идеал христианской любви. По мысли Достоевского, Подпольный — носитель-теоретик книжного сознания, не способен на сердечное единение с другой душой.

Согласно М.М. Бахтину, слово и самосознание Подпольного «стремятся к дурной бесконечности. Тенденция этих предвосхищений сводится к тому, чтобы непременно сохранить за собой последнее слово» [Бахтин, 2002, с. 256]. Именно в такой смысловой перспективе Подпольный ведет себя во вторую встречу с Лизой. Герой окончательно понимает, что произошла смена ролей, что в реальности с ним случилась та же истерика, что и с Лизой четыре дня назад. Разница в том, что для Лизы за ней последовало нравственное воскресение, а для Подпольного в ней заключалось лишь очередное унижение, за которое необходимо отомстить.

Достоевский возвращается спустя 7 лет в черновой рукописи 3 части, 5 главе, главкам 1–6 романа «Бесы» к осмыслению соотношения ума и сердца в человеке. Шатов, отправляясь на поиски акушерки для внезапно вернувшейся беременной жены, произносит: «**Гордая**, но **не выправленная христианством душа**, никогда с первого раза **не сознается**, что она **виновата**. Напротив тут-то и **станет еще жесточе**. **Я такой же точно**, я ведь такой же точно!»[20]. Шатов, как и ранее Подпольный, принадлежит к типу героев, которых «задавила идея». Размышляя о человеческой душе, герой романа приходит к выводу: душа, «не выправленная христианством», не способна на прощение в ответ на реальную или вымышленную обиду. Однако коренное различие двух героев Достоевского: Шатов, в отличие от Подпольного, уже понимает это свойство своей души.

Подпольный, отшатнувшись от чего-то искреннего в себе, «сворачивается» в мстителя, делая Лизу ответственной за всё несчастье своей жизни. При этом его обида на весь мир претворяется в мощный и циничный удар по Лизе. Подпольный воспользовался доверием и любовью Лизы и совершил нравственное преступление над ее чистой душой.

В первый раз интимные отношения Подпольного и Лизы не несут на себе отпечатка надругательства со стороны героя, хотя и осознаются им, как разврат. В публичном доме они — проститутка

[20] РГБ. Ф. 93.I.1.3/11. Л. 6 об.

Этот отрывок не вошел в окончательный текст романа. Воспроизводится последний слой записи без учета черновой правки.

и один из посетителей публичного дома. Во второй раз — чистая невинная душа и мерзавец, развратник.

Воспользовавшись девушкой, разрушив ее искреннюю любовь к нему, Подпольный, чтобы побыстрее от нее отвязаться, «тихонько постучал в ширмы, чтобы напомнить ей...» [Достоевский, 2013–, т. 5, с. 197] и поспешно вложил ей в руку пять рублей. Этот жест восходит к повести «Бедная Лиза».

Придя к Подпольному, Лиза словно реализует не только мечты героя, но и сюжетную ситуацию «нежданного появления». Ни Эраст, ни Подпольный не ждали появления своих Лиз. Оба героя нравственно (а Подпольный и физически) оскорбляют девушку: расплачиваются с ней деньгами. В ситуации «Бедной Лизы» Эраст дал Лизе сто рублей, чтобы загладить перед ней вину. Он действительно любил ее, но женился на старой богатой вдове из-за денег. В повести говорится: «Он решился на то и переехал жить к ней в дом, посвятив искренний вздох Лизе своей» [Карамзин, 1964, т. 1 с. 619]. Конечно, с точки зрения Карамзина, обстоятельства, в которых оказался Эраст, нисколько не оправдывают его поступок.

В «Записках из подполья» ситуация «Бедной Лизы» тематически переосмыслена. Подпольный *со злости* дает деньги Лизе. Он вспоминает: «Эта жестокость была до того напускная, до того головная, нарочно подсочиненная, *книжная*, что я сам не выдержал даже минуты <...>» [Достоевский, 2013–, т. 5, с. 198]. В этой фразе *авторским* курсивом актуализируется осознаваемая героем литературная основа поступка, который введен в русскую литературу повестью Карамзина. Нужно отметить, что сама эта ситуация подчеркнуто травестирована Достоевским: пытаясь повторить литературный жест, Подпольный предлагает Лизе не сто, а *пять* рублей, да еще и *взятых в долг* у столоначальника. Заметим: ситуация «откупа барина от девушки» повторится в романе «Идиот» (1869) и в неосуществленных замыслах Достоевского [Достоевский, 2013–, т. 9, с. 1016], а также в романе Л.Н. Толстого «Воскресение» (1899), что свидетельствует о вхождении ее в память русской литературы.

В повести Карамзина Лиза принимает деньги Эраста, и, решив утопиться, передает их матери, которая позже умирает. Принятые Лизой деньги никому не приносят счастья. Лиза Достоевского решительно отвергает деньги Подпольного[21].

[21] Здесь нам видится параллель с ситуацией «откупа» в повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель» (1831). Самсон Вырин сначала растоптал деньги,

Бесповоротный отказ Лизы Достоевского от денег свидетельствует: автор подчеркивает нравственное превосходство Лизы над Подпольным, а также связывает с ней надежду на действительное возрождение и на жизнь вне публичного дома.

Создавая образ человека читающего и сочиняющего в «Записках из подполья», Достоевский обращается к познанию феномена человека XIX столетия. Во внутреннем мире человека Достоевский видел сложность и противоречивость, в отличие от писателей и мыслителей, которые эти представления, по мнению романиста, упрощали. История Эраста и Лизы в повести «Бедная Лиза» Карамзина для Достоевского оказалась связана с размышлениями о сложности внутреннего мира человека.

В «Записках из подполья» романист убедительно показывает, что литературность мышления, хаотичное «слепое» следование литературным жанрам, ситуациям и жестам и манипулирование как литературным, так и сакральным текстами ставит человека в положение неразрешимого конфликта с «живой жизнью». На наш взгляд, в истории с Лизой Подпольный обращается к нескольким культурным объектам: повести Карамзина «Бедная Лиза», жанру идиллии, сакральному тексту, комплексу литературных представлений о судьбе проститутки, мифу о Пигмалионе. Особо подчеркнем: эти тексты для героя представляют одинаковую культурную ценность. Обращаясь к «Бедной Лизе», Достоевский решительно усложняет проблемно-тематический план повести Карамзина. Писатель создает очень сложный, противоречивый и динамичный образ героя, в котором совмещаются и стремление к «живой жизни», и выхолащивание ее нравственных ценностей. Совмещение двух противоположных начал идет с опорой на предыдущую литературную традицию и сакральный текст.

предложенные Минским за Дуню, а затем вернулся за ними. О связи «Станционного смотрителя» и «Бедной Лизы» см.: [Благой, 1959], [Гиппиус, 1966], [Маркович, 1989].

Список литературы

1. Архипова, 1983 — *Архипова А.В.* Достоевский и Карамзин // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука. 1983. Т. 5. С. 101–112.
2. Арьес, 1999 — *Арьес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / пер. с франц. Я.Ю. Старцева при участии В.А. Бабинцева. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999. 416 с.
3. Бахтин, 1975 — *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407.
4. Бахтин, 2002 — *Бахтин М.М.* Проблемы творчества Достоевского // *Бахтин М.М.* Собр. соч.: в 7 т. М.: Русские словари. Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. С. 5–300.
5. Бем, 2019 — *Бем А.Л.* Достоевский — гениальный читатель // *Бем А.Л.* О Достоевском. Избранные работы. М.: Юрайт, 2019. С. 4–19. URL: https://urait.ru/book/o-dostoevskom-izbrannye-raboty-493899 (дата обращения: 11.12.2022).
6. Благой, 1959 — *Благой Д.Д.* Литература и действительность. Вопросы теории и истории литературы. М.: Худож. лит., 1959. С. 273–283.
7. Буданова, 2015 — *Буданова Н.Ф.* «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского. Некрасовский текст и подтекст // Русская литература. 2015. № 2. С. 148–155.
8. Буланов, 1992 — *Буланов А.М.* «Ум» и «сердце» в русской классике: Соотношение рационального и эмоционального в творчестве И.А. Гончарова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1992. 157 с.
9. Гивенс 2021 — *Гивенс Дж.* Образ Христа в русской литературе. Достоевский, Толстой, Булгаков, Пастернак. Бостон: Academic Studies Press; СПб: БиблиоРоссика, 2021. 351 с.
10. Гиппиус, 1966 — *Гиппиус В.В.* Повести Белкина // *Гиппиус В.В.* От Пушкина до Блока / отв. ред. Г.М. Фридлендер. М.; Л.: Наука, 1966. С. 7–45.
11. Головченко 2013 — *Головченко Г.А.* Образ девушки Лизы как один из сквозных образов классической русской литературы // Язык. Словесность. Культура. 2013. № 6. С. 89–104.
12. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
13. Достоевский, 2011, — *Достоевский Ф.М.* Записки из подполья. Игрок / статьи Б.Н. Тихомирова, А.Л. Дмитриенко, К. Паркер; прим. Б.Н. Тихомирова. СПб.: Вита Нова, 2011. 512 с.
14. Достоевский 2013– — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. и писем: в 35 т. СПб.: Наука, 2013– (издание продолжается).
15. Живолупова, 2018 — *Живолупова Н.В.* Проблема авторской позиции в исповедальном повествовании Достоевского 60–70-х гг. («Записки из подполья», «Подросток»). Нижний Новгород: Дятловы горы, 2018. 229 с.
16. Жилякова, 1989 — *Жилякова Э.М.* Традиции сентиментализма в творчестве раннего Достоевского (1844–1849). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1989. 272 с.
17. Жилякова, 1991 — *Жилякова Э.М.* Синтез эпического и драматического начал в творчестве Ф.М. Достоевского (от романа «Игрок» к рассказу «Вечный муж») // Творчество Ф.М. Достоевского: искусство синтеза / под ред. Н.М. Юрковой, Г.К. Щенникова, Р.Г. Назирова. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1991. С. 182–203.

18. Карамзин, 1964 — *Карамзин Н.М.* Избр. Соч.: в 2 т. М.; Л.: Худож. лит., 1964.

19. Касаткина, 2019 — *Касаткина Т.А.* Богословие Достоевского: проблемы понимания и описания // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 3(7). С. 16–33. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2019-3-16-33

20. Касаткина, 2022 — *Касаткина Т.А.* Достоевский: теория творчества и теория восприятия искусства // Вопросы литературы. 2022. №6. С. 62–81.

21. Кочеткова, 1983 — *Кочеткова Н.Д.* Герой сентиментализма. 1. Чтение в жизни «чувствительного» героя // XVIII век: Сборник статей и материалов. 1983. Т. 14. С. 121–142.

22. Кочеткова, 1991 — *Кочеткова Н Д.* Проблема «ложной чувствительности» в литературе русского сентиментализма // XVIII век: Сборник статей и материалов. 1991. Т. 17. С. 61–72.

23. Кочеткова, 1994 — *Кочеткова Н.Д.* Литература русского сентиментализма (Эстетические и художественные искания). СПб.: Наука, 1994. 279 с.

24. Криницын, 2017 — *Криницын А.Б.* Повесть «Бедная Лиза» Н.М. Карамзина в творчестве Ф.М. Достоевского // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 2. С. 102–116.

25. Кросс, 1969 — *Кросс А.Г.* Разновидности идиллий в творчестве Карамзина // XVIII век: Державин, Карамзин в литературном движении XVIII начала XIX вв. Л.: Наука, 1969. Вып. 8. С. 210–228. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Portals/3/PDF/XVIII/08_tom_XVIII/Kross/Kross.pdf (дата обращения: 11.12.2022).

26. Ляпушкина, 1996 — *Ляпушкина Е.И.* Русская идиллия XIX века и роман И.А. Гончарова «Обломов». СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1996. 147 с.

27. Маркович, 1989 — *Маркович В.М.* «Повести Белкина» и литературный контекст // Пушкин. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1989. Т. 13. С. 63–87.

28. Меерсон, 1999 — *Меерсон О.А.* Библейские интертексты у Достоевского. Кощунство или богословие любви // Достоевский и мировая культура. Альманах. 1999. № 12. С. 40–53.

29. Михновец, 2014 — Михновец Н.Г. «Записки из подполья»: проблема пути // Достоевский Ф. Записки из подполья: повесть. СПб.: Азбука, 2014. С. 15–18.

30. Олейник, 2017 — *Олейник В.Т.* Карамзин и история русской литературы XIX в. // Литературоведческий журнал. 2017. № 40. С. 53–73.

31. Орвин, 2022 — *Орвин Д.* Следствия самоосознания. Тургенев, Достоевский, Толстой / пер. с англ. А.Г. Городецкой. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. 351 с.

32. Остолопов, 1821 — *Остолопов Н.Ф.* Идиллія // Словарь древней и новой поэзии. СПб.: Тип. Имп. Ак. Наук, 1821. С. 9–26.

33. Полоцкая, 1994 — *Полоцкая Э. А.* Литературные мотивы в рассказе Достоевского «Кроткая» // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1994. Т. 11. С. 259–266.

34. Пращерук, 2007 — *Пращерук Н.В.* «Вечный муж» и «Бедная Лиза»: о двух произведениях русской классики // Уральский филологический вестник. Сер. Русская классика: динамика художественных систем. 2007. Вып. 2. С. 207–218.

35. Ровинский, 1881 — *Ровинский Д.А.* Русские народные картинки. СПб.: Тип. Имп. Ак. Наук, 1881. Кн. 3: Притчи и листы духовные. 751 с.

36. Степанов, 2008 — *Степанов А.Г.* Идиллия // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / под. ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Изда-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 77–78.

37. Тирген, 2015 — *Тирген П.* Образы Аркадии в русской литературе XVIII–XIX вв. // Имагология и компаративистика. 2015. № 2. С. 69–110. URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000520994 (дата обращения: 13.04.2023).

38. Тихомиров, 2012 — *Тихомиров Б.Н.* «...Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»: Статьи и эссе о Достоевском. СПб.: Серебряный век, 2012. 504 с.

39. Топоров, 1995 — *Топоров В.Н.* «Бедная Лиза» Карамзина: Опыт прочтения: К двухсотлетию со дня выхода в свет. М.: Изд. центр Росс. гос. гум. ун-та, 1995. 512 с.

40. Требник — Требник. СПб: Изд. Свято-Троице-Сергиевой лавры, 1995. URL: https://azbyka.ru/bogosluzhenie/arh/trebnik–grazhdanskim–shriftom.pdf (дата обращения: 08.05.2023).

41. Чавдарова, 1997 — *Чавдарова Д.* Homo legens в русской литературе XIX века. Шумен: Аксиос, 1997. 141 с.

42. Чернова, 2007 — *Чернова Н.В.* Литературные пристрастия персонажей Достоевского как способ их характеристики // Достоевский и мировая культура. Альманах. 2007. № 23. С 107–120.

43. Чернова, 2010 — *Чернова Н.В.* Последняя книга Настасьи Филипповны: случайность или знак? («Героиня с книгой» как сквозной мотив в творчестве Достоевского) // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2010. Т. 19. С. 192–202.

44. Todorov, 1978 — *Todorov T.* Le jeu de l'altérité : Notes d'un souterrain // Poétique de la prose. Paris: Seuil, 1978. P. 133–161.

References

1. Arkhipova, A.V. "Dostoevskii i Karamzin" ["Dostoevsky and Karamzin"]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky. Materials and Research*], vol. 5. St. Petersburg, Nauka Publ., 1983, pp. 101–112. (In Russ.)

2. Ariès, Philippe. *Rebenok i semeinaia zhizn' pri Starom poriadke* [*The Child and Family Life in the* Ancien Régime]. Trans. from French by Ia.Iu. Startsev, together with V.A. Babintsev. Ekaterinburg, Izd.-vo Ural'skogo un-ta Publ., 1999. 416 p. (In Russ.)

3. Bakhtin, M.M. "Formy vremeni i khronotopa v romane: Ocherki po istoricheskoi poetike" ["Forms of Time and of the Chronotope in the Novel: Notes towards a Historical Poetics"]. Bakhtin, M.M. *Voprosy literatury i estetiki* [*Questions of Literature and Aesthetics*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1975, pp. 234–407. (In Russ.)

4. Bakhtin, M.M. "Problemy tvorchestva Dostoevskogo" ["Problems of Dostoevsky's Poetics"]. Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii: v 7 tomakh* [*Collected Works: in 7 vols*], vol. 6. Moscow, Russkie slovari. Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2002, pp. 5–300. (In Russ.)

5. Bem, A.L. "Dostoevskii — genial'nyi chitatel'" ["Dostoevsky, a Brilliant Reader"]. Bem, A.L. *O Dostoevskom. Izbrannye raboty* [*About Dostoevsky. Selected Works*]. Moscow, Iurait Publ., 2019, pp. 4–19. Available at: https://urait.ru/book/o–dostoevskom–izbrannye–raboty–493899 (Accessed 11 Dec. 2022) (In Russ.)

6. Blagoi, D.D. *Literatura i deistvitel'nost'. Voprosy teorii i istorii literatury* [*Literature and Reality. Questions on Theory and History of Literature*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1959, pp. 273–283. (In Russ.)

7. Budanova, N.F. "'Zapiski iz podpol'ia' F.M. Dostoevskogo. Nekrasovskii tekst i podtekst" ["Dostoevsky's *Notes from Underground*. Nekrasov's Text and Subtext"]. *Russkaia literatura*, no. 2, 2015, pp. 148–155. (In Russ.)

8. Bulanov, A.M. *"Um" i "Serdtse" v russkoi klassike: Sootnoshenie ratsional'nogo i emotsional'nogo v torchestve I.A. Goncharova, F.M. Dostoevskogo, L.N. Tolstogo* [*"Mind" and "Heart" in Russian Classics: The Relation Between Rational and Emotional in Ivan Goncharov, Fyodor Dostoevsky, Lev Tolstoy*]. Saratov, Izd.-vo Sarat. un-ta Publ., 1992. 157 p. (In Russ.)

9. Givens, John. *Obraz Khrista v russkoi literature. Dostoevskii, Tolstoi, Bulgakov, Pasternak* [*The Image of Christ in Russian Literature. Dostoevsky, Tolstoy, Bulgakov, Pasternak*]. Boston, Academic Studies Press; St. Petersburg, BiblioRossika Publ., 2021. 351 p. (In Russ.)

10. Gippius, V.V. "Povesti Belkina" ["The Belkin Tales"]. Gippius, V.V. *Ot Pushkina do Bloka* [*From Pushkin to Blok*]. Ed. by G.M. Fridlender. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1996, pp. 7–45. (In Russ.)

11. Golovchenko, G.A. "Obraz devushki Lizy kak odin iz skvoznykh obrazov klassicheskoi russkoi literatury" ["The Image of the Girl Liza as a Recurring Image of Classic Russian Literature"]. *Iazyk. Slovesnost'. Kul'tura*, no. 6, 2013, pp. 89–104. (In Russ.)

12. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

13. Dostoevskii, F.M. *Zapiski iz podpol'ia. Igrok* [*Notes from Underground. The Gambler*]. Articles by B.N. Tikhomirov, A.L. Dmitrienko, K. Parker; comm. by B.N. Tikhomirov. St. Petersburg, Vita Nova Publ., 2011. 512 p. (In Russ.)

14. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochienii i pisem: v 35 tomakh* [*Complete Works and Letters: in 35 vols*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013–continuing publication. (In Russ.)

15. Zhivolupova, N.V. *Problema avtorskoi pozitsii v ispovedal'nom povestvovanii Dostoevskogo 60-70-kh godov ("Zapiski iz podpol'ia", "Podrostok")* [*The Question of the Author's Place in Dostoevsky's Confessional Narrative of 60s and 70s (*Notes from Underground, The Adolescent*)*]. Nizhnyi Novgorod, Diatlovy gory Publ., 2018. 229 p. (In Russ.)

16. Zhiliakova, E.M. *Traditsii sentimentalizma v tvorchestve rannego Dostoevskogo (1844-1849)* [*The Tradition of Sentimentalism in Dostoevsky's Early Works (1844-1849)*]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1989. 272 p. (In Russ.)

17. Zhiliakova, E.M. "Sintez epicheskogo i dramaticheskogo nachal v tvorchestve F.M. Dostoevskogo (ot romana 'Igrok' k rasskazu 'Vechnyi muzh')" ["The Synthesis of Epic and Dramatic Elements in Dostoevsky's Works (from the Novel *The Gambler* to the Story 'The Eternal Husband')"]. Iurkova, N.M., Shchennikov, G.K., and R.G. Nazirov, eds. *Tvorchestvo F.M. Dostoevskogo: iskusstvo sinteza* [*Dostoevsky's Works: The Art of Synthesis*]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural'skogo un-ta Publ., 1991, pp. 182–203. (In Russ.)

18. Karamzin, N.M. *Izbrannye sochineniia: v 2 tomakh* [*Selected Works: in 2 vols*]. Moscow; Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1964. (In Russ.)

19. Kasatkina, T.A. "Bogoslovie Dostoevskogo: problemy ponimaniia i opisaniia" ["Dostoevsky's Theology: Problems of Understanding and Description"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 3 (7), 2019, pp. 16–33. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2019-3-16-33

20. Kasatkina, T.A. “Dostoevskii: teoriia tvorchestva i teoriia vospriatiia iskusstva” [“Dostoevsky: Theory of Art and Theory of the Perception of Art”]. *Voprosy literatury*, no. 6, 2022, pp. 62–81. (In Russ.)

21. Kochetkova, N.D. “Geroi sentimentalizma. 1. Chtenie v zhizni ‘chuvstvitel’nogo’ geroia” [“Heroes of Sentimentalism. 1. Reading in the Life of a ‘Sentimental’ Hero”]. *XVIII vek: Sbornik statei i materialov*, vol. 14, 1983, pp. 121–142. (In Russ.)

22. Kochetkova, N.D. “Problema ‘lozhnoi chuvstvitel’nosti’ v literature russkogo sentimentalizma” [“The Problem of ‘False Feelings’ in Russian Sentimental Literature”]. *XVIII vek: Sbornik statei i materialov*, vol. 17, 1991, pp. 61–72. (In Russ.)

23. Kochetkova, N.D. *Literatura russkogo sentimentalizma (Esteticheskie i khudozhestvennye iskaniia)* [*Literature of Russian Sentimentalism (Aesthetic and Artistic Searches)*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 279 p. (In Russ.)

24. Krinitsyn, A.B. “Povest’ ‘Bednaia Liza’ N.M. Karamzina v tvorchestve F.M. Dostoevskogo” [“Nikolay Karamzin’s Short Story *Poor Liza* in Fyodor Dostoevsky’s Works”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 9: Filologiia*, no. 2, 2017, pp. 102–116. (In Russ.)

25. Kross, A.G. “Raznovidnosti idillii v tvorchestve Karamzina” [“Varieties of Idylls in Karamzin’s Work”]. *XVIII vek: Derzhavin, Karamzin v literaturnom dvizhenii XVIII – nachala XIX vv.* [*18th Century: Derzhavin, Karamzin in Literary Movement 18th–Early 19th Centuries*], issue 8. Leningrad, Nauka Publ., 1969, pp. 210–228. Available at: http://lib.pushkinskijdom.ru/Portals/3/PDF/XVIII/08_tom_XVIII/Kross/Kross.pdf (Accessed 11 Dec. 2022) (In Russ.)

26. Liapushkina, E.I. *Russkaia idilliia XIX veka i roman I.A. Goncharova “Oblomov”* [*Russian Idyll in the 19th Century and Goncharov’s Novel* Oblomov]. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. gos. un-ta Publ., 1996. 147 p. (In Russ.)

27. Markovich, V.M. “‘Povesti Belkina’ i literaturnyi kontekst” [“*The Belkin Tales* and Literary Context”]. *Pushkin: Issledovaniia i materialy* [*Pushkin: Research and Materials*], vol. 13. Leningrad, Nauka Publ., 1989, pp. 63–87. (In Russ.)

28. Meerson, O.A. “Bibleiskie interteksty u Dostoevskogo. Koshchunstvo ili bogoslovie liubvi” [“Biblical Intertext in Dostoevsky. Blasphemy or Theology of Love”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Al’manakh*, no. 12, 1999, pp. 40–53. (In Russ.)

29. Mikhnovets, N.G. “‘Zapiski iz podpol’ia’: problema puti” [“*Notes from Underground*: The Question of the Path”]. Dostoevskii, F. *Zapiski iz podpol’ia: Povest’* [*Notes from Underground: A Short Story*]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2014, pp. 15–18. (In Russ.)

30. Oleinik, V.T. “Karamzin i istoriia russkoi literatury XIX v.” [“Karamzin and the History of Russian Literature in the 19th Century”]. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 40, 2017, pp. 53–73. (In Russ.)

31. Orwin, Donna. *Sledstviia samosoznaniia. Turgenev, Dostoevskii, Tolstoi* [*Consequences of Selfconsciousness. Turgenev, Dostoevsky, Tolstoy*]. Trans. from English by A.G. Gordetskaia. St. Petersburg, Academic Studies Press / Bibliorossika Publ., 2022. 351 p. (In Russ.)

32. Ostolpov, N.F. “Idillia” [“Idyll”]. *Slovar’ drevnei i novoi poezii* [*Vocabulary of Ancient and New Poetry*]. St. Petersburg, Tip. Imp. Ak. Nauk Publ., 1821, pp. 9–26. (In Russ.)

33. Polotskaia, E.A. “Literaturnye motivy v rasskaze Dostoevskogo ‘Krotkaia’” [“Literary Motifs in Dostoevsky’s Short Story ‘A Gentle Creature’”]. *Dostoevskii: Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky: Materials and Research*], vol. 11. Leningrad, Nauka Publ., 1994, pp. 259–266. (In Russ.)

34. Prashcheruk, N.V. "'Vechnyi muzh' i 'Bednaia Liza': o dvukh proizvedeniiakh russkoi klassiki" ["'The Eternal Husband' and *Poor Liza*: About Two Russian Classics"]. *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriia Russkaia klassika: dinamika khudozhestvennykh sistem*, issue 2, 2007, pp. 207–218. (In Russ.)

35. Rovinskii, D.A. *Russkie narodnye kartinki* [*Russian Folk Pictures*], book 3: Pritchi i listy dukhovnye [Proverbs and Spiritual Sheets]. St. Petersburg, Tip. Imp. Ak. Nauk Publ., 1881. 751 p. (In Russ.)

36. Stepanov, A.G. "Idillia" ["Idyll"]. *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i poniatii* [*Poetics: Dictionary of Current Terms and Concepts*]. Ed. by N.D. Tamarchenko. Moscow, Izda-vo Kulaginoi; Intrada Publ., 2008, pp. 77–78. (In Russ.)

37. Thiergen, Peter. "Obrazy Arkadii v russkoi literature XVIII–XIX vv." ["Images of the Arcadia in Russian Literature of the 18th–19th Centuries"]. *Imagologiia i komparativistika*, no. 2, 2015, pp. 69–110. Available at: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000520994 (Accessed 13 Apr. 2023) (In Russ.)

38. Tikhomirov, B.N. *"...Ia zanimaius' etoi tainoi, ibo khochu byt' chelovekom": Stat'i i esse o Dostoevskom* [*"... I Am Studying This Mystery, Because I Want to Be a Man": Articles and Essays on Dostoevsky*]. St. Petersburg, Serebrianyi vek Publ., 2012. 504 p. (In Russ.)

39. Toporov, V.N. *"Bednaia Liza" Karamzina: Opyt prochteniia: K dvukhsotletiiu so dnia vykhoda v svet* [*Karamzin's* Poor Liza*: A Reading: For the 200th Anniversary of the Publication*]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1995. 512 p. (In Russ.)

40. *Trebnik* [*Books of Prayers*]. St. Petersburg, Izd. Sviato-Troitse-Sergievoi Lavry Publ., 1995. Available at: https://azbyka.ru/bogosluzhenie/arh/trebnik–grazhdanskim–shriftom.pdf (Accessed 08 May 2023) (In Russ.)

41. Chavdarova, D. *Homo legens v russkoi literature XIX veka* [Homo legens *in 19th-Century Russian Literature*]. Shumen, Aksios Publ., 1997. 141 p. (In Russ.)

42. Chernova, N.V. "Literaturnye pristrastia personazhei Dostoevskogo kak sposob ikh kharakteristiki" ["Literary Preferences of Dostoevsky's Characters as a Way of Characterizing Them"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Al'manakh*, no. 23, 2007, pp. 107–120. (In Russ.)

43. Chernova, N.V. "Posledniaia kniga Nastas'i Filippovny: sluchainost' ili znak? ('Geroinia s knigoi' kak skvoznoi motiv v tvorchestve Dostoevskogo)" ["Nastasia Filippovna's Last Book: A Casuality or a Sign? ('Heroine with Book' as a Current Motif in Dostoevsky's Work"]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky. Materials and Research*], vol. 19. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, pp. 192–202. (In Russ.)

44. Todorov, Tzvetan. "Le jeu de l'altérité: Notes d'un souterrain." *Poétique de la prose*. Paris, Seuil, 1978, pp. 133–161. (In French)

Статья поступила в редакцию: 14.08.2023
Одобрена после рецензирования: 08.09.2023
Принята к публикации: 25.11.2023
Дата публикации: 25.03.2024

The article was submitted: 14 Aug. 2023
Approved after reviewing: 08 Sept. 2023
Accepted for publication: 25 Nov. 2023
Date of publication: 25 Mar. 2024

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 1 (25), 2024.
Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2=411.2)
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-92-102
https://elibrary.ru/TYKIXX

© 2024. Оксана Воробьёва
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия

«Еженедельная речь» и «Периодическая речь» в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»

© 2024. Oxana A. Vorobyova
National Research University "Higher School of Economics" (HSE University), Moscow, Russia

The *Periodical Review* and the *Weekly Review* in *Crime and Punishment* by Fyodor Dostoevsky

Информация об авторе: Оксана Александровна Воробьёва, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Старая Басманная ул., д. 21/4с1, 115054 г. Москва, Россия.
E-mail: oxalvo@gmail.com

Аннотация: В статье предлагается рассмотреть два печатных издания, упоминаемых в романе «Преступление и наказание»: «Еженедельную речь» и «Периодическую речь». Высказывается мнение, что в 1865 году Достоевский не мог в качестве прототипа для редакции, которая опубликовала статью Раскольникова, ориентироваться на незначимые в издательской среде газеты «Московский вестник» Н.Н. Воронцова-Вельяминова и «Русская речь» Евгении Тур, объединенные в 1861 году. Выдвигается гипотеза, что предложенные писателем названия печатных площадок в романе, необходимы были для разделения типа издания: газеты и журнала, и подчеркивания того, что статья Раскольникова «О преступлении...» попала именно в журнал. Выбирая журнал, Достоевский, с одной стороны, мог говорить о более затруднительном положении героя, совершившего преступление, с другой — указывать на то, что идеи, обозначенные в его статье, нашли поддержку в журнальных редакциях, готовых, в отличие от газетных этого периода, по мнению Достоевского, отста-

ивать свои убеждения и убеждения своих авторов. В качестве доказательства мы обращаемся в том числе к переписке писателя с М.Н. Катковым, с которым он делился планами создания «Преступления и наказания», а также опираемся на «Журнальную заметку о новых литературных органах и о новых теориях» (1863) Достоевского, опубликованную в журнале «Время», которую принято относить к его программным высказываниям. Именно в этой заметке писатель обозначил свое негативное отношение к газетным редакциям, которых он обличил в искусственном создании тем для полемик.

Ключевые слова: Достоевский, «Преступление и наказание», Раскольников, «Периодическая речь», «Еженедельная речь», русская журналистика.

Для цитирования: *Воробьёва О.А.* «Еженедельная речь» и «Периодическая речь» в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25). С. 92–102. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-92-102

Information about the author: Oxana A. Vorobyova, PhD in Philology, Assistant Professor, National Research University "Higher School of Economics" (HSE University), Staraya Basmannaya 21/4c1, 115054 Moscow, Russia.

E-mail: oxalvo@gmail.com

Abstract: The article examines two publications mentioned in the novel *Crime and Punishment*: *Ezhenedel'naya Rech'* (English: "Weekly Review") and *Periodicheskaya Rech'* (English: "Periodical Review"). It argues that in 1865, Dostoevsky did not use newspapers such as *Moskovsky Vestnik* and *Russkaya Rech'* as prototypes for the editorial office that published Raskolnikov's article, as these newspapers were insignificant during the 19th century. Instead, the article suggests that the names of the publications were chosen by the writer to distinguish between the types of publications (newspaper and magazine) and to emphasize that Raskolnikov's article "About Crime..." was published in a magazine. This choice allowed Dostoevsky to highlight, on the one hand, the difficult situation of the protagonist who committed the crime, and on the other hand, to demonstrate that the ideas presented in his article found support in magazine editorial offices, which were more inclined to defend their beliefs and those of their authors compared to newspapers. As evidence, the article refers to Dostoevsky's correspondence with Mikhail Katkov, with whom he discussed plans for the creation of *Crime and Punishment*, and to the *Journal Note on New Literary Authorities and New Theories* (1863), published in the magazine *Vremia*, which is often regarded as one of his programmatic statements. In this note, the writer expresses his negative views toward newspaper editors, whom he accuses of artificially creating topics for polemics.

Keywords: Dostoevsky, *Crime and Punishment*, Raskolnikov, *Periodical Review*, *Weekly Review*, Russian journalism.

For citation: Vorobyova, O.A. "The *Periodical Review* and the *Weekly Review* in *Crime and Punishment* by Fyodor Dostoevsky." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 1 (25), 2024, pp. 92–102. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-92-102

В пятой главе третьей части романа «Преступление и наказания» Порфирий Петрович сообщает Родиону Раскольникову о том, что читал его статью «О преступлении…» в «Периодической речи», на что Раскольников с неподдельным удивлением отвечает: «Моя статья? В “Периодической речи”? <…> я действительно написал, полгода назад, когда из университета вышел, по поводу одной книги, одну статью, но я снес ее тогда в газету “Еженедельная речь”, а не в “Периодическую”» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 198]. Следователь поясняет, что статья попала в другую редакцию в связи с тем, что «<…> переставая существовать, “Еженедельная речь” соединилась с “Периодическою речью”, а потому и статейка ваша, два месяца назад, явилась в “Периодической речи”» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 198]. В комментариях к Полному собранию сочинений (ПСС) Достоевского в 30 томах и 15 томах написано, что писатель мог подразумевать газету «Русская речь», которая перестала существовать в 1861 году и соединилась с газетой «Московский вестник». Вероятно, такое предположение исследователями высказывалось на том основании, что действительно, как и в романе, произошло объединение редакций, и в одной из них заявлено слово «речь». В статье мы обратим внимание на ряд обстоятельств, связанных с особенностями политического контекста «Преступления и наказания» и взглядами Достоевского, которые указывают на расхождение с указанными в комментариях газетными прототипами и которые дают повод считать, что апелляции писателя конкретно к этой истории из издательского мира, скорее, не было. И что с большей вероятностью смена периодичности, которая обозначена в заголовках изданий, имела исключительно смысловую нагрузку, а не прототипическую.

Газета «Московский вестник» начала выходить в 1859 году. Ее редактором благодаря ходатайству И.С. Тургенева стал неширокo известный прозаик и журналист Н.Н. Воронцов-Вельяминов [Одесская, 1992, т. 1, с. 489]. При нем газета была либерального толка, она не транслировала революционные и социалистические взгляды, для нее была характерна назидательная интонация: уважение к законам; большое значение редакция придавала теме воспитания[1] [Московский вестник]. Мало чем отличалась и «Русская речь», которую двумя годами позже стала издавать и редактировать

[1] Отметим, однако, что в статьях газеты «Московский вестник» этого периода мы обнаружили всего несколько работ, посвященных непосредственно теме воспитания: см.: [Б. п., 1859а], [Б. п., 1859б].

Евгения Тур (Е.В. Салиас де Турнемир). В «Русской речи» тоже не находилось места острым вопросам (за исключением выступлений в защиту женского труда и за свободу образования), эта газета обозревала литературу, освещала различные современные европейские события, в том числе описывала нашумевшие судебные процессы; были материалы, посвященные историческим статьям, промышленно-экономическим, театральным темам. Не последовало перемен и после слияния в 1861 году «Московского вестника» с «Русской речью», когда Тур передала свою газету уже другому редактору Е.М. Феоктистову. После объединения газет обновленный печатный орган «Русская речь и Московский вестник» стал выходить реже — один раз в неделю вместо бывших двух. Возможно, комментаторы ПСС учитывали и эту деталь, говоря о прототипах «Еженедельной речи» и «Периодической речи».

События «Преступления и наказания» разворачиваются в 1865 году. Об этом из Висбадена Достоевский писал Каткову в сентябре 1865 года: «Действие современное, в нынешнем году. Молодой человек, исключенный из студентов университета, мещанин по происхождению, и живущий в крайней бедности, по легкомыслию, по шатости в понятиях поддавшись некоторым странным “недоконченным” идеям, которые носятся в воздухе, решился разом выйти из скверного своего положения» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_2, с. 136]. Смеем предполагать, что герой с такой характеристикой, студент 1865 года, размышление, где отражены принципиальные его идеи, отдал бы далеко не в газету «Московский вестник», который, по мнению исследователей, превратился в «бесцветную московскую и провинциальную хронику» [Московский вестник], и не в «Русскую речь» — газету без специального направления, которую еще на заре ее существования М.Н. Катков издевательски окрестил как издание, которое «<...> растворяет широко ворота для гонимых писателей, не находящих себе нигде места вследствие нетерпимости, которая господствует в нашей литературе» [Бирюкова, Стрижев, 2017, с. 254]. Вероятнее всего, идейный герой Раскольников питал бы амбиции опубликовать свое размышление в изданиях с четко оформленной программой, тем более что издательский рынок 1860-х годов не был ограничен в выборе: «Журналы плодились, писатели размножались, как грибы после дождика. В читателях тоже не было недостатка. Спрос на умственную пищу, на литературный труд возрастал не по дням, а по часам и едва мог удовлетвориться предложением,

несмотря на то, что литературный рынок завален был товарами, стекавшимися к нему со всех концов, со всех углов и захолустьев нашего обширного отечества. Литература стала какой-то насущной потребностью всякого мыслящего человека; она приковала к себе все его внимание и поглощала все его интересы. Поистине это был медовый месяц нашей журналистики» (Ткачев), цит. по: [Нечаева, 1972, с. 6–7]. На фоне такого разнообразия нам видится несоответствие в том, что «мыслящий» герой Раскольников, относящий себя к числу «необыкновенных», «имеющих дар или талант сказать в среде своей *новое слово*» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 200], с подачи автора романа мог отдать свою статью в редакцию, которая вызывала вопросы даже к собственному формату. Библиографы М.А. Бирюкова и А.Н. Стрижев пишут, что «Московский вестник» и «Русскую речь» современники «называли газетой и журналом, кто как, а то и просто газетой-журналом. Неопределенность типа издания порождала и неуместность части публикаций, и выбранный тон изложения» [Бирюкова, Стрижев, 2017, с. 258].

Предположение о том, что Раскольников более избирательно подошел бы к выбору издания, можно подтвердить работой К.А. Баршта «Философское эссе В.П. Буренина и статья Родиона Раскольникова в романе Достоевского “Преступление и наказание”» [Баршт, 2017], где предлагается мнение, что статья Раскольникова «О преступлении...» — аллюзия на статью журналиста Буренина, «молодого радикала», «типичного шестидесятника и нигилиста» [Баршт, 2017, с. 112, 120] (о возможных истоках статьи Раскольникова также см.: [Тихомиров, 2005, с. 234–248]), публиковавшегося в том числе в «Искре», «Зрителе», «Свистке» «Современника», «Библиотеке для чтения» и «Санкт-Петербургских ведомостях» (нам кажется закономерным, если бы и работа Раскольникова была опубликована в одном из них: у перечисленных изданий была продуманная программа, они пользовались большой популярностью у читателей). Баршт указывает, что генезис статьи Раскольникова кроется в фельетоне Буренина «Общественные и литературные заметки» от 31 октября / 12 ноября 1865, опубликованном в «Санкт-Петербургских ведомостях» под псевдонимом «Выборгский пустынник». В подготовительных материалах к роману Достоевский примерял эту газету в качестве возможной печатной площадки для статьи Раскольникова. В черновиках Достоевского Порфирий Петрович спрашивает у Родиона: «Скажите, статья в “Ведомостях” ваша?»;

«Скажите, в “Ведомостях” это ваша статья?» [Баршт, 2017, с. 119]. Мы склоняемся к тому, что от упоминания газеты «Санкт-Петербургские ведомости» Достоевский отказался, так как она и вовсе выпускалась каждый день, что писателю могло не подходить, так как периодичность, заявленная в заголовках редакций из романа, была важна ему в том числе и для того, чтобы показать уязвимое положение, в котором неожиданно для самого себя оказался Раскольников (важно подчеркнуть, что мы обращаем внимание на озабоченность Раскольникова, узнавшего о публикации, не в связи с тем, что статья вообще вышла в свет, а в связи с тем, что она попала не в газету, а в журнал). Дело в том, что материал, опубликованный в еженедельнике (газете), мог бы совсем не привлечь к себе внимания: номера, выходящие каждую неделю, а тем более каждый день, как «Санкт-Петербургские ведомости», стремительно меняют повестку и теряют актуальность. И сам Раскольников называет «старыми» газеты, вышедшие несколькими днями назад: «Да принеси ты мне газет, старых, этак дней за пять сряду, а я тебе на водку дам»[2] [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 124]. Срок жизни ежемесячного[3] издания более длительный, а потому требует к себе более серьезного внимания со стороны читателей: вдумчивого и размеренного чтения, широкого обсуждения, заинтересованности автором, — Раскольникова испугали потенциальные последствия журнальной работы, на которые он никак не мог изначально рассчитывать. И его вопрос: «Моя статья? В “Периодической речи”?» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 198], как нам кажется, нужно воспринимать через эту оптику. Вопрос выражает озабоченность героя, теперь он понял, что как автор журнальной статьи, пусть и подписанной буквой, он рискует быть опознанным в преступлении гораздо больше: на фоне громкого преступления журнал еще как минимум месяц будет расходиться среди читателей и обсуждаться другими редакциями.

[2] Далее Достоевский продолжает повествование: «Старые газеты и чай явились» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 124].

[3] «Периодическую речь» в романе герои называют преимущественно журналом: Порфирий Петрович: «Вспомнил тут я и вашу статейку, в журнальце-то, помните, еще в первое-то ваше посещение в подробности о ней-то говорили» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 345]; Авдотья Романовна: «Я читала его статью в журнале о людях, которым все разрешается...» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 379]; Пульхерия Александровна: «Я вот, Родя, твою статью в журнале читаю уже в третий раз <…>» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 395]. Только однажды упоминается слово «газетка»: «Раскольников взял газетку и мельком взглянул на свою статью» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 396].

Говоря о частоте выхода номеров печатного издания в романе, мы не можем обойти стороной и опыт самого Достоевского как издателя и журналиста. Обратим внимание на то, что еженедельник для писателя был синонимом газеты. Когда Михаил Достоевский задумывал издавать еженедельный журнал «Время» (в программе говорилось, что журнал «имеет выходить один раз в неделю», цит. по: [Нечаева, 1972, с. 32]) и делился этой идеей с Федором Достоевским, последний называл планируемое предприятие газетой: «Твоя газета, о которой ты мне писал, вещь премилая <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_1, с. 376]. И Плещеев, отвечая на вопрос о сотрудничестве, вслед за младшим Достоевским «Время» тоже называл газетой: «Вы говорите, что будете с братом издавать газету» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_1, с. 539]. Нам представляется, что это не случайное, а осознанное разграничение типа издания. Аргументировать это можно тем, что после первого обращения в цензурный комитет в 1858 г. с программой еженедельного «Времени», об этом см.: [Нечаева, 1972, с. 30–34] Достоевский продолжал обдумывать планы по изданию ежемесячника: так, в письме к Михаилу от 12 ноября 1859 года идея выпускать журнал звучит как абсолютно свежая, будто прежде не велись никакие обсуждения с братом: «<...> надо рискнуть и взяться за какое-нибудь литературное предприятие, — журнал, например...» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_1 с. 376]. В 1860 году, когда братья Достоевские снова направят запрос в цензурный комитет, то просить будут уже о ежемесячном издании, в отличие от первого прошения, где речь шла о еженедельном. Соглашаясь с тем, что на еженедельник у братьев могло не хватить «сил и материалов» [Першкина, 2013, с. 12], мы считаем, что дополнительно к этому у Федора Достоевского были амбиции издавать именно журнал (свои произведения он публиковал в толстых журналах, себя — потенциального издателя — он сравнивал с издателями журналов: Краевским[4] и Некрасовым), см.: [Достоевский, 1972–1990, т. 28_1 с. 376]. Кроме этого, обращает на себя внимание «Журнальная заметка о новых литературных органах и о новых теориях» (1863) Достоевского, в которой он выступил с отповедью газетам, об этом см.: [Загидуллина, 2008]. «Необыкновенное увеличение числа газет» — «газетоманию» 1860-х годов Достоевский сравнивал с «чем-нибудь вроде опухоли, чем-нибудь вроде флюса отечественной словесности» [Достоевский, 1972–1990,

[4] На момент написания письма Достоевского Краевский издавал журнал «Отечественные записки», газету «Голос» он начнет издавать в 1863 году.

т. 20, с. 59–60]. Оживление газетных редакций создавало, по мнению Достоевского, только показной либерализм и показной консерватизм, а вместе с тем газетчики серьезно осторожничали, — так он писал про газету «Голос» Краевского, досталось газете «Русский листок» Скарятина, газете «Московские ведомости» Каткова и П.М. Леонтьева, менее всего ироничный тон слышится в адрес газеты «День» Аксакова. Достоевский выступил именно против газетных редакций[5], он их сравнивал со «стадом куриц» во главе «с петухом», а газетные публикации писатель называл «кудактающим направлением» [Достоевский, 1972–1990, т. 20 с. 60–61]. Резкая критика Достоевского в адрес газетных редакций была вызвана тем, что они не выходили за рамки «умеренности и аккуратности», искусственно придавали злободневность малозначимым вопросам, избегая по-настоящему требующих внимания, об этом см.: [Битюгова, 1993], тогда как журнальные, напротив, рискуя собственным существованием, публиковали материалы на острые темы (например, журналы «Современник» и «Русское слово» были приостановлены за свою деятельность на восемь месяцев в 1862 году). Учитывая «Журнальную заметку...» Достоевского, мы считаем, что, помещая статью «О преступлении...» Раскольникова в журнал, а не в газету, писатель мог подчеркивать не только искренность ее изложения, но и своего рода знак качества. Потому что газеты, с одной стороны, своей сдержанностью, а с другой — подозревая студентов в поджогах, в 1860-х годах дискредитировали себя. Если через такую призму прочитать реакцию Разумихина: «— Браво, Родька! И я тоже не знал! <...> Сегодня же в читальню забегу и нумер спрошу! Два месяца назад? Которого числа? Все равно разыщу! Вот штука-то! И не скажет!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 198], то становится понятно, что он испытывает радость вовсе не потому, что статья наконец вышла в свет и что за нее Раскольникова ожидает гонорар, о котором ранее упоминал Порфирий Петрович: «Помилуйте, да вы деньги можете с них спросить за статью!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 198], а потому что идеи друга добились признания в журнальных

[5] Отметим, однако, что в «Журнальной заметке…» наряду с газетой «Московские ведомости», Достоевский неоднократно обращает свое едкое слово и в адрес журнала «Русский вестник» Каткова. Обойти стороной «Русский вестник» было нельзя, так как «Журнальная заметка…» была своего рода продолжением других статей, например, «Ответ “Русскому вестнику”», «По поводу элегической заметки “Русского вестника”».

кругах, которые по убеждениям, для Достоевского, стояли головой выше газетчиков.

Подводя итог, подчеркнем: нам кажется, что ни «Русская речь», ни «Московский вестник» — ни порознь, ни вместе — в 1860-х годах не могли иметься в виду Достоевским. На наш взгляд, Достоевский выбрал «Еженедельную речь» и «Периодическую речь» для того, чтобы указать разницу между типами издания — журналом и газетой. Избрав журнальную площадку, а не газетную, Достоевский сделал акцент на большей вероятности раскрытия преступления Раскольникова, а также том, что идеи, выраженные его героем, — серьезное выступление, а вовсе не «заигрывание» с новомодными идеями. Последний вывод мы делаем, основываясь на скептическом отношении Достоевского к газетным предприятиям, в развитии рынка которых он усматривал в большей степени спекуляцию [Достоевский, 1972–1990, т. 20, с. 60].

Список литературы

1. Баршт, 2017 — *Баршт К.А.* Философское эссе В.П. Буренина и статья Родиона Раскольникова в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вопросы философии. 2017. № 5. С. 112–123.
2. Бирюкова, Стрижев, 2017 — *Бирюкова М.А., Стрижев А.Н.* Газета «Русская речь» Евгении Тур // Литературоведческий журнал. 2017. № 42. С. 254–323.
3. Битюгова, 1993 — *Битюгова И.А.* Комментарии: Ф.М. Достоевский. Журнальная заметка. О новых литературных органах и о новых теориях // *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: в 15 т. СПб.: Наука, 1993. Т. 11. С. 531–534.
4. Б. п., 1859а — *Б. п.* Некоторые размышления о русском воспитании // Московский вестник. 1859. № 31. 15 августа.
5. Б. п., 1859б — *Б. п.* Некоторые размышления о русском воспитании // Московский вестник. 1859. № 33. 29 августа.
6. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
7. Загидуллина, 2008 — *Загидуллина М.В.* Журнальная заметка о новых литературных органах и о новых теориях // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник. СПб.: Пушкинский дом, 2008. С. 206–207.
8. Московский вестник — Московский вестник // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» (ФЭБ). URL: http://feb-web.ru/feb/periodic/pp0-abc/pp1/pp1-3821.htm (дата обращения: 29.04.2023).

9. Нечаева, 1972 — *Нечаева В.С.* Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Время». 1861–1863. М.: Наука, 1972. 316 с.

10. Одесская, 1992 — *Одесская М.М.* Воронцов-Вельяминов // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия; НВП «Фианит», 1989. Т. 1. А.–Г. С. 489.

11. Першкина, 2013 — *Першкина А.Н.* Журнал братьев Достоевских «Время»: история, поэтика, проблемы атрибуции: дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 315 с.

12. Тихомиров, 2005 — *Тихомиров Б.Н.* «Лазарь! Гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении. СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.

References

1. Barsht, K.A. "Filosofskoe esse V.P. Burenina i stat'ia Rodiona Raskol'nikova v romane F.M. Dostoevskogo 'Prestuplenie i nakazanie'" ["V.P. Burenin's Philosophical Essay and the Article by Rodion Raskolnikov in Dostoevsky's Novel *Crime and Punishment*"]. *Voprosy filosofii*, no. 5, 2017, pp. 112–123. (In Russ.)

2. Biriukova, M.A., and A.N. Strizhev. "Gazeta 'Russkaia rech'' Evgenii Tur" ["Evgenya Tur's Newspaper *Russkaya Rech'*"]. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 42, 2017, pp. 254–323. (In Russ.)

3. Bitiugova, I.A. "Kommentarii: F.M. Dostoevskii. Zhurnal'naia zametka. O novykh literaturnykh organakh i o novykh teoriiakh" ["Commentary: Fyodor Dostoevsky. A Journal Note. About New Literary Authorities and New Theories"]. Dostoevskii, F.M. *Sobranie sochinenii: v 15 tomakh* [*Collected Works: in 15 vols*], vol. 11. St. Petersburg, Nauka Publ., 1993, pp. 531–534. (In Russ.)

4. B.p. "Nekotorye razmyshleniia o russkom vospitanii" ["Some Thoughts about Russian Education"]. *Moskovskii vestnik*, no. 31, 15 Aug. 1859. (In Russ.)

5. B.p. "Nekotorye razmyshleniia o russkom vospitanii" ["Some Thoughts about Russian Education"]. *Moskovskii vestnik*, no. 33, 29 Aug. 1859. (In Russ.)

6. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

7. Zagidullina, M.V. "Zhurnal'naia zametka o novykh literaturnykh organakh i o novykh teoriiakh" ["A Journal Note. About New Literary Authorities and New Theories"]. Shchennikov, G.K., and B.N. Tikhomirov, eds. *Dostoevskii: Sochineniia, pis'ma, dokumenty: Slovar'-spravochnik* [*Dostoevsky: Works, Letters, Documents. Reference Dictionary*]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2008, pp. 206–207. (In Russ.)

8. "Moskovskii vestnik" ["The Moscow Bulletin"]. *Fundamental'naia elektronnaia biblioteka "Russkaia literatura i fol'klor"* [*Basic Electronic Library "Russian Literature and Folklore"*]. Available at: http://feb-web.ru/feb/periodic/pp0-abc/pp1/pp1-3821.htm (Accessed 29 Apr. 2023) (In Russ.)

9. Nechaeva, V.S. *Zhurnal M.M. i F.M. Dostoevskikh "Vremia". 1861–1863* [*Mikhail and Fyodor Dostoevsky's Magazine* Vremia]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 316 p. (In Russ.)

10. Odesskaia, M.M. "Vorontsov-Vel'iaminov" ["Vorontsov-Velyaminov"]. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'* [*Russian Writers. 1800–1917: Biographical Dictionary*], vol. 1: A.–G. Moscow, Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia; NVP "Fianit" Publ., 1989, p. 489. (In Russ.)

11. Pershkina, A.N. *Zhurnal brat'ev Dostoevskikh "Vremia": istoriia, poetika, problemy atributsii* [*The Magazine of the Dostoevsky's Brothers* Vremia*: History, Poetics, Problems of Attribution: PhD Dissertation*]. Moscow, 2013. 315 p. (In Russ.)

12. Tikhomirov, B.N. *"Lazar'! Griadi von". Roman F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" v sovremennom prochtenii. Kniga-kommentarii* [*"Lazarus, Come Out." A Contemporary Reading of Dostoevsky's Novel* Crime and Punishment. *Book-Commentary*]. St. Petersburg, Serebriannyi vek Publ., 2005. 472 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 30.04.2023
Одобрена после рецензирования: 09.11.2023
Принята к публикации: 14.12.2023
Дата публикации: 25.03.2024

The article was submitted: 03 Apr. 2023
Approved after reviewing: 09 Nov. 2023
Accepted for publication: 14 Dec. 2023
Date of publication: 25 Mar. 2024

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 1 (25), 2024.

Научная статья / Research Article
УДК 821
ББК 83.3
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-103-114
https://elibrary.ru/SOUIRI

© 2024. Ирина Львова
Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия

Книги Достоевского в произведениях американской литературы XX века (Н. Уэст, Д. Ирвинг, Ф. Рот)

© 2024. Irina V. Lvova
Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Dostoevsky's Books in 20th-Century American Literature (Nathanael West, John Irving, Philip Roth)

Информация об авторе: Ирина Вильевна Львова, доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии и скандинавистики, Петрозаводский государственный университет, ул. Ленина, д. 33, 18500 г. Петрозаводск, Россия.
https://orcid.org/0000-0003-3193-1222
E-mail: ilvovaster@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается, как присутствие книг Достоевского в сюжете литературного произведения выявляет характер рецепции Достоевского, определяет специфику художественного мира произведения, трансформацию устойчивых мотивов, образов в современной американской литературе на примере произведений Н. Уэста, Д. Ирвинга и Ф. Рота. Доказывается, что использование чтения книги Достоевского как устойчивого мотива привносит в произведение обязательный элемент литературной полемики как героя, так и автора. Главный прием, используемый писателями — пародирование тем, образов произведений Достоевского является основным способом переосмысления сложившейся традиции восприятия творчества русского писателя.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, рецепция, Н. Уэст, Д. Ирвинг, Ф. Рот, мотив, книга.

Для цитирования: *Львова И.В.* Книги Достоевского в произведениях американской литературы XX века (Н. Уэст, Д. Ирвинг, Ф. Рот) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25). С. 103–114. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-103-114

Information about the author: Irina V. Lvova, DSc in Philology, Professor, Department of Germanic philology and Scandinavian studies, Petrozavodsk State University, Lenin 33, 18500 Petrozavodsk, Russia.
https://orcid.org/0000-0003-3193-1222
E-mail: ilvovaster@gmail.com

Abstract: The article examines the presence of Dostoevsky's books in the plot of the novels by Nathanael West, John Irving, and Philip Roth, in order to show how Dostoevsky was perceived by American writers and determined the specifics of the poetics and the transformation of constant motifs and images in modern American literature. It is proved that the use of Dostoevsky's books as a stable motif introduces into these works an obligatory element of literary polemics for both the hero and the author. The main technique used by writers (parodying themes and images of Dostoevsky's works) becomes the main way to rethink the existing tradition of perceiving the work of the Russian novelist.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, reception, Nathanael West, John Irving, Philip Roth, motive, book.

For citation: Lvova, I.V. "Dostoevsky's Books in 20th-Century American Literature (Nathanael West, John Irving, Philip Roth)." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 1 (25), 2024, pp. 103–114. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-103-114

Творчество Достоевского оказало огромное влияние на развитие американской литературы в XX веке. Однако интерес к Достоевскому на протяжении всего американского знакомства с ним был разным по характеру и интенсивности. В период так называемого «культа Достоевского» (1910–1920-е годы) Достоевский был прочитан как проповедник религии страдания, пророк, мистик, психолог, исследователь больного сознания. В это время американская рецепция определялась европейским влиянием. Первый период достаточно хорошо изучен отечественным и зарубежным сравнительным литературоведением. [Muchnic, 1939], [Сохряков, 1982], [Николюкин, 1987]. Вторая волна интереса возникает 1940–1960-е годы, она была наиболее интенсивной и по вовлеченности в чтение и изучение Достоевского и по глубине постижения его творчества. В 1940-е–1960-е годы происходит пересмотр сложившихся представлений о писателе и формируется собственно американская рецепция Достоевского.

Влияние Достоевского на американскую литературу этого периода является предметом активных исследований [Мотылева, 1961], [Анастасьев,1991], [Львова, 2008], использование прямых цитат из произведений писателя, аллюзий, мотивов, образов Достоевского

становится типичным приемом в произведениях американских писателей XX века. А чтение книг Достоевского героями произведений становится часто используемым элементом сюжета.

В данной статье предпринята попытка проанализировать, как присутствие книг Достоевского в сюжете литературного произведения выявляет характер рецепции Достоевского, определяет специфику художественного мира произведения, трансформацию устойчивых мотивов, образов в современной американской литературе.

Материалом для анализа стали произведения американских писателей XX века, где присутствует книга Достоевского как образ и элемент сюжета: Н. Уэста «Подруга скорбящих» (1933), Д. Ирвинга «Мир по Гарпу» (1978), Ф. Рота «Голос его любовницы» (1986). Важно отметить, что герои этих романов — литераторы, писатели, для которых обращение к книгам Достоевского является важнейшим способом самораскрытия и саморефлексии. Для автора включение книг Достоевского в литературный сюжет дает возможность для литературной полемики с литературной традицией. Повествование зачастую становится авторским комментарием к книге Достоевского. Использование книги Достоевского как смыслообразующей детали является и ключом к пониманию проблематики произведения.

Н. Уэст (1903–1940) — выдающийся писатель-сатирик, чье творчество относят к американской литературе «черного юмора». Его произведение «Подруга скорбящих» — наиболее значительное и известное произведение автора. В нем он создал портрет современного христианского проповедника, журналиста, ведущего в газете колонку, в которой дает утешительные советы читателям, ищущим к него защиты и облегчения страданий.

Книга «Братья Карамазовы» упоминается в первой главе «Подруга скорбящих и ягненок», в эпизоде, описывающем комнату героя. Рядом с распятием лежит том «Братьев Карамазовых» с закладкой «на главе о старце Зосиме: “<...> любите человека и во грехе его, ибо сие уже подобие Божеской любви и есть верх любви на земле. Любите все создание Божие, и целое, и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч Божий любите. Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь и тайну Божию постигнешь в вещах. Постигнешь однажды и уже неустанно начнешь ее познавать все далее и более, на всяк день. И полюбишь наконец весь мир уже все целою, всемирною любовью”». Приведенная цитата из книги становится поводом для иронического комментария

героя: «Прекрасный совет. Если бы он последовал ему, то преуспел бы в жизни. Его колонку распространили бы агентства печати, и мир научился бы любить. Наступило бы Царствие Небесное. Он сел бы одесную Агнца». [Уэст, 2001, с .68]. Мысль о невозможности воплощения христианского идеала в современном мире определяет основную тему произведения. Описание распятия Христа, который «висел спокойно и декоративно», создает смысловой и эмоциональный ряд, который будет далее разрабатываться в произведении. Декоративность, внешнее следование догме при отсутствии веры — причина страданий героя, которую он осознает: «Если бы он верил в Христа, тогда прелюбодеяние было бы грехом, все стало бы просто, а ответить на письма — легче легкого». [Уэст, 2001, с. 86]. В произведении Уэста последовательно проводится антитеза «бизнес от Христа» (Christ business) и «мечта о Христе» (Christ dream), именно эти два полюса определяют внутренний конфликт героя, занимающегося «христианским бизнесом», но тоскующего по истинной любви и вере. «Христианство Достоевского» есть именно выражение «мечты о Христе» главного героя. В этой связи важно замечание, сделанное Уэстом, проясняющее особенности его восприятия Достоевского: «Если нам суждено выжить, следующее столетие должно принадлежать христианству Достоевского (Dostoevsky's Christianity)»[1] [Light, 1958, p. 213].

Двойственность героя, который, как и подпольный Достоевского, тоскует по идеалу, но сознает свою неспособность следовать ему, определяет его поступки. «У меня комплекс Христа», — говорит он невесте Бетти — «я возлюбил человечество. Каждого сломленного кретина» [Уэст, 2001, с. 72]. Его размышления о невозможности любви к ближнему перекликаются с подобными рассуждениями героев Достоевского. Версилов говорит: «Тут какая-то ошибка в словах с самого начала, и "любовь к человечеству" надо понимать лишь к тому человечеству, которое ты же сам и создал в душе своей <...>» и предлагает Аркадию компромисс: «Любить своего ближнего и не презирать его — невозможно»; «<...> делай им добро, скрепя свои чувства <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 13. с. 174].

Далее сюжет развивается как авторский комментарий к приведенной цитате из книги Достоевского. Автор приводит своего героя к гибели, сатирически изображая его попытки приблизиться к «хри-

[1] Здесь и далее перевод англоязычных цитат мой. — *И.Л.*

стианскому идеалу любви». Герой Уэста — это гротескный персонаж, действующий в гротескной ситуации. Функция гротеска в повести — сатирически заострить нравственные и социальные проблемы, но гротеск Уэста также выявляет трагическое мироощущение писателя, размышляющего о возможности воплощения христианского идеала любви. Таким образом, упоминание о книге Достоевского в произведении является приемом, необходимым, чтобы раскрыть источник внутреннего конфликта героя, проблематику произведения, а также возможность художественного комментария к тексту Достоевского.

Джон Ирвинг (1942) — американский романист, новеллист, сценарист. Роман «Мир по Гарпу» (1976) — самое известное произведение писателя, ставшее культовой книгой десятилетия, сравнимой с «Над пропастью во ржи» Д. Сэлинджера. Это роман воспитания и роман-биография писателя Т.С. Гарпа, тема становления художника — ведущая в романе. Тем самым в романе заявлены две точки зрения на творчество Достоевского: героя и самого автора. Рассказывая историю формирования Гарпа, Ирвинг упоминает Достоевского как пример писателя — мастера для своего героя.

Главная книга Достоевского, являющаяся в романе и важной деталью, и элементом сюжета, — «Вечный муж». Книга становится и поводом для переосмысления некоторых мотивов и образов произведений Достоевского.

Обращение к теме «вечного мужа» объясняется важностью проблем семьи и брака в романе. Девятая глава так и называется «Вечный муж», по замыслу она должна была открывать книгу. В окончательном варианте тема вечного мужа звучит в самый драматичный момент жизни Гарпа — когда его семейная жизнь оказывается под угрозой разрушения, а измена жены, его ревность приводит к трагическому финалу — гибели сына.

Сама тема вводится в роман с помощью эпизода, который имеет символический смысл. Гарп знакомится с миссис Ральф, матерью друга своего сына, которая при встрече швыряет в него книгу Достоевского.

«Вы ведь писатель?» — обвиняющим тоном сказала миссис Ральф, помахала книгой «Вечный муж» перед Гарпом и спросила: «Что вы думаете об этом?». [Irving, 1976, с. 257]. «Это прекрасная история» — сказал Гарп. К счастью, он помнил эту книгу: искусно усложненная (neatly complicated), полная описаний извращений и противоречий в человеческой природе. «Я считаю, что это отвра-

тительная (sick) история. Мне бы хотелось знать, что особенного в этом Достоевском». «Ну, сказал, — Гарп, — его герои сложны эмоционально и психологически». «Его женщины даже меньше, чем просто объекты», — сказала миссис Ральф. — «Они бесформенны (don't have shape). Это просто идеи, которые мужчины обсуждают и с которыми играют», — она вышвырнула книгу из окна, та угодила в Гарпа и отлетела на поребрик». [Irving, 1976, c. 257–258].

Далее обсуждение продолжается уже с женой Гарпа Хелен, которая, увидев книгу «Вечный муж», заметила:

«Странная книга, которую могла бы женщина дать мужу другой женщины». «Она не дала мне ее, а бросила ее в меня. <...> Она сказала, Достоевский несправедлив к женщинам». Хелен выглядела озадаченной «Я бы не сказала, что история об этом». «Конечно нет, — вскричал Гарп. — Эта женщина — идиотка. Она понравилась бы моей матери» [Irving, 1976, c. 261].

Книга Достоевского в данном случае — также повод для начала литературной полемики героев, а для автора — возможность собственного комментария, которое выражается в пародировании известных тем, мотивов Достоевского.

Отсылка к «Вечному мужу» Достоевского вводит в роман мотивы измены, ревности и дает новый контекст, в котором положение героя рассматривается через призму повести Достоевского.

Многого из того, что составляет феномен «вечного мужа» (подпольность, самоуничижение, болезненная амбициозность, социальная неполноценность, которая порождает тип жертвы, хищника и буффона, желание самоопределения, мести, сложность мотивировок поведения), нет к Ирвинга. Главный мотив — мести — снят в романе, а следовательно, сюжетные коллизии, связанные со сложной местью Трусоцкого и его самоопределением, в романе Ирвинга отсутствует. Да и социальная роль Гарпа не может быть сведена к одной функции — мужа. Ирвинг, на наш взгляд, изменяет контекст, в котором существует его герой, тем самым трансформирует и тип «вечного мужа». Это контекст — феминистский (мать Гарпа — известная феминистка), который представлен как комический. В образе «вечного мужа» Ирвинга актуализируются прежде всего его комические черты. Ситуация, в которую попадает герой, ситуация абсурда, обращение к Достоевскому призвано усилить этот абсурд, в романе Ирвинга вечный муж — это абсурдный герой в абсурдном мире.

Как и Достоевский, рассказывая историю доверчивого мужа, Ирвинг перемежает откровенно буффонные сцены с драматическими. Комизм положений, в которые попадает герой, сменяется трагической развязкой. Гибель ребенка (мотив, типологически связанный с Достоевским) лишь подчеркивает трагизм абсурдного мира и героя, подтверждая главную идею книги: «В мире по Гарпу мы все безнадежны» (terminal cases). [Irving, 1976, c. 609]

Таким образом, книга Достоевского в романе является важным элементом сюжета и необходимым маркером того, что сюжет Достоевского намеренно переосмысливается автором, служит для развития его собственного сюжета. Пародирование мотивов Достоевского — это продолжение диалога с писателем, переработка образов и мотивов его произведения.

Ф. Рот (1933–2018) — один из крупнейших американских писателей второй половины XX века. Особенностью поэтики творчества Рота является и то, что он широко использует комические приемы, прежде всего пародию. Исследователями отмечено пародирование мотивов современной литературы [Baumgarten, 1990], [Halio, 1992], «карнавализации ортодоксальной эмигрантской еврейской культуры» [Ramasamy, 1999, p. 10]. В произведениях Рота, однако можно говорить о карнавализации литературной традиции, в том числе и творчества Ф.М. Достоевского.

Рассказ «Голос его любовницы», опубликован в 1986 году в журнале «Партизан Ревью» Рассказ представляет собой женский монолог. По своей структуре он приближается к потоку сознания, для него характерна фрагментарность, повышенная ассоциативность, упрощенный синтаксис, обрыв причинно-следственных связей, а тип героини, «вульгарной ограниченной женщины», может быть соотнесен с героиней одного из самых известных произведений раннего творчества Рота «Случай Портного» Мартышкой. Первоначальное название произведения Ф. Рота — «Мой женский портрет». Таким образом, голос повествователя и автора сближаются в произведении и порой трудно различимы. Поэтому героиня — тоже своего рода писательница, вступающая в литературную полемику со своим любовником-интеллектуалом Д.А. Это дает возможность остранения, в том числе для того, чтобы вести разговор о Достоевском.

Реминисценции из Достоевского появляются во второй части рассказа, когда героиня, желая удержать своего любовника, обра-

щается к чтению. Первый роман, который она прочитывает полностью — «Преступление и наказание».

Книга Достоевского в этом произведении прямо не присутствует, однако мы узнаем, что героиня читает Достоевского на кладбище. Этот новый комический контекст, в котором происходит знакомство с Достоевским, определяет и ее восприятие героиней. Она актуализирует те смыслы, которые помогают ей решить собственные психологические проблемы. Таким образом, рассказ героини о книге Достоевского («Преступление и наказание») — это прием для психологической характеристики героини.

Целый абзац посвящен впечатлениям о романе писателя:

«На кладбище я закончила “Преступление и наказание”. Великолепная, полная неистовства книга. Я начала “Братьев Карамазовых”, надеясь найти там еще больше ярости. Ярость, должно быть, труднее всего описать. И так же трудно ее сохранить. И так же трудно взглянуть ей в лицо. Все кругом испытывают невероятный гнев и ярость. Но все что они делают — подличают и гадят ближним. Гадят друзьям, детям, любимым. Но извлечь ее и перемолоть, чтобы превратить в “Преступление и наказание” — браво. Независимо от описания. Я знаю, что делает писателей великими. Они знают все о грязной изощренности человека. Чувствительность просто выплескивается из них <...>. Они значительные, властные, неотступные, не допускающие возражений, самоуверенные, настойчивые, какими, как считается, должны быть отцы. Чтение Достоевского было для меня лекарством. Его власть надо мной была необычайной. Фантазии Достоевского — это мои фантазии. Он охватывает все, что я узнала с молоком матери <...>. Через книгу сумасшедшего я узнала ужасную правду. Насилие и унижение, унижение и насилие, и ненависть, за которую цепляешься, чтобы выжить. Приходится. Чтобы что-то оставить, нужно сначала возненавидеть» [Roth, 1986, p. 170].

Хотя высказывание принадлежит героине, оценка Достоевского близка той, которую давал Рот в интервью, когда отмечал, что открытия Достоевского ценны для изучения человеческой психологии, «человеческой ненависти и ярости». [Roth, 1992, p. 173].

Кроме того, в этом суждении нашли отражения и распространенные представления о Достоевском как о безумце, чье творчество посвящено исследованию больной психики. Наложение двух голосов и двух представлений о писателе (серьёзного и тривиаль-

ного, несерьезного) создают новую перспективу для его рецепции: Достоевский в данном случае — и писатель, и персонаж, включенный в комическую игру.

Обращение к Достоевскому меняет характер повествования и тональность. Героиня находит для себя не только способ высказывания, но и традицию, которая помогает рассказать о своем психологическом состоянии. С этого момента она начинает сопоставлять и идентифицировать себя с героями «Преступления и наказания» Достоевского, прежде всего с Раскольниковым. Сюжет романа вплетается в повествовательную ткань рассказа. Так начинает звучать мотив преступления и наказания, причем героиня соотносит книгу с собственным опытом, когда рассказывает историю одного из знакомых Д.А., зарезавшего свою подружку: «Мне одиноко без моего Раскольникова. Ужасно жить в постоянном надрыве. Все кажется преувеличенным. Я думаю, что Достоевский влюбился в него. Я бы закончила книгу не так. Не могу представить, как за двойное убийство старухи и швеи интеллектуалом из самой элиты его не пристукнули какой-нибудь дубиной. <…> Я бы сделала получше. Легкий приговор — это сказочки. Я бы прикончила мистера Раскольникова сразу же. Хотя ярость и гнев на людей, которые не причинили ему настоящего вреда, довольно человечны. Ненависть и отвращение — вот с чем остается человек наедине. Я понимаю эту книгу: умный бездельник, бесконечно страдающий. Такая ярость может быть положена на музыку <…>. Люди не стареют, они наполняются яростью <…>. Меланхолия, рабство и ярость. Обеды, путешествия, эскапады, кутежи и ярость» [Roth, 1986, p. 171].

Таким образом преступление Раскольникова интерпретируется героиней неоднозначно: оно проецируется на собственную ситуацию. Героиня подчеркивает бесчеловечность убийцы, который должен понести наказание, причем холодный интеллектуализм Раскольникова ассоциируется с Д.А., она сострадает его жертвам, пока не приходит к мысли, что преступник — тоже жертва. Тогда она идентифицирует себя с Раскольниковым. С героем Достоевского ее роднит одержимость: «Послушай, моя глупость — это не самая страшная проблема. Более страшная — это одержимость (high spirits). <…>. Она создает больший хаос, чем депрессия. Просто убивает тебя. Я человек, чьи чувства трудно остановить на полпути. Вот такая история» [Roth, 1986, p. 175]. Да и ее откровенные признания в нравственном релятивизме и даже аморализме: «У меня нет мора-

ли. Моя мораль разрешает мне все» [Roth, 1986, p. 163], — сближают ее с героем Достоевского.

Теперь рассказ об эпизодах собственной жизни она сопровождает комментарием: «Это то, что описывает Достоевский», т.е. это ситуация из Достоевского, как бы ее увидел писатель.

Сохраняя комический характер повествования, Рот использует и самопародии: тогда комментарии теряют причинно-следственную связь и обнаруживают свою алогичность: «Ничто не может убить Д.А. Яд лишь приободрил бы его. Он не мог бы утонуть <...> а я боюсь, что грузовик собьет меня, когда моюсь в ванной. Если еще нет великой книги на эту тему, она должна быть написана. Достоевским» [Roth, 1986, p. 173]. Тем самым выявляется абсурдность и самого положения героини и ее комментариев.

Возникает новый образ повествователя, буффона. Буффонада как литературный прием дает ему свободу высказывания. Подчеркнутый «антиинтеллектуализм» героини — всего лишь маска, которую автор и не скрывает. Далее противостояние «невежественной» героини и любовника-интеллектуала превращается в литературную полемику. В центре ее — вопрос о правде в искусстве. Если Д.А. в начале рассказа утверждает, что «художник сохраняет человеческие фантазии, а эти фантазии определяют все» [Roth, 1986, p. 169], то повествователь говорит о приоритете правды в искусстве, которая заключается в том, что художник создает образ человека так, как он существует в действительности.

Но и это суждение облечено в комическую форму, обнаруживая свою неокончательность, неопределенность: «Не могу сказать, что схожу с ума по Томасу Гарди, конечно, он не в той лиге, что Достоевский. У Достоевского всегда чувствуешь, что он всегда точен, что он видел все это. <...> Но в последней части Джуда есть правда. Правда — это то для чего пишутся романы, я думаю так» [Roth, 1986, p. 175].

Включение аллюзий, реминисценций из «Преступления и наказания» Достоевского составляет художественную ткань рассказа, организует сюжет, создает образ героя, и определяет как способ его высказывания, так и круг обсуждаемых проблем.

Во всех трех случаях книга Достоевского является узнаваемым знаком, его использование предполагает знакомство читателя с текстом и литературным контекстом. Задача писателя — вписать его в новый культурный контекст, наполнить новым смыслом. При-

сутствие книги привносит в произведение обязательный элемент литературной полемики как героя, так и автора. Главный прием, используемый писателями — пародирование тем, образов произведений Достоевского — является основным способом переосмысления сложившейся традиции восприятия творчества русского писателя.

Список литературы

1. Анастасьев, 1991 — *Анастасьев Н.А.* Владелец Йокнапатофы (Уильям Фолкнер). М.: Книга, 1991. 416 с.

2. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

3. Львова, 2008 — *Львова И.В.* Ф.М. Достоевский и американский роман 1940–1960-х годов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 312 с.

4. Мотылева, 1961 — *Мотылева Т.Л.* Достоевский и мировая литература. // *Мотылева Т.* Иностранная литература и современность. М.: Сов. писатель, 1961. 368 с.

5. Николюкин, 1987 — *Николюкин А.Н.* Взаимосвязи литератур России и США. Тургенев, Толстой, Достоевский и Америка. М.: Наука, 1987. 406 с.

6. Сохряков, 1982 — *Сохряков Ю.И.* Русская классика в литературном процессе США первой трети XX века: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1982. 368 с.

7. Уэст, 2001 — *Уэст Н.* День саранчи. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. 336 с.

8. Baumgarten — *Baumgarten M.* Understanding Philip Roth. Columbia: University of South Carolina Press, 1990. 276 p.

9. Halio, 1992 — *Halio J.* Philip Roth Revisited. N.Y.: Twayne Publishers, 1992. 232 p.

10. Irving, 1976 — *Irving J.* The World According to Garp. N.Y.: Pocket Books. 1976. 609 p.

11. Light, 1958 — *Light J.* Violence, Dreams, and Dostoevsky: The Art of Nathaniel West // College English. 1958. Vol. 19, no. 5. Pp. 208–215.

12. Muchnic, 1939 — *Muchnic H.* Dostoevsky's English Reputation (1881–1936). Northampton: Smith College, 1939. 210 p.

13. Ramasamy, 1999 — *Ramasamy P.* The Fiction of Philip Roth. A Bakhtinian Study. Pondicherry: Busy Bee Books, 1999. 177 p.

14. Roth, 1992 — *Roth Ph.* Conversations with Philip Roth. Mississippi: Univ. Press of Mississippi, 1992. 291 p.

15. Roth, 1986 — *Roth Ph.* His Mistress's Voice // Partisan Review. 1986. 27 February. pp. 155–176.

References

1. Anastas'ev, N.A. *Vladelets Ioknapatofy (Uil'jam Folkner)* [*The Owner of Yoknapatawpha (William Faulkner)*]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 416 p. (In Russ.)

2. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

3. L'vova, I.V. *F.M. Dostoevskii i amerikanskii roman 1940–1960-h godov* [*Fyodor Dostoevsky and the American Novel in 1940s–1960s*]. Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU Publ., 2008. 312 p. (In Russ.)

4. Motyleva, T.L. "Dostoevskii i mirovaia literatura" ["Dostoevsky and World Culture"]. Motyleva, T. *Inostrannaia literatura i sovremennost'* [*Foreign Literature and Contemporary Age*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1961. 368 p. (In Russ.)

5. Nikoliukin, A.N. *Vzaimosviazi literatur Rossii i SShA. Turgenev, Tolstoi, Dostoevskii i Amerika* [*Connections Between Russian and American Literature. Turgenev, Tolstoy, Dostoevsky, and America*]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 406 p. (In Russ.)

6. Sokhriakov, Iu.I. *Russkaia klassika v literaturnom processe SShA pervoi treti XX veka* [*Russian Classics in the US Literary Process of the First Third of the 20th Century: PhD Dissertation*]. Moscow, 1982. 110 p. (In Russ.)

7. West, Nathanael. *Den' saranchi* [*The Day of the Locust*]. St. Petersburg, Izd. Ivana Limbakha Publ., 2001. 336 p. (In Russ.)

8. Baumgarten, Murray. *Understanding Philip Roth.* Columbia, University of South Carolina Press, 1990. 276 p. (In English)

9. Halio, Jay L. *Philip Roth Revisited.* New York, Twayne Publishers, 1992. 232 p. (In English)

10. Irving, John. *The World According to Garp.* New York, Pocket Books, 1976. 609 p. (In English)

11. Light, James F. "Violence, Dreams, and Dostoevsky: The Art of Nathaniel West." *College English*, vol. 19, no. 5, Feb. 1958, pp. 208–215. (In English)

12. Muchnic, Helen. *Dostoevsky's English Reputation (1881–1936)*. Northampton, Smith College, 1939. 210 p. (In English)

13. Ramasamy, Purushothaman. *The Fiction of Philip Roth. A Bakhtinian Study*. Pondicherry, Busy Bee Books, 1999. 177 p. (In English)

14. Roth, Philip. *Conversations with Philip Roth.* Mississippi, Univ. Press of Mississippi, 1992. 291 p. (In English)

15. Roth, Philip. "His Mistress's Voice." *Partisan Review*, 27 Feb. 1986, pp. 155–176. (In English)

Статья поступила в редакцию: 11.12.2023
Одобрена после рецензирования: 12.12.2023
Принята к публикации: 10.02.2024
Дата публикации: 25.03.2024

The article was submitted: 11 Dec. 2023
Approved after reviewing: 12 Dec. 2023
Accepted for publication: 10 Feb. 2024
Date of publication: 25 Mar. 2024

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 1 (25), 2024.
Научная статья / Research Article
УДК 82.09
ББК 83
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-115-133
https://elibrary.ru/YLRIBJ

© 2024. Владимир Двоеглазов
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», Киров, Россия

«Правда» в исследовательских работах А.П. Скафтымова о Достоевском

© 2024. Vladimir V. Dvoeglazov
Vyatka State University, Kirov, Russia

“Pravda” in Skaftymov’s Research on Dostoevsky

Информация об авторе: Владимир Викторович Двоеглазов, кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», ул. Московская, д. 36, 610000 г. Киров, Россия.
https://orcid.org/0000-0002-7914-0190
E-mail: vladimir6798@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются работы литературоведа-классика А.П. Скафтымова о творчестве Ф.М. Достоевского. Цель — попытка начального определения используемого ученым понятия «правда» по отношению к смыслу произведений художника. Выясняется, что значение этого понятия уточнялось от момента создания Скафтымовым студенческого реферата к завершению итоговой работы о писателе. «Правда» постепенно обретает значение этико-онтологической основы человека, по сути — Христовой любви, с которой связана идея произведений: «покрывающая» мысль о «правде» — прощение и любовь, которые есть функциональное наполнение образов-типов князя Мышкина из романа «Идиот», Лизы (героини повести «Записки из подполья»). По Скафтымову, князь Мышкин — выражение правды Достоевского. Герой живет любовно-открытым приятием бытия, точным ощущением нравственного самочувствия, пониманием человеческой гордости и прощением человека, состраданием. Лиза, тоже как «истинный» человек, наделена бескорыстным сердечным сочувствием, способностью к самоотданию и нравственной чуткостью. Важнейшие качества указанных героев — признак и «гордецов» Достоевского, в глубине души тоскующих по братской любви и не отдающихся ей. С опорой на современное православное богословие, предполагаем, состояние «истинных» героев в художественном мире Достоевского описывается Скафтымовым как праведное. «Правда» любви и прощения, открытая творчеством Достоевского, интерпретируется Скафтымовым и как свободный закон жизни.

Ключевые слова: творчество Ф.М. Достоевского, исследования А.П. Скафтымова, концепция личности, типы персонажей, «правда», праведность.

Для цитирования: *Двоеглазов В.В.* «Правда» в исследовательских работах А.П. Скафтымова о Достоевском // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25). С. 115–133. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-115-133

Information about the author: Vladimir V. Dvoeglazov, PhD in Philology, Associate Professor, Vyatka State University, Moskovskaya St. 36, 610000 Kirov, Russia.

https://orcid.org/0000-0002-7914-0190

E-mail: vladimir6798@yandex.ru

Abstract: The article explores the works of classical literary critic Skaftymov concerning Dostoevsky. Its aim is to provide an initial definition of the concept of “pravda,” as used in Skaftymov’s scholarly works. The meaning of this concept evolves from a student essay to the completion of the final work about the writer. “Pravda” is understood as the ethical and ontological foundation of an individual rooted in Christ’s love. It is closely tied to the ideas present in Dostoevsky’s works, where the ultimate expression of “pravda” is found in forgiveness and love. Forgiveness and love serve as the functional essence of characters such as Prince Myshkin from the novel *The Idiot* and Liza (the heroine of the story *Notes from Underground*). Prince Myshkin epitomizes Dostoevsky’s truth, living with a lovingly open acceptance of existence, a comprehension of human pride and forgiveness, compassion, and a keen sense of moral well-being. Similarly, Lise embodies “true” characteristics, including selfless heartfelt sympathy, the capacity for self-sacrifice, and moral sensitivity. These qualities are also found in Dostoevsky’s “proud” characters, who yearn for brotherly love but struggle to attain it. Skaftymov portrays the state of these “true” heroes in Dostoevsky’s artistic world as akin to Orthodox righteousness. The concept of “pravda” in Skaftymov’s interpretation is considered as a free law of life, emphasizing love and forgiveness as fundamental principles in Dostoevsky’s work.

Keywords: Dostoevsky’s work, Skaftymov’s research, the concept of person, types of heroes, “pravda,” righteousness.

For citation: Dvoeglazov, V.V. “‘Pravda’ in Skaftymov’s Research on Dostoevsky.” *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 1 (25), 2024, pp. 115–133. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-115-133

Достоевский, как отмечается специалистами, был одним из «любимых» писателей А.П. Скафтымова — литературоведа, имя которого «давно известно и признано в ученом мире России и Запада» и труды которого «проверены временем и написанное им останется в науке навсегда» [Никитина, Макаровская, 1968, с. 379].

Скафтымов посвятил художнику несколько собственно исследовательских работ (студенческий реферат и первую печатную статью, работы о романе «Идиот» и о «Записках из подполья»). Кроме того, известны относящиеся к Достоевскому «пометки» ученого, «выписки» и «комментарии» [Новикова, 2017, с. 44–65], самостоятельные критические статьи библиографического характера [Скафтымов, 2008, т. 3. с. 41–54] — по всей видимости, сложился целый исследовательский цикл [Жук, Покусаев, 1970, с. 118-119; Ауэр, 2010, с. 60; Ванюков, 2021]. Все эти материалы привлекают должное внимание в текстологическом, интерпретационном отношении (см., например, работы А.А. Жук и Е.И. Покусаева, Е.И. Куликовой, В.Е. Хализева, А.И. Ванюкова, Н.В. Новиковой и др.). К настоящему времени результаты скафтымовских исследований по Достоевскому оценены как «впечатляющие», «фундаментальные», «весомый вклад»: они создали «научные предпосылки для основополагающих выводов о творчестве Достоевского-романиста в целом» [Никитина, Макаровская, 1968, с. 380]; это работы с результатами «исчерпывающего» характера для решения отдельных проблем [Роднянская, 1974, с. 283] и могут быть во все времена «катализатором в дальнейшем научном поиске» [Ауэр, 2010, с. 63].

Особую ценность обретают те наблюдения ученых, которые раскрывают специфику «художественной онтологии» Достоевского по Скафтымову: «<...> уже в первых исследовательских опытах отчетливо видно, что Скафтымов стремился пробиться к глубинной основе поэтики Достоевского» [Ауэр, 2010, с. 60]; «<...> опыт “дочеховского” прочтения А.П. Скафтымовым Ф.М. Достоевского — ещё и через “Записки из подполья” — побуждает его различать в произведениях наследника лучших традиций отечественной классики не отдельные, так или иначе восходящие к предшественнику, элементы формы и содержания, а своего рода несущие конструкции: вопросы о том, что мешает человеку на пути к счастью, какие преграды перед ним вырастают, в состоянии ли он их преодолеть, зазвучавшие применительно к героям А.П. Чехова, проецируются на них из времени мучительных раздумий и счастливых отгадок “тайн” героев Ф.М. Достоевского» [Новикова, 2017, с. 42–43]. Свою задачу сейчас мы видим в том, чтобы посильно продолжить перспективные наблюдения, подступая к уяснению скафтымовского открытия «личной творческой правды <...> большого художника» [Большая советская энциклопедия, 1976], находящейся во внимании и современных

исследователей (см., например: [Смыслова, 2021], [Киселева, 2022], [Касаткина, 2023]).

В.Е. Хализев указал, что «А.П. Скафтымов <...> настойчиво обращался именно к тем литературным фактам, которые были ему созвучны, близки» [Хализев, 2010, с. 24]. Так, по воспоминаниям А.П. Медведева, ученика Скафтымова, во время изучения творчества Достоевского, «сложно и глубоко» решалась проблема личности, «собственного достоинства, душевной независимости» [Медведев, 1984, с. 185]. Одной из причин особого внимания к Достоевскому, считается, послужил «мир его идей, исходящих из одной точки: “человек есть тайна”, — пробный камень для А.П. Скафтымова как начинающего исследователя» [Новикова, 2017, с. 27]. Свидетельством самостоятельного скафтымовского обращения к этой проблеме сквозь художественную литературу становится сохранившийся конспективный вариант **студенческого реферата (1911/1912)** — наблюдения за смысловым содержанием произведений Лермонтова и Достоевского. Завершают эти наблюдения слова: «Лермонтов и Достоевский — носители двух противоположных правд» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 487]. Вся логика развертывания конспекта приводит к такому результату наблюдения, что смысл «правды» следует видеть в русле своеобразной концепции, представления писателей о человеке и его связи с окружающим мирозданием (в этом отношении обратим внимание на названия разделов и параграфов реферата Скафтымова: «Общность духовной организации Лермонтова и Достоевского в отношении к своему “я” и высшей воле», «Интерес к личности как основной пункт в мироощущении поэта», «Вопрос о смысле жизни», «Человек в человечестве», «Человек в мире», «Верил ли Достоевский?», «Добро и зло» и др.). При этом первоначально слово «правда» употреблено в реферате в контексте резюмирования мыслей о творчестве Лермонтова. «Правда» там — один из элементов «мировых противоречий» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 484], с которыми сталкивается «личность человеческая», это смысл жизни (для толкования в пару к «правде» как противоречие автором дано «отсутствие смысла в жизни»).

В согласии с наблюдениями за смысловым наполнением творчества Лермонтова оказывается развертываемая Скафтымовым логика мировых «нелепых противоречий», вскрытых Достоевским: несправедливость в соотношении трудов, страданий и благ человека; сознание человеком своих свободы, воли и неотвратимое действие

в жизни установленных («мертвых») законов; всякий «нравственный императив» есть «принудительность» и оттого альтруизм — «маска». Противоречие видится сквозь «главную ценность личности» — своеволие: «<...> какое же тут своеволие, когда человек вызывается к бытию, живет и умирает без всякого участия своего хотения», права и хотения исходят из самой сущности личности [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 485]. Исследователем обозначаются «непобедимый скепсис» Достоевского, настойчивость писателя в мысли «об органической невозможности любви к ближнему», о человеческой злости, эгоистичности, склонности «ко всякой низости» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 486] — и эта горькая «правда» человеческой жизни, по всей видимости, находится как бы в противопоставлении лермонтовскому «наслаждению и злом и добром» (а в последние годы — интерпретируемой сердечности и мирности поэта-«успокоенного молитвенника», мягкости отношения к людям). Таково может быть понимание раннего скафтымовского представления о сути «правд», исходящего во многом из признания тождества героев и биографического автора.

Любопытно, что слово «правда» перейдёт в **первую статью (1916)** Скафтымова и расширится до цитаты из Лермонтова: «“Есть чувство правды в сердце человека”» (цит. по: [Скафтымов, 2008, т.3, с.22]). По-прежнему передана диалектика отношений мира и человека. «Правда» приобретает в статье за счет введенной цитаты характер явления, отчетливо достоверным ощущением которого, по мнению поэта, отмечен человек. Исходя из комментариев ученого, мы можем понять — это, в какой-то мере, ощущение высшей справедливости и высшего замысла, божественного: «<...> оно требует оправданья, объяснения очевидной обиды.

“Всесильный Бог,
Ты знать про будущее мог, —
Зачем же сотворил меня?..

...Ужели мил тебе мой стон?”»; «Иногда поэту кажется, что смысл жизни необходимо *должен* открыться ему со всею ясностью» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 21, 22].

По отношению к Достоевскому употребление слова «правда» с подобным значением в первой печатной статье Скафтымова фактически отсутствует. Однако, думается, оно всё же подразумевается, присутствует соотносительно: так, стоит обратить внимание на то, как исследователь анализирует характеры героев Достоевского и выстраивает концепцию личности. Ученый, пока в согласии

с принципом отождествления писателя и его героев, называет в качестве «основы и движущего начала всех духовных исканий» художников «жажду самоутверждения». Однако с сознанием своей самоценности у человека сосуществует «нравственный строй»: это «личные внутренние движения», «нечто», что «настойчиво отклоняет от одних поступков и требует других» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 28]. В качестве примеров в статье приводятся убедительно выписанные романистом «сдерживающие силы» Ивана Карамазова и Раскольникова. Эти «сдерживающие силы» не обосновываются рассудком, человек «продолжает чувствовать их требования». Скафтымовым они называются «нравственными инстинктами», т.е. по сути являются такими же проявлениями «законов природы», как страх смерти и инстинкт самосохранения [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 23]. Потому вполне естественно назвать переживание героями Достоевского «нравственных инстинктов» тоже ощущением «правды» (как показывают текстуальные примеры, оно ведет не к разрушению, а к осознанию зла, к помощи: «Среди соображений о наиболее удачном образе действий при убийстве старухи у Раскольникова вырывается: “А впрочем, как это подло все”, “О Боже, как это отвратительно!..”» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 33]; «Но вот вдруг в сознании его появляется мысль: зачем он это делает? Ведь это опять “принцип”, опять *веление* совести» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 34]; «Совесть его сдерживает, он чувствует ее в себе. <...> “Совесть! Что совесть? Я сам ее делаю. Зачем же я мучаюсь? По привычке. По всемирной человеческой привычке за семь тысяч лет. Так отвыкнем и будем боги”» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 34, 36]). Глаголемая совестью «правда», в конечном счете, есть необходимый замысел. И, вероятно, степень открываемого у Достоевского «сознанного нравственного ограничения» как проявления «природного» закона обозначается в разделе выводов скафтымовской статьи указанием теперь уже на «двойственную нравственную природу человека» (в отличие от раннего представления «скепсиса» и убежденности Достоевского в органической человеческой низости); показательна в этом отношении и лаконичная фраза исследователя, интерпретирующего значение характера Раскольникова в сюжетном движении первого из «великого пятикнижия» романа: «В борьбе он был побежден» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 34]. Однако сам Скафтымов эту нравственную «победу» пока не считает важной (в том числе, в соответствии с замыслом своей статьи; немногословно-констати-

рующим он остается ещё в реферате, когда выделяет «тихую, кроткую, смиренную» «божию струю» в «кротких людях» типа старца Зосимы, Сони Мармеладовой и др., «мораль» которых — «смирение, покорность, деятельная самоотверженная любовь» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 486]). И всё же обозначенными фактами начинающий ученый действительно делает большой практический шаг в объективном познании мира Достоевского и важнейшей его составляющей — религиозно-философской сферы (свобода и необходимость, добро и зло, человек и Бог).

Растущее внимание Скафтымова к самому художнику и поставленным им вечным проблемам нравственности, онтологии подтверждается общим содержанием и отдельными эпизодами последующих работ: <Рецензии на издание Ф.М.Достоевского> 1919 года и обзорной статьи «Новое о Достоевском» 1922 года (см., например: «В настоящее время нет нужды выяснять, насколько дорого нам каждое слово Достоевского. <...> Мотивы одновременного наслаждения, с одной стороны, своей жестокостью и эгоизмом, с другой, — сознанием своего падения, чувством раскаяния и жалости, мотивы, впоследствии занявшие так много места в психологии героев Достоевского, здесь уже ясно и открыто намечены в характеристике Лареньки» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 41, 43]). В обзорной статье «Новое о Достоевском» Скафтымов выражает кроме объективного смысла своего библиографического обзора («Но что приход Достоевского знаменует глубокий внутренний перелом в духовной культуре человечества, — в этом соглашаются почти единодушно» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 54]), безусловно, личное, ценностное отношение к творчеству писателя. Осуществляется это композиционным приемом сопоставления двух зарубежных откликов (Г.Гессе и Murry. J. Middelton) и цитированием одного из них в абсолютной концовке статьи как сильном авторском месте текста: « “<...> писатели других народов лишь играют у ног таких гигантов, как Толстой и Достоевский: с ними, хотя мир ещё не знает о том, закончилась целая эпоха в развитии человеческой мысли. В них человечество стоит на границе откровения великой тайны” (*Murry. J. Middelton* Fyodor Dostoevsky. A critical study. London: Martin Seeker, 1916. 263 p.)» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 54].

Вероятно, одним из непосредственных открытий сущности «правды» Достоевского мы можем считать статью Скафтымова **«Тематическая композиции романа “Идиот”» (1922/23, опубл.**

в 1924). В выявлении сути целого ученый исходит из результатов аналитического выделения и «функционального скрещения» «тематических мотивов» образов персонажей — «крупнейших звеньев целого». Ученый сосредоточивается на персонаже как личности, посвящает каждому отдельный эпизод основной части работы. Выясняется, что все избранные герои, обладая индивидуальными чертами, заключают в себе «трагическое раздвоение личности между импульсами самоутверждения и гордости — с одной стороны», и «таимой стихией живых непосредственных “источников сердца”», — с другой [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 92]. «Гордость» — обостренное сознание собственного «я», состояние «самозаинтересованности», самолюбия. Настасья Филипповна, Аглая, Ипполит, Рогожин и другие, как показывает исследователь, «борют» гордость жаждой любви, прощения, стремления к радости и счастью. Так, о Настасье Филипповне: «Она уже и теперь мечтает, как о высшем счастье, о забвении происшедшего, о возвращении утерянной чистоты. Ей грезится, что вот приедет кто-то чистый, добрый, честный, хороший и снимет с нее случившийся грех и грязь, полюбит как чистую и светлую <...> Но вот в это состояние раскаяния и сожаления об утраченном автор вносит взрыв оскорбленной гордости, которая на время совершенно вытеснит боль о себе, создаст в Настасье Филипповне иную устремленность, погасит в ней свет идеала и всю ее волю направит на защиту гордости и импонирующего превосходства пред оскорбителем» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 69]. Характеризуя особенности соотношения в человеке гордости и «борющегося» с ней, ученый приходит к пониманию своеобразных уровней их расположения. Гордое есть внешнее, видимое, поверхностное, часто сознательное, «наносное» (не подлинное — «какая-то плотина, фильтр»; и удивительно ощущается — «человеческое “я” прикреплено к гордости, оно и есть как бы сама гордость»); «живая вода жизни глубоко течет», она таимая стихия, влекущая, душевная, истинная — «подлинный лик» с «внутренней правдой» (впервые в связи с этим отмечается 4-ой главкой статьи: «Как радость, так и чистое чувство правды и идеала у нее обнаруживается в детских, наивных формах. <...> Тем не менее и в Аглае главная тема остается: и в ней боязнь за импонирующее преобладание не дает свободного проявления ее нежности, доброты и правды сердца» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 92]).

Чем ближе ученый подходит к завершающей статью 8-ой главке-заключению, тем чаще используется слово «правда» (см.:

«В Лебедеве опять два мотива: ложь и самолюбие наверху и чувство правды и любви в глубине сердца <…>» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 98]; «Наибольшая “детскость” сопутствует в романе наибольшему чувству внутренней правды <…>» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 121]; «<…> за гордым вызовом и усмешкой всегда скрыто тоскующее лицо скорби о себе, и живое сердце, правда совести и жажда любви неодолимо влекут гордые души на свой путь любви и прощения» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 122]). Тем яснее утверждается и прорисовывается значение исследуемого понятия. В свете «правды совести» интерпретируется ощущение героями своего несовершенства и направление «таимой» устремленности (ср., например: «Сама же себя в совести своей она не оправдывала ни в чем <…>» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 76]; «“<…> рай — вещь трудная, князь, гораздо труднее, чем кажется вашему прекрасному сердцу. Перестанемте лучше, а то мы все, опять, пожалуй, *сконфузимся*, и тогда…” (курсив мой — *А.С.*)» (цит. по: [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 116])). Совместное с этим обобщенное исследовательское указание на открытый писателем «странный, иррациональный закон человеческого духа», по которому «счастье перед несчастьем всегда внутренне стушевывается; счастливый снижается пред несчастным сознанием какой-то вины, хотя, по здравому смыслу, и не было бы этой вины» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 84], представляет «правду совести» и то внутреннее, перед чем возникает состояние вины, своей недостаточности, как действительно существующую «внутреннюю правду» — неизменный, обладающий абсолютной полнотой этико-онтологический ориентир человека в деле «нравственного самочувствия» и «нравственного общения» всех людей мира. Также «правда» отчетливо связана с непосредственным чувством: она детски проста, любовно добра, жалостлива, осердечена (например: «Все таимо-кроткое, доверчиво-жалостное и жалостливое, приветное и ищущее привета, детское — все это есть и в тех, которые около него, и в них есть ребенок, но там это задавлено самолюбием <…>»; «Пусть человека борют страсти и одолевает демон гордыни, но в сопутствии детского, если оно в нем еще живо, он сознает свою неправду. Наибольшая “детскость” сопутствует в романе наибольшему чувству внутренней правды» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 120–121]). И в этом «сердечном» состоянии она особенно близка образу Мышкина (замечается, что герою свойственна и нравственная сторона «правды»: «“Я не имею права выражать мою мысль … Я всегда боюсь моим смешным видом скомпрометировать

мысль и *главную идею*" (курсив Достоевского — *А.С.*)» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 113]). Если в гордых натурах при ощущении «правды» вспыхивает воспоминание о своем «я», то в натуре заглавного героя исследователь (цитируя произведение Достоевского) видит конечное художественное разрешение, идеальное тяготение всех образов: «<...> все персонажи романа в сердце своем склоняются перед его правдой» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 122].

Глава о Мышкине построена неслучайно (вслед за Достоевским) путем показывания героя в разных ситуациях и, соответственно, отношений с другими персонажами. Обозначая индивидуальные черты «неимпозантности», «детскости», жалости, ожидания любви и приятия, «приемлющего и прощающего» общения князя Мышкина с другими людьми, Скафтымов приходит к конечному размышлению о сути этого поведения и этой «правды»: «Любовь — последняя полнота блаженства жизни. В функции возвещения этой истины раскрыто состояние князя Мышкина перед припадками»; «Такие экстатические состояния, когда человеческое "я", освобожденное от самозаинтересованности ("О, что такое мое горе и моя беда...", Мышкин) переливает за грань личного и, чувствуя величественное веяние вечности, забывает себя и живет какой-то иной, трудно определимой, но тем не менее реальной и глубочайшей, коренной основой своего существа, открывают Мышкину всеобъемлющую любовь не как мечту, утопию или полет воображения, а как живое полное чувство радостного растворения и самоотдания в благоволении ко всему живому, в каком-то вбирании в приятии в себя всего, на что обращены ласковые глаза любящего. Это все те же «непосредственные источники сердца», которые автор указывает во всех других персонажах» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 127–128].

О связи «правды» жизни и «правды» («истины») князя Мышкина (который есть ее радостный свободный носитель и, оставленный с одними живыми родниками сердца, потому своеобразно противопоставлен всем героям романа) говорит исследователь. «Правда» предстает как ощущаемый человеком свободный закон мира, отчего человек, будучи частью мира, как бы несет в себе этот закон и, соблюдая его, обретает себя истинного («отдает себя себе»), принимает мир и видит его отклонения, сопричисляется к «вечному», а сопротивляясь — усиливает «тяжесть» личного. Этот последний закон — любовное единство мира: «Именно тогда, когда "напрягаются разом все жизненные силы его" и "ощущение жизни, самосознания

почти удесятерилось", когда "ум, сердце озарялись необыкновенным светом и все волнения, все сомнения его, все беспокойства как бы умиротворялись разом, разрешались в какое-то высшее спокойствие, полное ясной, гармоничной радости и надежды", когда его охватывало "неслыханное и негаданное дотоле чувство полноты, меры, примирения и восторженного молитвенного слияния с самым высшим синтезом жизни", именно в эти моменты такого высшего касания "миров иных" эти последние знания о себе и о мире открываются Мышкину как любовь» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 104–105]. Скафтымов указывает, что художественная концепция развита из души писателя, его идеальных устремлений и воплощает сознательное намерение биографического автора. Это подтверждают и приводимые публицистические, эпистолярные материалы [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 129]. Потому несомненной теперь оказывается связь «правды» князя Мышкина, перед которой склоняются все герои, со «знанием-переживанием» Достоевского. Оно — «сплошная защита любовного влечения к взаимопрощению против обольщающей и замыкающей гордости», выражение «осмысления жизни с высоты этого конечного знания» и оправдание этого знания [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 128, 129].

В **статье о «Записках из подполья» (1925–1926, опубл. в 1929)** реализуется теоретическое утверждение Скафтымова о том, что в произведении много идей — это правда, но за этой правдой следует другая: среди этих идей есть одна, покрывающая все остальные. Действительно правда, говорит ученый, что подпольный парадоксалист «является защитником индивидуальности, непримиримости индивидуальной воли с принудительными категориями космической и социальной необходимости» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 135]. Правда и то, что «в этой защите авторский пафос и сочувствие иногда всецело сливаются с доводами и лирикой героя» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 135]. Однако исследование состава целого убеждает в особом смысле этой защиты и частичного слияния с ней автора: они смыкаются с присутствием в повести «конечной идеи» о «народной правде».

По Скафтымову, Достоевский определяет «народную правду» как любовь, которой в особенной мере наделен русский человек: «"Признак же настоящего русского теперь это — знать то, что именно теперь надо не бранить у нас на Руси. Не хулить, не осуждать, а любить уметь... Потому что кто способен любить и не ошибается

в том, что именно ему надо любить на Руси, — он уже знает, что и хулить ему надо; знает безошибочно и чего пожелать, что осудить, о чем сетовать и чего домогаться ему надо…”», цит. по: [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 175]. При этом в приведенной ученым цитате, кажется, отражается понимание Достоевским состояния любви и как национального, и как общечеловеческого одновременно: «кто способен любить». Это подтверждается полным носителем и выразителем особенностей такой «народной правды» — образом Лизы: как полагает Скафтымов, героиня способна к «непосредственному пониманию добра», «к живому самоотданию и любовному порыву», обладает «незатемненной свежей совестью» и сознает свою греховность в свете своего нравственного идеала («идеала чистоты»); «нет отъединенности, разобщенности с человеком, нет самоупоения, нет стремления к превосходствованию над другим, нет претензии к исключительности, к моральному подавлению собою другого лица» — «она видит лишь то, что она любит, перед чем преклоняется в человеке» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 154–155]. Истинность вывода и особый духовный статус этой «правды» кроме непосредственного анализа подчеркнут введением в статью цитат из сторонних публицистических работ художника и выяснением сути полемического характера парадоксалиста.

Импульс любить (а также быть любимым) «выдвигается» и в подпольном, считает исследователь. Доказательством тому служат четко обозначенные наблюдения парадоксалиста за своими чувствами и прямые «вспышки» живой непосредственной сердечности («“Игра, игра увлекла меня; впрочем не одна игра…”», «“Клянусь, она и в самом деле меня интересовала. <…> Да и плутовство ведь так легко уживается с чувством”» (цит. по: [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 146–147])), нравственные откровения («“Точно как будто на душе моей лежало какое-то преступление”»; «“*со стыдом и отчаянием* бросился вслед за Лизой”», «“упасть перед ней, зарыдать от раскаяния, целовать ее ноги, молить о прощении!”» (цит. по: [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 147, 150, 151])). Все это — непосредственные движения сердца, «нравственные инстинкты», выступающие свободным проявлением (как и отмечалось Скафтымовым в первой статье, в работе об «Идиоте»). Герой «видит свою ложь, виляние и притворство и сам оскорбляется ею» [Скафтымов, 2008, т. 3. с. 173] с позиции присутствующей в нем нормы-«правды». Но подпольный, как указано, по авторской задаче оставлен с «одним сознанием и самолюбием», беспринципностью,

которые служат запрудой его влечения к добру, любви и лишают «живой жизни». Особенно этот вывод значим в приведенном Скафтымовым контексте публицистики Достоевского, который доказывает наблюдаемые писателем текущее «приглушение человеческой природы», отречение от «высших потребностей духа», дошедшие до «пожертвования истиной» «фразерство, эгоизм, самодовольство и самолюбие» «беспочвенников», «мечтательность», «наивность» «самоутешающейся добродетели», лишенной «подлинного, настоящего самоотречения, живого служения человеку» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 170]. И все же для исследователя ценно, что «тяготение к самоотданию в “Записках” настойчиво выдвигалось не только в Лизе, но и в подпольном герое»: «Пафос Достоевского на стороне героя присутствует только до тех пор, пока защищается сила и значение индивидуального самосознания от рационалистических теорий, которые нивелируют и устраняют индивидуальность. Эту индивидуальность, волевую самостоятельность Достоевский отстаивает, как необходимое свойство подлинной любви, где, в *противоположность принципам пользы и выгоды*, самоотдание и сближение между людьми осуществляется, по его пониманию, в свободе от всякой сторонней принудительности» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 177, 157] — здесь (кроме уже данного комментаторами научного наследия Скафтымова указания на обнаружение ученым у Достоевского абсолютной необходимости «личного начала» в осуществлении онтологической любви) со всей очевидностью следует подчеркнуть и прежнее скафтымовское признание неустранимости, «природности» этой любви в каждом обладателе «индивидуальности».

Статья о «Записках из подполья» — последнее специальное исследовательское обращение Скафтымова к творчеству Достоевского. Она в наибольшей мере отражает расширение взгляда ученого на творчество художника и обладает ценнейшими наблюдениями: продолжают даваться обобщающие комментарии к романам писателя, обозначаются особенности раннего творчества и следующего после создания анализируемой повести, приводятся мнения о содержательно-формальной специфике произведений (так, утверждается: «правдой любви и сострадания» отмечено творчество Достоевского и «прежде» создания «Записок из подполья»; «Достоевский и здесь выступает тем же идеологом любви и совести, каким он был и раньше, и после до самой смерти» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 135]), складываются черты «эмпирической личности» Достоевского и грани миро-

воззрения художника. Ученый указывает, что сам Достоевский знал две стороны своей личности, но при этом «в его сознании, в сердце его, в воле его последнего “я” одна сторона была бесконечно ниже другой и всегда осуждалась». «Конечным призывом и идеалом», «святым и желанным» возносились «любовь, самоотдание, приятие человека и жизни» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 180], т.е. как раз то, что обобщается Скафтымовым как «правда» в героях художника. В письмах Достоевский, указывает Скафтымов, всегда обнаруживает полную определенность своих тяготений к правде «добра».

Е.И. Куликова, А.И. Ванюков, Н.В. Новикова справедливо считают «достоевские штудии» Скафтымова пространством роста ученого, практической выработкой и отработкой методологии [Новикова, 2017, с. 42–43]. Как указывают исследователи, сам Скафтымов литературоведческую истину «ставил в прямую зависимость от глубины понимания проблем “справедливости”, “совести”, “правды”» [Макаровская, 1984, с. 120]; «Поиски истины для него всегда были поисками правды, методология гуманитария открыта для смысложизненных вопросов» [Макаровская, 1994, с. 157]. Жизненная закономерность обозначенной «правды» героев Достоевского практически подчеркивается построенными обобщенными концепциями «истинного» [Новикова, 2008, с. 503] («положительно прекрасного») развития человека (в его последней глубине или высоте — на отвлечении от образа Мышкина) и искаженного («подпольного человека в целом», «человека русского большинства» — на основе образа парадоксалиста). «Подпольный» оставлен со своим «я» и гегемонией разума, он не может ни на чем остановиться (для него нет никакого закона кроме неустранимого «я», он не знает, «на чем себя утвердить»; «ему нужна только своя неподчиненность, свое господство, в чем бы оно ни проявлялось» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 160]). Однако созданный человеком и располагающий свободой он «проклянет себя в жгучей тоске недовольства самим собой», ибо «у героя подполья оставлена сама жажда идеала, искание его» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 157].

Как у князя Мышкина, Лизы, «<...> есть моменты, когда человеческое “я”, эта центральная точка индивидуальной жизни, освобождается от гегемонии гордости, уже не отождествляется с нею, а переносится в более глубокую инстанцию, <...> индивидуальное “я”, оставаясь индивидуальным (“нашим”, “своим”), то есть не теряя своей личной самоценности, поднимается на такую высоту или

уходит в такую глубину себя, откуда открывается более широкий горизонт, <…> Душа как бы обретает себя, находит свою родину» [Скафтымов, 2008, т. 3. с. 126–127]. Данной характеристикой ученый близок современному богословскому описанию православного представления о праведности человека как «онтологически необходимом состоянии»: «Праведность — в широком смысле — соответствие действий разумного, свободного и творческого существа его природе. Под П. человека понимают такое его состояние, в котором его действия соответствуют его природе, т.е. Божиему замыслу о нем» [Домусчи, 2020]. Названное Скафтымовым «высшей самоцарственностью личного “я”», «несамозаинтересованное», «надличностное» состояние достигается «истинной полнотой любви» в прощении, свободно совпадающем с духовной родиной человека — Христовой правдой: «<…> именно во Христе открывается П. Божия (Рим 1.17), независимая от закона (Рим 3. 21-22), которая заключается в прощении верующих (Рим. 3–25–26; Евр 8–12). <…> Христос делает исключительный акцент на любви, как деле П. и проявлении П.» [Домусчи, 2020] — академическое литературоведение закономерно назвало князя Мышкина «праведником» [Фридлендер, 1982, с. 699].

Таким образом, неспешно расшифровывая, разгадывая «тайну» человека Достоевского, Скафтымов своеобразно закругляет свои исследования по творчеству художника[1] и приходит «к счастливым отгадкам»: очерчивает писательскую концепцию «живой» «самообладающей» личности, наделенной «природной» «внутренней» «правдой» («подлинной любовью» и «знанием-переживанием» ее как «подлинного лика» человека), даром свободы, волеизъявления; устанавливает существо «дьявольской» (самоутверждающейся, гордой, часто заостренно «логической», ложной) и «божеской» («не-

[1] Комментаторы научного наследия А.П. Скафтымова замечают, что статья о «Записках из подполья» завершает «первый “цикл” откликов на Достоевского» [Скафтымов, 2008, т. 3, с.502]. Здесь в начале статьи кратко представлен спор с Л. Шестовым, и этот скафтымовский «спор с самим собой, по существу отказ от раннего и ошибочного взгляда на творчество Достоевского» (цит. по: [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 502]), кажется, дан в связи с сущностью выясняющейся «правды» художника (ср., например, из статьи о «Записках…»: «О “Записках из подполья” создалось впечатление как об отчаянной исповеди Достоевского, где он отрекается от прежних гуманистических идеалов, от любви к человеку, от всей прежней веры в правду любви и сострадания»; «Здесь, по словам Шестова, Достоевский объявляет свою “новую правду”, правду крайнего индивидуализма: “Пусть свет провалится, а чтоб мне чай был”» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 133] — в раннем реферате Скафтымова: «Лермонтов и Достоевский — носители двух противоположных правд» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 487]).

самозаинтересованной» и смиренно-чуткой, любовно-прощающей и готовой к самоотданию — праведной) струи в человеке и на этой основе выделяет два основных типа героев; утверждается в избранной методологии с «этической» основой и обращается к бытийным евангельским откровениям: «Все живет для счастья и радости, потому что все любовью живет и для любви живет. Любовь — последняя полнота блаженства жизни» [Скафтымов, 2008, т.3, с.104]; «<...> основа жизни и оправдание жизни коренятся в любви, в естественном влечении человека любить и быть любимым. Кто не может и по гордости не хочет отдаться закону любви, для того нет жизни» [Скафтымов, 2008, т. 3, с. 136].

Список литературы

1. Ауэр, 2010 — *Ауэр А.П.* Поэтика Ф.М. Достоевского в интерпретации А.П. Скафтымова // Александр Павлович Скафтымов в русской литературной науке и культуре: статьи, публикации, воспоминания, материалы. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2010. С. 59–63.
2. Большая советская энциклопедия, 1976 — Большая советская энциклопедия: в 30 т. М.: Сов. энциклопедия, 1976. Т. 23. 1485 стлб.
3. Ванюков, 2021 — *Ванюков А.И.* Статья А.П. Скафтымова «Пьеса Чехова “Иванов” в ранних редакциях» в системе / цикле чеховских трудов ученого // Ранняя драматургия А.П. Чехова: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции Седьмые Скафтымовские чтения. М.: Гос. центральный театральный музей имени А. А. Бахрушина, 2021. С. 36–47.
4. Домусчи, 2020 — *Домусчи Стефан, свящ.* Праведность // Православная энциклопедия РПЦ. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2020. Т. LVII. С. 673–679.
5. Жук, Покусаев, 1970 — *Жук А., Покусаев Е.* Александр Павлович Скафтымов // Вопросы литературы. 1970. № 9. С. 114–128.
6. Касаткина, 2023 — *Касаткина Т.А.* «Мы будем — лица...» Аналитико-синтетическое чтение произведений Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2023. 432 с.
7. Киселева, 2022 — *Киселева М.С.* Различение добра и зла: «Сон смешного человека» в «Дневнике писателя» Достоевского» // Вопросы литературы. 2022. № 4. С. 38–56. https://doi.org/10.31425/0042-8795-2022-4-38-57
8. Макаровская, 1984 — *Макаровская Г.В.* О соотношении теоретического и исторического в рассмотрении истории литературы // Методология и методика изучения русской литературы и фольклора. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1984. С. 112–120.
9. Макаровская, 1994 — *Макаровская Г.В.* Послесловие и примечания // Русская литературная критика. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1994. С. 152–159.

10. Медведев, 1984 – Школа нравственного воспитания. Из воспоминаний А.П. Медведева // Методология и методика изучения русской литературы и фольклора. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1984. С. 180–194.

11. Никитина, Макаровская, 1968 – *Никитина Е., Макаровская Г.* Александр Павлович Скафтымов // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1968. Т. XXVII. Вып. 4. С. 379–381.

12. Новикова, 2008 – *Новикова Н.В.* Примечания // *Скафтымов А.П.* Собр. соч.: в 3 т. Самара: Век#21, 2008. Т. 3. С. 482–536.

13. Новикова, 2017 – *Новикова Н.В.* А.П. Скафтымов <Эпизоды «дочеховского» прочтения Ф.М. Достоевского> // Чехов и Достоевский. По материалам Четвертых международных Скафтымовских чтений: Сборник научных работ. М.: Гос. центральный театральный музей имени А.А. Бахрушина, 2017. С. 25–68.

14. Прозоров, 2007 – *Прозоров В.В.* Александр Павлович Скафтымов – исследователь русской словесности // *Скафтымов А.П.* Поэтика художественного произведения. М.: Высшая школа, 2007. С. 5–20.

15. Роднянская, 1974 – *Роднянская И.* Нравственные искания русских писателей // Новый мир. 1974. № 2. С. 282–283.

16. Скафтымов, 2008 – *Скафтымов А.П.* Собр. соч.: в 3 т. Самара: Век#21, 2008.

17. Смыслова, 2021 – *Смыслова О.Н.* О «правде действительной» и «высшей правде» в художественной критике Ф.М. Достоевского // Два века русской классики. 2021. Т.3. №4. С. 114–129. https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-4-114-129

18. Стрельцова, 2021 – *Стрельцова Е.И.* Предисловие. Дар слова // Ранняя драматургия А.П. Чехова: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции Седьмые Скафтымовские чтения. М.: Гос. центральный театральный музей имени А.А. Бахрушина, 2021. С.3–13.

19. Фридлендер, 1982 – *Фридлендер Г.М.* Ф.М. Достоевский // История русской литературы: в 4 т. Л.: Наука, 1982. Т.3. С. 695–760.

20. Хализев, 2010 – *Хализев В.Е.* А.П.Скафтымов: филолог, мыслитель, педагог // Александр Павлович Скафтымов в русской литературной науке и культуре: статьи, публикации, воспоминания, материалы. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2010. С. 14–27.

References

1. Auer, A.P. “Poetika F.M. Dostoevskogo v interpretatsii A.P.Skaftymova” [“Alexandr Skaftymov’s Interpretation of Dostoevsky’s Poetics”]. *Aleksandr Pavlovich Skaftymov v russkoi literaturnoi nauke i kul’ture: stat’i, publikatsii, vospominaniia, materialy* [*Alexandr Skaftymov in Russian Literary Studies and Culture: Articles, Publications, Memoirs, Materials*]. Saratov, Saratovskogo un-ta Publ., 2010, pp. 59–63. (In Russ.)

2. *Bol’shaia sovetskaia entsiklopediia: v 30 tomakh* [*The Great Soviet Encyclopedia: in 30 vols*], vol. 23. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1976. 1485 columns. (In Russ.)

3. Vaniukov, A.I. “Stat’ia A.P. Skaftymova ‘P’esa Chekhova “Ivanov” v rannikh redaktsiiakh’ v sisteme/tsikle chekhovskikh trudov uchenogo” [“Alexandr Skaftymov’s Article ‘Chekhov’s Play

"Ivanov" in Early Editions' in the System/Cycle of His Chekhovian Works"]. *Ranniaia dramaturgiia A.P. Chekhova: Sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii Sed'mye Skaftymovskie chteniia* [*Early Dramaturgy of Anton Chekhov: Collection of Articles based on the Proceedings of the International Academic-Practical Conference Seventh Skaftymov Readings*]. Moscow, Gosudarstvennyi tsentral'nyi teatral'nyi muzei imeni A.A. Bakhrushina Publ., 2021, pp. 36–47. (In Russ.)

4. Domuschi, Stefan, Rev. "Pravednost'" ["Righteousness"]. *Pravoslavnaia entsiklopediia RPTs* [*Orthodox Encyclopedia of the Russian Orthodox Church*], vol. LVII. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnaia entsiklopediia" Publ., 2020, pp. 673–679. (In Russ.)

5. Zhuk, A., and E. Pokusaev. "Aleksandr Pavlovich Skaftymov" ["Alexandr P. Skaftymov"]. *Voprosy literatury*, no. 9, 1970, pp. 114–128. (In Russ.)

6. Kasatkina, T.A. *"My budem — litsa..." Analitiko-sinteticheskoe chtenie proizvedenii Dostoevskogo* [*"We Will Be Faces/Persons..." An Analytical-Synthetic Reading of Dostoevsky's Works*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2023. 432 p. (In Russ.)

7. Kiseleva, M.S. "Razlichenie dobra i zla: 'Son smeshnogo cheloveka' v 'Dnevnike pisatelia' Dostoevskogo" ["The Distinction between Good and Evil: 'The Dream of a Ridiculous Man' in Dostoevsky's *A Writer's Diary*"]. *Voprosy literatury*, no. 4, 2022, pp. 38–56. (In Russ.) https://doi.org/10.31425/0042-8795-2022-4-38-57

8. Makarovskaia, G.V. "O sootnoshenii teoreticheskogo i istoricheskogo v rassmotrenii istorii literatury" ["On the Correlation of the Theoretical and the Historical in the Consideration of the History of Literature"]. *Metodologiia i metodika izucheniia russkoi literatury i fol'klora* [*Methodology and Methods of Studying Russian Literature and Folklore*]. Saratov, Saratovskogo un-ta Publ., 1984, pp. 112–120. (In Russ.)

9. Makarovskaia, G.V. "Posleslovie i primechaniia" ["Afterword and Notes"]. *Russkaia literaturnaia kritika* [*Russian Literary Criticism*]. Saratov, Saratovskogo un-ta Publ., 1994, pp. 152–159. (In Russ.)

10. "Shkola nravstvennogo vospitaniia. Iz vospominanii A.P. Medvedeva" ["School of Moral Education. From the Memoirs of A.P. Medvedev"]. *Metodologiia i metodika izucheniia russkoi literatury i fol'klora* [*Methodology and Methods of Studying Russian Literature and Folklore*]. Saratov, Saratovskogo un-ta Publ., 1984, pp. 180–194. (In Russ.)

11. Nikitina, E., and G. Makarovskaia. "Aleksandr Pavlovich Skaftymov" ["Alexandr P. Skaftymov"]. *Izvestiia Akademii nauk SSSR. Seriia literatury i iazyka*, vol. XXVII, no. 4, 1968, pp. 379–381. (In Russ.)

12. Novikova, N.V. "Primechaniia" ["Notes"]. Skaftymov, A.P. *Sobranie sochinenii: v 3 tomakh* [*Collected Works: in 3 vols*], vol. 3. Samara, Vek#21 Publ., 2008, pp. 482–536. (In Russ.)

13. Novikova, N.V. "A.P. Skaftymov <Epizody 'dochekhovskogo' prochteniia F.M. Dostoevskogo>" ["A.P. Skaftymov <Episodes of Reading Dostoevsky 'Before Chekhov'>"]. *Chekhov i Dostoevskii. Po materialam Chetvertykh mezhdunarodnykh Skaftymovskikh chtenii: Sbornik nauchnykh rabot* [*Chekhov and Dostoevsky. Proceedings of the Fourth International Skaftymov Readings. Collected Articles*]. Moscow, Gosudarstvennyi tsentral'nyi teatral'nyi muzei imeni A.A. Bakhrushina Publ., 2017, pp. 25–68. (In Russ.)

14. Prozorov, V.V. "Aleksandr Pavlovich Skaftymov — issledovatel' russkoi slovesnosti" ["Alexandr P. Skaftymov, Researcher of Russian Literature"]. Skaftymov, A.P. *Poetika khu-*

dozhestvennogo proizvedeniia [*The Poetics of Literary Work*]. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 2007, pp. 5–20. (In Russ.)

15. Rodnianskaia, I. "Nravstvennye iskaniia russkikh pisatelei" ["Moral Quests of Russian Writers"]. *Novyi mir*, no. 2, 1974, pp. 282–283. (In Russ.)

16. Skaftymov, A.P. *Sobranie sochinenii: v 3 tomakh* [*Collected Works: in 3 vols*]. Samara, Vek#21 Publ., 2008. (In Russ.)

17. Smyslova, O.N. "O 'pravde deistvitel'noi' i 'vysshei pravde' v khudozhestvennoi kritike F.M. Dostoevskogo" ["About the 'Real Truth' and 'Higher Truth' in the Artistic Criticism of Fyodor Dostoevsky"]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 3, no. 4, 2021, pp. 114–129. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-4-114-129

18. Strel'tsova, E.I. "Predislovie. Dar slova" ["Preface. The Gift of Words"]. *Ranniaia dramaturgiia A.P. Chekhova: Sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii Sed'mye Skaftymovskie chteniia* [*Early Dramaturgy of Anton Chekhov: Collection of Articles based on the Proceedings of the International Academic-Practical Conference Seventh Skaftymov Readings*]. Moscow, Gosudarstvennyi tsentral'nyi teatral'nyi muzei imeni A.A. Bakhrushina Publ., 2021, pp. 3–13. (In Russ.)

19. Fridlender, G.M. "F.M. Dostoevskii" ["F.M. Dostoevsky"]. *Istoriia russkoi literatury: v 4 tomakh* [*History of Russian Literature: in 4 vols*], vol. 3. Leningrad, Nauka Publ., 1982, pp. 695–760. (In Russ.)

20. Khalizev, V.E. "A.P. Skaftymov: filolog, myslitel', pedagog" ["Alexandr Skaftymov: Philologist, Thinker, Teacher"]. *Aleksandr Pavlovich Skaftymov v russkoi literaturnoi nauke i kul'ture: stat'i, publikatsii, vospominaniia, materialy* [*Alexandr Skaftymov in Russian Literary Studies and Culture: Articles, Publications, Memoirs, Materials*]. Saratov, Saratovskogo un-ta Publ., 2010, pp. 14–27. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 13.08.2023
Одобрена после рецензирования: 08.09.2023
Принята к публикации: 22.10.2023
Дата публикации: 25.03.2024

The article was submitted: 13 Aug. 2023
Approved after reviewing: 08 Sept. 2023
Accepted for publication: 22 Oct. 2023
Date of publication: 25 Mar. 2024

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 1 (25), 2024.
Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0+23/28
ББК 83.3
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-134-167
https://elibrary.ru/YKIOJG

© 2024. Геннадий Карпенко
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия

«Так нас природа сотворила...»: преступление без наказания? (Ф.М. Достоевский и И.А. Бунин)

Статья первая

© 2024. Gennady Yu. Karpenko
S.P. Korolev Samara National Research University, Samara, Russia

“Nature Made Us This Way...”: Crime without Punishment? (Fyodor Dostoevsky and Ivan Bunin)

Информация об авторе: Геннадий Юрьевич Карпенко, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Московское шоссе, д. 34, 443086 г. Самара, Россия.
https://orcid.org/0000-0002-7325-2802
E-mail: karpenko.gennady@gmail.com

Аннотация: В статье дается обоснование необходимости концептуализации «темной» природы человека, как она представлена в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и в рассказе И.А. Бунина «Петлистые уши». Утверждая истину в Боге, писатели выявляли и «сумрачное» в человеке. Достоевский словами Раскольникова о праве «необыкновенных» «по закону природы» на убийство, а Бунин подробным описанием «прирожденного преступника» намечают другой — не библейский — образ «венца Творения». Предмет первой статьи — слова Раскольникова о праве на преступление. Они рассматриваются в свете философских и религиозных источников: показывается, как в европейской науке формировались устойчивые предпосылки для зарождения «раскольниковских» взглядов, осмысливаются в сопряжении с этим сюжетные мотивы «шестого дня» творения, «второго» творения из «ничто», «возвращения» Каина.

Достоевский, оставаясь «со Христом» в объяснении человека, не упрощает свое понимание антропологической проблемы: есть не только «те

люди», наполняющие историю злодеяниями, но и тот Каин, который всегда возвращается в «злочестии» «злочестивого племени» и возвращается, может быть, в «нас самих». Достоевский ведет-обращает человека к «шестому дню» Творения («апофатизм вспять»), освещает его путь как любовью Христа, так и разноценностным опытом и знанием человечества.

Для Достоевского антропологический вопрос остается открытым: но не в свете веры («мне лучше хотелось бы оставаться со Христом»), а по причине исторических фактов и современного понимания человека, представшего в новых концепциях «расщепленным», таким, каким он описан в статье Раскольникова.

Актуализация онто-антропологической проблематики романа открывает возможность оценить «Преступление и наказание» словами апостола Павла: «<…> описано в наставление нам, достигшим последних веков».

Ключевые слова: Достоевский, «Преступление и наказание», Бунин, «Петлистые уши», «закон природы» в Каине и во Христе.

Для цитирования: *Карпенко Г.Ю.* «Так нас природа сотворила...»: преступление без наказания? (Ф.М. Достоевский и И.А. Бунин) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25). С. 134–167. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-134-167

Information about the author: Gennady Yu. Karpenko, DSc in Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, S.P. Korolev Samara National Research University, Moskovskoe Shosse 34, 443086 Samara, Russia.

https://orcid.org/0000-0002-7325-2802

E-mail:karpenko.gennady@gmail.com

Abstract: The article substantiates the need to conceptualize the “dark” nature of man, as presented in Fyodor Dostoevsky’s novel *Crime and Punishment* and Ivan Bunin’s short story “Loopy Ears.” Asserting the truth in God, the writers also reveal the “dark” in man. Dostoevsky employs Raskolnikov’s words about the right of the “extraordinary” “according to the law of nature” to murder, while Bunin, through a detailed description of the “born criminal,” outlines another — not biblical — image of the “crown of Creation.” The subject of the first article is Raskolnikov’s words about the right to commit a crime. They are considered in the light of philosophical and religious sources: it is shown how stable prerequisites for the emergence of “schismatic” views were formed in European science; the plot motives of the “sixth day” of creation, the “second” creation from “nothing,” the “return” of Cain are comprehended in conjunction with this. Dostoevsky, remaining “with Christ” in the explanation of man, does not simplify his understanding of the anthropological problem: there are not only “people” who fill history with atrocities, but also Cain who always returns in the “wickedness” of the “wicked tribe” and returns, perhaps, to “ourselves.” Dostoevsky leads the reader to the “sixth” day of Creation (“apophaticism backwards”), illuminating his path both with the love of Christ and with his experience and knowledge of humanity. For Dostoevsky, the anthropological question remains open: not because of faith (“I would rather stay with Christ”), but because of historical facts and the modern understanding of man, where he appeared

as “split,” as described in Raskolnikov’s article. The actualization of the ontological and anthropological problems of the novel reveals the opportunity to evaluate *Crime and Punishment* in the words of the Apostle Paul: “<...> written down as warnings for us, on whom the culmination of the ages has come.”

Keywords: Dostoevsky, *Crime and Punishment*, Bunin, “Loopy Ears,” “the law of nature” in Cain and in Christ.

For citation: Karpenko, G.Yu. “‘Nature Made Us This Way...’: Crime without Punishment? (Fyodor Dostoevsky and Ivan Bunin).” *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 1 (25), 2024, pp. 134–167. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-134-167

В статье маргинальный антропологический извод в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» — «необыкновенный» человек, который «по природе своей» имеет право на преступление [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 223] — рассматривается как в контексте философских и религиозных источников, так и в перспективе осмысления данного извода И.А. Буниным в рассказе «Петлистые уши», герой которого, Адам Соколович, заявляет: «Я так называемый выродок» [Бунин, 1966, т. 4, с. 389] (бунинский «выродок», возникший под влиянием романа «Преступление и наказание» и антропологических идей конца XIX — начала XX веков, — предмет описания в другой статье). Необходимость такого «дуплетного» рассмотрения объясняется не только тем, что обозначенная проблема важна сама по себе как фундаментальная, бросающая вызов «доброму человечеству», но и тем, что в новом академическом издании полного собрания сочинений и писем в 35 томах в обзоре научной литературы по вопросу бунинской рецепции романа Достоевского [Достоевский, 2013–, т. 7, с. 561–564] не учтены источники [Карпенко, 2009, с. 46–49], которые позволяют сегодня, как представляется, перевести общую для Достоевского и Бунина проблему «преступного человека» на онто-антропологический уровень ее понимания и представить ее как проблему «шестого дня» Творения, «второго» Творения.

Между тем исследователи творчества Достоевского «сумеречную харизму» человека, по словам В.А. Бачинина [Бачинин, 2000, с. 68], стараются или обойти, так как она мешает непротиворечивой концептуализации антропологического, или описать в соответствии

с ценностной установкой, которую формульно обозначил еще В.С. Соловьев в «Трех речах в память Достоевского»: «<...> русский народ, несмотря на свой видимый звериный образ, в глубине души своей носит другой образ — образ Христов <...>» [Соловьев, 1912, т. 3, с. 202]. А «преступный человек», выведенный Буниным в рассказе «Петлистые уши», оценивается учеными как результат идейного спора, как творческая реплика писателя на роман «Преступление и наказание», возникшая в условиях тревожного времени [Достоевский, 2013–, т. 7, с. 561–564]. Такая аксиологическая и гносеологическая локализация антропологической проблемы не позволяет обновить постановку вопроса и подойти к его решению не только со стороны теоантропных идей, но и с учетом сомнений в «образе Божием» в человеке. А именно такую сложную «объективность» «образа» человека запечатлели в своих произведениях Достоевский и Бунин.

Другими словами, «темная харизма» [Бачинин, 2000, с. 67], которую выявляют в человеке Достоевский и Бунин, требует отдельного системного (не оценочного —«Жестокий талант» [Михайловский, 1908, т. 5, с. 4–78]) изучения.

Проблема «темной» антропологии разрешена Достоевским и Буниным совершенно по-разному как в сюжетном воплощении, так и в культурно-исторических перспективах (с признаками схождения и различия), но осмыслена как злободневная и сущностная со всей определенностью: Достоевский словами Раскольникова о праве «необыкновенных» «по закону природы» на убийство, а Бунин подробным описанием «прирожденного преступника» намечают другой — не библейский — статус «венца Творения».

Безусловно и очевидно, что такой маргинальный извод в решении проблемы человека есть выражение «антропологического беспокойства» писателей, которые, выявляя «сумрачное» в человеке, все же утверждали (тоже каждый по-своему) истину в Боге, глубинную соприродность человека Богу.

При такой актуализации общего интереса писателей к специфическим воззрениям на человека вопрос субъективного (личностного) отношения Бунина к «нелюбимому» Достоевскому остается за пределами данной статьи, тем более что сам вопрос достаточно подробно и обстоятельно описан В.А. Тунимановым в работе «И.А. Бунин и Достоевский. (По поводу рассказа Бунина “Петлистые уши”)» [Туниманов, 2004, с. 207–235].

В центре рассмотрения находится значимая для писателей антропологическая проблема, озвученная гениально просто еще А.С. Пушкиным: «Так нас природа сотворила, / К противуречию склонна» [Пушкин, 1977–1979, т. 5, с. 88]. Слова Пушкина указывают на серьезность произошедшего в эпохе мировоззренческого сдвига в понимании человека. В культуре случилось не просто антропо-онтологическое допущение, а утверждение другой природы человека. Библейские представления о том, что человек сотворен «по образу Божию», были дополнены натурфилософскими и естественнонаучными концепциями разного толка, которые как поддерживали «хорошо весьма» (Быт 1: 31) шестого дня Творения [Гердер, 2013], так и ставили «дwбра̀ sѣлẁ» (Елизаветинская Библия, 1751, Быт 1: 31) под сомнение, вплоть до его отрицания.

Показательны в этом отношении заявления И. Канта и Л. Бюхнера, хотя и прозвучавшие в разное время, но наметившие тем самым устойчивость позитивистских настроений всего XIX века. Если Гердер, исследуя «путь Бога в природе», видит небесный свет «во всех творениях Бога, излучаемый сокровенным присутствием Творца» [Гердер, 2013, с. 11], то Кант, чтобы изгнать Бога из объяснений природы и человека, подводит под научные исследования методологический фундамент и, подменяя абсолютное «понятие» абсолютизируемой и абстрактной «правильной максимой», призывает: «<...> согласно правильной максиме натурфилософии, мы должны избегать всякого объяснения устроения природы волею некоей высшей сущности» [Кант, 1963–1966, т. 1, ч. 1, с. 152]. Кант очеловечивает человека так, что обезбоживает его, подчиняет его существование «безусловным законам» [Кант, 1965, т. 4, ч. 2, с. 7]. В работе «О изначально злом в человеческой природе» (1792) философ утверждает: «<...> мораль отнюдь не нуждается в религии; благодаря чистому практическому разуму она довлеет сама себе» [Кант, 1963–1966, т. 4, ч. 2, с. 7].

Л. Бюхнер идет еще дальше. В своих суждениях он более категоричен, чем Кант. В популярной в середине XIX века книге «Kraft und Stoff» — «Сила и материя. Очерк естественного миропорядка вместе с основанной на нем моралью, или учением о нравственности» (1855) — немецкий философ пишет: «<...> дальнейшее существование Бога <...> совершенно немыслимо, — это дуалистическая, сплетенная из Бога и мира чудовищность» [Бюхнер, 1907, с. 7]; «Человек <...> не создание божества <...> а продукт природы» [Бюхнер, 1907, с. 141];

«Нашему времени выпало на долю добиться уже давно одержанной в теории и науке победы человеческого принципа над божественным также и на практике» [Бюхнер, 1907, с. 147].

Конечно, не случайно и симптоматично, что один из иерархов русского Православия святитель Филарет (Дроздов), обеспокоенный распространением позитивистских настроений, в 1867 году, в год своей кончины, переиздает, откликаясь на «настоятельную нужду чад Православной Церкви», свое сочинение «Толкование на Книгу Бытия», которое в последний раз было опубликовано «вторым тиснением сорок восемь лет тому назад» [Филарет, 2004, с. 11], в пушкинскую эпоху. В «Предуведомлении от издателей» высказывается наставительное пожелание: «Да послужит оно чадам Православной Церкви пособием к уразумению истинной истории о начале мира и человека!» [Филарет, 2004, с. 12].

Святитель Филарет, ставя перед собой задачу «показать Бога Творца и Промыслителя вопреки заблуждениям языческим» [Филарет, 2004, с. 19], напоминает непреложную истину Творения: «Творец являет в тварях благость свою <...> и, наконец, святость порядка природы, который во всех частях своих происходит от Бога и в происхождении тварей сливается с непосредственным действием Творца» [Филарет, 2004, с. 28],

Как видим, в культуре XIX века заявляется и обсуждается проблема не просто гносеологического (познавательного), а онтологического порядка, которая касается утверждения и пересмотра изначальных ценностных основ бытия и сущностной природы человека.

И Родион Раскольников, и герой рассказа «Петлистые уши» Адам Соколович — отрицатели антропологических итогов «шестого дня» Творения — относят себя с разной степенью убежденности к избранным натурам. Герой Достоевского пытается быть таким до «знания» своего воскресения («Но он воскрес, и он знал это <...>» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 473]), до «внесюжетного» таинства преображения: «Это могло бы составить тему нового рассказа» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 474]. Герой Бунина — «Он еще с нами» (один из черновых вариантов названия рассказа [Бунин, 1966, т. 4, с. 492]) — остается верен своей натуре даже за пределами сюжетного пространства. У них разные антропологические исходы, отражающие особенности осмысления писателями «сумеречной харизмы» человека: Раскольников «призван» Богом к «постепенному обновлению

человека» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 474], а Соколович находится во власти атавистических законов природы и обречен как тип человеческий «во веки веков» быть «прирожденным преступником».

Каждая из так называемых теорий героев — Родиона Раскольникова и Адама Соколовича — требуют отдельного внутритекстового и контекстного рассмотрения и уточнения в их узловом допущении о праве «необыкновенных» на преступление.

В разговоре с Порфирием Петровичем Родион Раскольников, уточняя основные положения своей статьи «О преступлении», бросает вызов традиционным представлениям о человеке и, ссылаясь на «закон природы» и опыт истории, словно поправляет созданное Господом в шестой день Творения: «**Одним словом**, **я вывожу**, что и все, не то что великие, но и чуть-чуть из колеи выходящие люди, то есть чуть-чуть даже способные сказать что-нибудь новенькое, должны, **по природе своей, быть непременно преступниками**, — более или менее, разумеется. Иначе трудно им выйти из колеи, а оставаться в колее они, конечно, не могут согласиться, опять-таки **по природе своей**, а по-моему, так даже и обязаны не соглашаться. **Одним словом**, **вы видите**, что до сих пор тут нет ничего особенно нового. Это тысячу раз было напечатано и прочитано. <...> Я только в главную мысль мою верю. Она именно состоит в том, что люди, **по закону природы**, **разделяются** *вообще* на два разряда: **на низший** (обыкновенных), то есть, так сказать, на материал, служащий единственно **для зарождения себе подобных**, и **собственно на людей**, то есть **имеющих дар** или талант **сказать** в среде своей *новое слово*. <...> **Одним словом**, у меня все равносильное право имеют <...>» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 223].

В книге-комментарии Б.Н. Тихомирова «Лазарь! гряди вон» [Тихомиров, 2005, с. 127–129, 235–242] и в обновленном, дополненном и исправленном реальном (построчном) комментарии к роману «Преступление и наказание», подготовленном С.Б. Березкиной, указаны многие источники, к которым непосредственно или вероятно восходят идеи и настроения Раскольникова, содержащиеся в его «аристократической» теории [Достоевский, 2013–, т. 7, с. 683–689]. Однако необходимо обратить внимание не только на источниковедческую основу идей героя, но и на исходную — априорную — предпосылку, на «аксиоматику» его суждений: «по закону природы», «по природе своей». Какими бы ни были источники теории Раскольникова, главное в этой теории априорное основание.

Априорность, аксиоматичность — это удивительное в своем потенциальном лукавстве свойство присутствия того, чего еще нет, но, будучи выведенным из априорности, образуется и утверждается как реальность, как фантом реальности: это само собой разумеющаяся очевидность, в которой укореняется всякая вещь, находящая в априорности свой исток и свое оправдание, это возможная фактичность до факта, потенциально признаваемое явление до его проявления. Априорность сродни чуду и вере. Реальность бытия, выведенная из аксиом, претендует на место высшей реальности и истины. От Парменида и до Канта, а также до их философских и естественнонаучных последователей человек всегда пользовался такой процедурой легализации бытия вещей и их сущностей. Кант рассматривает способность суждения [Кант, 1963–1966, т. 5, с. 177] «как apriori законодательствующую способность» и называет ее «трансцендентальной способностью» [Кант, 1963–1966, т. 5, с. 178]. Раскольников для усиления своей аргументации, для философского обоснования своей теории — для большей убедительности — вполне бы мог использовать слова Канта: «<...> всеобщие законы природы имеют основу в нашем рассудке, который предписывает их природе» [Кант, 1963–1966, т. 5, с. 179]; «<...> закон предначертан ей apriori» [Кант, 1963–1966, т. 5, с. 178].

«Закон природы» как единица высказывания обозначает и удивительное психоментальное свойство воспринимающего человека, сферу его доверия: «закон природы» держится на доверии человека и его доверием (верой).

Слова «закон природы» для Раскольникова и собеседников, Порфирия Петровича и Разумихина, естественны и привычны как лексически узнаваемый оборот времени. «<...> подобный взгляд был “в крови эпохи”, жаждавшей уловить “закон человеческой жизни, как Ньютон уловил закон мироздания”» [Тихомиров, 2005, с. 236], — справедливо заключает Б.Н. Тихомиров, обозревая и систематизируя суждения представителей культуры того времени о торжестве всесильного закона.

С другой стороны, данные слова узнаваемы и по другому основанию: «по закону природы» и «по природе своей» отсылают нас к ветхозаветной языковой памяти: «по ѡ҆́бразꙋ бж҃їю» (Елизаветинская Библия, Быт 1: 27), «по образу Божию» (Быт 1: 27). Память побуждает Раскольникова бессознательно в ответственный момент спора «просто и скромно» («начал он просто и скромно»

[Достоевский, 2013–, т. 6, с. 222]) использовать опорные грамматико-риторические конструкции Священного Писания. Даже вводное «одним словом», произнесенное героем избыточно трижды, навевает библейскую — ветхо- и новозаветную — интенцию: «Словом Божиим все сотворено <...>» [Евангелие Достоевского, с. XI].

В свете Книги Бытия высказывание Раскольникова приобретает особый — с оттенком и усилением сакральности — смысл. Ссылкой на «закон природы», упорядочивающий мир по-новому, герой словно вносит изменения в «шестой день» Творения, вторгается в пространство, где Господь напрямую говорил с человеком: «Одним **словом**, **я вывожу** все чуть-чуть из колеи выходящие **люди**, **должны, по природе своей, быть** непременно **преступниками**. Люди**, по закону природы**, разделяются на два разряда: на низший (обыкновенных), на материал, служащий для зарождения себе подобных, и собственно на людей, имеющих дар сказать новое слово. **Одним словом**, у меня все равносильное право имеют».

Если у Пушкина в стихотворении «Анчар» есть «день гнева»: «Природа жаждущих степей его в день гнева породила» [Пушкин, 1977–1979, т. 3, с. 79], — то в романе Достоевского подобным «днем гнева» является «закон природы», в существование которого верит Раскольников: «закон природы» «запустил» процесс деления людей на два разряда и неизбежного появления в веках «прирожденных преступников».

Такое просвечивание Достоевским (и читателем) привычного «по закону природы» ветхозаветным «по образу Божию» — это частное проявление всеобщей духовной способности писателя (и чуткого читателя) воспринимать мир в свете и в присутствии Господа: «<...> за словом всегда видится ему [Достоевскому — *Г.К.*] мир и его Творец» [Касаткина, 2004, с. 152], — и эта способность, реализуемая в тексте, определяется Т.А. Касаткиной как «базовый художественный принцип» [Касаткина, 2021, с. 175]. Благодаря такому «эффекту симультанности» [Тороп, 1984, с. 138–158], порождающей и воздействующей мощи сопрягаемых в слове смыслов и ценностей, творчество Достоевского становится деятельным субъектом «мировых событий» [Мамардашвили, Пятигорский, 1999, с. 54–56]: обладает способностью напоминать о себе «в нас самих» продуктивной жизненностью, витальностью вечного, «уготовлять путь далее» [Филарет, 2004, с. 9] и участвовать тем самым в процессе «довоплощения» человека, — обладает такими индуцирующими

свойствами воздействия, что под силу только Священному Писанию. О произведениях Достоевского можно сказать словами апостола Павла: «<...> описано в наставление нам, достигшим последних веков» (1 Кор 10: 11).

Более того, если воспользоваться ценными наблюдениями Т.А. Касаткиной [Касаткина, 2019, с. 141–156, 169–174] и А.Г. Гачевой [Гачева, 2021, с. 128–134], то можно сказать, что писатель, вводя в высказывание Раскольникова семантически маркированные слова «по закону природы», отсылает нас не столько (и не только) к научным источникам и к фразам, которые были на слуху, а сколько (но и прежде всего) к опыту своего христоцентричного переживания. Для Достоевского «закон природы» один, и он им утверждается в минуту душевного потрясения. В дневниковой записи от 16 апреля 1864 года «Маша лежит на столе...» Достоевский свидетельствует: «Христос был вековечный от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек» [Достоевский, 1972–1990, т. 20, с. 172].

Достоевский «закон природы» понимает как богочеловеческий, как закон Христа, поэтому и Раскольникову дает такую возможность пережить его действие в самом себе: придти к таинству преображения путями человеческими в конце романа. Но сюжетно — в начале романа — герой теоретически и слепой верой утверждает другой «закон природы», разрешающийся в человеке правом на убийство.

Обнаружение едва заметного «ветхозаветного следа» в высказывании Раскольникова позволяет актуализировать проблему человека в ее «априорном» — онтологическом — выражении, а именно: в аспекте Творения.

Выход исследовательской мысли на уровень рассмотрения романа Достоевского в контексте зарождения первых сущностей и смыслов открывает возможность осознать текст «со стороны поэтики Творения» [Топоров, 1995, с. 576]: увидеть его как произведение, не только отражающее злободневные проблемы эпохи, но и соотносящее события «здесь и сейчас» с предвечными ценностями, — сопрягающее тем самым повседневное с вечным, которое было даровано национальной культуре посредством Священного Писания и Предания.

Библейский код романа намечает перспективу посмотреть на человека как на «венца» Творения, как на героя, который «оглядывается» на Творца.

Библия всем своим содержательным и грамматическим строем формирует у чуткого человека память о потаенной первосущности самого себя («первопамять»), проникает, как и искусство, «в слои самого глубинного чувственного мышления» [Эйзенштейн, 1964, с. 120].

С богословской точки зрения библейская «первопамять» — содержательно-грамматический код Библии — это совет Божий человеку, «Божие *предвидение и предзнаменование*» [Филарет, 2004, с. 52].

У человека XIX века было достаточно источников, от семейных до литургических, чтобы у него сознательно и подсознательно (непроизвольно) сформировалась «ветхозаветная» — и содержательная, и лексико-грамматическая —память.

И литургическая, и ученическая память Раскольникова «подбрасывает» ему риторическую конструкцию «по закону природы» в «умышленной» беседе, которую затеял Порфирий Петрович.

Книга Бытия, как это передается в Елизаветинской Библии (1751), утверждает непреложную истину шестого дня Творения — сотворения человека: «И҆ речѐ бг҃ъ: сотвори́мъ человѣ́ка по ѡ҆́бразоу на́шемоу и҆ по подо́бїю <…> И҆ сотворѝ бг҃ъ человѣ́ка, по ѡ҆́бразоу бж҃їю сотворѝ є҆гѝ <…> И҆ ви́дѣ бг҃ъ всѧ҄, є҆ли҄ка сотворѝ: и҆ сѐ дѡбра̀ ѕѣлѡ̀» (Елизаветинская Библия, Быт. 1: 26–27, 31).

Раскольников (и в первую очередь его автор), безусловно, с детских, с ученических лет знал («Давно... Когда учился» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 279] и «Историю II. О создании человека» из популярной в нескольких поколениях книги «Сто четыре священные истории, выбранные из Ветхого и Нового Завета, в пользу юношества, Иоанном Гибнером, с присовокуплением благочестивых размышлений». В соответствии с рекомендациями И. Гибнера, как указывает Б.Н. Тихомиров, «<...> юные читатели в течение двух лет должны были осваивать по одной главе из “Ста четырех священных историй...” в неделю, заучивая тексты едва ли не наизусть. В силу этого многие речевые и образные формулы книги детства Достоевского должны были надолго сохраняться в памяти писателя» [Тихомиров, 2021, с. 51].

По подсчетам Б.Н. Тихомирова, «“Сто четыре священные истории...” в последней трети XVIII — первой половине XIX в. пользовались в России исключительной популярностью. Они издавались с 1770 по 1863 год более двадцати раз и выходили в нескольких

переводах: М. Соколова (1770–1803), В. Богородского (1798–1832), И. Висковатова (1818), П. Яновского (1832–1846) и др.» [Тихомиров, 2021, с. 28].

И как бы переводы в лексических деталях и в грамматических вариантах ни различались между собой, аксиологическое содержание и риторическая модель библейского высказывания сохраняются и — более того — в последующем новом переводе учитывается (вплоть до точного воспроизведения) опыт предшествующего перевода: «<...> все твари его были весьма хороши <...> Бог так сказал: Сотворим человека по образу нашему, нам подобного» [Сто четыре, 1781, с. 4–5]; «<...> все, созданное им, было хорошо <...> Бог, создав все прочие твари, сказал так: сотворим человека по образу нашему, нам подобного» [Сто четыре, 1815, с. 2–3]; «<...> все, созданное им, было хорошо <...> Бог, создав все прочие твари, сказал так: Сотворим человека по образу нашему и по подобию» [Сто четыре, 1825, с. 2–3].

Как пишет Б.Н. Тихомиров, «<...> проблема отражений книги И. Гибнера в творческой работе Достоевского до сих пор не поставлена в научной литературе <...> следы знакомства писателя с этой книгой обнаруживаются с большей или меньшей определенностью прежде всего в итоговом романе Достоевского "Братья Карамазовы" (1879–1880)» [Тихомиров, 2021, с. 41–42].

Но можно с уверенностью сказать, что и в романе «Преступление и наказание» заметен «ветхозаветный след» «Священных историй» И. Гибнера. Структурно-грамматическая соотнесенность высказывания Раскольникова и библейских речений очевидна: «**Бог сказал** <...> по образу нашему и по подобию <...> **по образу Божию** <...> **все, созданное им, было хорошо**» — «Одним **словом, я вывожу** <...> по природе своей <...> **по закону природы** <...> **должны быть непременно преступниками**». Нетрудно заметить, что библейский код, проявляясь на грамматико-синтаксическом уровне в высказывании Раскольникова, ценностно трансформируется в свою противоположность: человек «по образу нашему» превратился-родился «по закону природы» в преступника. Современный человек имеет дело с другой антропо-онтологической реальностью, которая и заостряет библейскую проблему шестого дня Творения.

Именно обнаружение и сопряжение двух смысловых рядов, один из которых порожден Библией, а другой современным сознанием той эпохи, позволяет заострить онтологическую проблему — проблему «второго» творения.

О таком эффекте «второго» творения, возникающем в культуре, пишет В.Н. Топоров, оценивая буквенный подвиг святых равноапостольных Кирилла и Мефодия: «*Аз буки веди. Глагол добро есть*... (буквы-азбука, их ведение, как приводящее к слову-глаголу, которое и есть добро). В этом контексте можно говорить об обретении букв, письменности как “втором” творении — в письменном слове, в тексте и, следовательно, о продолжении в этом акте последовательности космологических “работ” по устройству мира» [Топоров, 1998, с. 232].

«Ветхозаветная» подсветка в романе как раз и усиливает мотив «второго» творения: Раскольников своей «теоретической верой» («Я только в главную мысль мою верю») встраивается в процесс «космологических “работ” по устройству мира», в дни творения, в его «шестой день», корректирует сотворенное Богом, задает другую антропо-онтологическую систематизацию. Если Господь творит человека по образу Своему: «И҆ сотворѝ бг҃ъ человѣ́ка, по ѡ҆́бразоу бж҃їю сотворѝ є҆гò: моу́жа и҆ женоу̀ сотворѝ и҆̀хъ» (Елизаветинская Библия, Быт1: 27), — то Раскольников, устраняя свою субъективность, «умышленность», указывает на порождающее действие самой природы, которая по своему закону, а не по Божьему замыслу («Бог сотворил двух человек, мужа и жену» [Сто четыре, 1815, с. 3]), делит людей на обыкновенных, в веках порождающих свое подобие, и на собственно людей, имеющих преимущественный дар — «право на преступление» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 223]. «Необыкновенный» человек «сам имеет право разрешить своей совести перешагнуть... через иные препятствия» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 222].

Точнее будет сказать и по-другому: Раскольников словно возвращает творение в новых исторических условиях к его «шестому дню» и, ссылаясь на опыт мировой истории, вносит «законом природы» антропологическую поправку: «<...> все... ну, например, хоть законодатели и установители человечества, начиная с древнейших, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами и так далее**, все до единого были преступники** <...> должны, по природе своей, быть непременно преступниками <...>» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 222–223].

Исторические примеры и явления бытового насилия только помогают Раскольникову утвердиться в существовании антропологического закона природы, распределяющего людей по разрядам: «<...> порядок зарождения людей, всех этих разрядов и подразделений, должно быть, весьма верно и точно определен каким-нибудь

законом природы. Закон этот, разумеется, теперь неизвестен, но я верю, что он существует и впоследствии может стать и известным» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 225].

Следовательно, Раскольников своими суждениями и своей верой словно «заглядывает» в «шестой день» творения и главным образом верой («Закон этот, разумеется, теперь неизвестен, но я верю, что он существует») утверждает объективность действия антропологического закона природы. Раскольников, если редуцировать его социальность, входит в роман как герой «шестого дня», как человек с верой, что природа порождает «право имеющих». Он герой, дерзнувший утверждением «закона природы» приблизиться к началу творения, к зачину нового мира.

Так в пространстве романа и — шире — в пространстве культуры столкнулись два ценностных убеждения: человек создан по образу Божиему, и человек — преступник «по природе своей». Но так намечается и антропологическая основа (возможность) совершения «преступления без наказания», утверждается закон, уже не связанный с человеком, его утвердившим. Хотя Раскольников в своей статье рассматривал «психологическое состояние преступника в продолжение всего хода преступления» и настаивал (напоминает ему Порфирий Петрович), что «акт исполнения преступления сопровождается всегда болезнию» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 221], но все же главная мысль, которую, по словам того же Порфирия Петровича, автор статьи проводит «намеком, неясно» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 221], находит выражение в его «теоретической вере». Она — мысль-вера — пугает собеседников, Разумихина и Порфирия Петровича: «Ведь это разрешение крови *по совести*, это... это, по-моему, страшнее, чем бы официальное разрешение кровь проливать, законное.

— Совершенно справедливо, страшнее-с, — отозвался Порфирий» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 226].

Получается так, что антропологический закон природы, о котором говорит Раскольников, в своем действии всесилен: он игнорирует и абсолютность Божиего «дwбрà sѣлẁ» в человеке, и социальную необходимость в известных случаях проливать кровь «по закону». Раскольников даже чувства возможной жалости и сострадания человека-преступника к жертве подчиняет действию всесильного «закона природы»: «Пусть страдает, если жаль жертву...» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 227].

Раскольников, веруя в «главную мысль», «выводит» другой закон для рождающегося в мир человека, не инволюционный, не библейский, утверждающий, по Слову Господа, в человеке «дѡбрà sѣлѡ̀», а натурфилософский, эволюционистский, позитивистский закон не «от Бога», а «от природы», которая может решить проблему человека и по-другому: с отклонением от ветхозаветного чуда шестого дня.

Актуализация проблемы рождения человека-преступника «по закону природы» ставит вопрос об истоках такой идеи, о появлении в культуре философских и научных обоснований ее возможности как факта общественного сознания: «<...> тут нет ничего особенно нового. Это тысячу раз было напечатано и прочитано», — говорит Раскольников [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 223].

Б.Н. Тихомиров, опираясь на разыскания достоевсковедов, систематизировал и описал возможные многочисленные источники теории Раскольникова, а также предложил свои оригинальные и убедительные уточнения и интерпретации взглядов героя [Тихомиров, 2005, с. 127–129; 235–241] (см. также: Достоевский, 2013–, т. 7, с. 684–688): «Идея Раскольникова представляет собой *русский вариант* некоего общеевропейского “архетипа” <...> герой Достоевского приходит к выводу, что всегда и везде основной формой и законом исторического развития было *преступление*» [Тихомиров, 2005, с. 235–236].

Соглашаясь с размышлениями Б.Н. Тихомирова о «законе исторического прогресса», о «*русском варианте* некоего общеевропейского “архетипа”», нужно все-таки обратить внимание и на другое — на уровни возможного ценностного обобщения: историософия Достоевского антропологична, а антропология онтологична, не ограничивается только историческими параллелями. Соотнесенность «главной мысли» Раскольникова с ветхозаветным контекстом шестого дня Творения повышает не только ее социально-историческую значимость, но и антропо-онтологическую: словно не герой «выводит» «главную мысль», а природа по своему закону, как Господь Бог, творит разряды людей и в череде рождений являет человека-преступника, «сколько-нибудь самостоятельного человека» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 225]. (Ср.: «Природа жаждущих степей его в день гнева породила»). Всё остальное — жалость к жертве, исторический прогресс — вторично и может быть концептуализировано и выстроено на фундаменте «главной мысли» в любых вариантах

и версиях. «Теоретическая вера» Раскольникова безосновна: убедительные примеры из внехристианской или христианской истории, на которые указывает Б.Н. Тихомиров, также вторичны. В этом смысле антропология, утверждаемая Раскольниковым, «априорна» (если вспомнить Канта) и «онтологична» (в контексте богословия «шестого дня» по Раскольникову): она как таковая имеет только свое освящение со стороны «закона природы» и непросветленной веры. Герой не только теоретически, но и экзистенциально в самом себе стремится утвердить его могущество, стать его орудием.

В финале романа «Преступление и наказание» этот «закон природы» в Раскольникове проявляется в виде разных обозначений: «<...> он строго судил себя, и ожесточенная совесть его не нашла никакой особенно ужасной вины в его прошедшем, кроме разве простого *промаху*, который со всяким мог случиться. <...> “Совесть моя спокойна. Конечно, сделано уголовное преступление; конечно, нарушена буква закона и пролита кровь, ну и возьмите за букву закона мою голову... и довольно! <...> многие благодетели человечества, не наследовавшие власти, а сами ее захватившие, должны бы были быть казнены при самых первых своих шагах. Но те люди вынесли свои шаги, и потому *они правы*, а я не вынес и, стало быть, я не имел права разрешить себе этот шаг”.

Вот в чем одном признавал он свое преступление: только в том, что не вынес его и сделал явку с повинною» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 468].

В конце романа Раскольников, сохранив в себе то, что было в нем «вначале» по рождению и воспитанию (память детства, чувство сострадания), все же считает, что он не соответствует **желаемой** природе своей. «Ключевая идея романа — идея *воскресения* как *нового рождения через смерть*» [Тихомиров, 2005, с. 20], — связанная с богословием «трех дней», когда Христос-надежда умер [Бальтазар, 2006], хотя и находит свое воплощение в произведении, но не исключает и другого: «закон природы» так и остается «законом природы», и антропологический эксперимент Раскольникова над самим собой — не тем он вышел и оказался не тем, кем желал и мечтал стать — его не отменяет, а «ожесточенная совесть» не находит в двойном убийстве «особенно ужасной вины», а только видит «простой *промах*, который со всяким мог случиться».

Т.А. Касаткина, комментируя и раскрывая смысл слова «промах» как грех, пишет: «<...> человек в состоянии “я” — это непра-

вильное видение собственной конфигурации, это заблуждение, ошибка, ***грех*** — в смысле ***промах***, ***непопадание***: непопадание именно в себя самого, в свой истинный образ <...> Раскольников именно промахнулся мимо истины в своем видении себя и человечества как отдельных изолированных существ, могущих получать выгоду от ущерба другого (и этот грех он разделяет почти со всяким в человечестве) <...> Собственно, об этом говорит Раскольников Лужину, когда восклицает: "— А доведите до последствий, что вы давеча проповедовали, и выйдет, что людей можно резать..."» [Касаткина, 2021, с. 190–191].

Только, к сожалению, реальная степень ошибки, цена греха бывают разными: по-разному человек может «промахиваться».

Порфирий Петрович квалифицирует преступление Раскольникова как «хороший» промах: «Еще хорошо, что вы старушонку только убили. А выдумай вы другую теорию, так, пожалуй, еще и в сто миллионов раз безобразнее дело бы сделали!» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 397]. «В сто миллионов раз безобразнее дело» — это, если пользоваться классификационной логикой Порфирия Петровича, «плохой» промах.

Но теоретически и даже экзистенциально «хороший» и «плохой» промахи можно оправдать, подвести их под действие «закона природы», под смягчение «ужасной вины», которой-то и нет: и «людей можно резать».

Для оправдания «преступления без наказания» философы утвердили «закон тождества» — и человек развязал себе руки. Чтобы законно действовать, нужно только под осуществляемое действие, как учили философы от Парменида до Гегеля, подвести категориальное основание, поставить знак нужного равенства между А и В: «Я ведь только вошь убил, Соня, бесполезную, гадкую, зловредную» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 359].

Об этом — о философско-экзистенциальном развязывании рук — пишет Гегель, подменяя онтологию Бога «онтологией» разума: «Сознание внешнего наличного бытия появляется лишь с абстрактными определениями, и как только обнаруживается способность к выражению законов, появляется возможность прозаически понимать предметы» [Гегель, 2000, с. 155]. Хитро-лукавое гегелевское — «прозаически понимать» — таит в себе последствия: там, где можно «прозаически понимать», можно прозаически бездушно относиться и к предметам, и к человеку как к «ветошке».

Если для Раскольникова «закон природы» является безосновной предпосылкой его построений, то для Гегеля таким «всеобщим эквивалентом» является разум: «<...> разум господствует в мире, так что, следовательно, и всемирно-исторический процесс совершался разумно. Это убеждение и понимание являются предпосылкой <...> разум <...> является как субстанцией, так и бесконечною мощью <...> подобно тому как он является для себя лишь своей собственной предпосылкой и абсолютной конечной целью, так и сам он является и осуществлением этой абсолютной конечной цели, и ее воплощением <...> такая идея является истинным, вечным, безусловно могущественным началом, что она раскрывается в мире и что в мире не раскрывается ничего кроме нее, ее славы и величия. <...> Ведь если к рассмотрению всемирной истории не приступают с уже определившейся мыслью, с познанием разума, то следует по крайней мере твердо и непоколебимо верить, что во всемирной истории есть разум и что мир разумности и самосознательной воли не предоставлен случаю, но должен обнаружиться при свете знающей себя идеи. В действительности же мне не нужно заранее требовать такой веры. <...> я уже знаю целое» [Гегель, 2000, с. 64–65].

Перед нами теория Раскольникова, выраженная философскими словами Гегеля. Гегель тоже становится внутренним героем романа Достоевского и зачинателем новой истории, которую можно творить орудием Раскольникова.

Гегелевская спекулятивная философия, подменяя Бога и приписывая все Его свойства абстрактному разуму (разум как Бог «является для себя своей собственной предпосылкой»), не могла не вдохновлять человека: она раскрепощала его ум, позволяла ему извлекать из разума любые идеи и подводить их под теории и закон. Наступило время, подготовленное философией и наукой, когда, по меткому слову Свидригайлова, «<...> молодежь <...> уродуется в теориях» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 416]**.** В этом ряду уродующихся, определяющих себя как знающих «целое», находится и Раскольников, желающий по-гегелевски «с твердой и непоколебимой верой» («Я только в главную мысль мою верю») поправить, «довоплотить» человека и Творение, «запустить» по-новому исторический процесс. Раскольников таким образом является только литературным отражением всеобщей беды отпадения от Бога: и в этом смысле он такая же отпавшая, уродующая себя реальность бытия, как и Гегель: «<...> помутилось сердце человеческое <...>» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 394]**.**

Как социально-исторический герой Раскольников (и Гегель) тиражируемый персонаж, «человек, каких много» [Тургенев, 1978, с. 37]: его (их) идеи «вышли» на улицу. «Теоретическую веру» Раскольникова можно эквивалентно выразить не только философскими умозаключениями Гегеля, но и страстными словами В.Г. Белинского.

Переменчивый в своих мыслях и настроениях Белинский, увлекшись идеями Гегеля, в письмах В.П. Боткину писал: «Бог свидетель — у меня нет личных врагов, ибо я (скажу без хвастовства) по натуре моей выше личных оскорблений; но враги общественного добра — о, пусть вывалятся из них кишки, и пусть повесятся они на собственных кишках — я готов оказать им последнюю услугу — расправить петли и надеть на шеи» [Белинский, 1956, с. 9]; «Люди так глупы, что их насильно надо вести к счастию. Да и что кровь тысячей в сравнении с унижением и страданием миллионов» [Белинский, 1956, с. 71]; «Люди в глазах природы то же, что скот в глазах сельского хозяина: хладнокровно решает она: этого на племя пустить, а этого зарезать» [Белинский, 1956, с. 97]; «<...> тысячелетнее царство Божие утвердится на земле не сладенькими и восторженными фразами идеальной и прекраснодушной Жиронды, а террористами — обоюдоострым мечом слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов» [Белинский, 1956, с. 105].

Литературный герой теоретически занят тем же самым, что и его реальные предшественники и, возможно, хотя бы косвенно его учителя: философия Гегеля методологически порождает теорию Раскольникова, а страстные высказывания Белинского можно рассматривать как черновые наброски-озарения героя, обремененного «арифметической» и «аристократической» теориями. В своих суждениях Белинский даже более радикален, чем Раскольников. Критик, выражая свои мысли по переустройству мира, оперирует другими числами, на порядок больше, чем у Раскольникова: у него в исчислениях не одна жертва и тысячи спасенных, а тысяча жертв и миллионы спасенных. А в целом у Белинского и Раскольникова мышление равноценное — обесценивающее человека: человек подобен скотине, поэтому его можно резать: «Я ведь только вошь убил». Похожей является у них и вера в новую социальность: в «тысячелетнее царство Божие» (Белинский) и в «Новый Иерусалим» (Раскольников).

Герой Достоевского в практическом делании пошел дальше своих ярких интеллектуальных и страстных прототипов: он дерзнул стать «осуществлением» и «воплощением» «закона природы».

«Промах-грех» не устраняет «закона природы», того положения, которое утверждается «человечеством» в качестве поправки к сотворенному в «шестой день»: «людей можно резать». Наоборот, «закон природы» в лице его ревнителей устраняет «промах-грех» как несущественную примесь-примысел, утверждает свое господство или аксиоматически (разум — сам себе верховный судия — выводит в абстрактных определениях закон и его «воплощает»), или математически: «**Да и что** кровь тысячей **в сравнении** с унижением и страданием миллионов» [Белинский, 1956, с. 71]; «За одну жизнь — тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения. Одна смерть и сто жизней взамен — да ведь тут арифметика! **Да и что** значит **на общих весах** жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушонки? Не более как жизнь вши, таракана, да и того не стоит, потому что старушонка вредна» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 59].

«Промах-грех» персоналистичен: сказывается на сердце конкретного человека, а «закон природы» сверхличен: порождает своего исполнителя. «Промах-грех» только указывает на то, что Раскольников человек не «той природы», которой желал бы быть: а человек «той природы» есть. И «теоретическая вера» Раскольникова в «закон природы» сохраняется: он, как пишет Д.С. Мережковский, «продолжает верить в то, что оправдывает его убийство» [Мережковский, 2007, с. 181].

Гегелевский разум «по природе своей», если его рассматривать не в философской ретроспективе, а в библейской, — это злочестивый разум Каина.

Уже Каин (вслед за Адамом) своим злочестием («Каин был злочестив» [Сто четыре, 1815, с. 11]) внес изменения в сотворенную природу человека — поправку в шестой день Творения. Он нарушил совет Бога и совершил после «хорошего» промаха Адама более «страшный» грех. Убив Авеля, он положил начало другой антропологической породы, «право имеющих»: «Все его потомки были злочестивые люди, известные в Священном Писании под именем *сынов человеческих*» [Сто четыре, 1815, с. 12]. Злочестивый, как пишет В.И. Даль, это человек, «не чтящий Божеских законов» [Даль, 1978, с. 686]. Со времен Каина сформировался онто-антропологический дуализм, деление на разряды: «злочестивые люди» и «благо-

честивые люди» [Сто четыре, 1815, с. 12]. Исторически Каин всегда возвращается.

Тень Каина ложится и на Раскольникова. В книге Гибнера, в «Истории V. О Каине, убившем брата своего Авеля», говорится: «Однако же **нимало о грехе своем не раскаивался**, но особенно пришедши в отчаяние» [Сто четыре, 1781, с. 14]; «Но **он** вместо того, **чтобы о содеянном грехе раскаяться, пришел** в еще большее **отчаяние** <...>» [Сто четыре, 1815, с. 12].

Достоевский, показывая Раскольникова в судьбоносном ожидании «жгучего раскаяния», буквально повторяет слова Каина из «Ста четырех священных историй...»: «И хотя бы судьба послала ему раскаяние — жгучее раскаяние, разбивающее сердце, отгоняющее сон, такое раскаяние, от ужасных мук которого мерещится петля и омут! О, он бы обрадовался ему! Муки и слезы — ведь это тоже жизнь. Но **он не раскаивался в своем преступлении**» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 468]**.**

Как Каин «**нимало о грехе своем на раскаивался**», так и Раскольников «**не раскаивался в своем преступлении».** Перед нами пример прямой отсылки не к Ветхому завету, где нет подобных слов, а к книге Гибнера.

Все, что случится с Раскольниковым в финале романа и наметится как **таинство**, как «история постепенного обновления человека, история постепенного перерождения его, постепенного перехода из одного мира в другой» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 474], не устраняет действия «закона природы», «каинова закона природы»: «Каин был злочестив <...> Все его потомки были злочестивые люди» [Сто четыре, 1815, с. 11–12]. Такое «каиново» освещение «закона природы» — каиново проклятие человечеству — только укрепляет идею его непреложности: там, в порождающих действиях природы, может проявить себя «злочестие». Поневоле «злочестивого человека», Раскольникова, верящего в могущество «закона природы» и «не чтящего Божеских законов», Бог, по слову Сони, «дьяволу предал»: «От Бога вы отошли, и вас Бог поразил, дьяволу предал!..» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 361].

Б.Н. Тихомиров, определяя методологию «прочтения» и понимания образа главного героя романа, казалось бы, совершенно справедливо пишет: «Родион Раскольников в окончательном тексте “Преступления и наказания” — это герой, исключительно остро чувствующий чужую боль, живущий так, как будто с него содрали кожу

и всё, что происходит вокруг, больно ранит его душу и сердце. <...> в судьбе Раскольникова вначале была не “теория”, не “идея” — вначале была *боль*» [Тихомиров, 2005, с. 19–20].

Однако выстраивать концепцию образа Раскольникова, исходя из его изначальной боли, не совсем оправданно с точки зрения христианской антропологии. В.С. Соловьев в «Трех речах в память Достоевского» как раз говорит об опасных последствиях отношения человека к миру, которое держится на субъективности, или, по слову Ф. Ницше, на «человеческом, слишком человеческом» — на «болезненном уединении» [Ницше, 2011, т. 2, с. 15]. В.С. Соловьев, поднимая вопрос о «делателях», предупреждает, что не следует исходить из «человеческой природы как она есть, — это идеал грубый и поверхностный» [Соловьев, 1912, с. 210]. Если «делатель», чувствующий чужую боль и/или знающий, что нужно делать, ставит себе земную цель — «разрушение существующего», то «дело обращается в насилие над людьми и целым обществом» [Соловьев, 1912, с. 208]. Экзистенциальная боль, подкрепленная теорией, становящаяся источником и мотиватором решительных действий, «это, по-моему, страшнее»: потому что насилие получает оправдание в боли. Боль становится основой формирования нового «закона природы». Человек, находящийся во власти эмоционально-волевой сферы, подкрепляя боль теоретико-историческими обоснованиями, строит свои действия на основе ее непредсказуемых импульсов и «хотений»: «Я… я захотел *осмелиться* и убил… я только осмелиться захотел, Соня, вот вся причина!» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 361].

По этому поводу В.С. Соловьев пишет: «Человек, который на своем нравственном недуге, на своей злобе и безумии основывает свое право и переделывать мир по-своему — такой человек, каковы бы ни были его внешняя судьба и дела, по самому существу своему есть убийца» [Соловьев, 1912, с. 210].

Боль, подкрепленная «теоретической верой» («тут теоретически раздраженное сердце» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 394]), вскрывает в Раскольникове «каинову» природу человека. У Каина была причина убить Авеля: Господь не принял даров его («Но Богу приятнее была жертва Авелева, нежели Каинова <...> На сие чрезмерно рассердился Каин» [Сто четыре, 1815, с. 11]). Так в XIX веке разными путями, философскими, естественнонаучными, художественными и даже религиозными, утверждалась новая — уточненная — правда о человеке, в которой узнавалась проблема ближайших антропологи-

ческих последствий «шестого дня» Творения: человек изменил свою природу в присутствии Господа, не прислушавшись к его советам.

«Ветхозаветный след», обнаруживая свой антропологический дуализм, ставит таким образом человека в начало Творения и актуализирует смыслы его «перворождения»: «злочестивые люди» и «благочестивые люди». Даже более того: «ветхозаветный след» ведет к Началу, позволяет заглянуть за «черту» Бога — в «ничто».

Святитель Филарет (Дроздов), обобщая опыт перевода из разных источников, пишет: «Качество первоначальной земли, или всеобщего вещества, изображается словами: по переводу семидесяти толковников: αοραιοι και ακαιασκευαστοs — *невидима и неустроена*; по Акиле: κενωμα και ουδέν — *пустота и ничто*; по Феодотиону: κενόν και ουδέν — *нечто пустое и ничтожное*; по Симаху: αργονκαι αδιακριον — *нечто праздное и безразличное*. Еврейские слова по их производству и употреблению (Ис. XXXIV. 11. Иер. IV. 23) знаменуют *изумляющую пустоту*» [Филарет, 2004, с. 30–31].

Творение на границе своего начала оказывается парадоксальным явлением: будучи «пустотой», оно содержит под покровом «пустоты» сущности, о которых нельзя сказать ничего определенного, но которые воспринимаются «на ощупь» как жизненно значимые состояния в зависимости от того, кто их «ощупывает». «Ничто» наполнено не абсолютной пустотой, а «трансцендентной полнотой»: оно в потенциальности содержит в себе «два качества, одно доброе, другое злое», которые «качествуют» [Бёме, 19, с. 25, 32], как об этом свидетельствует Я. Бёме в книге «Aurora, или Утренняя заря в восхождении, то есть корень или мать философии, астрологии и теологии на истинном основании, или Описание природы, как все было и как стало в начале: как природа и стихии стали тварными, также об обоих качествах, злом и добром; откуда все имеет свое начало, и как пребывает и действует ныне, и как будет в конце сего времени; также о том, каковы царства Бога и ада и как люди в каждом из них действуют тварно; все на истинном основании и в познании духа, побуждении Божием прилежно изложено Якобом Бёме <...>» [Бёме, 1914].

Кто извлекает «здесь и сейчас» эти качества из «ничто», из «пустоты», наполняя творимый мир качествами: Бог, Каин или исторический человек? Господь попустил в изначалии Творения такое деление — «злочестивые люди» и «благочестивые люди», «два качества, одно доброе, другое злое», — чтобы держать человека

в ситуации «второго» Творения, чтобы возложить на него ответственность за себя самого и судьбу мира, за те качества, которые должны «качествовать»: «Можно сказать, что актом творения “из ничего” Бог предоставляет возможность появиться чему-то вне Его Самого, что Он ставит само это “вне”, само это “не-бытие” рядом со Своей полнотой. Бог “дает место” абсолютно новому сюжету, бесконечно отдаленному от Него не “местом, но природою”, как говорит святой Иоанн Дамаскин» [Лосский, 1991, с. 154].

Перед «изумляющей пустотой» находится Раскольников: жизненные и семейные обстоятельства, мрачные впечатления от города «без форточки» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 206], теоретические размышления героя — все ведет его к «ничто» («закону природы»), из которого он извлекает качества и как творец, и как Каин, и как исторический человек. «От нас, — пишет В.Н. Лосский, — требуется своеобразный “апофатизм вспять”, который привел бы к откровенной истине о творении “из ничего”, ex nixilo» [Лосский, 1991, с. 153].

Достоевский в своем творчестве постоянно использует этот «прием» «апофатизма вспять», побуждает «униженного и оскорбленного» героя вернуться к «ничто», к «точке творения», чтобы у него открылась возможность в самом себе духовно-органично, в «рождении-перерождении» придти «к откровенной истине о творении».

Чтобы осмыслить и оценить случившееся с Раскольниковым, нужно воспользоваться словом тех, кто был свидетелем отпадения человека от Бога и был чуток к богословским смыслам и переживаниям происходящего. Святитель Филарет в «Слове в день Пятидесятницы» намечает православный «архетип» спасения всякого падшего человека, каких бы «хороших» и «плохих» грехов он ни совершил: «После того, как погрузившийся в твари, не могши сносить несозданного света, человек *скрылся* (Быт. 3: 8) от Бога, и Бог скрылся от человека, дабы не истребить преступника святым Своим присутствием, Единый Триипостасный, по неизреченной благости, вновь приблизился к отчужденному в постепенных откровениях, да Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любы Бога и Отца, и общение Святого Духа (2 Кор. 13: 13) восставит и паки превознесет падшего» [Филарет, 1994, с. 132–133].

Помимо воли упорствующего героя, но по воле Его Раскольников оказывается в ситуации библейского творящего начала, в «месте творения». Он на каторге вдруг узнает «в облитой солнцем необозримой степи» ветхозаветное время: «<...> там как бы самое

время остановилось, точно не прошли еще века Авраама и стад его» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 472]; [Тихомиров, 2005, с. 439–440].

Конечно, можно согласиться с «внеличностными» интерпретациями видения Раскольниковым «века Авраама», что они символизируют «золотой век» и задают «необходимые всемирно-исторические координаты» [Тихомиров, 2005, с. 439].

Но важно обратить внимание и на личностно-экзистенциальный аспект видения «века Авраама» как длящегося «в нас» времени. Авраам — это человек, который поверил, оправдался не делом, а верой: «<...> человѣкъ оправдывается вѣрою, независимо отъ дѣлъ закона» [Евангелие Достоевского, Рим. 3: 28]; «Естьли Авраамъ оправдался дѣлами, то ему есть чѣмъ хвалиться, только не предъ Богомъ. Ибо что говоритъ Писаніе? Повѣрилъ Авраамъ Богу, и *сіе* вмѣнилось ему въ праведность» [Евангелие Достоевского, Рим. 4: 2–3].

«Сто четыре священных истории...» актуализируют связь Ветхого и Нового заветов, соотносят имена Авраама и Христа: «Некогда Бог, разговаривая с Авраамом, обещал ему, что в нем все племена земные благословятся; сие то же значило, что как бы сказал Бог: непременно **из его потомков родится Спаситель всех людей**» [Сто четыре, 1781, с. 22]; «Бог, беседуя некогда с Авраамом, обещал ему, что в нем благословятся все племена земные. Сие то же значит, что **от потомков Аврамовых родится Спаситель всех людей**» [Сто четыре, 1825, с. 21–22].

«Века Авраама» — это не только «отправная точка и трагический итог исторического пути человечества» [Тихомиров, 2005, с. 439], но и время начала «второго» Творения во Христе, время радости переживания сошествия Святого Духа, время рождения Спасителя «во мне».

И Дух Божий присутствием Сони снизошел на Раскольникова: «Вдруг подле него очутилась Соня. Она подошла едва слышно и села с ним рядом <...> На ней был ее бедный, старый бурнус и зеленый платок <...> Как это случилось, он и сам не знал, но вдруг что-то как бы подхватило его и как бы бросило к ее ногам. Он плакал и обнимал ее колени» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 472]. Достоевский, чуткий к духовной символике цвета, рифмует цвет купола каменной церкви из сна Раскольникова о лошаденке [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 50] и цвет платка Сони: в цветовой символике храма зеленый цвет — цвет Святой Троицы, ее ипостаси Святого Духа, сошествие которого

есть «событие, существенно сопряженное с делом нашего спасения» [Филарет, 1994, с. 133].

Т.А. Касаткина совершенно справедливо пишет: «Достоевский говорит только о человеке. Но вот о человеке он говорит практически всегда в перспективе Бога, прямо обозначая человека как место присутствия, “место жительства” Бога на земле, место Его явления для другого человека» [Касаткина, 2021, с. 159]. Однако важно также подчеркнуть, что христианская антропология Достоевского не только символична, выражена семантически узнаваемыми религиозными деталями-смыслами, но и психофизиологична: она вскрывает и обозначает процесс органической перестройки человека, соотносится буквально с актом рождения-перерождения человека: «Он **страдал** тоже от мысли: зачем он тогда себя не убил? Зачем он стоял тогда над рекой и предпочел явку с повинною? <…> Он с **мучением** задавал себе этот вопрос и не мог понять, что уж и тогда, когда стоял над рекой, может быть, предчувствовал в себе и в убеждениях своих глубокую ложь. Он не понимал, что это **предчувствие** могло быть **предвестником** будущего переломав жизни его, будущего **воскресения** его, будущего нового взгляда на жизнь» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 468–469].

На уровне психофизиологии Достоевский обозначает живой и мучительный процесс борения разных сил и энергий человеческих, показывает, как в «ветхозаветного» человека через «предчувствие» и «предвестие» — благодаря тому, чего еще нет и что не явлено «во мне», но что всегда есть как духовное изначалие, — входит Христос.

Господь в нем творит, помимо воли его, в «предчувствиях» и «предвестиях», в душевном пространстве их присутствия, Свою богочеловеческую — Христову — природу. Раскольников до поры до времени (до таинства преображения) по духу не узнает ее в себе, теоретически противится «обновлению», но уже в самопризнаниях и волевых поступках телесно готов принять мученическую смерть: «<…> ну и возьмите за букву закона мою голову… и довольно!» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 468–469]; «Один каторжный бросился было на него в решительном исступлении; Раскольников ожидал его спокойно и молча: бровь его не шевельнулась, ни одна черта его лица не дрогнула. Конвойный успел вовремя стать между ним и убийцей — не то пролилась бы кровь» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 470].

Функционально в финале романа роль убийцы переходит к другому человеку, потенциальным убийцей становится другой (и даже другие): «<...> все разом напали на него с остервенением» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 470], «<...> бросился было на него в решительном исступлении <...>». А Раскольников, спокойно встречающий нападение, психофизиологически переродился: готов принять смерть и мучения, — и в этом смысле он становится более цельным человеком, чем каторжники, верующие в Бога.

Данной сценой обозначается предельная перспектива «образа» Раскольникова: спокойная готовность принять смерть сближает его с мучениками веры. Он еще не стал, но уже есть: «Но он воскрес, и он знал это, чувствовал вполне всем обновившимся существом своим <...>» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 473]. Иконический лик мученика веры начинает проступать в «образе» Раскольникова: психофизиологически герой готов на «мученическое свидетельствование».

В греческом языке «мученик» и «свидетель», по словарю середины XIX века, передаются одним словом μάρτυς [Синайский, 1869, с. 310, 566]. И.Ф. Синайский, опираясь на преимущество древнегреческого текста Нового Завета, слово μάρτυς переводит следующим образом: «<...> свидетель, свидетельствующий кровью, мученик, свидетельствовавший своей кровью правду, истинность христианской веры» [Синайский, 1879, с. 28]. Так открывается внутренняя перспектива «образа» Раскольникова, восстанавливается в нем его природа по слову Господа: «И҆ речѐ бг҃ъ: сотвори́мъ человѣ́ка по ѡ҆́бразꙋ на́шемꙋ и҆ по подо́бїю <…> И҆ сотворѝ бг҃ъ человѣ́ка, по ѡ҆́бразꙋ бж҃їю сотворѝ є҆го̀ <…> И҆ ви́дѣ бг҃ъ всѧ̑, є҆ли̑ка сотворѝ: и҆ сѐ добра̀ ѕѣлѡ̀» (Елизаветинская Библия, Быт. 1: 26–27, 31).

Раскольникову, чтобы родиться во Христе, свидетельствовать и быть готовым на мученичество, как готова Соня («Что ж бы я без Бога была?» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 278]), нужно было пройти «апофатическую дорогу вспять»: проверить на самом себе разделительное действие «закона природы» и убедиться в том, что он не тот человек: «Может быть, по одной только силе своих желаний он и счел себя тогда человеком, которому более разрешено, чем другому» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 468]. Но «преображение» Раскольникова не отменяет «закона» других, тех, кто имеет право.

При осмыслении итогов романа не следует упрощать художественную антропологию Достоевского: признавая, что «антропология Достоевского — *христианская*» [Захаров, 2013, с. 154], мы не

можем не видеть и тех, кто «корректирует» своим историческим бытием христианскую антропологию, тех, кого Достоевский оставляет «на свободе», отдает их «на откуп» Каину: «Но те люди вынесли свои шаги, и потому *они правы*, а я не вынес и, стало быть, я не имел права разрешить себе этот шаг» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 468].

Достоевский, оставаясь «со Христом, нежели с истиной» «вне Христа» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_1, с. 176], не «спрямляет» свое понимание человека: есть не только «те люди», наполняющие историю злодеяниями, но и тот Каин, который всегда возвращается в «злочестии» «злочестивого племени» и возвращается, может быть, в «нас самих». Достоевский (вместе, в содружестве с Библией и историей) ведет-обращает человека к «шестому дню» Творения, освещает его путь как любовью Христа («Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14: 6), так и разноценностным опытом и знанием человечества.

Для Достоевского таким образом антропологический вопрос остается открытым: но не в свете веры («мне лучше хотелось бы оставаться со Христом» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_1, с. 176]), а по причине современного понимания человека, представшего в новых концепциях и научных теориях «расщепленным», таким, каким он описан в статье Раскольникова.

Такая «открытость» антропологического вопроса, острота поставленной Достоевским проблемы и побудили Бунина выразить свое видение и понимание «маргинального» человека: такого он и вывел в образе Адама Соколовича (об этом следующая статья).

Список литературы

1. Бальтазар, 2006 — *Бальтазар Г.У. фон.* Пасхальная тайна. Богословие трех дней / пер. с нем. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. 288 с.

2. Бачинин, 2000 — *Бачинин В.А.* Антропокриминология Достоевского: типы преступников // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 2. С. 67–81.

3. Белинский, 1956 — *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: АН СССР, 1956. Т. 12. 596 с.

4. Бёме, 1914 — *Бёме Я.* Aurora, или Утренняя заря в восхождении / пер. А. Петровского. М.: Изд–во «Мусагет», 1914. 410 с.

5. Бунин, 1966 — *Бунин И.А.* Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1966 Т. 4. 499 с.

6. Бюхнер, 1907 — *Бюхнер Л.* Сила и материя. Очерк естественного миропорядка вместе с основанной на нем моралью, или учением о нравственности / пер. с нем. Н. Полилова. СПб.: Изд. А.И. Васильева, 1907. 291 с.

7. Гачева, 2021 — *Гачева А.Г.* Богословие Ф.М. Достоевского и проблема нравственного истолкования догмата в русской богословской и философской мысли XIX – XX вв. // Богословие Достоевского / отв. ред. Т.А. Касаткина. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 21–156.

8. Гегель, 2000 — *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории / пер. с нем. А.М. Водена. СПб.: Наука, 2000. 479 с.

9. Гердер, 2013 — *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества / пер. с нем. А.В. Михайлов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 760 с.

10. Даль, 1978 — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1978. Т. 1. А–З. 700 с.

11. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

12. Достоевский, 2013– — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. и писем: в 35 т. СПб.: Наука. 2013– (издание продолжается).

13. Евангелие Достоевского — Евангелие Достоевского. Текст Евангелия с пометами Достоевского. URL: https://philolog.petrsu.ru/fmdost/Gospel/index.htm (дата обращения: 10.10.2023).

14. Захаров, 2013 — *Захаров В.Н.* Художественная антропология Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2013. № 11. С. 150–164.

15. Кант, 1963–1966 — *Кант И.* Сочинения: в 6 т. / под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. М.: Мысль, 1963–1966.

16. Карпенко, 2009 — *Карпенко Г.Ю.* «Пора написать о преступлении без всякого наказания»: к вопросу о споре И.А. Бунина с Ф.М. Достоевским («Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского и «Петлистые уши» И.А. Бунина) // Ф.М. Достоевский в диалоге культур: Материалы международной конференции. 25–29 августа 2009. Коломна — Зарайск — Даровое. Коломна: КГПИ, 2009. С.46–49.

17. Касаткина, 2021 — *Касаткина Т.А.* Богословие Достоевского: описание изнутри // Богословие Достоевского / отв. ред. Т.А. Касаткина. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 157–266.

18. Касаткина, 2019 — *Касаткина Т.А.* Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания. М.: Водолей, 2019. 336 с.

19. Касаткина, 2004 — *Касаткина Т.А.* О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М.: ИМЛИ РАН, 2004. 480 с.

20. Лосский, 1991 — *Лосский В.Н.* Очерк мистического богословия Восточной церкви // Мистическое богословие. Киев: Путь к истине, 1991. С. 95–260.

21. Мамардашвили, Пятигорский, 1999 — *Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М.* Символ и сознание: Метафизические рассуждения о сознании, символе и языке. М.: Языки русской культуры, 1999. 216 с.

22. Мережковский, 2007 — *Мережковский Д.С.* Вечные спутники: Портреты из всемирной литературы. СПб.: Наука, 2007. 903 с.

23. Михайловский, 1908 — *Михайловский Н.К.* Жестокий талант // *Михайловский Н.К.* Полн. собр. соч.: в 10 т. Изд. 4-е. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908. Т. 5. С. 4–78.

24. Ницше, 2011 — *Ницше Ф.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Культурная революция, 2011. Т. 2: Человеческое, слишком человеческое / пер. с нем. В.М. Бакусев. 672 с.

25. Пушкин, 1977–1979 — *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука, 1977–1979.

26. Синайский, 1879 — [*Синайский И.Ф.*] Греческо-русский словарь Ивана Синайского: в 2 ч. М.: Изд. книжного магазина наследников братьев Салаевых; Тип. Т. Рис, на Садовой, у Яузской части, д. Медынцевой. 1879. Ч. 2. 439 с.

27. Синайский, 1869 — [*Синайский И.Ф.*] Русско-греческий словарь, составленный Иваном Синайским. 2-е изд., испр. и доп. М.: Унив. Тип. (Катков и К°), 1869. 730 с.

28. Соловьев, 1912 — *Соловьев В.С.* Собр. соч.: в 10 т. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1912. Т. 3. 430 с.

29. Сто четыре, 1781— Сто четыре Священные Истории Ветхого и Нового Завета, выбранные из Священного Писания и изряднейшими нравоучениями снабденные, изданные г. Иоанном Гибнером, переведенные с латинского на российский язык студентом Матвеем Соколовым. Тиснение третье. М.: Сенатская тип., у содержателя Ф. Гиппиуса, 1781. 384 с.

30. Сто четыре, 1815 — Сто четыре Священные Истории, выбранные из Ветхого и Нового Завета, в пользу юношества, Иоанном Гибнером, с присовокуплением благочестивых размышлений. С немецкого языка вновь переведены Васильем Богородским. СПб.: Печатано в тип. И. Байкова, 1815. 357 с.

31. Сто четыре, 1825 — Сто четыре Священные Истории, выбранные из Ветхого и Нового Завета, в пользу юношества, Иоанном Гибнером, с присовокуплением благочестивых размышлений. М.: Типография Императорского Московского театра, у содержателя А. Похорского, 1825. Ч. 1: Пятьдесят две священные истории из Ветхого Завета. 6-е изд., испр. 248 с.

32. Тихомиров, 2005 — *Тихомиров Б.Н.* «Лазарь! гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.

33. Тихомиров, 2021 — *Тихомиров Б.Н.* «Сто четыре Священные Истории...» И. Гибнера в жизни и творческой работе Достоевского // Новые архивные и печатные источники научной биографии Ф.М. Достоевского. Коллективная монография / Е.Д. Маскевич, Б.Н. Тихомиров, Н.А. Тихомирова; отв. ред. Б.Н. Тихомиров. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. С. 27–60.

34. Топоров, 1998 — *Топоров В.Н.* Предистория литературы у славян: Опыт реконструкции: Введение к курсу история славянских литератур. М.: РГГУ, 1998. 319 с.

35. Тороп, 1984 — *Тороп П.Х.* Симультанность и диалогизм в поэтике Достоевского // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту: ТГУ, 1984. Вып. 641. Труды по знаковым системам XVII. Структура диалога как принцип работы семиотического механизма. С. 138–158.

36. Туниманов, 2004 — *Туниманов В.А.* И.А. Бунин и Достоевский. (По поводу рассказа Бунина «Петлистые уши») // *Туниманов В.А.* Достоевский и русские писатели. СПб.: Наука, 2004. С. 207–235.

37. Тургенев, 1978 — *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. / под ред. М.П. Алексеев. М.: Наука, 1978. Т. 1. 571 с.

38. Филарет, 2004 — *Филарет (Дроздов)*, *митрополи*т. Толкование на Книгу Бытия. М.: Лепта-Пресс, 2004. 831 с.

39. Филарет, 1994 — [*Филарет (Дроздов), митрополи*т] Филарета митрополита Московского и Коломенского творения. М.: Отчий дом, 1994. 475 с.

40. Эйзенштейн, 1964 — *Эйзенштейн С.М.* Избр. произведения: в 6 т. М.: Искусство, 1964. Т. 2. 567 с.

References

1. Balthasar, Hans Urs von. *Paskhal'naia taina. Bogoslovie trekh dnei* [*Easter Mystery. Theology of Three Days*]. Trans. from German by V. Khulap. Moscow, Bibleisko-bogoslovskii institut sv. apostola Andreia Publ., 2006. 288 p. (In Russ.)

2. Bachinin, V.A. "Antropokriminologiia Dostoevskogo: tipy prestupnikov" ["Dostoevsky's Anthropocriminology: Types of Criminals"]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 3, no. 2, 2000, pp. 67–81. (In Russ.)

3. Belinskii, V.G. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 tomakh* [*Complete Works: in 13 vols*], vol. 12. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1956. 596 p. (In Russ.)

4. Böehme, Jakob. *Aurora, ili Utrenniaia zaria v voskhozhdenii* [*Aurora, or the Dawn in the Ascent*]. Trans. by A. Petrovsky. Moscow, Izd-vo "Musaget" Publ., 1914. 410 p. (In Russ.)

5. Bunin, I.A. *Sobranie sochinenii: v 9 tomakh* [*Collected Works: in 9 vols*], vol. 4. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1966. 499 p. (In Russ.)

6. Büchner, Ludwig. *Sila i materiia. Ocherk estestvennogo miroporiadka vmeste s osnovannoi na nem moral'iu, ili ucheniem o nravstvennosti* [*Force and Matter. An Outline of the Natural World order together with the Morality based on it, or the Doctrine of Morality*]. Trans. from German by N. Polilov. St. Petersburg, Izdanie A.I. Vasil'eva Publ., 1907. 291 p. (In Russ.)

7. Gacheva, A.G. "Bogoslovie F.M. Dostoevskogo i problema nravstvennogo istolkovaniia dogmata v russkoi bogoslovskoi i filosofskoi mysli XIX–XX vekov" ["The Theology of Fyodor Dostoevsky and the Problem of Moral Interpretation of Dogma in Russian Theological and Philosophical Thought of the 19th–20th Centuries"]. Kasatkina, T.A., editor. *Bogoslovie Dostoevskogo* [*Dostoevsky's Theology*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 21–156. (In Russ.)

8. Hegel, Georg W.F. *Lektsii po filosofii istorii* [*Lectures on the Philosophy of History*]. Trans. from German by A.M. Voden. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000. 479 p. (In Russ.)

9. Herder, Johann G. *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [*Ideas for the Philosophy of Human History*]. Trans. from German by A.V. Mikhailov. Moscow; St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2013. 760 p. (In Russ.)

10. Dal', V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka: v 4 tomakh* [*Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols*], vol. 1: A–Z. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1978. 700 p. (In Russ.)

11. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

12. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochienii i pisem: v 35 tomakh* [*Complete Works and Letters: in 35 vols*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013–continuing publication. (In Russ.)

13. *Evangelie Dostoevskogo. Tekst Evangeliia s pometami Dostoevskogo* [*The Gospel of Dostoevsky. The Text of the Gospel with Dostoevsky's Notes*]. Available at: https://philolog.petrsu.ru/fmdost/Gospel/index.htm (Accessed 10 Oct. 2023) (In Russ.)

14. Zakharov, V.N. "Khudozhestvennaia antropologiia Dostoevskogo" ["Dostoevsky's Artistic Anthropology"]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, no. 11, 2013, pp. 150–164. (In Russ.)

15. Kant, Immanuel. *Sochineniia: v 6 tomakh* [*Works: in 6 vols*]. Ed. by V.F. Asmus, A.V. Gulygi, T.I. Oizerman. Moscow, Mysl' Publ., 1963–1966. (In Russ.)

16. Karpenko, G.Iu. "'Pora napisat' o prestuplenii bez vsiakogo nakazaniia': k voprosu o spore I.A. Bunina s F.M. Dostoevskim ('Prestuplenie i nakazanie' F.M. Dostoevskogo i 'Petlistye ushi' I.A.Bunina)" ["'It's about Time to Write of Crime without Punishment': on the Issue of Ivan Bunin's Dispute with Fyodor Dostoevsky (*Crime and Punishment* by Fyodor Dostoevsky and Ivan Bunin's 'Loopy Ears')"]. *F.M. Dostoevskii v dialoge kul'tur: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii. 25–29 avgusta 2009. Kolomna – Zaraisk – Darovoe* [*Fyodor Dostoevsky in the Dialogue of Cultures: Proceedings from the International Conference. August 25–29, 2009. Kolomna – Zaraisk – Darovoe*]. Kolomna, KGPI Publ., 2009, pp. 46–49. (In Russ.)

17. Kasatkina, T.A. "Bogoslovie Dostoevskogo: opisanie iznutri" ["Dostoevsky's Theology: A Description from the Inside"]. Kasatkina, T.A., editor. *Bogoslovie Dostoevskogo* [*Dostoevsky's Theology*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 157–266. (In Russ.)

18. Kasatkina, T.A. *Dostoevskii kak filosof i bogoslov: khudozhestvennyi sposob vyskazyvaniia* [*Dostoevsky as a Philosopher and Theologian: The Artistic Way of Expression*]. Moscow, Vodolei Publ., 2019. 336 p. (In Russ.)

19. Kasatkina, T.A. *O tvoriashchei prirode slova. Ontologichnost' slova v tvorchestve F.M. Dostoevskogo kak osnova "realizma v vysshem smysle"* [*On the Poietic Nature the Word. The Ontology of the Word in the Work of Fyodor Dostoevsky as the Fundament of "Realism in a Higher Sense"*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2004. 480 p. (In Russ.)

20. Losskii, V.N. "Ocherk misticheskogo bogosloviia Vostochnoi tserkvi" ["An Essay on the Mystical Theology of the Eastern Church"]. *Misticheskoe bogoslovie* [*Mystical Theology*]. Kiev, Put' k istine Publ., 1991, pp. 95–260. (In Russ.)

21. Mamardashvili, M.K., and A.M. Piatigorskii. *Simvol i soznanie: Metafizicheskie rassuzhdeniia o soznanii, simvole i iazyke* [*Symbol and Consciousness: Metaphysical Reasoning about Consciousness, Symbol, and Language*]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. 216 p. (In Russ.)

22. Merezhkovskii, D.S. *Vechnye sputniki: Portrety iz vsemirnoi literatury* [*Eternal Companions: Portraits from World Literature*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 903 p. (In Russ.)

23. Mikhailovskii, N.K. "Zhestokii talant" ["A Cruel Talent"]. Mikhailovskii, N.K. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 tomakh* [*Complete Works: in 10 vols*], vol. 5. 4th Edition. St. Petersburg, Tipografiia M.M. Stasiulevicha Publ., 1908, pp. 4–78. (In Russ.)

24. Nietzsche, Friedrich. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 tomakh* [*Complete Works: in 13 vols*], vol. 2: Chelovecheskoe, slishkom chelovecheskoe [Human, All Too Human]. Trans. from German by V.M. Bakusev. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia Publ., 2011. 672 p. (In Russ.)

25. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 tomakh* [*Complete Works: in 10 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1977–1979. (In Russ.)

26. [Sinaiskii, I.F.] *Grechesko-russkii slovar' Ivana Sinaiskogo: v 2 chastiakh* [*The Greek-Russian Dictionary of Ivan Sinaisky: in 2 parts*], vol. 2. Moscow, Izdanie knizhnogo magazina naslednikov brat'ev Salaevykh; Tipografiia T. Ris Publ., 1879. 439 p. (In Russ.)

27. [Sinaiskii, I.F.] *Russko-grecheskii slovar', sostavlennyi Ivanom Sinaiskim* [*The Russian-Greek Dictionary, Compiled by Ivan Sinaisky*]. 2nd Edition, rev. and edd. Moscow, Universitetskaia tipografiia (Katkov i K°) Publ., 1869. 730 p. (In Russ.)

28. Solov'ev, V.S. *Sobranie sochinenii: v 10 tomakh* [*Collected Works: in 10 vols*], vol. 3. St. Petersburg, Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo "Prosveshchenie" Publ., 1912. 430 p. (In Russ.)

29. *Sto chetyre Sviashchennye Istorii Vetkhogo i Novogo Zaveta, vybrannye iz Sviashchennogo Pisaniia i izriadneishimi nravoucheniiami snabdennye, izdannye g. Ioannom Gibnerom, perevedennye s latinskogo na rossiiskii iazyk studentom Matveem Sokolovym* [*One Hundred and Four Sacred Stories of the Old and New Testaments, Selected from the Holy Scriptures and Provided with the Most Impressive Moral Teachings, Published by John Gibner, Translated from Latin into Russian by Student Matvey Sokolov*]. 3rd Imprinting. Moscow, Senatskaia tipografiia, u soderzhatelia F. Gippiusa Publ., 1781. 384 p. (In Russ.)

30. *Sto chetyre Sviashchennye Istorii, vybrannye iz Vetkhogo i Novogo Zaveta, v pol'zu iunoshestva, Ioannom Gibnerom, s prisovokupleniem blagochestivykh razmyshlenii. S nemetskogo iazyka vnov' perevedeny <...> Vasil'em Bogorodskim* [*One Hundred and Four Sacred Stories, Selected from the Old and New Testaments, in Favor of Youth, by John Gibner, with the Addition of Pious Reflections. Translated from German again <...> by Vasily Bogorodsky*]. St. Petersburg, Tipografiia I. Baikova Publ., 1815. 357 p. (In Russ.)

31. *Sto chetyre Sviashchennye Istorii, vybrannye iz Vetkhogo i Novogo Zaveta, v pol'zu iunoshestva, Ioannom Gibnerom, s prisovokupleniem blagochestivykh razmyshlenii. Ch. 1: Piat'desiat dve sviashchennye istorii iz Vetkhogo Zaveta* [*One Hundred and Four Sacred Stories Selected from the Old and New Testaments, in Favor of Youth, by John Gibner, with the Addition of Pious Reflections. Part 1: Fifty-Two Sacred Stories from the Old Testament*]. 6th Edition, revised. Moscow, Tipografiia Imperatorskogo Moskovskogo teatra, u soderzhatelia A. Pokhorskogo Publ., 1825. 248 p. (In Russ.)

32. Tikhomirov, B.N. *"Lazar'! Griadi von". Roman F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" v sovremennom prochtenii. Kniga-kommentarii* [*"Lazarus, Come Out." A Contemporary Reading of Dostoevsky's Novel* Crime and Punishment. *Book-Commentary*]. St. Petersburg, Serebriannyi vek Publ., 2005. 472 p. (In Russ.)

33. Tikhomirov, B.N. "'Sto chetyre Sviashchennye Istorii...' I. Gibnera v zhizni i tvorcheskoi rabote Dostoevskogo" ["'One Hundred and Four Sacred Stories... ' by I. Gibner in the Life and Creative Work of Dostoevsky"]. Tikhomirov, B.N., editor. *Novye arkhivnye i pechatnye istochniki nauchnoi biografii F.M. Dostoevskogo* [*New Archival and Printed Sources for the Biography of Fyodor Dostoevsky*]. St. Petersburg, Izd-vo RKhGA Publ., 2021, pp. 27–60. (In Russ.)

34. Toporov, V.N. *Predistoriia literatury u slavian: Opyt rekonstruktsii: Vvedenie k kursu istoriia slavianskikh literatury* [*The Prehistory of Literature among the Slavs: The Experience of Reconstruction: An Introduction to the Course of the History of Slavic Literatures*]. Moscow, RGGU Publ., 1998. 319 p. (In Russ.)

35. Torop, P.Kh. "Simul'tannost' i dialogizm v poetike Dostoevskogo" ["Simultaneity and Dialogism in Dostoevsky's Poetics"]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Scientific Notes of the Tartu State University*], issue 641: Trudy po znakovym sistemam XVII. Struktura dialoga kak printsip raboty semioticheskogo mekhanizma [Works on Sign Systems XVII.

The Structure of the Dialogue as the Principle of the Semiotic Mechanism]. Tartu, TGU Publ., 1984, pp. 138–158. (In Russ.)

36. Tunimanov, V.A. "I.A. Bunin i Dostoevskii. (Po povodu rasskaza Bunina 'Petlistye ushi')" ["Ivan Bunin and Dostoevsky. (About Bunin's Story 'Loopy Ears')"]. Tunimanov, V.A. *Dostoevskii i russkie pisateli* [*Dostoevsky and Russian Writers*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, pp. 207–235. (In Russ.)

37. Turgenev, I.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Ed. by M.P. Alekseev. Moscow, Nauka Publ., 1978–2018. (In Russ.)

38. Filaret (Drozdov), metr. *Tolkovanie na Knigu Bytiia* [*Interpretation on the Book of Genesis*]. Moscow, Lepta-Press Publ., 2004. 831 p. (In Russ.)

39. [Filaret (Drozdov), metr.] *Filareta mitropolita Moskovskogo i Kolomenskogo tvoreniia* [*Works by Filaret, Metropolitan of Moscow, and Kolomna*]. Moscow, Otchii dom Publ., 1994. 475 p. (In Russ.)

40. Eizenshtein, S.M. *Izbrannye proizvedeniia: v 6 tomakh* [*Selected Works: in 6 vols*], vol. 2. Moscow, Iskusstvo Publ., 1964. 567 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 19.10.2023
Одобрена после рецензирования: 16.12.2023
Принята к публикации: 20.12.2023
Дата публикации: 25.03.2024

The article was submitted: 19 Oct. 2023
Approved after reviewing: 16 Dec. 2023
Accepted for publication: 20 Dec. 2023
Date of publication: 25 Mar. 2024

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 1 (25), 2024.

Научная статья / Research Article
УДК 882(092):81'37
ББК 83.3Р1
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-168-197
https://elibrary.ru/YDETNP

© 2024. Ольга Юрьева
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Название «Преступление и Наказание» как ключ к целостному анализу романа Ф.М. Достоевского в школе.
Статья 1. Преступление

© 2024. Olga Yu. Yuryeva
Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

The Title of *Crime and Punishment* as a Key to a Holistic Analysis of Dostoevsky's Novel at School.
Article 1: Crime

Информация об авторе: Ольга Юрьевна Юрьева, доктор филологических наук, зав. кафедрой филологии и методики, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский государственный университет», Педагогический институт, ул. Сухэ-Батора, д. 9, 664003 г. Иркутск, Россия.
https://orcid.org/0000-0001-8424-4202
E-mail: yuolyu@yandex.ru

Аннотация: Статья предназначается для учителей-словесников и может помочь выстроить разговор о романе «Преступление и наказание». В статье предлагается вариант современного прочтения одного из важнейших произведений школьной программы. В работе обобщены воззрения ведущих достоеведов на главнейшие проблемы романа, предложены актуальные трактовки основных образов и коллизий романа. Предлагается новое прочтение образа Разумихина как истинной «русской личности» и воплощения в нем мысли о спасительном для Раскольникова «братстве». Анализ многоаспектной семантики вынесенных в заглавие понятий «ПРЕСТУПЛЕНИЕ» и «НАКАЗАНИЕ» позволит учителю осуществить целостный анализ романа, выстроить разговор об основных образах и проблемах, затронутых в романе, помочь понять учащимся глубину и значимость «перерытых» в нем вопросов. Отвечая на предложенные в статье вопросы, выполняя задания по тексту, учащиеся приходят к выводу, что истин-

ным преступлением в романе является идея, а убийство старухи — результат ее влияния на сознание и действия героя. В методику школьного анализа романа вводятся такие понятия, как «ложные» и «истинные» мотивы преступления, универсальное и актуальное понятие «алгоритм преступления», показана «диалектика» «идейного преступления». В статье предлагается система вопросов и заданий, которые могут способствовать более глубокому пониманию учащимся великого романа.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, роман «Преступление и наказание», семантика названия, религиозно-философский смысл понятий «преступление» и «наказание», образ Разумихина, мотивы преступления Раскольникова.

Для цитирования: *Юрьева О.Ю.* Название «Преступление и Наказание» как ключ к целостному анализу романа Ф.М. Достоевского в школе. Статья 1. Преступление // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25). С. 168–197. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-168-197

Information about the author: Olga Yu. Yuryeva, DSc in Philology, Head of the Department of Philology and Methodology, Pedagogical Institute, Federal State-Founded Educational Institution of Higher Education “Irkutsk State University,” Sukhe-Batora 9, 664003 Irkutsk, Russia.

https://orcid.org/0000-0001-8424-4202

E-mail: yuolyu@yandex.ru

Abstract: The article is intended for teachers of literature and can help organize a conversation about the novel *Crime and Punishment*. It offers a variant of a modern reading of one of the most significant works of the school curriculum and summarizes the views of leading Dostoevsky’s scholars on the key problems of the novel, offering topical interpretations of its fundamental images and collisions. A new interpretation of Razumikhin’s image as a true “Russian personality” and the embodiment of the “brotherhood” that will save Raskolnikov is proposed here. The analysis of the multidimensional semantics of the concepts of “crime” and “punishment” included in the title allows the teacher to present a holistic analysis of the novel, organize a conversation about the key images and problems raised in it, help students grasp the depth and significance of the issues that can be “dug out” of it. Answering the questions proposed in the article and completing assignments, the students come to the conclusion that the true crime in the novel is represented by the idea, and the murder of an old woman is the result of its influence. Such concepts as “false” and “true” motives of crime, universal and actual concept of “algorithm of crime” are introduced into the methodology of school analysis of the novel, “dialectics” of a “ideologic crime” is shown. The article proposes a system of questions and tasks that can contribute to a deeper understanding of the great novel by students.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, *Crime and Punishment*, semantics of the title, religious and philosophical meaning of the concepts of “crime” and “punishment,” Razumikhin’s image, motives of Raskolnikov’s crime.

For citation: Yuryeva, O.Yu. “The Title of *Crime and Punishment* as a Key to a Holistic Analysis of Dostoevsky’s Novel at School. Article 1: Crime.” *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 1 (25), 2024, pp. 168–197. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-168-197

Проблема школьного анализа художественного произведения — одна из самых сложных и важных методических проблем, решение которой в рамках школьной программы осложнено недостаточным количеством часов на изучение романа, а также трудностью логического структурирования, выстраивания последовательности проблемно-тематического и пообразного анализа текста романа. Одним из путей решения проблемы, как нам представляется, является методика семантического развертывания названия произведения, в ходе которого выстраивается разговор и о проблематике, и об образной структуре, и о композиции, и о сюжете романа, о глубинном смысле его основных коллизий. Тем более, что «преступление» и «наказание» — это сложные, емкие и глубокие философско-религиозные понятия в мире Достоевского, и понять, в чем их смысл — главное в разговоре о романе.

Необходимо показать, что само понятие «преступление» раскрывается в романе в нескольких аспектах: как уголовное, как нравственное, как духовное, религиозное и как идейное. Столь же глубока и многоаспектна семантика понятия «наказание». В первой статье мы попытаемся выстроить разговор учителя с учениками о сущности понятия «ПРЕСТУПЛЕНИЕ», которое вынесено в заголовок романа.

В процессе разговора обращение к тесту должно носить не иллюстративно-цитатный характер, а способствовать наиболее полному погружению в текст и пониманию религиозно-философского смысла его идей и образов. Рекомендуем учителю подготовить презентацию, на слайды которой необходимо вывести не только основные тезисы урока, но и вопросы, и цитаты из романа. Это очень важно, так как нужную цитату учащиеся вряд ли найдут быстро, а текст должен обязательно быть «перед глазами». Презентация поможет учителю структурировать урок, следовать логике и плану, помочь учащимся «вчитаться» в текст. На слайдах должен присутствовать не только текст, но и портреты Достоевского, иллюстрации к роману. Так будут задействованы все способы восприятия информации: и аудиальный, и визуальный.

Очень важно в процессе разговора прояснить сущность характера главного героя и ответить на вопрос: **почему Раскольников решился на преступление? Что в его характере способствовало возникновению и осуществлению преступного замысла?**

Как пишет Б.Н. Тихомиров, «приступая к созданию окончательной редакции романа “Преступление и Наказание”, первая часть которого уже в начале следующего, 1866 года увидит свет в январском номере журнала “Русский вестник”, Ф.М. Достоевский в записи “для себя”, среди планов и черновых набросков в тетради с подготовительными материалами так определил сверхзадачу, которую он как художник и мыслитель ставит перед собой в работе над новым произведением: “ПЕРЕРЫТЬ ВСЕ ВОПРОСЫ В ЭТОМ РОМАНЕ” (Д., VII. 148). Сформулировано в высшей степени “по-достоевски”! Все вопросы — то есть обнажить их, лишить окончательности, завершенности, самоуспокоенности все и всякие готовые, наперед данные ответы и решения. Возникшая на раннем этапе работы над «Преступлением и Наказанием», эта творческая установка станет определяющей для всех важнейших созданий Достоевского последних пятнадцати лет. И пусть вопросы, которыми художник задается в “Идиоте”, “Бесах” или “Братьях Карамазовых”, могут показаться масштабнее и острее, прорыв к новой, “экзистенциальной” проблематике в творчестве Достоевского во многом совершается именно в процессе создания его первого большого философского романа» [Тихомиров, 2007, с. 545].

И задачу эту, как указывает Б.Н. Тихомиров, Достоевский-художник «во многом решает *через героя*», который предстает «как герой-идеолог, герой-мыслитель, обладающий своим особенным комплексом идей, а с другой стороны — как человек, исключительно остро и болезненно откликающийся на любые проявления окружающей жизни» [Тихомиров, 2007, с. 546, 547].

Важно так выстроить систему вопросов, чтобы учащиеся с опорой на текст смогли ответить: **почему читатель сочувствует герою, даже узнав, на какое «страшное дело» он хочет «покуситься»? Что толкнуло Раскольникова к преступлению? Какими мотивами руководствуется герой?**

Как заметил Ю. Карякин, «начинается преступление не с убийства, а кончается не признанием в полицейской конторе. И время здесь исчисляется не *тринадцатью* днями, а двумя годами, и уходит потом в какую-то тревожную бесконечность, в какое-то будущее, возможно — гибельное, возможно — спасительное» [Карякин, 1976, с. 16].

Читатель знакомится с главным героем на первых же страницах романа. Писатель сразу представляет довольно подробное описание

весьма затруднительного положения, в котором оказался молодой человек: живет в каморке «под самою кровлею», которая больше походит на шкаф, «чем на квартиру», «должен был кругом хозяйке», так «худо одет, что иной, даже и привычный человек, посовестился бы днем выходить в таких лохмотьях на улицу», «второй день как уж он почти совсем ничего не ел». И герой сразу вызывает сочувствие, сострадание читателя, тем более, что «он был замечательно хорош собою, с прекрасными темными глазами, темно-рус, ростом выше среднего, тонок и строен» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 6].

Сразу же автор предупреждает читателя, что его герой хочет «покуситься» на какое-то дело, совершить какой-то «новый шаг», сказать какое-то «новое собственное слово» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 6]. И даже поняв, что этим шагом станет убийство, читатель, захваченный сочувствием, разделяющий негодование героя несправедливостью мироустройства, принимает и как бы разделяет те мотивы, которыми, казалось бы, руководствуется Раскольников в своем страшном замысле.

Здесь необходимо обратить внимание на немаловажный аспект. Рассматривая логическую цепь мотивов Раскольникова, нужно обязательно учесть многозначность и многоплановость образа героя. Как замечает Б.Н. Тихомиров, Родион Раскольников — «это герой, исключительно остро чувствующий чужую боль, живущий так, как будто с него содрали кожу и все, что происходит вокруг, больно ранит его душу и сердце. В этом, бесспорно, его “общая точка” с Соней Мармеладовой. И в этом же самая глубокая, изначальная первопричина *всего*, происходящего с героем в романе» [Тихомиров, 2005, с. 19]. Именно поэтому читатель проникается сочувствием к герою, пытаясь, как замечают учащиеся, найти оправдания поступку Раскольникова. И самое «простое» и «традиционное» объяснение и оправдание — это несправедливое устройство общества, социальное положение героя, доведенного до нищеты и отчаяния. Именно утверждение, что «общество виновато», «среда заела», становится зачастую отправной точкой в осмыслении причин преступления.

Но в «Дневнике писателя» за 1873 Достоевский замечает: «Ведь этак мало-помалу придем к заключению, что и вовсе нет преступлений, а во всем “среда виновата”. Дойдем до того, по клубку, что преступление сочтем даже долгом, благородным протестом против “среды”. “Так как общество гадко устроено, то нельзя из него выбиться без ножа в руках”. “Так как общество гадко устроено, то в таком

обществе нельзя ужиться без протеста и преступлений”. Ведь вот что говорит учение о среде в противоположность христианству, которое, вполне признавая давление среды и провозгласившее милосердие к согрешившему, ставит, однако же, нравственным долгом человеку борьбу со средой, ставит предел тому, где среда кончается, а долг начинается». Но, как замечает писатель, «делая человека ответственным, христианство тем самым признает и свободу его. Делая же человека зависящим от каждой ошибки в устройстве общественном, учение о среде доводит человека до совершенной безличности, до совершенного освобождения его от всякого нравственного личного долга, от всякой самостоятельности, доводит до мерзейшего рабства, которое только можно вообразить. Ведь этак табаку человеку захочется, а денег нет — так убить другого, чтобы достать табаку. Помилуйте: развитому человеку, ощущающему сильнее неразвитого страдания от неудовлетворения своих потребностей, надо денег для удовлетворения их — так почему ему не убить неразвитого, если нельзя иначе денег достать?» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 16].

Почему рядом с Раскольниковым сразу появляется Разумихин?

В романе рядом с Раскольниковым сразу появляется Разумихин, образ которого прямо опровергает теорию «среда заела». Зачастую его называют «социальным двойником» Раскольникова. Он действительно попадает в те же обстоятельства, что и Раскольников: его исключают из университета за неуплату, он живёт в такой же каморке, ему также никто не может помочь, но при этом герой не теряет жизнелюбия и любви к людям «и из всех сил спешил поправить обстоятельства»: «Никакие обстоятельства, — подчёркивает Достоевский, — казалось, не могли придавить его. Он мог квартировать хоть на крыше, терпеть адский голод и необыкновенный холод. <…> Он знал бездну источников, где мог почерпнуть, разумеется заработком» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 44].

Образ Разумихина явно недооценен [Юрьева, 2022]. А между тем, это, пожалуй, единственный сугубо «положительный герой» в творчестве Достоевского. В этом образе Достоевский воплотил свои представления об истинной «национальной личности», о национальном характере в самых разных его проявлениях.

Как отмечал В.А. Мысляков, «Разумихину поручена очень важная роль в романе: он должен в прямом, физическом, и широком, духовном, смысле спасти Раскольникова. Полемически-“почвенно”

заряженный против “социалистов”, Разумихин часто выговаривает то, что думает сам писатель. Он — доверенное лицо автора, в некотором отношении рупор его идей» [Мысляков, 1974, с. 160].

«Расторопный, и добрый» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 154], «необыкновенно веселый и сообщительный парень» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 43], «хлопотун» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 105] «преданный молодой человек», «славная личность» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 158], как характеризуют его герои и автор, Разумихин весь нацелен на помощь другим, на спасение, поддержку, защиту тех, кто в этом, по его мнению, нуждается.

За внешней грубостью в Разумихине скрываются добродушие, даже нежность. Как заботливый брат, он ухаживает за Раскольниковым: «Разумихин пересел к нему на диван, неуклюже, как медведь, обхватил левою рукой его голову, несмотря на то что он и сам бы мог приподняться, а правою поднес к его рту ложку супу, несколько раз предварительно подув на нее, чтоб он не обжегся», поит его «с чайной ложечки чаем, опять беспрерывно и особенно усердно подувая на ложку, как будто в этом процессе подувания и состоял самый главный и спасительный пункт выздоровления» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 95].

Притягательность Разумихина — в его естественной простоте, искренности, прямоте и открытости. В рукописных редакциях к роману Достоевский говорит о своем герое: «Разумихин очень сильная натура <...>» [Достоевский. 1972–1990, т. 7, с. 155].

Роман изобилует параллельными ситуациями, сопоставлениями, сравнениями, в которых читается очень близкое сходство героев. Но, с другой стороны, Разумихин все время противопоставляется Раскольникову.

Общность героев состоит в поиске ими опоры, той жизнестроительной идеи, которая поможет им выстроить вокруг нее свою жизнь. И если Раскольников находит эту идею в умозрительных построениях об устройстве всеобщей справедливости, а в конце концов, установлении собственной воли и власти, то Разумихин обретает смысл существования в любви. Так выстраивается бинарная оппозиция: мертвящая теория Раскольникова противостоит «живому процессу жизни» Разумихина. Разумихин очень точно и глубоко проникает в сущность идеи Раскольникова и становится главным его оппонентом, явно становясь «рупором авторских идей» в романе.

Характерно, что Разумихин не только выражает мысли Достоевского, которые мы потом встретим в «Дневнике писателя», но и несет в себе обладающие особым смыслом автобиографические детали: как предположил В.А. Викторович, прототипом Разумихина является брат писателя Михаил. Как замечает исследователь, Разумихин «несет те самые блестки веселости, которые ценил автор в брате Михаиле. Он, кажется, единственный в романе герой, который скрашивает мрачную картину жизни мягким незлобливым юмором» [Викторович, 2019, с. 45]. И хотя внешне Раскольников отторгает Разумихина, избегает общения с ним, но инстинктивно влечется к нему, ищет у него опоры, помощи и поддержки. Именно Разумихину поручает судьбу матери и сестры Раскольников, и не только потому, что у него «чистое сердце», но и потому, что он «дело смыслит» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 239]. Как отмечает В.А. Викторович, портрет Михаила Достоевского явственно проступает в образе Разумихина: в его горячей готовности к доброму делу, в его предприимчивости, в его упорстве, методичности, в его житейской сметливости» [Викторович, 2019, с. 49].

Но не полемическая и разоблачительная функция налагается на героя автором. Его миссия — спасительная. Как заметила Т.А. Касаткина, Разумихин — человек, в котором потом окажется «всему исход», то есть исход и для Раскольникова, и для его семьи, и для преступления, наказания и раскаяния [Касаткина, 2004, с. 105].

В образе Разумихина заложена мысль о том, что любовь, стремление помочь ближнему, желание воплотить в жизнь созидательную, деятельную мечту, преображает человека. К концу романа с Разумихиным происходят очень существенные метаморфозы: перед нами не драчун и выпивоха, этакий «русский безобразник» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 36], не сомневающийся в себе наивный юноша, но уверенно шагающий в будущее человек с «железной волей», действительно «сильная натура». Его путь — это путь от «русского безобразника» до «коренника». Как потом напишет Достоевский, такие люди «бросаются в чудовищные уклонения и эксперименты до тех пор, пока не установятся на такой сильной идее, которая вполне пропорциональна их непосредственной животной силе, — идее, которая до того сильна, что может наконец организовать эту силу и успокоить её до елейной тишины» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 128]. Разрушительной, убийственной идее Раскольникова противостоит созидательная, спасительная идея Разумихина.

В образе Разумихина Достоевский представляет, пожалуй, единственный в его романном творчестве образ чаемой им истинной русской «национальной личности», в котором сочетаются все лучшие свойства как народа, так и «образованного сословия». Разумихин и Раскольников являют собой редчайшую в русской литературе пару, воплощающую идею истинной дружеской привязанности, настоящего спасительного братства. И хотя в романе мы видим проявление «братских чувств» лишь со стороны Разумихина, но понимаем, что, как показывает В.В. Борисова, узы «братства» прочно связывают героев [Борисова, 2021]. Задумавший переезд в Сибирь, герой окажет Раскольникову деятельную помощь и поддержку в процессе его «воскрешения» и вхождения в новую жизнь «вразумит его», поможет встать на «путь истинный». В этом, пожалуй, и содержится особый смысл «искажения фамилии» героя, настоящая фамилия которого — «**В**разумихин». Очень важным и интересным представляется замечание Т.А. Касаткиной: «<…> настоящая его фамилия "Вразумихин" — в одном лишь эпизоде упомянутая в тексте и должная уже в силу несоответствия тому, как обычно называют этого героя, дополнительно сконцентрировать на себе внимание читателя — тоже является довольно очевидной отсылкой — на Первое послание апостола Павла Тимофею — где о Боге говорится, что Он «всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися и въ разумъ истины пріити» (1Тим. 2: 4) — и это помогает нам увидеть "второстепенного", по восприятию многих читателей, героя в его настоящем размере: как наличествующий в романе образец человека, каким его хочет видеть Бог» [Касаткина, 2022, с. 11]. Ключ к разгадке фамилии Т.А. Касаткина видит в том, как слышат фамилию разные герои романа. Например, Петр Петрович Лужин называет героя «Рассудкин» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 231]. «И это, пожалуй, дает нам ключ к разгадке: фамилия Вразумихина запоминается каждым слышащим ее на том уровне, на котором он сам обладает умом: "все" величают его Разумихиным — поскольку на дворе — век автономного разума; Лужин обладает лишь нижним регистром ума — рассудком (умом в крайней степени автономии), и именно в этом регистре и запоминает фамилию» [Касаткина, 2022, с. 12].

Таким образом, сопоставляя образы Раскольникова и Разумихина, Достоевский опровергает учение об определяющем воздействии среды на человека, тем самым лишая нас возможности

оправдать Раскольникова сложившимися в его жизни безвыходными обстоятельствами.

Вопрос к классу: **«Какими мотивами руководствуется Раскольников, оправдывая свой замысел?»**

Как мы видим, Раскольников выстраивает очень убедительную систему мотивов, которые, казалось бы, полностью оправдывают его преступление:

- помочь матери;
- спасти Дуню от брака с Лужиным;
- закончить университет, чтобы сделаться «благодетелем человечества»;
- помочь бедным и униженным, таким, как Сонечка, Елизавета.

Очень важны и оправдания морального плана:

- «освободить мир от зла» — как нравственное оправдание убийства старухи процентщицы;
- осчастливить человечество своим «будущим великим подвигом».

И читатель, испытывая к герою симпатию и сочувствие, подчиняется логике героя, его «казуистике», истончившейся, «как бритва».

Особенно важно и значимо, какой предстает перед читателем жертва Раскольникова. Весьма интересен и вызывает бурную полемику очень важный и значимый вопрос: «**А если бы Раскольников убил другого человека?**» Пытались ли бы мы оправдать героя, сочувствовали бы ему? Следили бы с тревогой за ходом расследования, переживая, как удастся герою выбраться из квартиры убитой процентщицы, с облегчением наблюдая, как Порфирий Петрович безрезультатно пытается разоблачить героя? Почему писатель представляет нам вредную, отвратительную, жадную и жестокую старуху, которая на чужом горе наживается, из бедных последние соки высасывает? Даже внешне старуха отвратительна: «<...> крошечная, сухая старушонка, лет шестидесяти, с вострыми и злыми глазками, с маленьким вострым носом и простоволосая. Белобрысые, мало поседевшие волосы ее были жирно смазаны маслом. На ее тонкой и длинной шее, похожей на куриную ногу, было наверчено какое-то фланелевое тряпье, а на плечах, несмотря на жару, болталась вся истрепанная и пожелтелая меховая кацавейка. Старушонка поминутно кашляла и кряхтела» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 8]. Она — воплощение зла, она не человек, она «тварь», «вошь». Очень важно

обратить внимание учащихся на представленный Достоевским «механизм расчеловечивания», который помогает убийце оправдать задуманное злодеяние, не испытывая к жертве ни жалости, ни сочувствия.

Можно ли сочувствовать такому существу? И на провокационный вопрос к классу, жаль ли им убитую старуху, ученики дружно выдыхают: «Нееет!» В этом суть той нравственной провокации, которой подвергает читателя Достоевский, как бы проверяя степень его моральной устойчивости, приверженности вечным нравственным законам. «Так ей и надо», — произносит читатель и становится соучастником преступления.

Особенно важно обратить внимание учеников на то, что, как писал К.А. Степанян, «если вы изначально уже видите, в чем неправота этой логики, этой “арифметики”, вам будет легко принять и понять роман “Преступление и наказание”. Если же и вам эта логика представляется хотя бы в некоторой степени убедительной, задумаемся вот над чем. Человек на земле, конечно, многое может, но еще никому и никогда не удавалось создать жизнь, т.е. из неживого создать живое. <...> божественное начало в каждом из нас знает, что жизнь — чудесный дар, который не дается дважды, и потому очень мало кто из людей решается совершить такое преступление, даже логически обоснованное» [Степанян, 2014, с. 8–9].

Далее важно показать, что сформулированные выше мотивы предлагает читателю не автор, а именно герой, и проследить, как все эти мотивы опровергаются в процессе повествования. Для этого можно выстроить систему вопросов по тексту, в процессе ответов на которые учащиеся должны убедиться, что все выдвинутые Раскольниковым мотивы — ложные. Например: **«Почему Раскольников голоден?», «Волнует ли героя то, как он одет?», «В какой комнате живет герой? Почему», «Почему у него нет денег?».**

Учащиеся должны выполнить задание: найти в тексте и объяснить смысл таких замечаний автора и эпизодов: «даже стесненное положение перестало в последнее время тяготить его. Насущными делами своими он совсем перестал и не хотел заниматься» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 5], он совсем не «совестился своих лохмотьев на улице» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 6], почему отказывался от принесенной ему Настасьей еды, отказался от предложенной Разумихиным возможности заработать неплохие

деньги. Таким образом, все мотивы, которые «оправдывали» бы преступление социальными причинами, опровергаются, и возникает вопрос: **«А каковы истинные мотивы преступления?»**

В самом начале писатель предостерегает читателя от заблуждения, показывает, что стесненное положение Раскольникова, те обстоятельства, в которых он находится, не имеют прямого отношения к задуманному им преступлению. И один из главных аргументов в пользу этого утверждения можно выявить, ответив на вопрос: **«Воспользовался ли Раскольников деньгами старухи?»**. (Обратить внимание на то, что эпизод, когда Раскольников прячет деньги под камнем, как бы имитирует похоронный ритуал, который потом отзовется в его словах «разве я старушонку убил? Я себя убил» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 322]). Понятно: если Раскольников не воспользовался деньгами старухи, значит преступление его носит отнюдь не «уголовный» характер и совершено не с целью обогащения, значит мотивы его совершенно другие — к такому выводу должны прийти учащиеся. Знает об этом и сам Раскольников, признаваясь: «Знаешь, Соня, — сказал он вдруг с каким-то вдохновением, — знаешь, что я тебе скажу: если б только я зарезал из того, что голоден был, — продолжал он, упирая в каждое слово и загадочно, но искренно смотря на нее, — то я бы теперь... *счастлив* был! Знай ты это!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 318].

Достоевский сразу указывает, что герой с некоторого времени «был в раздраженном и напряженном состоянии, похожем на ипохондрию. Он до того углубился в себя и уединился от всех, что боялся даже всякой встречи, не только встречи с хозяйкой» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 5]. Он «решительно ушел от всех, как черепаха в свою скорлупу», что, как отмечает Достоевский, свойственно для «мономанов», то есть людей, погруженных в какую-то мысль, «слишком на чем-нибудь сосредоточившихся» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 25, 26], пытающихся разрешить какие-то очень важные вопросы. «Впрочем, все эти вопросы были не новые, не внезапные, а старые, наболевшие, давнишние. Давно уже как они начали его терзать и истерзали ему сердце. Давным-давно как зародилась в нем вся эта теперешняя тоска, нарастала, накоплялась и в последнее время созрела и концентрировалась, приняв форму ужасного, дикого и фантастического вопроса, который замучил его сердце и ум, неотразимо требуя разрешения» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 39]. Так писатель показывает, что сознание героя

охвачено какой-то мыслью, «мечтой», и он готовится не просто к преступлению, а к какому-то делу, отличающемуся «безобразною, но соблазнительною дерзостью» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 7], называя это «дело» «новым собственным словом», «новым шагом» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 6].

Излагая замысел романа, Достоевский пишет редактору журнала «Русский вестник» М.Н. Каткову о главном герое: «<...> ему — совершенно случайным образом удается совершить свое предприятие и скоро и удачно <...> Никаких на него подозрений нет и не может быть. Тут-то и развертывается весь психологический процесс преступления. Неразрешимые вопросы восстают перед убийцею, неподозреваемые и неожиданные чувства мучают его сердце» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_2, с. 137].

Как указывает Б.Н. Тихомиров, «принципиальным отличием исходной ситуации в романе является то, что “неразрешимые вопросы” “восстают” перед Раскольниковым еще до преступления» [Тихомиров, 1996, с. 258]

Получив письмо матери, которое «как громом в него ударило», он решил, «что теперь надо было не тосковать, не страдать пассивно, одними рассуждениями о том, что вопросы неразрешимы, а непременно что-нибудь сделать, и сейчас же, и поскорее. Во что бы то ни стало надо решиться, хоть на что-нибудь, или... “Или отказаться от жизни совсем! — вскричал он вдруг в исступлении, — послушно принять судьбу, как она есть, раз навсегда, задушить в себе всё, отказавшись от всякого права действовать, жить и любить!”» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 39]. Таков максимализм героя: всё или ничего! Главное — действовать. «Без преувеличения, эти строки — важнейшая кульминация всей первой части романа вплоть до момента, когда Раскольников взмахнул топором над головой старухи. Герой принимает окончательное решение. Но принимает его при ясном сознании не только неразрешенности, но и неразрешимости тех вопросов, “которые замучили его сердце и ум”. И в этом, пожалуй, главный контрапункт “Преступления и наказания” в целом» [Тихомиров, 1996, с. 259].

«Вдруг он вздрогнул: одна, тоже вчерашняя, мысль опять пронеслась в его голове. Но вздрогнул он не оттого, что пронеслась эта мысль. Он ведь знал, он *предчувствовал*, что она непременно “пронесется”, и уже ждал ее; да и мысль эта была совсем не вче-

рашняя. Но разница была в том, что месяц назад, и даже вчера еще, она была только мечтой, а теперь... теперь явилась вдруг не мечтой, а в каком-то новом, грозном и совсем незнакомом ему виде, и он вдруг сам сознал это... Ему стукнуло в голову, и потемнело в глазах» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 39].

Что же это за «мечта»? Почему она имеет такую власть над героем? Каковы истинные мотивы преступления Раскольникова?

ИДЕЯ РАСКОЛЬНИКОВА.

Писатель был убежден, что именно идеи определяют жизнь человека и общества, играют решающую роль в истории человечества. История движется идеями, и характер той или иной эпохи определяется в первую очередь тем, какие идеи господствуют в сознании людей, живущих в ту или иную эпоху. «<...> Торжествуют не миллионы людей и не материальные силы, по-видимому, столь страшные и незыблемые, не деньги, не меч, не могущество, а незаметная вначале мысль, и часто какого-нибудь, по-видимому, ничтожнейшего из людей», — писал Достоевский в «Дневнике писателя» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 47].

Достоевский утверждал, что мысли реально существуют в пространстве и времени по каким-то еще неизвестным людям «таинственным законам», люди называют их идеями. В «Дневнике писателя» читаем: «Идеи летают в воздухе, но непременно по законам; идеи живут и распространяются по законам, слишком трудно для нас уловимым; идеи заразительны <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 51].

«Как художник, Достоевский, — отметил М.М. Бахтин, — не создавал своих идей так, как создают их философы или ученые, он создавал живые образы идей, найденных, услышанных, иногда угаданных в самой действительности, то есть идей, уже живущих или входящих в жизнь как идеи-силы», «как художник Достоевский часто угадывал, как при определенных изменившихся условиях будет развиваться и действовать данная идея, в каких неожиданных направлениях может пойти ее дальнейшее развитие и трансформация» [Бахтин, 1979, с. 28].

Можно сказать, что роман «Преступление и наказание» — это религиозно-философское и художественное исследование идеи, ее силы, ее влияния на душу и сознание человека. В своем романе Достоевский показывает власть идеи над человеком. Причем, не

эмпирическую, а истинную, реальную, материально выраженную власть.

Проницательный Порфирий Петрович заподозрил Раскольникова после того, как прочитал его статью «О преступлении», о которой сам герой давно уже забыл. Что же дало повод Порфирию Петровичу понять, что это именно он совершил убийство, хотя ни явных мотивов, ни улик у него не было? Более того, Раскольников был ему даже симпатичен. Прочитав статью, Порфирий понял: «Тут дело фантастическое, мрачное, дело современное, нашего времени случай-с, когда помутилось сердце человеческое; когда цитуется фраза, что кровь “освежает”; когда вся жизнь проповедуется в комфорте. Тут книжные мечты-с, тут теоретически раздраженное сердце <...>. Дверь за собой забыл притворить, а убил, двух убил, по теории» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 348].

Традиционно статья Раскольникова рассматривается как источник сведений о теории Раскольникова о «двух разрядах». В ней герой доказывает, что все люди делятся на два разряда: «на низший (обыкновенных), и собственно на людей (необыкновенных, избранных)». Очень важно ответить на вопрос: **«В чем же, по Раскольникову, принципиальное различие между “обыкновенными” и “необыкновенными” людьми?»**. А отличаются они только одним: «необыкновенный» имеет «дар или талант сказать в среде своей *новое слово*» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 200], то есть предложить миру новую, «спасительную» идею, и ради ее воплощения в жизнь «перешагнуть хотя бы и через труп, через кровь» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 200].

«Необыкновенный» человек, как полагает Раскольников, имеет право «разрешить своей совести перешагнуть... через иные препятствия», если «исполнение его идеи (иногда спасительной, может быть, для всего человечества) того потребует» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 199]. «По-моему, — рассуждает герой, — если бы Кеплеровы и Ньютоновы открытия вследствие каких-нибудь комбинаций никоим образом не могли бы стать известными людям иначе как с пожертвованием жизни одного, десяти, ста и так далее человек, мешавших бы этому открытию или ставших бы на пути как препятствие, то Ньютон имел бы право, и даже был бы обязан... *устранить* этих десять или сто человек, чтобы сделать известными свои открытия всему человечеству» [Достоевский. 1972–1990, т. 6, с. 199]. «Иначе говоря: благая цель оправдывает любые средства

(принцип иезуитов). Ценность человеческой жизни здесь относительна, ценность идеи ("иногда" и "может быть" спасительной для человечества) — абсолютна. Для Раскольникова это неоспоримая аксиома» [Ветловская, 1996, с. 75].

Как утверждает Раскольников, все «законодатели и установители человечества», от древнейших и продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами были преступниками, ведь чтобы установить новый закон, нужно нарушить, переступить прежний. Во имя своей идеи они имеют право «разрушить настоящее во имя лучшего», «перешагнуть хотя бы и через труп, через кровь», «внутри себя, по совести» «дать себе разрешение перешагнуть через кровь» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 200]. Как замечает В.Е. Ветловская, «величину идеи определяет тот, кому она принадлежит, определяет по собственному усмотрению, и, уж конечно, трудно допустить, что кто-то ошибется и преуменьшит, а не преувеличит ее размеры». [Ветловская, 1996, с. 76–77].

Б.Н. Тихомиров отмечает, что идея Раскольникова имеет прототип в европейской философии. Раскольников замечает, что статья написана «по поводу одной книги» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 198], и была ею книга Наполеона III «История Юлия Цезаря». «В чем суть идеи Наполеона III, взятой в ее этическом и правовом аспектах? В утверждении неподсудности "великих" законам и нормам общечеловеческой морали, в требовании судить их (а точнее — о них) в иной логике и по иным законам. И, с другой стороны, в обязанности народов послушно следовать по пути, начертанному "великими"» [Тихомиров, 2012, с. 319]. «Идеи заразительны…».

Разделив людей на два разряда, Раскольников должен решить главный вопрос — к какому разряду принадлежит он сам? «Тварь он дрожащая» или «право имеет»? И, желая доказать прежде всего себе, что он принадлежит к разряду «право имеющих», он решается на поступок, который должен помочь ему «выйти из колеи». Так Достоевский показывает «диалектику преступления»: идея «цель оправдывает средства» (не случайно же он оборонил: «У иезуитов научимся» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 199]) — ее теоретическое обоснование (теория двух разрядов) — реализация, воплощение «на практике» (убийство старухи-процентщицы).

Достоевский показывает, как Раскольников, чувствуя свою страшную зависимость, пытается освободиться от власти идеи, когда, измученный скитаниями по жаркому Петербургу, обессиленный

мыслями и сомнениями, падает в изнеможении на траву, мгновенно засыпает и видит «страшный сон». Раскольников увидел себя в детстве, как он идёт с отцом по дороге к кладбищу, проходит мимо кабака и становится свидетелем жуткой сцены убийства Миколкой жалкой «клячонки». Проснувшись, Раскольников в ужасе думает: «“Боже! <...> да неужели ж, неужели ж я в самом деле возьму топор, стану бить по голове, размозжу ей череп... буду скользить в липкой, тёплой крови, взламывать замок, красть и дрожать; прятаться, весь залитый кровью... с топором... Господи, неужели?” Он дрожал, как лист, говоря это» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 50].

Раскольников вдруг сознает, что не сможет осуществить свой ужасный замысел: «Нет, я не вытерплю, не вытерплю! Пусть, пусть даже нет никаких сомнений во всех этих расчётах, будь это всё, что решено в этот месяц, ясно как день, справедливо как арифметика. Господи! Ведь я всё же равно не решусь! Я ведь не вытерплю, не вытерплю!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 50]. Герой обращается к Господу с мольбой о спасении, и с облегчением чувствует, что «сбросил с себя страшное бремя, давившее его так долго, и на душе его стало вдруг легко и мирно. “Господи! — молил он, — покажи мне путь мой, а я отрекаюсь от этой проклятой... мечты моей!”». Он почувствовал: «Точно нарыв на сердце его, нарывавший весь месяц, вдруг прорвался. Свобода, свобода! Он свободен теперь от этих чар, от колдовства, обаяния, от наваждения!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 50].

Учащиеся должны ответить на вопрос**: «Почему Раскольников называет свою идею “колдовством”, “наваждением”, “чарами”?».** А тем самым Раскольников определяет «придавившую» его идею как некую внеположную силу, над которой он не властен. Не потому ли освобождения не произошло? Вера в нем слаба, а властвующая над ним идея сильна и всемогуща. Именно она ведет героя, руководит не только его мыслями, но и действиями, поступками, поэтому он «наклонен был видеть некоторую как бы странность, таинственность, как будто присутствие каких-то особых влияний и совпадений» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 52].

«Великий *реалист* и вместе с тем великий мистик, Достоевский чувствует призрачность реального: для него жизнь — только явление, только покров, за которым таится непостижимое и навеки скрытое от человеческого ума» [Мережковский, 1991, с. 112].

Размышляя потом о своем преступлении, Раскольников поражался и «никак не мог понять и объяснить себе, почему он, усталый,

измученный, которому было бы выгоднее возвратиться домой самым кратчайшим и прямым путем, воротился домой через Сенную площадь», сделав хоть и «небольшой, но очевидный и совершенно ненужный» крюк [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 50]? Как будто только для того, чтобы узнать, что завтра в семь часов старуха останется одна и окончательно решиться на преступление. «Он вошёл к себе, как приговорённый к смерти. Ни о чём он не рассуждал и совершенно не мог рассуждать; но всем существом своим вдруг почувствовал, что нет у него более ни свободы рассудка, ни воли и что всё вдруг решено окончательно» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 52].

Г.К. Щенников замечает, что одной из самых сложных проблем достоевсковедения является «исследование взаимодействия двух уровней в целостной поэтической структуре его произведений: эмпирического, то есть “текущего”, социально-бытового и психологического, и метафизического — бытийного, вечного. Современные исследователи приходят к выводу, что метафизическое и эмпирическое у Достоевского трудно разделить. Неразделимость обоих планов означает их взаимопроникновение: метафизическое не только дает глубинное, конечное объяснение эмпирическому, еще и вырастает из эмпирического субъективного опыта, из межличностных отношений — и открывается читателю в непосредственных переживаниях и реакциях персонажей» [Щенников, 2001, с. 18]. Особенно явственно взаимодействие двух планов романа актуализируется в изображении идеи как внеположной, существующей «по законам, слишком трудно для нас уловимым», «материальной» силы. Как замечает Достоевский о своем герое, «во всем этом деле он всегда потом склонен был видеть некоторую как бы странность, таинственность, как будто присутствие каких-то особых влияний и совпадений» [Достоевский. 1972–1990, т. 6, с. 52]

Для того, чтобы понять, как Достоевский показывает власть идеи над человеком, нужно, чтобы учащиеся выполнили задание по тексту: **«В каких эпизодах показана “мистическая” сила идеи?»**

Показывая власть идеи над человеком, Достоевский представляет в романе цепь эпизодов, которые только на первый взгляд могут показаться случайными. Так, «перед тем, как решиться на преступление, Раскольников слышит в трактире за биллиардом разговор двух неизвестных лиц о старухе-процентщице, его будущей жертве: весь план убийства, все нравственные мотивы до последней

подробности подсказаны ему как будто судьбой. Незначительный факт, но он имеет огромное влияние на решимость Раскольникова, и это — роковая случайность» [Мережковский, 1991, с. 111].

Готовясь к убийству, Раскольников пришивает внутри пальто петлю и рассчитывает взять топор в кухне, но выйдя «на дело», обнаруживает там Настасью и в отчаянии понимает, что задуманное дело срывается из-за такого пустяка: «И какой случай навсегда потерял!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 59]. И должен он вернуться в свою каморку, но какая-то сила влечет его во двор, где он вдруг видит блеснувший под лавкой топор в каморке дворника. «“Не рассудок, так бес!” — подумал он, странно усмехаясь» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 60].

Как замечает К.А. Степанян, состояние Раскольникова свойственно многим людям, «как бы и не желающим совершить грех, но уже настолько подчинивших себя злу, что недостает воли и сил на сопротивление» [Степанян, 2014, с. 83–84].

Раскольников явственно чувствует свою зависимость от некой силы: «Последний же день, так нечаянно наступивший и все разом порешивший, подействовал на него почти совсем механически: как будто его кто-то взял за руку и потянул за собой, неотразимо, слепо, с неестественной силой, без возражений. Точно он попал клочком одежды в колесо машины, и его начало в нее втягивать» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 58]. Этой силе противиться герой не в состоянии, и он пытается персонифицировать ее в некие привычные и понятные образы: «Не рассудок, так бес!»; «Кстати, Соня, это когда я в темноте-то лежал и мне все представлялось, это ведь дьявол смущал меня? а?» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 321]; «Я ведь и сам знаю, что меня черт тащил»; «А старушонку эту черт убил, а не я» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 322]. Так подчеркивается дьявольская природа захватившей сознание героя идеи, что понимает и Соня: «Вас Бог поразил — дьяволу предал» [Достоевский. 1972–1990, т. 6, с. 321], — говорит она Раскольникову. Раскольников как будто пытается укрыться: не я, «бес попутал». Но, как замечает К.А. Степанян, «духи зла не обладают ни самостоятельной силой, ни возможностью реализовать свои желания — они могут сделать это только через человека, который впускает их в свою душу, соглашается с ними и становится тем самым их орудием» [Степанян, 2014, с. 117].

Далее необходимо, чтобы учащиеся по тексту восстановили «алгоритм преступления», который представлен в романе и кото-

рый имеет универсальный, актуальный во все времена характер. Вопрос: **«Какие условия создает для себя Раскольников, чтобы решиться на убийство?»**

Захваченный идеей и теоретически обосновавший ее в своей статье, Раскольников все свои усилия направляет на то, чтобы создать условия для ее осуществления. Достоевский показывает, что обычный, «нормальный» человек, каким предстает Раскольников в своих лучших проявлениях, совершить преступление не может.

Здесь важно, чтобы учащиеся ответили на заданные заранее вопросы-задания: **«Какие поступки Раскольникова показывают, что он, по сути своей, “нормальный человек”, добрый, отзывчивый, сострадательный?»** (Ухаживает за больным другом, спасает детей из огня, пытается помочь девочке на бульваре, отдает последние деньги Мармеладовым, и т.д.). Здесь нужно акцентировать мысль на двойственности характера Раскольникова. Как говорит о нем Разумихин: «Угрюм, мрачен, надменен и горд <…> мнителен и ипохондрик. Великодушен и добр. Чувств своих не любит высказывать, и скорей жестокость сделает, чем словами выскажет сердце. Иногда, впрочем, вовсе не ипохондрик, а просто холоден и бесчувственен до бесчеловечия <…>. Не насмешлив, и не потому, чтобы остроты не хватало, а точно времени у него на такие пустяки не хватает. <…> Никогда не интересуется тем, чем все в данную минуту интересуется. Ужасно высоко себя ценит и, кажется, не без некоторого права на то» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 165].

Для того, чтобы совершить преступление, «нормальному человеку» нужно «выйти из нормы», преодолеть «слишком человеческое» в себе, т.е. перейти из разряда «обыкновенных» людей в разряд «необыкновенных», а для этого необходимо довести себя до последней степени морального и физического истощения, «озлиться», порвать все связи с миром, погрузившись в полное одиночество. Именно так обозначает Достоевский алгоритм пути к преступлению: озлобление и полное уединение. Раскольников всеми силами добивается того, что «тупая, зверская злоба» закипала в нем по всякому поводу, и он испытывал «бесконечное, почти физическое отвращение ко всему встречавшемуся, упорное, злобное, ненавистное», когда «гадки были все встречные», «просто наплевал бы на кого-нибудь, укусил бы, кажется, если бы кто-нибудь с ним заговорил» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 87]. Раскольников стремится уйти, «как черепаха,

в свою скорлупу», укрыться в мире своей идеи, добиться того, чтобы никого не любить, и чтобы его никто не любил.

Вопрос-задание классу: **«В каких символических деталях Достоевский фиксирует процесс уединения и разрыва Раскольникова с миром людей?»**

Одна из таких символических деталей — серебряные часы, которые герой относит старухе «на пробу», единственное, что осталось у него в память об отце. Отдавая отцовские часы, Раскольников как бы разрывает связь со своей семьей, своим родом, да и со всем миром, — ведь на крышке часов изображен глобус.

Есть в романе и ещё одна символическая деталь: двугривенный, поданный Раскольникову купчихой в «козловых башмаках» и девушкой «с зелёным зонтиком». Стоит обратить внимание на эту цветовую деталь, выбивающуюся из петербургской цветовой гаммы и как бы фиксирующей внимание читателя на эпизоде. Как заметила Т.А. Касаткина, «зеленый зонтик связывает приведенный эпизод с описанием церкви с зелеными куполом из сна Раскольникова, той церкви, в которую он ходил в детстве, когда вера крепка была в его душе. Из-под купола этой церкви и протягивается милующая рука. То, что кажется давно прошедшим и беспредельно далеким, оказывается всегда присутствующим рядом — только оглянись, только откликнись, только прими. И Соня, покрытая зеленым драдедамовым платком, оказывается всегда под сводами детской церкви Раскольникова и становится его вожатым, шаг за шагом обеспечивающим его возвращение. (Соня и живет в доме зеленого цвета)» [Касаткина, 2004, с. 113]. Но Раскольников, размахнувшись, бросил в воду этот знак жалости, сочувствия и милосердия, «затем повернулся и пошёл домой. Ему показалось, что он как будто ножницами отрезал себя от всех и всего в эту минуту» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 90]. Отрезать себя от всего, что делает человека человеком, разорвать все связи с миром, отказаться от облика человеческого — и вот уже «торжество самосохранения», «спасение от давившей опасности» дают Раскольникову «минуту полной, непосредственной, чисто животной радости». Преступление ещё больше отдаляет Раскольникова от людей, для него наступает странное время: «<...> точно туман упал вдруг перед ним и заключил его в безвыходное и тяжелое уединение» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 335]. Раскольников пытается создать для себя такие условия, при которых становятся невозможными и ненужными такие понятия, как любовь, дружба,

сочувствие, сопереживание. Об одном он мечтает — не любить никого, и чтобы его никто не любил. Подавить в себе все чувства, кроме злобы — и тогда можно жить с мыслью о злодеянии. Переполненный «желчью» и злобой человек — лёгкая добыча дьявольской идеи.

Раскольников все свои силы направляет на то, чтобы создать такие условия, в которых преступление становится единственно возможным выходом и действием. И немаловажную роль играет в этом то пространство, в котором он существует. Он не только доводит себя до отчаянной нищеты и физического истощения, но и загоняет себя на «аршин пространства» (можно сказать, что это созданная задолго до ее появления формула теории относительности), исходом из которого может быть лишь воплощение «безобразной мечты своей». В романе Достоевского мы видим воплощение закона об обратном воздействии пространства на человека. То есть, вначале человек творит пространство для своего существования, а потом пространство начинает творить его. «Если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя» (Ф. Ницше).

Анализируя художественное пространство романа, учащиеся должны ответить на вопросы: **«С чем сравнивается в романе комната Раскольникова?», «По каким улицам бродит герой?», «Каким предстает в романе Петербург?»**

Знаменательно, что комнату, в которой обитает герой, сравнивают и с «сундуком», и с «каютой», и «шкафом», и «гробом». Но очень важно признание Раскольникова Соне: «Я тогда, как паук, к себе в угол забился. Ты ведь была в моей конуре, видела... А знаешь ли, Соня, что низкие потолки и тесные комнаты душу и ум теснят! О, как ненавидел я эту конуру! А все-таки выходить из нее не хотел. Нарочно не хотел!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 320]. «Какая у тебя дурная квартира, Родя, точно гроб, — сказала вдруг Пульхерия Александровна, прерывая тягостное молчание, — я уверена, что ты наполовину от квартиры стал такой меланхолик. — Квартира — отвечал он рассеянно. — Да, квартира много способствовала... я об этом тоже думал... А если бы вы знали, однако, какую вы странную мысль сейчас сказали, маменька, — прибавил он вдруг, странно усмехнувшись» [Достоевский. 1972–1990, т. 6, с. 178].

Необходимо подчеркнуть, что Раскольников сознательно выбирает «безобразное» пространство: запирается в комнате, «шляется» по пыльным и вонючим черным лестницам, бродит по «темным и узким» улицам и переулкам, и «ему вся эта обстановка нравилась»:

«В последнее время его даже тянуло шляться по всем этим местам, когда тошно становилось, “чтоб еще тошней было”» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 122]. Деформированное пространство выступает как модель его деформированного, искаженного идеей сознания, ведь только в таком пространстве могла существовать его «безобразная» идея. «Шляясь» по грязным, зловонным, душным переулкам, он впитывает те «мрачные, резкие и странные влияния» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 357], которые оказывает на душу человека Петербург. Даже параллельно-перпендикулярная архитектоника города сочетается с его бездушной «арифметикой». Петербург в романе неотделим от идеи Раскольникова, более того, в другом городе она и не могла зародиться. Как показывает Н.Н. Подосокорский, убийство старухи в картине мира Раскольникова означает именно становление нового петербургского Наполеона [Подосокорский, 2022, с. 119]. Недаром он признается Соне: «Вот что: я хотел Наполеоном сделаться, оттого и убил...» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 318].

Учащимся можно задать вопрос: **«В какой степени изображенный в романе город можно называть, как принято, “Петербургом Достоевского”?»** Возможно, это Петербург не Достоевского, а Раскольникова? Хронотоп его души и сознания? (как показывает В.А. Викторович, роман Достоевского — это «роман сознания») [Викторович, 2023].

Так Достоевский показывает сокрушительную власть «ложной идеи» над человеком. Она подчиняет себе все мысли, поступки, действия человека, убивает в нем человека. Раскольников признается: «У меня тогда одна мысль выдумалась, в первый раз в жизни, которую никто и никогда до меня не выдумывал!» — и ради этой мысли возомнивший себя «необыкновенным» человеком он «захотел *осмелиться* и убил», и в этом «вся причина» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 321]. «Не для того я убил, чтобы, получив средства и власть, сделаться благодетелем человечества. Вздор! Я просто убил; для себя убил; для себя одного <...> мне надо было узнать тогда, и поскорей узнать, вошь ли, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу? Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая, или *право* имею?» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 322].

Как замечает В.Н. Захаров, «новое слово», которое сказал Раскольников, состоит в том, что «теория Раскольникова разрешает преступление “*по совести*”, “кровь *по совести*”. Это действительно

попытка сказать “*новое слово*” в философии». «Раскольников не только посягнул на нравственный закон “не убий” — в своей теории он оправдал “кровь *по совести*”.

Лизавета случайно оказалась на месте преступления, но не случайно Достоевский свел лицом к лицу Раскольникова и Лизавету. Это испытание героя и его теории: убьет или не убьет. По теории не должен убить — не “*по совести*”, но он убил и уже не мог поступить иначе и убил бы любого — Коха, Пестрякова, кого угодно, кто встал бы на его пути. Убийство кроткой Лизаветы, которое Раскольников уже не мог не совершить, — сокрушительный удар по идее героя, начало распада ее. Уже в момент совершения преступления он убеждается в несостоятельности своей теории: преступление и совесть несовместимы, любое преступление бессовестно» [Захаров, 2007, с. 531–532].

Об этом с ужасом говорит Разумихин: «Ты, конечно, прав, говоря, что это не ново и похоже на все, что мы тысячу раз читали и слышали; но что действительно *оригинально* во всем этом, — и действительно принадлежит одному тебе, к моему ужасу, — это то, что все-таки кровь *по совести* разрешаешь, и, извини меня, с таким фанатизмом даже...» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 202–203].

В рукописных редакциях к роману Достоевский говорит о герое: «В *его образе* выражается в романе мысль непомерной гордости, высокомерия и презрения к этому обществу. Его идея: взять во власть это общество. Деспотизм — его черта. *Она* ведет ему напротив.

NB. В художественном исполнении не забыть, что ему 23 года.

Он хочет властвовать — и не знает никаких средств. Поскорей взять власть и разбогатеть. Идея убийства и пришла ему готовая.

NB. Чем бы я ни был, что бы я потом ни сделал, — был ли бы я благодетелем человечества или сосал бы из него, как паук, живые соки — мне нет дела. Я знаю, что я хочу владычествовать, и довольно» [Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 155].

Раскольников признается: «Я догадался тогда, Соня, — продолжал он восторженно — что власть дается только тому, кто посмеет наклониться и взять ее. Тут одно только, одно: стоит только посметь! <...> Я... я захотел *осмелиться* и убил... я только осмелиться захотел, Соня, вот вся причина!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 321]. И эти признания окончательно опровергают социальные истоки и мотивы преступления, выявляют **истинные** мотивы —

«осмелиться», доказать себе, что он «право имеет», «взять власть», сделаться Наполеоном, возвыситься над «муравейником».

Достоевский убеждает читателя, что совершить преступление «по совести» невозможно. Преступление всегда — только против совести. Ведь совесть — это религиозно-нравственное понятие, это осознание своей связи с людьми, с миром, с Богом, осознание своей ответственности перед ними. Но, как замечает Б.Н. Тихомиров, «концентрированным выражением и итогом раскольниковских теоретических построений» становится вывод, что задуманное им «не преступление» «Убийство — *не* преступление, может быть *не* преступлением; есть такие ситуации, когда оно является преступлением только формально-юридическим, а не по своей глубинной сути, и человек не только “право имеет”, но порой и “обязан” совершить его. К этой своей заветной идее Раскольников вновь и вновь возвращается на протяжении романа, обосновывая ее многократно — и апеллируя к логике всемирной истории <...>» [Тихомиров, 2005, с. 23].

Как писал еще Д.С. Мережковский, «преступление его идейное, т.е. вытекает не из личных целей, не из эгоизма, как более распространенный тип нарушения закона. А из некоторой теоретической и бескорыстной идеи, каковы бы ни были ее качества» [Мережковский, 1991, с. 114]. А «идейное» преступление тем и страшно, что идея оправдывает любое злодеяние, освобождая человека от чувства ответственности, осознания вины и необходимости раскаяния.

Важным смысловым нюансом может стать и то, что идея Раскольникова зародилась по «закону отражения идей», когда, как заметил Достоевский в «Дневнике писателя», «сознание своего совершенного бессилия помочь или принести хоть какую-нибудь пользу или облегчение страдающему человечеству, в то же время при полном вашем убеждении в этом страдании человечества, может даже обратить в сердце вашем любовь к человечеству в ненависть к нему». Из этой любви-ненависти и рождаются «чугунные идеи», которые «сваливаются» на человеческие души, придавливают их, «так что вся остальная их жизнь состоит как бы из корчей и судорог под свалившимся на них камнем» [Достоевский? 1972–1990, т. 24, с. 48].

«Найденный Достоевским в его первом великом философском романе гениальный “ход”, когда герой мыслитель, герой-философ поставлен жизнью в трагическое положение, когда он вынужден

принимать решения и действовать в “неразрешимой ситуации”, оказывается мощным стимулом к развитию, углублению его идеи, определяя особый характер и особую направленность “жизни идеи” в произведении. В прошлом студент-юрист, профессионально размышляющий над вопросами преступления, вины, наказания, правда, мыслящий в масштабе всей мировой истории, Раскольников в своих философских построениях, в “идее” пытается найти для себя опору в ситуации, когда надо “не тосковать, не страдать пассивно одними рассуждениями о том, что *вопросы неразрешимы,* а непременно что-нибудь сделать, и сейчас же, и поскорее”. “Идея” героя — это поиск выхода из безвыходного положения. Это отчаянная и обреченная попытка “философски” преодолеть трагедийную ситуацию. Но именно поэтому — и великий *соблазн,* чреватый порчей человеческого духа, духовной смертью» [Тихомиров, 2005, с. 22]. Пришедшая под видом спасительной, идея становится губительной, подчиняя не только сознание, но саму жизнь героя, и власти ее он противиться не может.

Вопрос к классу: **«Осуществил ли Раскольников свой замысел помочь матери, сестре, Соне, Лизавете?»**

Совершая свое преступление, Раскольников полагает, что сможет помочь своей сестре, матери, всем «униженным и оскорбленным» — таким, как Лизавета, Сонечка. Но вместо этого он еще более усугубляет трагическое положение всех этих людей. Одно преступление влечет за собой другое. Он хотел убить отвратительную «вошь», старуху-процентщицу, но убил и ее сестру Лизавету, ради которой, казалось бы, замышляет свое преступление, и ее не родившегося ребенка. Он желал освободить Дуню от брака с Лужиным, но своим преступлением обрекает ее на страдания, ставит ее в полную зависимость от Свидригайлова — ведь узнав о том, кто убийца, Свидригайлов шантажирует Дуню. И, наконец, Раскольников совершает самое страшное преступление — убивает свою мать: ведь только допустив мысль, что ее Роденька может оказаться убийцей, она сходит с ума и умирает.

Как писал Д.С. Мережковский, «в теории существование старухи бесполезно и даже вредно — можно было, по-видимому, так же легко и спокойно зачеркнуть его, как зачеркивают лишние слова в написанной фразе. Но в действительности жизнь никому не нужного существа тысячами невидимых и недоступных анализу нитей оказалась связанною с жизнью людей, совершенно ей чуждых,

начиная от маляра Николки и кончая матерью Раскольникова» [Мережковский, 1991, с. 121].

И, наконец, главное признание героя: «Не для того, чтобы матери помочь, я убил — вздор! Не для того я убил, чтобы, получив средства и власть, сделаться благодетелем человечества. Вздор! Я просто убил; для себя убил, для себя одного: а там стал ли бы я чьим-нибудь благодетелем или всю жизнь, как паук, ловил бы всех в паутину и их всех живые соки высасывал, мне, в ту минуту, все равно должно было быть!.. И не деньги, главное, нужны мне были, Соня, когда я убил; не столько деньги нужны были, как другое... Я это все теперь знаю... Пойми меня: может быть, тою же дорогой идя, я уже никогда более не повторил бы убийства. Мне другое надо было узнать, другое толкало меня под руки: мне надо было узнать тогда, и поскорей узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или *право* имею...» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 322].

Таким образом, истинное ПРЕСТУПЛЕНИЕ (то есть понятие, вынесенное в заглавие романа) — не убийство старухи — оно только следствие **главного преступления — идеи**, которая, охватив сознание Раскольникова, подчинила его себе, разъединила с миром людей, толкнула его к убийству. В романе Достоевский показывает силу идеи, ее влияние на сознание и жизнь человека и показывает, что сама по себе «ложная» идея может быть преступлением. И очень важным является многоаспектный анализ понятия «НАКАЗАНИЕ». Что является в романе истинным наказанием? Какие смысловые дефиниции вкладывает Достоевский в это понятие? Что становится наказанием именно для Раскольникова и НАКАЗАНИЕМ в более широком смысле?

Список литературы

1. Бахтин, 1979 — *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. Россия, 1979. 318 с.

2. Борисова, 2021 — *Борисова В.В.* «Братья и сестры» в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: поэтика образов // *Борисова В.В.* Актуальный Достоевский: тексты и контексты. Уфа: АртПринт, 2021. С. 103–109.

3. Ветловская, 1996 — *Ветловская В.Е.* Логическое опровержение противника в «Преступлении и наказании» Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. СПб: Наука, 1996. Вып. 13. С. 74–87.

4. Викторович, 2019 — *Викторович В.А.* «Были бы братья...»: М.М. Достоевский как прототип Разумихина // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2019. Вып. 22. С. 41–55.

5. Викторович, 2023 — *Викторович В.А.* «Преступление и наказание» как роман сознания // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 3 (23). С. 28–42. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-3-28-42

6. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

7. Захаров, 2007 — *Захаров В.Н.* «Православное воззрение»: идеи и идеал // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: Канонические тексты / под.ред. проф. В.Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. Т. 7. С. 529–544.

8. Карякин, 1976 — *Карякин Ю.* Самообман Раскольникова (Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»). М.: Худож. лит., 1976. 158 с.

9. Касаткина, 2022 — *Касаткина Т.А.* Авторские стратегии создания глубокого текста в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Наследие Достоевского в национальных культурах. Карс, 2022. С. 1–14.

10. Касаткина, 2004 — *Касаткина Т.А.* Между Богом и.... теорией? // *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: в 9 т. М.: Изд-во Астрель: Изд-во АСТ, 2004. Т. 3: Преступление и наказание. С. 98–119.

11. Мережковский, 1991 — *Мережковский Д.С.* Достоевский // *Мережковский Д.С.* Акрополь. Избранные литературно-критические статьи. М.: Книжная палата, 1991. С. 108–126.

12. Мысляков, 1974 — *Мысляков В.А.* Как рассказана «история» Родиона Раскольникова (К вопросу о субъективно-авторском начале у Достоевского) // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1974. Вып. 1. С. 147–163.

13. Подосокорский, 2022 — *Подосокорский Н.Н.* «Наполеоновский» Петербург и его отражение в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 4 (20). С. 71–135. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-4-71-135

14. Степанян, 2014 — *Степанян К.А.* Путеводитель по роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: Учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. 208 с.

15. Тихомиров, 2012 — *Тихомиров Б.Н.* К вопросу о «прототипах образа идеи» в романах Достоевского // *Тихомиров Б.Н.* «...Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком». Статьи и эссе о Достоевском. СПб.: Серебряный век, 2012. С. 311–326.

16. Тихомиров, 1996 — *Тихомиров Б.Н.* К осмыслению глубинной перспективы романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский в конце XX века: Сб. статей / сост. К.А. Степанян. М.: Классика плюс, 1996. С. 252–269.

17. Тихомиров, 2007 — *Тихомиров Б.Н.* «Перерыть все вопросы в этом романе...» // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: Канонические тексты / под ред. проф. В.Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. Т. 7. С. 545–574.

18. Тихомиров, 2005 — *Тихомиров Б.Н.* Роман о преступлении, наказании и воскресении Родиона Раскольникова // *Тихомиров Б.Н.* «Лазарь! гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. С. 7–47.

19. Юрьева, 2022 — *Юрьева О.Ю.* Зачем в романе Вразумихин? // Достоевский и современность. Материалы XXXVI Международных Старорусских чтений 2021 года / отв. ред. С.Л. Шараков; Новгородский музей-заповедник. Великий Новгород, 2022. С. 118–128.

References

1. Bakhtin, M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [*Problems of Dostoevsky's Poetics*]. Moscow, Sov. Rossiia Publ., 1979. 318 p. (In Russ.)

2. Borisova, V.V. "'Brat'ia i sestry' v romane F.M. Dostoevskogo 'Prestuplenie i nakazanie': poetika obrazov" ["'Brothers and Sisters' in Dostoevsky's Novel *Crime and Punishment*: The Poetics of the Images"]. Borisova, V.V. *Aktualnyi Dostoevskii: teksty i konteksty* [*Relevant Dostoevsky: Texts and Contexts*]. Ufa, ArtPrint Publ., 2021, pp. 103–109. (In Russ.)

3. Vetlovskaia, V.E. "Logicheskoe oproverzhenie protivnika v 'Prestuplenii i nakazanii' Dostoevskogo" ["The Logical Refutation of the Opponent in Dostoevsky's *Crime and Punishment*"]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky. Materials and Research*], vol. 13. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996, pp. 74–87. (In Russ.)

4. Viktorovich, V.A. "'Byli by brat'ya...': M.M. Dostoevskii kak prototip Razumikhina" ["'If There Were Brothers...': Mikhail Dostoevsky as Razumikhin's Prototype"]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky. Materials and Research*], vol. 22. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2019, pp. 41–55. (In Russ.)

5. Viktorovich, V.A. "'Prestuplenie i nakazanie' kak roman soznaniia" ["*Crime and Punishment* as a Novel of Consciousness"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 3 (23), 2023, pp. 28–42. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-3-28-42

6. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

7. Zakharov, V.N. "'Pravoslavnoe vozzrenie': idei i ideal" ["'Orthodox View': Ideas and Ideal"]. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: Kanonicheskie teksty* [*Complete Works: Canonic Texts*], vol. 7. Ed. by V.N. Zakharov. Petrozavodsk, PetrGU Publ., 2007, pp. 529–544. (In Russ.)

8. Kariakin, Iu. *Samoobman Raskol'nikova (Roman F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie")* [*Raskolnikov's Self-Deception (Fyodor Dostoevsky's Novel* Crime and Punishment*)*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1976. 158 p. (In Russ.)

9. Kasatkina, T.A. "Avtorskie strategii sozdaniia glubokogo teksta v romane F.M. Dostoevskogo 'Prestuplenie i nakazanie'" ["The Author's Strategies for Creating a Deep Text in Dostoevsky's Novel *Crime and Punishment*"]. *Nasledie Dostoevskogo v natsional'nykh kul'turakh* [*Dostoevsky's Heritage in National Cultures*]. Kars, 2022, pp. 1–14. (In Russ.)

10. Kasatkina, T.A. "Mezhdu Bogom i.... teorei?" ["Between God and... Theory?"]. Dostoevskii, F.M. *Sobranie sochinenii: v 9 tomakh* [*Collected Works: in 9 vols*], vol. 3: Prestuplenie i nakazanie [Crime and Punishment]. Moscow, Astrel' Publ., 2004, pp. 98–119. (In Russ.)

11. Merezhkovskii, D.S. "Dostoevskii" ["Dostoevsky"]. Merezhkovskii, D.S. *Akropol'. Izbrannye literaturno-kriticheskie stat'i* [*Acropolis. Selected Articles of Literary Criticism*]. Moscow, Knizhnaia palata Publ., 1991, pp. 108–126. (In Russ.)

12. Mysliakov, V.A. "Kak rasskazana 'istoriia' Rodiona Raskol'nikova (K voprosu o sub''ektivno-avtorskom nachale u Dostoevskogo)" ["How Rodion Raskolnikov's 'Story' Is Told (About the

Question of Dostoevsky's Subjective Authorial Principle)"]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky. Materials and Research*], vol. 1. Leningrad, Nauka Publ., 1974, pp. 147–163. (In Russ.)

13. Podosokorskii, N.N. "'Napoleonovskii' Peterburg i ego otrazhenie v romane F.M. Dostoevskogo 'Prestuplenie i nakazanie'" ["'Napoleonic' Petersburg and its Reflection in Dostoevsky's Novel *Crime and Punishment*"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (20), 2022, pp. 71–135. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-4-71-135

14. Stepanian, K.A. *Putevoditel' po romanu F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie": Uchebnoe posobie* [*A Guide to Dostoevsky's Novel* Crime and Punishment*: A Handbook*]. Moscow, Izd.-vo Mosk. Un.-ta Publ., 2014. 208 p. (In Russ.)

15. Tikhomirov, B.N. "K voprosu o 'prototipakh obraza idei' v romanakh Dostoevskogo" ["On the Question of 'Prototypes of the Image of an Idea' in Dostoevsky's Novels"]. Tikhomirov, B.N. *"...Ia zanimaius' etoi tainoi, ibo khochu byt' chelovekom": Stat'i i esse o Dostoevskom* [*"... I Am Studying This Mystery, Because I Want to Be a Man": Articles and Essays on Dostoevsky*]. St. Petersburg, Serebrianyi vek Publ., 2012, pp. 311–326. (In Russ.)

16. Tikhomirov, B.N. "K osmysleniiu glubinnoi perspektivy romana F.M. Dostoevskogo 'Prestuplenie i nakazanie'" ["For an Understanding of the Deep Perspective of Dostoevsky's Novel *Crime and Punishment*"]. Stepanian, K.A., editor. *Dostoevskii v kontse XX veka. Sbornik statei* [*Dostoevsky at the End of the 20th Century. Collected Articles*]. Moscow, Klassika plius Publ., 1996, pp. 252–269. (In Russ.)

17. Tikhomirov, B.N. "'Pereryt' vse voprosy v etom romane...'" ["'Dig Through All the Questions in This Novel...'"]. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: Kanonicheskie teksty* [*Complete Works: Canonic Texts*], vol. 7. Ed. by V.N. Zakharov. Petrozavodsk, PetrGU Publ., 2007, pp. 545–574. (In Russ.)

18. Tikhomirov, B.N. "Roman o prestuplenii, nakazanii i voskresenii Rodiona Raskol'nikova" ["A Novel About the Crime, Punishment, and Resurrection of Rodion Raskolnikov"]. Tikhomirov, B.N. *"Lazar'! Griadi von". Roman F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" v sovremennom prochtenii. Kniga-kommentarii* [*"Lazarus, Come Out." A Contemporary Reading of Dostoevsky's Novel* Crime and Punishment. *Book-Commentary*]. St. Petersburg, Serebriannyi vek Publ., 2005, pp. 7–47. (In Russ.)

19. Iureva, O.Iu. "Zachem v romane Vrazumikhin?" ["Why is Vrazumikhin in the Novel?"]. Sharakov, S.L., editor. *Dostoevskii i sovremennost'. Materialy XXXVI Mezhdunarodnykh Starorusskikh chtenii 2021 goda* [*Dostoevsky and Contemporary Age. Proceedings of the 36th International Readings in Staraya Russa, 2021*]. Veliky Novgorod, 2022, pp. 118–128. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 15.01.2024 | The article was submitted: 15 Jan. 2024
Одобрена после рецензирования: 08.02.2024 | Approved after reviewing: 08 Feb. 2024
Принята к публикации: 09.02.2024 | Accepted for publication: 09 Feb. 2024
Дата публикации: 25.03.2024 | Date of publication: 25 Mar. 2024

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 1 (25), 2024.

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0
ББК 83+83.3(2=411.2)+86.2
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-198-221
https://elibrary.ru/XUPUYQ

© 2024. Ольга Седельникова
Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия
© 2024. Екатерина Головачева
Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия
© 2024. Оксана Олейник
Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия

«Рассказы из русской истории» А.Н. Майкова: от идеи к реализации

© 2024. Olga V. Sedelnikova
National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia
© 2024. Ekaterina A. Golovacheva
National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia
© 2024. Oksana P. Olejnik
National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia

Apollon Maykov's *Tales from Russian History*: from Idea to Implementation

Информация об авторе: Ольга Викторовна Седельникова, доктор филологических наук, профессор Отделения русского языка Школы общественных наук, Национальный исследовательский Томский политехнический университет, пр. Ленина, д. 30, 634050 г. Томск, Россия.
https://orcid.org/0000-0003-3727-7954
E-mail: sedelnikovaov@tpu.ru
Екатерина Александровна Головачева, кандидат филологических наук, начальник Отдела развития онлайн-образования Управления сопровождения обучения и развития карьеры, Национальный исследовательский Томский политехнический университет, пр. Ленина, д. 30, 634050 г. Томск, Россия.
https://orcid.org/0000-0002-2744-8767

E-mail: eagolovacheva@tpu.ru

Оксана Петровна Олейник, аспирант Отделения русского языка Школы общественных наук, Национальный исследовательский Томский политех-

нический университет, пр. Ленина, д. 30, 634050 г. Томск, Россия.

E-mail: oksana408@yandex.ru

Благодарности: Исследование выполнено в Томском политехническом университете за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект РНФ № 23-28-01497, https://rscf.ru/project/23-28-01497/).

Аннотация: Статья посвящена реконструкции истории становления и развития идеи незавершенного прозаического цикла А.Н. Майкова «Рассказы из русской истории». Важнейшим источником информации о данном сегменте творческой биографии поэта является его переписка с Ф.М. Достоевским, содержание которой раскрывает предпосылки зарождения идеи цикла и этапы ее оформления. Обсуждению общей идеи цикла и его отдельных сюжетов посвящено одно из самых выразительных писем романиста к другу, содержащее концептуальное для понимания его эстетики размышление о поэме «как самородном драгоценном камне, алмазе, в душе поэта» и выделяющее самые значительные, в понимании писателя, события истории России. Выразительно описанные Достоевским в упомянутом источнике сюжеты отдельных рассказов породили предположение о том, что писатель выступил автором концепции цикла и вдохновил Майкова на его создание. Однако анализ переписки Майкова и Достоевского 1867–1869 годов позволяет собрать и последовательно выстроить факты, отражающие процесс постепенного вызревания и оформления замысла, и сделать вывод о том, что идея сложилась в творческом сознании поэта в процессе углубленного изучения русской истории, вызванного работой над переводом «Слова о полку Игореве». Достоевский принял некоторое участие в становлении ключевых особенностей содержания и принципов художественного воплощения рассказов, но не столь прямо, как идейный вдохновитель, а опосредованно, как друг, собеседник и единомышленник, с которым Майков привык в частых встречах делиться подробностями собственных творческих поисков и мыслями, касающимися злободневных проблем русской общественной жизни тех лет, среди которых вопрос самобытности русской истории и отношений России и Европы был одним из важнейших.

Ключевые слова: А.Н. Майков, «Рассказы из русской истории», Ф.М. Достоевский, эпистолярное наследие, движение авторского замысла.

Для цитирования: *Седельникова О.В., Головачева Е.А., Олейник О.П.* «Рассказы из русской истории» А.Н. Майкова: от идеи к реализации // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25). С. 198–221. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-198-221

Information about the author: Olga V. Sedelnikova, DSc in Philology, Professor, Department of Russian Language of the School of Basic Engineering Training, National Research Tomsk Polytechnic University, Lenin Avenue 30, 34050 Tomsk, Russia.

https://orcid.org/0000-0003-3727-7954

E-mail: sedelnikovaov@tpu.ru

Ekaterina A. Golovacheva, PhD in Philology, Head of Online Education Development Department, National Research Tomsk Polytechnic University, Lenin Avenue 30, 34050 Tomsk, Russia.

https://orcid.org/0000-0002-2744-8767

E-mail: eagolovacheva@tpu.ru

Oksana P. Olejnik, Postgraduate Student, Department of Russian Language, National Research Tomsk Polytechnic University, Lenin Avenue 30, 34050 Tomsk, Russia.

E-mail: oksana408@yandex.ru

Acknowledgments: The study was carried out at National Research Tomsk Polytechnic University with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF) (RSF project No. 23-28-01497, https://rscf.ru/project/23-28-01497/)

Abstract: The article analyses the formation and development of the idea of the unfinished prose cycle *Tales from Russian History* by Apollon Maykov. The most important source of information about this part of the poet's creative biography is considered his correspondence with Fyodor Dostoevsky, where the prerequisites for the origin of the cycle idea and the stages of its formation are revealed. One of the most expressive novelist's letters to his friend is devoted to the discussion of the general idea of the cycle and its plots. It contains a conceptual reflection on the poem "as a precious stone, a diamond, in the poet's soul" and highlights the most significant events in Russian history, according to the writer's understanding. The plots of individual stories expressively described there by Dostoevsky originated the assumption that the writer was the author of the cycle concept and inspired Maykov to create it. However, a chronological analysis of the correspondence between Maykov and Dostoevsky in 1867–1869 allows us to gather and sequentially arrange facts reflecting the process of gradual development and final formation of the idea in the poet's creative consciousness. It leads to the conclusion that the idea was formed in Maykov's creative consciousness during an in-depth study of Russian history, prompted by his work on the translation of *The Tale of Igor's Campaign*. Dostoevsky took some part in shaping the key features of the content and the principles of the artistic form of the tales. He was not directly involved as the ideological inspirer. He participated as a friend, an interlocutor, and like-minded person, with whom Maykov shared the details of his own creative search and thoughts on pressing issues of Russian social life at that time, among which questions about the originality and identity of Russian history, and the relations between Russia and Europe were some of the most important.

Keywords: Apollon Maykov, *Tales from Russian History*, Fyodor Dostoevsky, epistolary heritage, the development of the author's intention.

For citation: Sedelnikova, O.V., Golovacheva, E.A., Olejnik, O.P. "Apollon Maykov's *Tales from Russian History*: from Idea to Implementation." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 1 (25), 2024, pp. 198–221. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-198-221

...в этом ряде былин, ... воспроизвести, с любовью и с нашею мыслию, с самого начала, с русским взглядом — всю русскую историю, отмечая в ней те точки и пункты, в которых она, временами и местами, бы сосредоточивалась и выражалась вся, вдруг, во всем своем целом.

Ф.М. Достоевский

[*Достоевский, 1972–1990, т. 29$_1$, с. 39*].

Прозаический цикл «Рассказы из русской истории» (1869) занимает значительное место в творческом развитии А.Н. Майкова. Он стал результатом многолетних раздумий поэта о своеобразии истории родной страны и ее особом положении среди государств Европы. Несмотря на это, цикл остается практически не введенным в научный оборот, неизвестным как широкому кругу читателей, так и специалистам по истории русской литературы середины XIX века. Задачей настоящей статьи станет реконструкция фактов, отражающих процесс формирования идеи цикла исторических рассказов: общей концепции, проработки художественных принципов изображения, содержания отдельных рассказов и формы их воплощения. Данный материал до сих пор не становился предметом изучения, хотя движение этой идеи последовательно представлено в переписке поэта с Ф.М. Достоевским 1867–1869 годов, когда романист находился в вынужденном путешествии по Европе, а Майков, по сложившейся между друзьями привычке, делился в письмах всем, что составляло содержание их повседневного общения: подробностями собственных творческих поисков, мыслями по поводу фактов текущей действительности, пониманием злободневных проблем русской общественной жизни тех лет и размышлениями об их причинах и способах их преодоления[1]. Основным материалом исследования является опубликованная ранее переписка Майкова с Достоевским[2]: сообщаемые в ней детали движения творческой мысли поэта данного периода выстроены в хронологической по-

[1] О характере и содержании общения Майкова и Достоевского см.: [Гачева, 2004, с. 569–637], [Ашимбаева, 2005, с. 91–93, 98 и др.], [Седельникова, 2006].

[2] В процессе исследования привлекались все публикации писем А.Н. Майкова, как печатные [Майков, 1924], [Майков, 1984], [Майков, 2005], так и электронные [Эпистолярное наследие Ф.М. Достоевского и его корреспондентов].

следовательности и дополнены в процессе изучения фактами из других печатных и архивных источников.

Интерес к истории был важнейшим вектором творческого развития А.Н. Майкова [Ляпина, 1986], [Прокофьева, 2005, с. 153–160][3]. Как отмечал поэт в автобиографии, значительную веху в процессе его становления в доуниверситетский период составило увлеченное изучение трудов представителей школы новой французской историографии[4]. Он серьезно интересовался также русской и славянской историей: диссертация, написанная им в университете, была основана на изучении впервые вводимых в научный оборот важных источников славянского права[5]. В дневнике поэта 1842–1843 годов, характеризующем этап его творческого становления, обращение к переосмыслению исторических событий, связанных с осматриваемыми памятниками архитектуры Парижа и Рима, определяет содержание записей и направление творческих поисков их автора. Об этом красноречиво свидетельствуют как привлекающие внимание Майкова факты, так и характер их художественного переосмысления в таких важнейших в контексте дневникового целого записях, как заметка о Сен-Дени [Майков, 2013, с. 23–26], описание Колизея [Майков, 2013, с. 74–76], переводы фрагментов «Аналлов» Тацита [Майков, 2013, с. 85–87, 101–105, 107–115] или фрагмента из драмы Никколини «Антонио Фоскарини» [Майков, 2013, с. 123–129]. В последующие годы события русской и европейской истории и культуры составляли содержание и задавали направление эстетических экспериментов в важнейших произведениях Майкова, которые определили его место в истории русской литературы («Савонаролла», «Клермонтский собор», «Странник», «Стрелецкое сказание о царевне Софье Алексеевне», перевод «Слова о полку Игореве», «Два мира» и др.).

Среди указанных произведений названный цикл рассказов о русской истории является одним из белых пятен в наследии поэта, хотя его этапный характер и особое значение подчеркнуты уже в столь важном сегменте эпистолярия Майкова, как пере-

[3] О раннем интересе Майкова к русской истории см.: письмо А.Н. Майкова к П.А. Висковатову [Бельчиков, 1971, с. 267]. На утверждение пристального внимания юного Майкова к русской истории оказывали влияния занятия В.А. Солоницина, руководившего домашним образованием Ап. и Вал. Майковых [Седельникова, 2006, с. 77–78].

[4] Майков А.Н. Письма А.В. Гербелю 1863–1873 гг. // РНБ. Ф. № 179. № 68. Л. 5 об.

[5] РНБ. Ф. № 179. № 68. Л. 6-6 об.

писка с Ф.М. Достоевским. Лишившись личного общения после вынужденного отъезда Достоевского за границу весной 1867 года, в каждом письме друг другу они настойчиво сетуют на отсутствие возможности обсуждения в беседе с глазу на глаз важнейших вопросов общественной жизни и творческих планов. Уже в первых письмах Майкова к Достоевскому 1867 года эта тема обозначается очень отчетливо: «Трудно мне писать Вам, потому что привык ежедневно видеться и осмысливать в беседе каждое явление дня, мира внутреннего и внешнего» [Майков, 1867а]. «Очень бы желал побежать побеседовать с вами — да вы далеко! И пойти не к кому. Иногда, видите, не то чтоб сказать хотелось что-нибудь особенное, а так как будто музыки послушать, — послушать строю душевного сочувственного человека. Послушаешь и оживишься и ободришься» [Майков, 2005, с. 106]. Эта потребность не затихает со временем, но как будто нарастает к концу пребывания Достоевского за границей.

Достоевский же с воодушевлением встречает все произведения Майкова, посвященные событиям русской истории, давая высокую оценку и поэме «Странник» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_2, с. 170–171], и «Стрелецкому сказанию о царевне Софье Алексеевне» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_2, с. 259]. Переписка с Достоевским становится важнейшим источником информации о творческих планах поэта этой поры. Она представляет и основные сведения об истории создания цикла исторических рассказов.

Обращение к новой идее, не совсем типичной, на первый взгляд, в наследии Майкова, имеет ряд предпосылок. Очевидно, что формирование замысла связано с увлеченной работой поэта над переводом «Слова о полку Игореве», которая проходила в 1866–1869 годы [Ямпольский, 1976, с. 334–335]. Так, 3 ноября 1867 года поэт сообщал Достоевскому важные детали реализации этого проекта: «Я все перечитываю бездну книг для Сл<ова> о Полку Игореве, пишу введение к нему, хочется чтоб было хорошо, т. е. несрамно со стороны научной. Кому читал — нравится: сочинил биографию певца — вот как! По одним источникам — по живости непосредственного впечатления и рассмотрению его современников, к какому поколению он принадлежал? Согласитесь, что это по крайней мере ново. Вообще мне хочется, чтоб это был мой маленький monumentum, приложения на “алтарь отечества”. Потому и не тороплюсь печатать и, не отходя от стола работаю» [Майков, 1867б].

Достоевский ждал публикацию перевода. В письме от 18 февраля 1868 года он спрашивал: «Но что-же, что же наконец “Слово о Полку Игореве” — вы не пишете где оно будет? Вероятно, в “Русском Вестнике”. В таком случае я прочту его! Можете представить, с каким нетерпением жду. Кроме чтения, о котором Вы упоминали — не читали-ли Вы где его в Публике?» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_2, с. 259].

Предпосылки для обдумывания Майковым идеи цикла связаны с осмыслением проблемы отношений между Россией и Европой, которая составляет одну из важнейших содержательных линий в переписке поэта с Достоевским. Так, 7 марта 1868 года Майков писал другу: «Господи! Когда-то у нас напишется и введется учебник истории, где бы средняя история так была изложена: распространение христианства. Образование новых государств. Центр всей истории — церковь. Засимъ *Фотий* и разделъ Европы на восточную и западную. Борьба их. Азия с Татарами и Турками помогает Западу. Коварное поведение Запада: помогу, лишь покорись нам. Слабость и падение востока. Возрождение его с громов полтавских: общеславянское значение Петра и рост России. Колебание весов: мы теперь в периоде самой роковой схватки. Вот программа моя в нескольких чертах — поймите и дополните» [Майков, 1868]. Содержание фрагмента письма свидетельствует о том, что предпосылки формирования идеи цикла рассказов Майкова о русской истории связаны с осмыслением особенностей мировоззрения большинства образованных представителей русского общества, тяготеющих к западничеству и не понимающих специфики национальной истории и истории отношений России и Европы, основанных на непримиримом противостоянии православия и католицизма. В данном отрывке особенно важно высказанное поэтом понимание острой потребности в написании учебника истории без изложения собственных творческих планов по решению поставленной проблемы. В нем уже со всей ясностью обозначены просветительское начало и основная идея будущего цикла, состоящая в изображении того, как Россия обрела и реализовала собственный духовно-исторический путь в постоянном противоборстве с папской Европой и языческой Азией. Важнейшим становится здесь указание на политические основы этого противостояния и откровенную сделку Запада с иноверцами ради достижения собственных целей.

В письмах Достоевскому получают проработку и важнейшие художественные принципы изображения исторических событий

в будущем цикле, замысел которого постепенно прорабатывается в важнейших деталях в процессе увлеченного изучения различных исторических источников. В начале апреля 1868 года поэт сообщает другу новые подробности: «Я все еще сижу за разысканиями к моей истории русской древней поэзии, которая вышла из предисловия к Слову о П<олку> Игор<еве> Тут есть все, даже Варяги. Смелых до дерзости идей много. Все смело и ново, но и ученых людей, которые поживее (я, впрочем, таким только и давал читать) очень занимает и даже пленяет. — **Главное, кажется тем, что у меня нет ни исследований, ни доказательств, а все картины, жизнь, из которых ученое положение выходит само собой**. Теперь же сижу на Варягах: Новгород — это часть славянских государств балтийских, торговавших в VI и VII веке уже, по нашим рекам, до Волги с Азией и по Днепру с Грецией. У них были флоты торговые; море кишело разбойниками славянскими и скандинавскими и датскими. В Норманах — столько же славян как и прочих. Это вся балтийская удаль. Эти торговцы у нас назывались варягами, как и теперь. Быт, устройство, расселяемость этих славян, которым другого выхода избытку народонаселения не было, как на север, все сходно с Новгородским; по падении их Новгород устоял; вот откуда деятельное, промышленное великорусское племя, противуположное сонным хохлам южной Руси. Южно-русское население, хотя и не хохлы, но в том же роде: все делают князья и дружина, народа не видать. Даже не колонизует. Как вам нравится эта идея? Призвание князей — вероятно, обыкновенный эпизод, повторялось, вероятно, и прежде, и князья какие бы ни были родом, только непременно были со славянской дружиной; впрочем, сбродной. Это отголосок каких-нибудь событий в метрополии, т. е. у балтийских Славян. Много, много идей изложилось тут — как жалею, что без вас это пишется; а работается всласть» [Майков, 2005, с. 117].

Основой для описанных изысканий послужило знакомство с многочисленными исследованиями, касающимися вопроса о происхождении восточных славян, от А.Л. Шлёцера до А.Ф. Гильфердинга, включая такие специальные сочинения, как книга П.С. Савельева «Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории» [Савельев, 1846][6]. Майков не просто последовательно излагает

[6] Круг чтения Майкова по указанному вопросу раскрывается в ряде рукописей, посвященных генезису русского народа под общим названием «О балтийских славянах»

факты, заимствованные из прочитанных сочинений современных историков, но сопоставляет их и интерпретирует, выдвигая на основании этого собственные гипотезы и реконструируя события, связанные с тем, что особенно интересовало и специалистов (например, призвание князей и интерпретация факта варяжского влияния). Так, по мысли Майкова, варяги принадлежат не германским или скандинавским племенам, но северным балтийским славянам, с которыми поэт обнаруживает много общего у жителей Великого Новгорода. Привлекает внимание и обращение к вопросу о принципах изображения исторического материала через картину и образ, который без дидактики приобретет ощутимый воспитательный потенциал. Этот аспект станет определяющим для эстетики нового замысла и будет развит в следующих письмах.

Первое прямое упоминание об идее создания цикла рассказов, включающее развернутое авторское свидетельство о деталях замысла, появляется в письме Майкова к Достоевскому от 12 апреля 1869 года, написанном после возвращения с похорон Н.Ф. Щербины[7]: «Главное, голубчик вы мой, почему я вас вспоминаю часто, это вот что. Это труд, который меня увлек до того, что только его сплю и вижу. Затеял я написать русскую историю в 10 или 12 рассказах для сельских и других первоначальных школ. Впрочем, они полезны будут и чиновникам, и светским дамам. Все у нас русские истории для этой цели — или сухи, или тенденциозны, или наконец рассчитаны, чтоб действовать на рассудочность, и разумеется не достигают цели. Я беру только капитальные эпохи, приурочивая их к известным для всех именам, и *пишу живую историю, пишу чувством и воображением, чтобы заставить почувствовать и вообразить.* Тогда только это семя прочно засевшее» [Майков, 1869а]. Характеризуя увлекший его новый замысел, поэт еще более отчетливо, нежели ранее, подчеркивает отсутствие в современных изданиях такого изложения событий русской истории, которое можно было бы использовать для народного образования[8]. В связи с новым

(Майков А.Н. О балтийских славянах // РО ИРЛИ. Ф. 168. № 16552. Л, 1, 2 об., 3 об., 4 об. и др.).

[7] Данный факт становится основанием для датировки этого не датированного автором письма.

[8] Контекстуально важной характеристикой принципов изображения исторических фактов становится высказанное в письме Достоевскому от 22 ноября 1868 года замечание Майкова о романе А.Ф. Писемского «Люди 40-х годов», где, описывая общее впечатление от произведения, поэт указывает: «Эта половина хорошо написана, есть лица прекрасные,

замыслом Майков опять вспоминает о Достоевском и потребности бесед с ним, что указывает на то, что данная проблема ими уже обсуждалась ранее и грани ее обоим участникам диалога достаточно ясны. Здесь важно упомянуть, что к теме народного образования Достоевский неоднократно обращался в творчестве и публицистике 1860-х годов. Эта проблема поставлена и осмыслена в выразительных художественных образах уже в «Записках из мертвого дома». В широком смысле проблема народного просвещения и его острой актуальности для представителей современной литературы становится одной из основных в важнейшем труде Достоевского-публициста начала 1860-х годов «Ряд статей о русской литературе». Об особой принципиальности и злободневности для писателя данного вопроса свидетельствует включение в него двух статей «Книжность и грамотность», опубликованных в 7–8 номерах журнала «Время» за 1861 год. Говоря о последних, при значимости общей постановки вопроса, деталях полемики о народности Пушкина, исчерпанности петровских реформ и т. п., важно упомянуть о том, что вторая статья непосредственно касается вопроса изданий для народного просвещения, где авторская мысль движется вокруг проекта Н.Ф. Щербины «Читальник» [Достоевский, 1972–1990, т. 19, с. 21–57], о котором Достоевский высказывает ряд существенных замечаний, выделяя его однако на общем фоне изданий для народа: «<...> умнее его проекта ничего еще у нас в этом роде и не было, сколько нам помнится» [Достоевский, 1972–1990, т. 19, с. 21]. Очевидно, что при создании этих статей Достоевский неоднократно обсуждал поднимаемые вопросы в редакционном кружке «Времени» и с близкими друзьями. И здесь важнейшим участником дискуссии становился Майков, для которого проблемы народного просвещения были актуальны с начала его творческой деятельности, поскольку один из ярких представителей старшего поколения кружка Майковых А.П. Заблоцкий-Десятовский еще в начале 1840-х годов широко интересовался вопросами народного просвещения. Он был с 1832 года редактором «Журнала министерства внутренних дел», а с 1840 года — «Журнала министерства государственных имуществ» [Большая энциклопедия, 1902, с. 441], в том числе заказывал статьи для

выработано, даже все чисто и опрятно, без цинизма. Но все это ужасно холодно-умно; это превосходно составленная докладная записка о делах такого-то с указанием причин, влиявших на развитие в герое таких-то и таких-то свойств. Вообще при отсутствии *милого*, неожиданного, вдохновенного» [Майков, 2005, с. 133].

последнего Аполлону и Валериану Майковым, а также совместно с В.Ф. Одоевским являлся автором одного из первых успешных проектов изданий книг для народа «Сельские чтения», выходивших в 1840-е годы и привлекавших внимание редакции «Современника». О том, что Аполлона Майкова еще тогда заинтересовала эта проблема, свидетельствует упоминание об издании А.П. Заблоцкого в переписке периода поездки молодого поэта в Европу — так, М.П. Заблоцкий прилагает к письму другу недавно вышедшую книжку издания [Седельникова, 2006, с. 35–37].

Другого аспекта, принципиально важного для Достоевского в контексте программных статей «Времени», Майков также касается в письме бегло: «<…> *пишу живую историю, пишу чувством и воображением, чтобы заставить почувствовать и вообразить*». Вопрос о способах художественного изображения был весьма важным для Достоевского и Майкова в связи с острой дискуссией между редакцией «Времени» и утилитаристами. И в этом плане, очевидно, Майков опять выступал ближайшим единомышленником и соратником, и к его взглядам на изображение народа и истории Достоевский относился с безусловным вниманием [Седельникова, 2012].

Далее поэт описывает другу план цикла и содержание отдельных рассказов: «Из краткого перечня некоторых рассказов вы поймете какое, в целом, громадное здание должно соорудиться в душе читателя, при представлении о России. Первый рассказ: Владимир и принятие христианства. 2) Александр Невский: нашествие татар, его страдальчество за русскую землю, или заповеданное терпение русскому народу. 3, Москва: маленький князь Ив<ан> Данилыч и беседы его с митрополитом Петром, собирание земли, Донской. 4. Взятие Царьграда Турецким султаном Магометом II, возникновение Третьего Рима (Москва), брак с Софьей, герб, упование востока, новая роль московских царей, т. е. Иван III, Василий, Иван IV — покорение магометанских царств, и требования отчины Киева и русских земель от Литвы. Во всей истории проходят два врага России: Азия и Европа, тогда олицетворяемая Папой. **Это все уже написано**. 5е будет: Троицкая Лавра, т. е. 1612 год, 6й Киев — судьбы Западной России, Богдан Хмельницкий. 7й Петр: о Петре мысль такая: апогея Москвы — Иван IV. Потом потрясение иезуитами и Польшей, Романовы — реставрация. К Петру уже возвращается Россия на ту точку, как была за несколько лет до смерти

Грозного, (т. е. до Батория) и Петр продолжает Ивана IV, который продолжает Ивана III. Завоевание Балтийского моря, и в Турецких войнах его — пробуждение православия на Балканах, где его царствование есть эра. Вот пока бы эти еще три рассказа написать и издам. 8й об Екатерине — не сформировался в идее, но думаю, что это продолжение Петра. 9. Европа проговорилась: нашествие двудесяти языков. 10, сбросила маску: крымская война. 11. Освобождение крестьян, т. е. история сословий и освоб<ождения> крестьян, характер его в восточной России и в западной — там доверие сословию, здесь вражда и следствие того польский бунт. — Трудно уместить на одной страничке всю идею. **Но из намеков вы поймете**. Одно могу сказать — четыре рассказа, особенно 2й, 3й, и 4й написаны поэтически, и без вранья. Я уверен, что вам бы понравились. Писать ничего не могу не вообразив, оттого чтения ужас как много, пока у самого не будет ясно в голове. Вот, будь вы здесь, в этом деле вы бы мне капитальную помощь оказали, да пожалуй и сами бы написали. Что дальше то труднее, потому что до сих пор занимался я больше древней историей, т. е. русской-то. Недостаточно знаю Екатерину» [Майков, 2005, с. 142–144].

Детали этого проекта были понятны Достоевскому с первого взгляда: интересуясь произведениями Майкова, писатель вряд ли не касался вопроса о ключевых фактах русской истории в разговорах с другом. На справедливость такого заключения указывает ряд деталей знаменитого письма из Флоренции от 15 / 27 мая 1869 года. В нем, воодушевившись присланным Майковым подробным описанием нового замысла, романист изложил другу свою идею, которая «родилась-то <...> нераздельно с образом Вашим *как поэта*» [Достоевский, 1972–1990, т. 29_1, с 38], т. е., опираясь на былое общение и отталкиваясь от его содержания. Замысел Достоевского обнаруживает ряд прямых перекличек с концепцией, изложенной Майковым. Это дало основания для предположения о том, что сама идея создания цикла произведений о ключевых событиях русской истории принадлежала Достоевскому, который побудил друга заняться ее осуществлением [Ашимбаева, 2005, с. 142–143], [Захарова, 2015]. Однако, как показывает хронология упоминаний Майкова обо всем, что связано с темой русской истории и постепенным вызреванием замысла в процессе работы над переводом «Слова о полку Игореве» в его письмах, последовательность здесь обратная. Получив в апреле 1869 года письмо Майкова с описанием концеп-

ции рассказов из русской истории, работа над которыми поглотила поэта целиком, Достоевский искренне удивился и обрадовался тому, что его корреспондент уже начал эту работу и так зажегся ей в то время, как он сам столько думал об этом («я их в уме тогда сочинил и долго потом сочинял»): «Видите-ли: прочтя в Вашем письме о том, что Вы пишете эти баллады, я страшно удивился тому: как это нам, так долго разлученным, пришла одна и та же мысль, одной и той-же поэмы?» [Достоевский, 1972–1990, т. 29_1, с. 39, 41].

Единственное принципиальное различие между сходными идеями друзей проявилось в том, что Майков писал рассказы прозой, стилизуя сказовую форму. Достоевский же уже в начале письма из Флоренции предлагал создать «ряд былин» «в увлекательных, обаятельных стихах, — в таких стихах, которые сами по себе, безо всякого усилия, наизусть заучиваются — что всегда бывает с глубокими и прелестными стихами», и настойчиво вернулся к этой мыли после описания сюжетов, особенно подчеркивая, что писать «рифмой, а не старым русским размером» [Достоевский, 1972–1990, т. 29_1, с. 39, 42]. Писатель обосновал свое понимание необходимости такой формы следующим образом: «Это важно: *теперь рифма — народна, а старый русский размер — академизм*. Ни одно сочинение белыми стихами наизусть не заучивается. Народ уже не сочиняет песен прежним размером, а сочиняет в рифмах. Если не будет рифмы (и не будет почаще хорея) — право, Вы дело погубите. Можете надо мной смеяться, но я правду говорю! Грубую правду!» [Достоевский, 1972–1990, т. 29_1, с. 42]. Очевидно, участники переписки исходят в выборе формы воплощения исторических сюжетов из разных принципов: Майков ориентируется на доверительную интонацию народных преданий об историческом прошлом, последовательно стилизуемую им в текстах, а Достоевский говорит о необходимости рифмы, которая позволит заучить «баллады» наизусть.

Таким образом, переписка Майкова с Достоевским дает основания для реконструкции истории формирования замысла цикла рассказов из русской истории как важного факта творческой биографии поэта, который постепенно вызревал в процессе работы над переводом «Слова о полку Игореве» и постоянного осмысления фактов текущей российской жизни. Непосредственную реализацию новой идеи Майков начал не позднее середины — второй половины 1868 года, о чем свидетельствует процитированное выше письмо от 12 апреля 1869 года, в котором поэт сообщал, что уже подготовил

4 первых рассказа, освещавших важнейшие события от начала русского государства до завоеваний Ивана IV. Сохранившиеся в архиве поэта рукописи этих произведений, включающие и полные тексты или их значительные фрагменты, и наброски с многочисленными слоями правки, отражают процесс работы над сюжетами и показывают, что написание рассказов не было спонтанным и краткосрочным. Поэт детально обдумывал исторические подробности и включал в окончательный текст далеко не все из того, что возникало в процессе работы[9].

Первым в № 5 журнала «Заря» за 1869 год поэт напечатал третий рассказ из описанных Достоевскому. В окончательном варианте он получили название «О святых московских митрополитах Петре и Алексии и о славном Мамаевом побоище» [Майков, 1869б]. Зная щепетильное отношение Майкова к подготовке собственных произведений к изданию, можно предположить, что первые 2 рассказа (о крещении Руси и об Александре Невском) он посчитал недостаточно готовыми к тому моменту, поэтому отложил их публикацию. Далее в № 8 «Зари» за 1869 год поэт опубликовал четвертый из перечисленных им в письме Достоевскому рассказ «Начало восточного вопроса». Он представляет собой цикл в цикле, разделяясь внутри на 4 части с самостоятельными сюжетными линиями и названиями: первый — «Взятие турками Константинополя», второй — «Москва — Третий Рим», третий — «Царь Иван Васильевич Грозный. Покорение Казани и Астрахани», четвертый — «Завоевание Сибири» [Майков, 1869в].

Публикации других запланированных текстов обнаружить не удалось. Видимо, более ни один из рассказов не прошел самоцензуру, поскольку в итоговом четырехтомном «Полном собрании сочинений Майкова», составлением которого поэт занимался лично в конце жизни, также размещены только два названных рассказа

[9] В архиве Майкова, хранящемся в Отделе рукописей ИРЛИ РАН, сохранились следующие рукописи, имеющие отношение к работе над историческими рассказами: Майков А.Н. Программа рассказов по русской истории (РО ИРЛИ. 16540); Майков А.Н. План рассказов по русской истории (РО ИРЛИ. 16541); Ливонская война (РО ИРЛИ. 16550); Майков А.Н. О святых московских митрополитах Петре и Алексии и о славном Мамаевом побоище (РО ИРЛИ. 16548); Майков А.Н. Взятие турками Константинополя (РО ИРЛИ. 16545); Майков А.Н. Взятие турками Константинополя (РО ИРЛИ.16546); Майков А.Н. О завоевании Сибири (РО ИРЛИ. 16549); Майков А.Н. О начале государства в России (РО ИРЛИ. 16551); Майков А.Н. О Святом благоверном князе Александре Невском (РО ИРЛИ. 16553) и др. Они будут описаны и изучены в процессе работы над проектом.

[Майков, 1914, т. 4, с. 302–343]. Также обнаружено множество изданий этих двух рассказов отдельными книжками небольшого формата, напечатанными с 1872 по 1914 годы «Постоянной комиссией по организации народных чтений».

Итак, к моменту написания Достоевским знаменитого письма из Флоренции Майков уже создал первые рассказы и рукопись одного из них уже передал в редакцию журнала «Заря». Тем интереснее обратиться к краткой характеристике сюжетов и эстетических особенностей рассказов Майкова и сопоставить их с идеей Достоевского. Содержание первого из опубликованных рассказов не получило аналогии в упомянутом выше письме романиста.

Особенности сюжета и повествовательного времени рассказа, вводимые в текст символические детали и другие приемы обобщенного художественного изображения исторических фактов позволяют Майкову создать произведение, в котором правда исторического документа воплощена, по формуле Достоевского, «не как простая летопись, нет, а как сердечная поэма, даже без строгой передачи факта (но только с чрезвычайною ясностию)», выражая трепетную любовь к родной земле и радение за ее благополучие, «как можно *наивнее*, чтобы одна любовь к России била горячим ключом» [Достоевский, 1972–1990, т. 29_1, с. 39]. Этот факт, очевидно, не может быть элементарным совпадением, но является следствием выработанной долгими беседами близости Майкова и Достоевского в понимании ключевых событий русской истории и принципов их художественного воспроизведения, того органического взаимопонимания с полуслова, которое сложилось между ними в результате ежедневных бесед, о которых оба вспоминали в письмах с особым трепетом [Майков, 2005, с. 132–133, 138–139], [Достоевский, 1972–1990, т. 28_2, с. 203–204, 257–258, 327–328, т. 29_1, с. 38 и др.].

Сюжет первых двух частей второго рассказа «Взятие турками Константинополя» и «Москва — Третий Рим», напротив, обнаруживают удивительное сходство с замыслом Достоевского, который вдохновенно описал его: «<...> в третьей или в четвертой былине (я их все в уме тогда сочинил и долго потом сочинял) у меня вышло взятие Магометом 2^мъ^ Константинополя (и это прямо и невольно явилось как былина *из Русской истории*, сама собою и без намерения; потом я сам подивился: как, без всякого

сомнения и даже без обдумывания и без сознания, у меня так пришлось, что, взятие Константинополя, я причел прямо к *Русской истории* не усумнившись нимало). Вся эта катастрофа в наивном и сжатом рассказе: турки облегли Царьград тесно; последняя ночь перед приступом, который был на заре; последний Император, ходит по дворцу — ("Король ходит большими шагами") идет молиться образу Влахернской Божией Матери; Молитва; приступ, бой; Султан с окровавленной саблей въезжает в Константинополь. Труп последнего Императора отыскивают по приказанию султана в куче убитых, узнают по орлам вышитым на сапожках, Святая София, дрожащий Патриарх, последняя обедня, Султан не слезая с коня, скачет по ступеням в самый храм (historique), доскакав до средины храма останавливает коня в смущении, задумчиво и с смятением озирается и выговаривает слова: "Вот дом для молитвы Аллаху!" За тем выбрасывают иконы, престол, ломают алтарь, становят мечеть, труп Императора хоронят, а в Русском царстве, последняя из Палеологов является с двуглавым орлом вместо приданого; русская свадьба, Князь Иван III в своей деревянной избе вместо дворца, и в эту деревянную избу переходит великая идея о всеправославном значении России и полагается первой камень о будущем главенстве на Востоке, расширяется круг Русской будущности, полагается мысль, не только великого государства, но и целого нового мира, которому суждено обновить христианство, всеславянской православной идеей и внести в человечество новую мысль, когда загниет Запад, а загниет он тогда, когда папа исказит Христа окончательно и тем зародит атеизм в опоганившемся западном человечестве» [Достоевский, 1972–1990, т. 29_1, с. 39–40].

Событийные доминанты рассказов, вошедших в цикл «Начало Восточного вопроса», во многих деталях совпадают с тем, что описал в своем письме Достоевский. В первом из них — «Взятие турками Константинополя» — повествователь ведет рассказ об осаде города войсками султана, о молитве императора и его решении сложить голову в борьбе с иноверцами, о взятии и разрушении православной столицы, об отыскании тела погибшего императора по декору на обуви. Майков включает в сюжет и вход султана в храм Святой Софии и решение устроить в нем мечеть во славу Аллаха. В рассказе с говорящим названием «Москва — Третий Рим» воспроизведены важнейшие детали, которые показывают закономерность

этого тезиса: женитьба Ивана III на греческой принцессе, которая в качестве приданного принесла герб Византии с двуглавым орлом и ряд святынь. Эти события дали надежду на сохранение православных ценностей и подчеркнули символическую роль России как оплота православия и защитницы православных народов, возлагая на русское государство и особую миссию. Детали процитированного выше письма, в том числе выразительно описанные Достоевским сюжеты отдельных рассказов породили предположение о том, что писатель выступил автором концепции цикла и вдохновил Майкова на его создание [Ашимбаева, 2005, с. 142–143], [Захарова, 2015]. Рассмотренные нами этапы постепенного формирования идеи цикла в творческом сознании Майкова и собственное свидетельство поэта о том, что рассказ уже написан, представленное им в письме другу от 12 апреля 1869 года, позволяет с уверенностью говорить о том, что идеи Майкова и Достоевского во многом совпадают, однако у участников переписки в настоящий момент они воплотились в деталях независимо от прямого влияния друг друга. Достоевский принимал некоторое участие в оформлении ключевых особенностей содержания и художественной формы рассказов, но не столь прямо, как идейный вдохновитель, а опосредованно, как друг, собеседник и единомышленник, с которым Майков привык в частых встречах делиться подробностями собственных творческих поисков и мыслями, касающимися злободневных проблем русской общественной жизни тех лет, среди которых вопрос самобытности русской истории и отношений России и Европы, как известно, был одним из важнейших.

Критерием, как будто говорящим в пользу версии о том, что Майков мог опираться на идею Достоевского при создании второго рассказа, могло бы явиться то, что рассказ «Начало восточного вопроса» вышел в 8 номере «Зари» за 1869 год [Майков, 1869в]. Однако здесь следует учесть летний уклад, которому Майков оставался верен на протяжении всей жизни: лето семья проводила на даче, где Майков — заядлый рыбак — отдавался сполна своему увлечению. Лето 1869 года не было исключением. В ответ на полученное, вероятно, в июне, цитируемое выше знаменитое письмо Достоевского из Флоренции Майков пишет другу 7 августа 1869 года: «Милейший, драгоценнейший друг Федор Михайлович! Не распространяюсь о том, как мне любезно и дорого Ваше последнее письмо. Не отвечал на оное только потому

что теперь лето, и я живу на даче, и уже писать не могу; лучший опыт — это письма к Вам. И в прежние годы, и теперь, сбираюсь, но — рыбная ловля, жар, дождь, лес — и не могу, страдаю, но знаю что дело кончится само собою, т. е. как перееду в город, то и буду жить головою, ergo и писать, и первое, напишу к вам» [Майков, 1869а]. Таким образом, очевидно, что текст рассказа «Начало восточного вопроса», включающий два сюжета, детали которых в подробностях воспроизводятся в письме Достоевского Майкову, не только написан, но и передан в редакцию «Зари» до получения этого письма.

Не вызывает сомнения, что круг вопросов, организующих сюжет рассказа Майкова и вдохновенного изложения сходного сюжета у Достоевского, неоднократно обсуждался участниками переписки значительно ранее, вероятнее всего, уже во второй половине 1840-х годов. Косвенным указанием на это становится то, что детали Восточного вопроса и судьбы славянских народов остро интересовали Майкова и его окружение с начала 1840-х годов, о чем свидетельствуют документы архива поэта. Близким другом А.Н. Майкова с юности был М.П. Заблоцкий-Десятовский, который осенью 1842 года готовился выехать на службу в Сербию и живо интересовался всеми событиями, происходящими на славянском Востоке. В переписке Майкова с Заблоцким 1842 года фигурирует имя Шафарика, который оказал существенное влияние на содержание понятия «Восточный вопрос» в сознании Майкова в этот период, еще до непосредственного знакомства с чешским ученым в 1844 году [Златковский, 1898, с. 27]. Это подтверждает содержание писем Заблоцкого находящемуся в Париже Майкову: «Кстати о Славянщине. Я приобрел [нрзб.] Шафарика (твоего, кажется, любимца)»[10]. Концепция чешского историка неоднократно упоминается в переписке Майкова с М.П. Заблоцким, который обращается к вопросу о роли России в освобождении славянских народов от турецкого ига. Письма Заблоцкого Майкову 1842–1843 годов свидетельствуют о желании последнего осмыслить роль России в европейском историческом процессе. Так, 3 октября 1842 года, говоря о подготовке к служебной поездке в Сербию, Заблоцкий с восторгом пишет: «Желая познакомиться с отношением Турции к славянским народам, я стал вычитывать одно сочинение о Турции (одного англичанина,

[10] Заблоцкий-Десятовский М.П. Письма к А.Н. Майкову 1842–1843 и 1854–1856 годов // РО ИРЛИ. Ф. 168. № 16797. Л. 2 об.

бывшего секретарем при Англ<ийском> посольстве в Константинополе). Если бы ты знал, душа моя, с каким восторгом прочел я следующие слова иностранца об России; я так полон восторга, произведенного ими во мне, что не могу не передать их тебе. Вот что говорит он о том, что сделала Россия по отнош<ению> к Турции: “Именно России принадлежит заслуга если не уничтожить, то по меньшей мере приручить оттоманскую гордость, которая является корнем всех зол империи; ей принадлежит и слава освобождения старинных племен (rayas); она это сделала, подтолкнув на восстание Грецию и Сербию, взяв под свою защиту Молдавию и Валахию, предоставив поддержку своим штандартом греческому морскому флоту <…>, создавая после каждой победы новые преимущества для утверждения Христианской веры. Произведенное освобождение будет всегда такой страницей в истории России, и если несколько ригористов жаловались, что оно было продиктовано корыстными мотивами, им можно ответить, что личная цель, движущая Россией, была совершенно оправдана <…> (перевод с французского, автор не установлен)”. Вот и стали мы содействовать мировым интересам»[11].

В середине 1850-х годов усилению внимания Майкова к содержанию понятия «Восточный вопрос» и судьбе славянских народов еще более способствовали события Крымской войны. Детали этой проблемы обусловили содержание поэмы «Клермонтский сбор», вызвавшей горячий отклик Достоевского [Седельникова, 2006, с. 246–254]. Чуть позже интерес к этому кругу проблем усиливает участие Майкова в экспедиции в Грецию на корвете «Баян», состоявшейся в 1858 году. То есть к возвращению Достоевского из ссылки Майков вновь обратился к глубокому переосмыслению проблемы, актуализированной в названии рассказа «Начало восточного вопроса».

В других частях указанного цикла в цикле Майков обращается к осмыслению ключевых этапов, способствовавших углублению и определенному решению Восточного вопроса: в третьем рассказе описано состояние России при начале царствования Ивана Грозного, который смог воодушевиться православными ценностями под предводительством мудрого патриарха вопреки давлению бояр, навел порядок в стране и расширил ее пределы, начав искупительную борьбу с иноверцами у границ России. В четвертом рассказе «Поко-

[11] РО ИРЛИ. Ф. 168. № 16797. Л. 2–3 об.

рение Сибири» автор воспроизводит один из сюжетов колониальной истории России, связанный с покорением Сибири и деятельностью Ермака. Упоминание имени Ермака в письме Достоевского из Флоренции указывает на вопрос Майкова, заданный в не сохранившемся письме конца 1868 — начала 1869 года, когда поэт вел работу над этим текстом и обдумывал сюжет рассказа о духовном возрождении вольного казака под воздействием православной идеи и «русского чувства» послужить родной земле и искупить свои грехи, обрести смысл жизни. И вновь Достоевский, как и в сюжете о взятии Константинополя, улавливает ключевую проблему, привлекающую друга в этом образе и размышляет фактически в унисон с Майковым: «Об Ермаке же ничего Вам сказать не могу; Вы, конечно, лучше знаете. По-моему, сначала казачье — удальство — бродяжничество и разбой. Потом уже указывается гениальный человек под бараньим тулупом; угадывает колоссальность дела и будущее значение его, но уже тогда, когда почти все дело пошло на лад и удачно обделалось. Тут рождается русское *чувство*, православное чувство единения с русским корнем (даже непосредственное, может быть, чувство вроде тоски), — а из того выходит посольство и челобитье великому государю, выражающее в понятиях народа вполне русский народ» [Достоевский, 1972–1990, т. 29_1, с. 42].

Вероятно, сходство в понимании сути образа Ермака в сюжете рассказа Майкова и размышлениях Достоевского является следствием их значительного единодушия в трактовке характера русского человека, который, очевидно, неоднократно обсуждался ими и в связи с творческими поисками Достоевского, включая весь круг произведений, опубликованных им до начала работы над Великим Пятикнижием, и в связи с произведениями Майкова, который в 1860-е годы все настойчивее обращался к осмыслению знаковых фактов русской истории. Достаточно вспомнить тут тот восторг, который вызвали у Достоевского драматическая сцена «Странник» и «Стрелецкое сказание о царевне Софье Алексеевне», о чем уже упоминалось выше.

Таким образом, детали эпистолярного диалога Майкова и Достоевского 1867–1869 годов, дающие ценнейший материал для изучения жизни и творчества обоих участников переписки, позволяют реконструировать некоторые существенные моменты истории формирования и движения замысла важного сегмента творческого наследия Майкова и создают канву для изучения

корпуса рукописей поэта, связанных с его работой над циклом «Рассказы из русской истории», которые до настоящего момента не введены в научный оборот и не описаны. Уже рассмотрение последовательности фактов развертывания этой истории в их переписке позволяет с уверенностью говорить о том, что идея цикла созрела в творческом сознании Майкова независимо от влияния находившегося далеко от него Достоевского. Удивительная же близость обоих художников в выделении ключевых событий русской истории и доминантах их нравственно-философского и эстетического осмысления свидетельствует о том, что весь этот круг вопросов был предметом постоянного доверительного общения Майкова с Достоевским от возвращения последнего из ссылки до вынужденного отъезда за границу в апреле 1867 года.

Список литературы

1. Ашимбаева, 2005 – *Ашимбаева Н.Т.* А. Майков. Письма к Достоевскому 1867–1878 // *Ашимбаева Н.Т.* Достоевский. Контекст творчества и времени. СПб.: Серебряный век, 2005. С. 91–101.
2. Бельчиков, 1971 – *Бельчиков Н.Ф.* Достоевский в процессе петрашевцев. М.: Наука, 1971. 294 с.
3. Большая энциклопедия, 1902 – Большая энциклопедия: Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания: в 20 т. / под ред. С.Н. Южакова. СПб.: Просвещение, 1902. Т. 10. 794 с.
4. Гачева, 2004 – *Гачева А.Г.* «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется...» (Достоевский и Тютчев). М.: ИМЛИ РАН, 2004. 640 с.
5. Захарова, 2015 – *Захарова О.В.* Концепция былины у Ф.М. Достоевского// Проблемы исторической поэтики. 2015. Вып. 13. С. 271–286. https://doi.org/10.15393/j9.art.2015.3444
6. Златковский, 1898 – *Златковский М.Л.* А.Н. Майков. 1821–1897 г.: Биографический очерк. 2-е изд. зн. доп. СПб.: тип. П.П. Сойкина, 1898. 122 с.
7. Ляпина, 1986 – *Ляпина Е.И.* Исторические впечатления Майкова в стихах и прозе // Жанрово-стилевое взаимодействие лирики и эпоса в русской литературе XVIII–XIX веков. М.: Изд-во МОПИ, 1986. С. 124–141.
8. Майков, 1867а – *Майков* А.Н. Письмо к Ф.М. Достоевскому <май 1867> // Эпистолярное наследие Ф.М. Достоевского и его корреспондентов. URL: https://philolog.petrsu.ru/fmdost/letters/majkan/otMajkov~051867.htm (дата обращения: 15.04.2022).
9. Майков, 1867б – *Майков А.Н.* Письмо к Ф.М. Достоевскому 3 ноября <1867> // Эпистолярное наследие Ф.М. Достоевского и его корреспондентов. URL: https://philolog.petrsu.ru/fmdost/letters/majkan/otMajkov~03111867.htm (дата обращения: 15.04.2022).
10. Майков, 1868 – *Майков А.Н.* Письмо к Ф.М. Достоевскому 7 марта <1868> // Эпистолярное наследие Ф.М. Достоевского и его корреспондентов. URL: https://philolog.petrsu.ru/fmdost/letters/majkan/otMajkov0803~1868.htm (дата обращения: 15.04.2022).

11. Майков, 1869а – *Майков А.Н.* Письмо к Ф.М. Достоевскому 7 августа 1869 // Эпистолярное наследие Ф.М. Достоевского и его корреспондентов. URL: https://philolog.petrsu.ru/fmdost/letters/majkan/otMajkov07081869.htm (дата обращения: 15.04.2022).

12. Майков, 1869б – *Майков А.Н.* О Святых Московских митрополитах Петре и Алексии и о славном Мамаевом побоище // Заря. 1869. № 5. С. 1-19.

13. *Майков, 1869в* – *Майков А.Н.* Начало восточного вопроса // Заря. 1869. № 8. С. 1–50.

14. Майков, 1914 – *Майков А.Н.* Полн. собр. соч.: в 4 т. / под ред. П.В. Быкова. СПб.: Изд. т-ва А.Ф. Маркс, 1914.

15. Майков, 1924 – Письма Майкова к Достоевскому за 60 гг. (сообщил Г. Прохоров) // Достоевский Ф.М. Статьи и материалы. Сб. 2. / под ред. А.С. Долинина. Л., М.: Мысль, 1924. С. 338–361.

16. Майков, 2005 – *Майков А.Н.* Письма к Достоевскому 1867–78 / публ. Н.Т. Ашимбаевой // *Ашимбаева Н.Т.* Достоевский. Контекст творчества и времени. СПб.: Серебряный век, 2005. С. 103-168.

17. Майков, 2013 – *Майков А.Н.* Путевой дневник 1842-43 гг. Итальянская проза / сост., подгот. текст., ст. и коммент. О.В. Седельниковой. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. 400 с.

18. Прокофьева, 2005 – *Прокофьева Е.Н.* А.Н. Майков // История русской литературы XIX века: в 3 ч. М.: Гуманитар, изд. центр ВЛАДОС, 2005. Ч. 3: (1870–1890 годы). Учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности 032900 «Рус. яз. и лит.» / А.П. Ауэр и др.; под ред. В.И. Коровина. С. 137–163.

19. Савельев, 1846 – *Савельев П.С.* Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб.: Тип. Военно-учебных заведений, 1846. CCXXXII и 180 с.

20. Седельникова, 2006 – *Седельникова О.В.* Ф.М. Достоевский и кружок Майковых. Томск: Изд-во ТПУ, 2006. 275 с.

21. Седельникова, 2012 – *Седельникова О.В.* В дополнение комментария к письмам Ф.М. Достоевского А.Н. Майкову (Письмо о «поэме» Достоевского и события русской история в творческом осмыслении Майкова) // Сибирский филологический журнал. 2012. № 2. С. 95–103.

22. Ямпольский, 1976 – *Ямпольский И.Г.* Из истории работы А.Н. Майкова над переводами «Слова о полку игореве» // Труды отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1976. Т. 31. С. 334–340.

References

1. Ashimbaeva, N.T. “A. Maikov. Pis’ma k Dostoevskomu 1867–1878” [“A. Maikov. Letters to Dostoevsky 1867–1878”]. Ashimbaeva, N.T. *Dostoevskii. Kontekst tvorchestva i vremeni* [*Dostoevsky. Context of Art and Epoch*]. St. Petersburg, Serebrianyi vek Publ., 2005, pp. 91–101. (In Russ.)

2. Bel’chikov, N.F. *Dostoevskii v processe petrashevtsev* [*Dostoevsky in the Petrashevsky Trial*]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 294 p. (In Russ.)

3. Iuzhakov, S.N., editor. *Bol’shaia entsiklopediia: Slovar’ obshchedostupnykh svedenii po vsem otrasliam znaniia: v 20 tomakh* [*The Great Encyclopedia: A Dictionary of Publicly Available Informa-*

tion on All Branches of Knowledge: in 20 vols], vol. 10. St. Petersburg, Prosveshchenie Publ., 1902. 794 p. (In Russ.)

4. Gacheva, A.G. *“Nam ne dano predugadat’, kak nashe slovo otzovetsia...” (Dostoevskii i Tiutchev)* [*“We Cannot Predict How Our Words Will Be Received...” (Dostoevsky and Tyutchev)*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2004. 640 p. (In Russ.)

5. Zakharova, O.V. “Kontseptsiia byliny u F.M. Dostoevskogo” [“Dostoevsky’s Conception of the Bylina”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 13, 2015, pp. 271–286. (In Russ.) https://doi.org/10.15393/j9.art.2015.3444

6. Zlatkovskii, M.L. *A.N. Maikov. 1821–1897 g.: Biograficheskii ocherk* [*Apollon Maykov. 1821–1897: A Biographical Sketch*]. 2nd Ed., revised. St. Petersburg, P.P. Soikin Publ., 1898. 122 p. (In Russ.)

7. Liapina, E.I. “Istoricheskie vpechatleniia Maikova v stikhakh i proze” [“Maykov’s Historical Impressions in Poetry and Prose”]. *Zhanrovo-stilevoe vzaimodeistvie liriki i eposa v russkoi literature XVIII–XIX vekov* [*Genre-Style Interaction of Lyrics and Epic in Russian Literature of the 18th–19th Centuries*]. Moscow, MRPI Publ., 1986, pp. 124–141. (In Russ.)

8. Maikov, A.N. “Pis’mo k F.M. Dostoevskomu <mai 1867>” [“Letter to Fyodor Dostoevsky <May 1867>”]. *Epistoliarnoe nasledie F.M. Dostoevskogo i ego korrespondentov* [*The Epistolary Legacy of Fyodor Dostoevsky and His Correspondents*]. Available at: https://philolog.petrsu.ru/fmdost/letters/majkan/otMajkov~051867.htm (Accessed 15 Apr. 2022) (In Russ.)

9. Maikov, A.N. “Pis’mo k F.M. Dostoevskomu 3 noiabria <1867>” [“Letter to Fyodor Dostoevsky November 3rd, <1867>”]. *Epistoliarnoe nasledie F.M. Dostoevskogo i ego korrespondentov* [*The Epistolary Legacy of Fyodor Dostoevsky and His Correspondents*]. Available at: https://philolog.petrsu.ru/fmdost/letters/majkan/otMajkov~03111867.htm (Accessed 15 Apr. 2022) (In Russ.)

10. Majkov, A.N. “Pis’mo k F.M. Dostoevskomu 7 marta <1868>” [“Letter to Fyodor Dostoevsky March 7th <1868>”]. *Epistoliarnoe nasledie F.M. Dostoevskogo i ego korrespondentov* [*The Epistolary Legacy of Fyodor Dostoevsky and His Correspondents*]. Available at: https://philolog.petrsu.ru/fmdost/letters/majkan/otMajkov0803~1868.htm (Accessed 15 Apr. 2022) (In Russ.)

11. Maikov, A.N. “Pis’mo k F.M. Dostoevskomu 7 avgusta 1869” [“Letter to Fyodor Dostoevsky August 7th, 1869”]. *Epistoliarnoe nasledie F.M. Dostoevskogo i ego korrespondentov* [*The Epistolary Legacy of Fyodor Dostoevsky and His Correspondents*]. Available at: https://philolog.petrsu.ru/fmdost/letters/majkan/otMajkov07081869.htm (Accessed 15 Apr. 2022) (In Russ.)

12. Maikov, A.N. “O Sviatykh Moskovskikh mitropolitakh Petre i Aleksii i o slavnom Mamaevom poboishche” [“About the Holy Moscow Metropolitans Peter and Alexius and the Glorious Battle of Mamaev”]. *Zaria*, no. 5, 1869, pp. 1–19. (In Russ.)

13. Maikov, A.N. “Nachalo vostochnogo voprosa” [“The Beginning of the Eastern Question”]. *Zaria*, no. 8, 1869, pp. 1–50. (In Russ.)

14. Maikov, A.N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 4 tomakh* [*Complete Works: in 4 vols*]. Ed. by P.V. Bykov. St. Petersburg, T-va A.F. Marks Publ., 1914. (In Russ.)

15. “Pis’ma Maikova k Dostoevskomu za 60 gg. (soobshchil G. Prokhorov)” [“Maikov’s Letters to Dostoevsky in the 1860s (Reported by G. Prokhorov)”]. Dolinin, A.S., editor. *Dostoevskii F.M. Stat’i i materialy* [*Dostoevsky F.M.: Articles and Materials*], vol. 2. Leningrad; Moscow, Mysl’ Publ., 1924, pp. 338–361. (In Russ.)

16. Maikov, A.N. “Pis’ma k Dostoevskomu 1867–78” [“Letters to Fyodor Dostoevsky 1867–1878”]. Ed. by N.T. Ashimbaeva. Ashimbaeva, N.T. *Dostoevskii. Kontekst tvorchestva i vremeni* [*Dostoevsky. Context of Art and Epoch*]. St. Petersburg, Serebrianyi vek Publ., 2005, pp. 103–168. (In Russ.)

17. Maikov, A.N. *Putevoi dnevnik 1842-43 gg. Ital’ianskaia proza* [*Travel Diary 1842–1843. Italian Prose*]. Comp., ed., comm. by O.V. Sedelnikova. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2013. 400 p.; ill. (In Russ.)

18. Prokof’eva, E.N. “A.N. Maikov” [“Apollon Maykov”]. Korovin, V.I., editor. *Istoriia russkoi literatury XIX veka: v 3 chastiakh* [*History of Russian Literature of the 19th Century: in 3 parts*], part 3: 1870–1890 gody [1870–1890]. Moscow, Gumanitar. izd. tsentr VLADOS Publ., 2005, pp. 137–163. (In Russ.)

19. Savel’ev, P.S. *Mukhammedanskaia numizmatika v otnoshenii k russkoi istorii* [*Muhammadan Numismatics in Relation to Russian History*]. St. Petersburg, tip. Voenno-uchebnyh zavedenii Publ., 1846. CCXXXII, 180 p. (In Russ.)

20. Sedel’nikova, O.V. *F.M. Dostoevskii i kruzhok Maikovykh* [*Fyodor Dostoevsky and the Maykov Circle*]. Tomsk, TPU Publ., 2006. 275 p. (In Russ.)

21. Sedel’nikova, O.V. “V dopolnenie kommentariia k pis’mam F.M. Dostoevskogo A.N. Maikovu (Pis’mo o ‘poeme’ Dostoevskogo i sobytiia russkoi istorii v tvorcheskom osmyslenii Maikova)” [“In Addition to the Commentary on Fyodor Dostoyevsky’s Letters to Apollon Maykov (The Letter on Dostoevsky’s ‘Poem’ and the Events of the Russian History as Understood Creatively by Maykov)”]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no. 2, 2012, pp. 95–103. (In Russ.)

22. Iampol’skii, I.G. “Iz istorii raboty A.N. Maikova nad perevodami ‘Slova o polku Igoreve’” [“From the History of the Work by Apollon Maykov on the Translation of *The Tale of Igor’s Campaign*”]. *Trudy otdela drevnerusskoi literatury* [*Works of the Department of Ancient Russian Literature*], vol. 31. Leningrad, Nauka Publ., 1976, pp. 334–340. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 24.11.2023
Одобрена после рецензирования: 12.01.2024
Принята к публикации: 13.01.2024
Дата публикации: 25.03.2024

The article was submitted: 24 Nov. 2023
Approved after reviewing: 12 Jan. 2024
Accepted for publication: 13 Jan. 2024
Date of publication: 25 Mar. 2024

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 1 (25), 2024.

Рецензия / Review
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2=411.2)
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-222-238
https://elibrary.ru/ZIXJOM

© 2024. Николай Подосокорский
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

Андрей Краевский — издатель Ф.М. Достоевского

© 2024. Nikolay N. Podosokorsky
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Andrey Kraevsky, Publisher of Fyodor Dostoevsky

Информация об авторе: Николай Николаевич Подосокорский, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.
https://orcid.org/0000-0001-6310-1579
E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com

Аннотация: Рецензия посвящена научной монографии историка литературы С.М. Волошиной «Власть и журналистика. Николай I, Андрей Краевский и другие» (Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022), в которой подробно и на богатом материале рассматриваются взаимоотношения российской власти и журналистики в царствование Николая I и особенности функционирования цензуры того времени. Центральное место в книге занимает фигура редактора журнала «Отечественные записки» А.А. Краевского (1810–1889), известного, в числе прочего, как издатель большинства произведений Ф.М. Достоевского 1840-х годов.

Ключевые слова: А.А. Краевский, цензура, мрачное семилетие, М.А. Корф, журнал «Отечественные записки», история журналистики, «Слабое сердце».

Для цитирования: *Подосокорский Н.Н.* Андрей Краевский — издатель Ф.М. Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25). С. 222–238. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-222-238

Information about the author: Nikolay N. Podosokorsky, PhD in Philology, Senior Researcher, Research Centre “Dostoevsky and World Culture,” A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

https://orcid.org/0000-0001-6310-1579

E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com

Abstract: The review is devoted to the monograph by literary historian Svetlana M. Voloshina *Power and Journalism. Nicholas I, Andrei Kraevsky, and Others* (Publishing House “Delo” RANEPA, 2022), where the relationship between the Russian government and journalism during the reign of Nicholas I and the peculiarities of the functioning of censorship at that time are examined in detail and with plenty of materials. A key place in the book is occupied by the figure of the editor of the journal *Otechestvennye Zapiski* A.A. Kraevsky (1810–1889), known, among other things, as the publisher of most of Dostoevsky’s works in the 1840s.

Keywords: A.A. Kraevsky, censorship, the seven dark years, M.A. Korf, the magazine “Otechestvennye Zapiski”, history of journalism, “A Weak Heart.”

For citation: Podosokorsky, N.N. “Andrey Kraevsky, Publisher of Fyodor Dostoevsky.” *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 1 (25), 2024, pp. 222–238. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-222-238

Новая научная монография историка литературы, кандидата филологических наук, старшего научного сотрудника Школы актуальных гуманитарных исследований ИОН РАНХиГС Светланы Михайловны Волошиной «Власть и журналистика. Николай I, Андрей Краевский и другие» (Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022) посвящена взаимоотношениям российской власти и журналистики 1830–1855 годов. Одной из центральных фигур бурного журналистского процесса этого периода был талантливейший редактор-издатель журнала «Отечественные записки» Андрей Александрович Краевский (1810–1889), во многом благодаря которому Ф.М. Достоевский реализовался как крупный писатель к концу 1840-х годов, ведь именно в «Отечественных записках» вышло большинство его художественных произведений раннего (докаторжного) периода творчества.

Книга Волошиной написана обстоятельно, ярко и увлекательно. Автор на материале большого числа разнообразных источников (мемуарных, журнальных, архивных и проч.)[1] создает широкую

[1] В работе С.М. Волошиной были использованы документы Российского государственного исторического архива (фондов Главного управления цензуры министерства народного просвещения, Петербургского цензурного комитета, материалов Комитета для рассмотрения действий цензуры периодических изданий

панораму интеллектуальной жизни Петербурга (и отчасти — других городов и регионов Российской империи) в николаевской царствование и рассматривает многие трагические и комические нюансы цензурной политики тех лет.

Главным проводником для погружения в эту эпоху для Волошиной стал граф Модест Андреевич Корф (1800–1876) — влиятельный царедворец, доверенное лицо Николая I, государственный секретарь (1834–1843), член Государственного совета (с 1843), директор Императорской Публичной библиотеки (1849–1861), один из ключевых членов и позднее председатель Комитета для высшего надзора за духом и направлением печатаемых в России произведений (т.н. Бутурлинского комитета, который в годы «мрачного семилетия» николаевского царствования был высшим надцензурным органом) и автор интереснейших мемуаров и дневников (весомая их часть до сих пор не опубликована, и ряд фрагментов из них впервые введен автором монографии в научный оборот), содержащих ценнейшие сведения о том, как на самом деле функционировала тогдашняя власть, в том числе, во взаимодействии с современными литераторами. Автор не скрывает своего восхищения умом и меткостью суждений Корфа и обильно цитирует его наблюдения и размышления, так что порой может создаться впечатление, что вовсе не Краевский и Николай I, а именно Корф является главным героем этой книги (во всяком случае, из определения «и другие», вынесенного в название труда, он явно выбивается).

Монография имеет четкую, хорошо продуманную структуру и создает эффект многостороннего знакомства с перипетиями журналистской деятельности и организации цензуры тех лет (зачастую наиболее уязвимыми для высочайшего начальственного гнева оказывались вовсе не писатели, критики и публицисты, а именно издатели и цензоры). Книга Волошиной не является биографией А.А. Краевского в точном смысле слова (ее содержание гораздо шире), тем не менее, значительный период жизни Краевского с его рождения и до конца правления Николая I в ней освещен в подробностях и рассмотрен в богатом историко-культурном контексте[2].

под председательством А.С. Меншикова, Комитета 2 апреля и других); документы Государственного архива Российской Федерации и др.

2 Ранее С.М. Волошина уже зарекомендовала себя в биографическом жанре. В 2016 году из-под ее пера вышла интереснейшая биография поэта и публициста Николая Платоновича Огарева (1813–1877), ближайшего друга А.И. Герцена и одного

Илл. 1. Андрей Александрович Краевский. Фотограф: Г.И. Деньер. 1871
Fig. 1. Andrey A. Kraevsky. Photographer: G.I. Denyer. 1871

Это тем более ценно, что фигуре Краевского было посвящено

из авторов «Отечественных записок» Краевского. В ней она, в частности, отмечает: «В письмах и рассуждениях Огарев нередко поразительным образом приближается к психологическому портрету “положительно прекрасного” героя Ф.М. Достоевского, князя Мышкина (который, надо заметить, походил на Огарева и в физических проявлениях — например, эпилепсии). Кротость, мягкость характера, христианские идеалы, сострадание, несовместимость со “светом” — по крайней мере, в молодые годы совпадений немало. При всей сомнительности подобных параллелей Огарёв нередко кажется “прототипом” “князя Христова”; порой внутренняя речь этих лиц взаимозаменяема. Так, анализируя скрытые мысли и побуждения, Огарёв пишет: “Если бы все, что мы думаем, тут же печаталось, то каждый человек был бы достоин каторги... Да спроси любого человека, если он стремился к чему-нибудь и перед ним вставало живое препятствие с костьми и кожей, кто мысленно не желал ему уничтожения? Кто мысленно не был убийцей? <...>”» [Волошина, 2016, с. 94].

относительно немного публикаций — книги В.И. Кулешова «“Отечественные записки” и литература 40-х годов XIX века» [Кулешов, 1958] и Л.П. Громовой «А.А. Краевский — редактор и издатель» [Громова, 2001а]; главы в различных сборниках и обзорных трудах по литературе XIX века, а также статьи и материалы об отдельных аспектах редакторской деятельности Краевского и его отношениях с известными литераторами [Мануйлов, 1948], [Евгеньев-Максимов, 1949], [Боград, 1956], [Виноградов, 1969], [Орлов, 1971], [Виноградов, 1971], [Балакин, 2001], [Громова, 2001б], [Лукина, 2010], [Олейников, 2018], [Козлов, 2022] и др.

Нас в данной рецензии более всего интересует сама личность Краевского как издателя «Отечественных записок» в целом и ранних произведений Достоевского в частности, поэтому мы сосредоточимся только на одной этой линии, вовсе не определяющей весь замысел автора.

Как пишет Волошина, «внебрачный сын незаконной дочери екатерининского вельможи, известного московского обер-полицеймейстера Н.П. Архарова, Краевский был дважды и потомственно незаконнорожденным» [Волошина, 2022, с. 21]. Его последующие карьерные успехи как журналиста, издателя и предпринимателя были, главным образом, обусловлены его колоссальной работоспособностью, деловой смекалкой, умением разбираться в людях и завязывать нужные связи. Журнал «Отечественные записки» Краевский издавал с 1839 по 1867 год (в 1860–1867 годы вторым редактором и фактическим руководителем журнала был С.С. Дудышкин), и при нем он стал влиятельнейшим российским периодическим изданием (в 1840-е годы тираж издания доходил до 8000 экземпляров! [Турьян, 1994, с. 126]). В письме к Ф.В. Чижову от 10 августа 1838 года Краевский обозначил миссию журнала как весьма благородную: «Я бы желал, чтобы все честное и добросовестное в науке и литературе было нашим другом и соратником» [Волошина, 2022, с. 134].

В «Отечественных записках» Краевского публиковались М.Ю. Лермонтов, В.Ф. Одоевский, В.А. Жуковский, И.С. Тургенев, П.А. Вяземский, Е.А. Баратынский, В.Г. Белинский, Н.А. Некрасов, А.В. Кольцов, В.И. Даль, Ф.М. Достоевский, И.А. Гончаров, Ф.Н. Глинка, В.А. Соллогуб, И.И. Лажечников, Е.П. Гребенка, Зенеида Р-ва (Е. Ган, мать Е. Блаватской), М.Е. Салтыков, А.А. Фет, А.Н. Майков, Я.П. Полонский, И.И. Панаев, А.И. Герцен, Н.П. Огарев,

А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, М.П. Погодин, С.П. Шевырев, М.Н. Катков, Е.П. Ростопчина, Я.К. Грот, Д.А. Милютин и многие другие. А среди многочисленных и разнообразных сотрудников журнала были и профессора Московского университета Т.Н. Грановский, П.Н. Кудрявцев, К.Д. Кавелин, С.М. Соловьев. Как позднее вспоминал писатель и журналист В.Р. Зотов (1821–1896): «Я не пишу историю “Отечественных записок” — это была бы история всей русской литературы в течение почти полвека» [Волошина, 2022, с. 19].

Хотя немногочисленные сочинения самого Краевского, как правило, были написаны в подчеркнуто лояльном, патриотическом, даже верноподданническом стиле, однако, о том, что он думал на самом деле о происходящем в литературе и стране, мы знаем крайне мало и поверхностно. «Андрей Александрович был исключительно закрытым человеком: он не оставил ни дневников, ни мемуаров, ни сколько-нибудь откровенных записок (так, будучи одним из близких М.Ю. Лермонтову[3] людей, он не оставил собственных воспоминаний о нем, ограничившись лишь несколькими поздними устными рассказами, записанными с его слов современниками). В переписке он был чрезвычайно сдержан, оставляя детальное описание проблемы и ее обсуждение до личной встречи с адресатом, не доверяя бумаге ничего сколько-нибудь важного. Последнее, видимо, было обусловлено почти тотальной перлюстрацией писем тех, кто имел отношение к литературе и журналистике, о чем, безусловно, редактор был осведомлен» [Волошина, 2022, с. 21].

Ненавидевший Краевского как своего конкурента Ф.В. Булгарин не уставал очернять его перед Третьим отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии и разными влиятельными чиновниками. В одном из своих доносов издатель «Северной пчелы» заявлял, что «существует **партия мартинистов, положивших себе целью ниспровергнуть существующий порядок вещей**», и что «представителем этой партии являются “Отечественные записки”: цензура явно им потворствует» [Волошина, 2022, с. 271]. Скорее всего, это обвинение было очередной выдумкой злобного недоброжелателя, но то, что журнал Краевского, благодаря неу-

[3] Первый и единственный прижизненный сборник стихотворений Лермонтова был составлен под редакцией Краевского [Волошина, 2022, с. 125]. Через него же ближайшим друзьям А.С. Пушкина стали известны стихи Лермонтова «На смерть поэта» [Турьян, 1994, с. 125].

томимой и профессиональной работе его редактора, находился в центре передовой общественной жизни примерно до 1848 года — абсолютно верно[4].

Вместе с тем, несостоятельным кажется и другое обвинение в адрес Краевского, заключающееся в том, что он активно выполнял тайные заказы политической полиции. Несмотря на крепкие личные связи редактора с отдельными служащими III отделения, по заключению Волошиной, нет никаких, даже косвенных, свидетельств о том, что оно «каким-либо образом направляло возобновленные “Отечественные записки” или инспирировало их статьи» [Волошина, 2022, с. 160].

Еще в бытность Краевского редактором газеты «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”» (в 1837–1839) сформировался его принцип «в опасных случаях брать вину на себя или, по крайней мере, не выдавать начальственному гневу авторов» [Волошина, 2022, с. 107–108]. Кроме того, Краевский-редактор «не позволял себе вносить заметные изменения в авторские тексты, в отличие от редактора “Библиотеки для чтения” О.И. Сенковского» [Волошина, 2022, с. 134]. По воспоминаниям историка литературы А.В. Старчевского (1818–1901): «Краевский никогда и никого не подкупал, не давал взяток, не делал подарков, никогда не пресмыкался перед кем бы то ни было, но умел держать себя с достоинством, которое внушало к нему расположение лиц, имевших полную возможность вредить ему на каждом шагу или же преследовать его» [Волошина, 2022, с. 176].

Волошина полагает, что именно с подачи В.Г. Белинского и И.И. Панаева, представлявших журнал «Современник», за Краевским надолго закрепился образ «бездушного эксплуататора-капиталиста», который за небольшие деньги выжимал все соки из попавших к нему в финансовую кабалу бедных литераторов, привыкших брать деньги вперед за еще ненаписанные произведения. «На фельетон И.И. Панаева (“Очерк петербургского литературного промышленника” в отделе “Петербургская жизнь. Заметки Нового поэта”) исследователи истории отечественной журналистики ссылаются до сих пор (фельетон конкурента, отметим, — куда как надежный источник!)», — саркастически заключает Волошина,

[4] По словам А.И. Герцена, «можно вполне оценить отеческое попечение цензуры того времени… от 1843 до 1848 была самая либеральная эпоха николаевского царствования» [Волошина, 2022, с. 194].

подробно и убедительно доказывая несостоятельность подобных обвинений [Волошина, 2022, с. 212–214].

Как замечает автор монографии, относительно ранние письма Краевского к приятелям, коллегам и сотрудникам рисуют его человеком, явно не соответствующим позднейшим рассказам И.И. Панаева о «серьезности», «сухости» и «надутости» редактора, а свидетельствуют разве что о своеобразном чувстве юмора. И приводит фрагмент одного из писем Краевского к цензору А.В. Никитенко 1838 года: «Яко олень бежит на источники водные, возжедах (так в тексте Волошиной! — *Н.П.*) душа моя к Вам, почтеннейший Александр Васильевич. Как ворон крови, ждал я Вашего приезда. Слышу, что Вы приехали наконец, и спешу видеться с Вами. Ради Христа распята, назначьте мне день и час, когда мы можем свидеться, пришедши я к Вам или Вы ко мне. Жду с нетерпением Вашего ответа. А между тем шлю Вам поцелуй» [Волошина, 2022, с. 122].

Один из секретов успеха Краевского-редактора у подписчиков состоял в своевременном, без опозданий, выпуске номеров журнала, что для такого рода изданий и в то время, и позднее было редкостью. Это его умение приводил в пример и Ф.М. Достоевский, писавший своему другу А.Н. Майкову в 1869 году по поводу задержки очередного номера журнала «Заря»: «Сентябрьский номер у них вышел 8-го октября, а теперь 27-го, а я всё не получаю! Ведь я считаю себя подписчиком, я объявил это и заплачу деньги. Воображаю, что терпят у них иногородные подписчики! Нет, так журнал издавать невозможно. Будь у них одни Пушкины и Гоголи в сотрудниках, и тогда журнал лопнет при неаккуратности. Сами себя бьют. **Краевский взял аккуратностию и рациональным ведением дела в коммерческом отношении**» [Достоевский, 1972–1990, т. 29_1, с. 75].

Кроме того, как отмечает Волошина, «Краевский — один из первых профессионалов среди редакторов и издателей, умевших выстраивать социальные отношения с авторами, властями и представителями разных этапов издательского процесса именно с профессиональной позиции, не вступая в выяснение идеологических, философских, религиозных и иных “последних вопросов”. Отсутствие этой не просто страсти, а интеллектуально-эмоциональной необходимости, так характерной для культуртрегеров и интеллектуалов 1830–1840-х гг., было для последних непонятно и во многом оскорбительно» [Волошина, 2022, с. 217].

Об этом же свидетельствует и уже упоминавшийся А.В. Старчевский: «Многие обвиняли Краевского в том, что у него не было своего мнения и что он шел туда, куда дул ветер, что, говоря с ретроградом, он ему поддакивал, во всем с ним соглашался, но едва ретроград оставлял кабинет редактора и новое лицо, явившееся к нему, держалось совершенно противоположных взглядов, Краевский опять соглашался с ним во всем. Да, это действительно было так, но это была чисто редакторская тактика, не желавшая никого обидеть или нажить себе врага и гонителя. Принимая какое-либо лицо, Краевский с первых слов видел, с кем имеет дело, и потому бывал и ретроградом, и консерватором, и прогрессистом, даже либералом и всем чем угодно, судя по тому, с кем сталкивался; но в журнале у него преобладал *розовый* колорит, столь любимый нашей публикой...» [Волошина, 2022, с. 216].

Такая тактика, успешно зарекомендовавшая себя в обычное время, с началом «мрачного семилетия» оказалась излишне либеральной. В 1848 году, ознаменовавшимся рядом революционных потрясений в странах Европы, уже не доносчик-конкурент Булгарин сообщает, что цель Краевского якобы состоит в том, чтобы «приготовить целое поколение к революции, подарок Наследнику!» [Волошина, 2022, с. 282], но влиятельный М.А. Корф отмечает, что «Панаев, Некрасов и Белинский <...>, вместе с редактором “Отечественных записок” Краевским, наверное, будут во главе всякого движения, если б такое, гневом Божиим, должно было когда разразиться над Россиею» [Волошина, 2022, с. 349].

20 марта 1848 года министр императорского двора П.М. Волконский обратился к председателю негласного Комитета по контролю за печатью и цензурой А.С. Меншикову с секретным донесением, в котором указывал на то, что свое «вредное направление» журнал Краевского начал демонстрировать еще в 1839 году и не образумился вплоть до настоящего момента: «По образцу превозносимого ими “Московского телеграфа”, (1) (цифры в донесении относятся к выпискам, представленным автором далее в тексте. — *С.В.*) предположившего будить русских от “*пошлой бездейственности*”. (2) “От. Записки”, прививая к русской словесности вредные отрасли французских лжеучений, позволяли себе хвалить L’ami du people (так в книге! — *Н.П.) Марата* и другие *якобинские журналы*. (3) Следя, можно сказать, за французскими сочинениями о революциях, они возвещали о них с похвалами. Таким образом, в 1847 году

(№ 1) они хвалили *Ламартина* за его “*Историю о жирондистах*” (4), а в 1-м № 1848 года *Луи ле Блана* за его *историю революции* (5) и в том же нумере, в обозрении русской литературы истекшего года, говорят намеками о какой-то *известной цели* (6). Даже в книге за март 1848 года “От. Записки”, восставая *против нравственных мыслей*, с уважением указывают на французские книги (7) и в одной статье по обыкновению своему коснулись часто выставляемого ими *успеха республиканцев над силами монархии* (8)» [Волошина, 2022, с. 376].

В итоге издателям «Отечественных записок» (Краевскому) и «Современника» (Никитенко) было сделано тройное жесткое внушение о недопустимости подобных вольностей: сперва их вызвали для выговора в Меншиковский комитет, затем к министру народного просвещения С.С. Уварову и, наконец, к главному начальнику III отделения А.Ф. Орлову. После устроенной «головомойки» (так эти профилактические беседы назвал сам Николай I [Волошина, 2022, с. 400]) А.В. Никитенко предпочел вовсе отказаться от должности редактора «Современника», а Краевскому пришлось долго каяться и доказывать, что «при настоящих происшествиях в Европе мы все, русские, одного желаем, чтобы в нашем государстве сохранился существующий порядок; об одном умоляем, чтобы Государь Император не допустил до нас потока, который в других государствах губит и общественное спокойствие, и частную собственность, и личную безопасность» [Волошина, 2022, с. 390]. Оправдываясь за столь неумеренный интерес к новейшим французским историям революции, Краевский объяснял его так: «Не имея возможности говорить о России, я, чтоб говорить что-нибудь в своем журнале, должен был говорить о Западной Европе» [Волошина, 2022, с. 397].

Об ужесточившейся до предела цензуре и о настроениях тех, кто должен был ее обеспечивать в период «мрачного семилетия» 1848–1855 годов, свидетельствуют приводимые автором анекдоты, вроде следующего. Отношение председателя Комитета для высшего надзора за духом и направлением печатаемых в России произведений Дмитрия Петровича Бутурлина (1790–1849) к цензуре (и в самом общем понимании — к литературе) «ярко описала в воспоминаниях А.Д. Блудова. “Было ли это уже что-то болезненное у Бутурлина или врожденная резкость и деспотизм характера... но он доходил до таких крайних мер в этом отношении, что иногда приходилось спросить себя: не плохая ли это шутка?” — размышляла она.

Так, Бутурлин “хотел, чтобы вырезали несколько стихов из акафиста Покрову Божией Матери, находя, что они революционны”. На резонное возражение Блудова-старшего, что “он, таким образом, осуждает своего собственного ангела, Св. Дмитрия Ростовского, который сочинял этот акафист и никогда не считался революционером…”, тот отвечал: “Кто бы ни сочинил, тут есть опасные выражения”. А затем приводил примеры: “Радуйся, незримое укрощение владык жестоких и зверонравных” и “Совет неправедных князей разори; зачинающих рати погуби…”.

— Вы и в Евангелии встретите выражения, осуждающие злых правителей, — сказал мой отец.

— Так что ж? — возразил Дмитрий Петрович, переходя в шуточный тон. — Если б Евангелие не была такая известная книга, конечно, надобно б было цензуре исправить ее» [Волошина, 2022, с. 409–410].

В то же время чрезмерная жесткость николаевской реакции не отменяла существования реальной угрозы распространения революционных идей в Российской империи, наполненной тлеющими национальными, сословными и религиозными конфликтами. Представляется, что вывод С.М. Волошиной о том, что в России высшая власть поспешила «подморозить» все имеющиеся институты, дающие возможность выражения общественного мнения, «при явном отсутствии каких-либо предпосылок к революции или бунту» [Волошина, 2022, с. 362] — не вполне корректен. Ведь революционный террор вспыхнул уже в следующее царствование. Спорным является и утверждение, что в 1848 году «образованное общество в России, поначалу бурно на зарубежные события реагировавшее, довольно быстро утратило к ним интерес» [Волошина, 2022, с. 417]. Правильнее было бы говорить не об утрате интереса, но о подавлении возможностей его публичного выражения. Собственно об этом эффекте репрессий писал и М.А. Корф: «“Отечественные записки” после сделанного Краевскому внушения не просто совершенно изменили свой тон и направление, но даже стали, как говорится, тише травы» [Волошина, 2022, с. 469].

В сентябре 1854 года А.В. Никитенко констатировал общую деградацию прежде передовых изданий: «Одна дама в Москве хотела издать сборник из хороших статей, подаренных ей знакомыми московскими учеными. Бывший министр, Ширинский-Шихматов, исходатайствовал повеление считать сборники за журналы, и по-

тому на этот новый сборник пришлось испрашивать Высочайшего разрешения. Последовала резолюция: “И без того много печатается”. На самом же деле у нас вовсе не выходит никаких книг, а как и сборники запрещены, то литература наша в полном застое. Только и есть, что журналы “Отечественные записки”, “Современник”, “Библиотека для чтения”, “Москвитянин” и “Пантеон”. **Но и в них большею частью печатаются жалкие, бесцветные вещи**» [Волошина, 2022, с. 654].

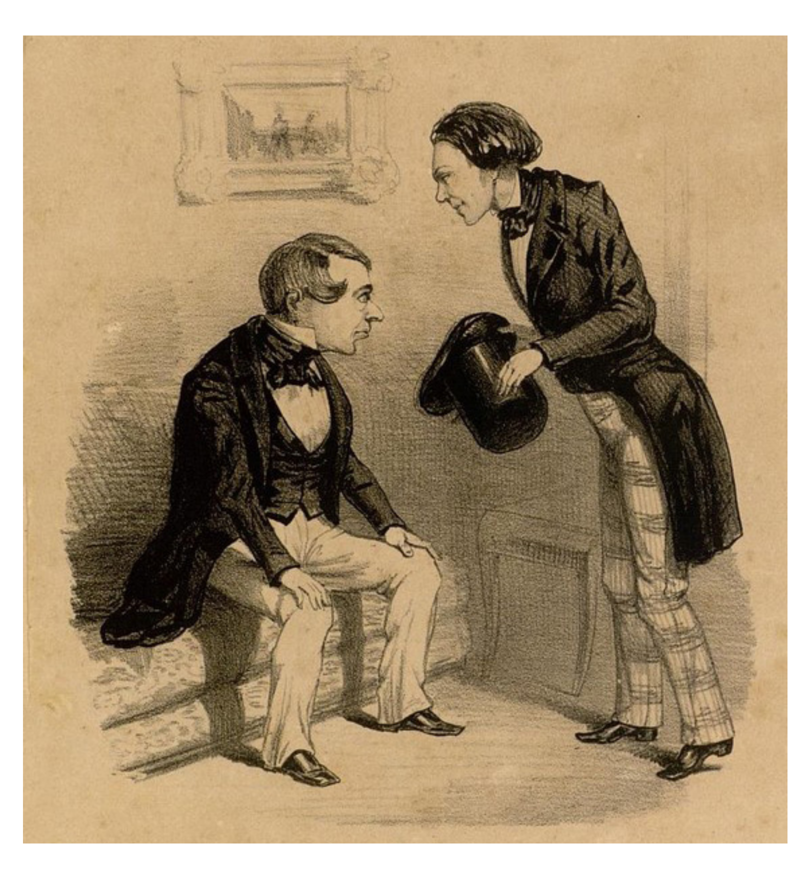
Есть и несколько других замечаний[5] к тексту в целом замечательной книги Волошиной, особенно касающиеся ее двенадцатой главы «Ф.М. Достоевский и А.А. Краевский: непростая история». Например, автор вслед за С.В. Беловым [Белов, 2001, т. 1, с. 426] пишет, что «в “докаторжный” период все свои произведения, кроме “Бедных людей”, “Романа в девяти письмах” и “Ползункова”, Достоевский печатал в журнале Краевского. После возвращения в “Отечественных записках” был опубликован рассказ “Маленький герой” (1857 г.), а в 1859 г. “Село Степанчиково”» [Волошина, 2022, с. 485]. На самом деле, это не совсем так. Рассказ «Как опасно предаваться честолюбивым снам», написанный совместно Ф.М. Достоевским, Д.В. Григоровичем и Н.А. Некрасовым, был напечатан в издании «Первое апреля: Комический иллюстрированный альманах, составленный из рассказов в стихах и прозе, достопримечательных писем, куплетов, пародий и пуфов» (СПб.: Тип. Карла Крайя, 1846). Фельетоны Достоевского «Петербургская летопись» были опубликованы в 1847 году в газете «Санкт-Петербургские ведомости». Рассказ же «Маленький герой» вышел в «Отечественных записках» задолго до возвращения Достоевского из ссылки (на момент выхода рассказа летом 1857 года писатель находился в Семипалатинске).

В другом месте автор называет повесть Достоевского «Слабое сердце» «спорной с художественной точки зрения» [Волошина, 2022, с. 494], но никак не поясняет, в чем именно состоит возможная претензия к художественности этого произведения. Между тем «Слабое сердце» не раз оказывалось в центре внимания интереснейших исследований — вот лишь некоторые из них: [Дилакторская, 1999],

[5] Еще на ряд неточностей и фактических ошибок, допущенных автором и касающихся других моментов, указал в своей рецензии А.И. Рейтблат [Рейтблат, 2023]. При этом рецензия Рейтблата чрезмерно критична по отношению к книге, обладающей в целом большим просветительским потенциалом.

[Загидуллина, 2008], [Касаткина, 2020, с. 104], [Магарил-Ильяева, 2023, с. 154, 160, 187, 204].

Далее авторству Ф.М. Достоевского ошибочно приписан рассказ его старшего брата М.М. Достоевского «Воробей», опубликованный, действительно, в ноябрьском номере «Отечественных записок» за 1848 год [Волошина, 2022, с. 499]. В четырнадцатой главе ректор Санкт-Петербургского Императорского университета П.А. Плетнев поименован «ректором Московского университета» [Волошина, 2022, с. 542]. В двадцатой главе допущена опечатка, и запись цензора А.В. Никитенко от 26 сентября 1854 года помечена как запись от «26 сентября 1824 г.» [Волошина, 2022, с. 649].

Илл. 2. А.А. Краевский и Ф.М. Достоевский. Художник Н. Степанов. 1848. Карикатура из Иллюстрированного альманах, изданного И. Панаевым и Н. Некрасовым, 1848
Fig. 2. Andrey Kraevsky and Fyodor Dostoevsky. By N. Stepanov. 1848. Caricature from the Illustrated Almanach, published by I. Panaev and N. Nekrasov, 1848

Вызывает несогласие и слишком прямолинейное отождествление антрепренера Александра Петровича из «Униженных и оскорбленных» и Андрея Краевского на том основании, что последний был очевидным прототипом этого персонажа [Волошина, 2022, с. 504–505]. Все-таки художественное произведение строится по своим законам, и любой «прототип» (что бы ни называть этим термином) у Достоевского никогда не равен его литературному герою.

Упущением для такой объемной и информативной книги является и отсутствие общей библиографии и именного указателя в конце труда.

Тем не менее, все эти мелкие недостатки, почти неизбежные в столь масштабных исторических трудах, не умаляют многих достоинств книги, которая вводит в научный оборот новые ценные документы и вообще представляет целостную, яркую и живую картину литературной жизни николаевской эпохи. Особо стоит отметить гуманистический взгляд автора на взаимоотношения журналистов и власти и успешную попытку реабилитировать образ А.А. Краевского как по-настоящему одаренной, благородной, цельной личности.

Список литературы

1. Балакин, 2001 — *Балакин А.Ю.* Об одном эпизоде «Униженных и оскорбленных» (Достоевский и А.А. Краевский) // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2001. Т. 16. С. 320–324.

2. Белов, 2001 — *Белов С.В.* Энциклопедический словарь «Ф.М. Достоевский и его окружение»: в 2 т. СПб: Алетейя, 2001.

3. Боград, 1956 — *Боград В.Э.* Белинский, Некрасов и Панаев в борьбе с Краевским (неизвестные документы периода организации «Современника») // Некрасовский сборник М.; Л.: АН СССР, 1956. Вып. 2. С. 412–423.

4. Виноградов, 1969 — *Виноградов В.В.* Об авторе сатиры на А.А. Краевского и его газету «Голос» // Русская литература. 1969. № 3. С. 79–88.

5. Виноградов, 1971 — *Виноградов В.В.* Достоевский и А.А. Краевский // Достоевский и его время / под ред. В.Г. Базанова и Г.М. Фридлендера. Л.: Наука, 1971. С. 17–32.

6. Волошина, 2016 — *Волошина С.М.* Утопия и жизнь: Биография Николая Огарёва. СПб.: Владимир Даль, 2016. 509 с.

7. Волошина, 2022 — *Волошина С.М.* Власть и журналистика. Николай I, Андрей Краевский и другие. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2022. 664 с.

8. Громова, 2001а — *Громова Л.П.* А.А. Краевский — редактор и издатель. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. 155 с.

9. Громова, 2001б — *Громова Л.П.* Некрасов и Краевский. (К истории литературных отношений) // Некрасовский сборник. СПб.: Наука, 2001. Вып. 13. С. 50–58.

10. Дилакторская, 1999 — *Дилакторская О.Г.* Достоевский и Пушкин («Слабое сердце» и «Медный всадник») // Русская литература. 1999. №2. С. 181–189.

11. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

12. Евгеньев-Максимов, 1949 — *Евгеньев-Максимов В.* Договоры Некрасова с Краевским об издании «Отечественных Записок» // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 53–54. С. 329–348.

13. Загидуллина, 2008 — *Загидуллина М.В.* Слабое сердце // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г.К. Щенников, Б.Н. Тихомиров. СПб.: Пушкинский Дом, 2008. С. 172–174.

14. Касаткина, 2020 — *Касаткина Т.А.* Особенности структуры ранних «гностических» текстов Достоевского: Анагогическая история // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 2 (10). С. 95–115. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2020-2-95-115

15. Козлов, 2022 — *Козлов А.Е.* Вокруг романа «Проселочные дороги»: переписка Д.В. Григоровича и А.А. Краевского 1850–1852 годов // Русская литература. 2022. № 2. С. 152–166.

16. Кулешов, 1958 — *Кулешов В.И.* «Отечественные записки» и литература 40-х годов XIX века. М.: Изд-во Московского ун-та, 1958. 402 с.

17. Лукина, 2010 — *Лукина В.А.* Письма А.А. Фета к А.А. Краевскому (1854–1856) // А.А. Фет: Материалы и исследования. М.: СПб.: Альянс-Археo, 2010. Т. 1. С. 450–471.

18. Магарил-Ильяева, 2023 — *Магарил-Ильяева Т.Г.* Произведения Ф.М. Достоевского 1840-х годов как единый текст: дис. ... канд. филол. наук. М., 2023. 254 с.

19. Мануйлов, 1948 — *Мануйлов В.А.* Лермонтов и Краевский // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 45–46: М.Ю. Лермонтов. Кн. II. С. 363–388.

20. Олейников, 2018 — *Олейников Д.И.* Андрей Александрович Краевский. «Нужно знать, что думает Россия о своих общественных интересах...» // Российский либерализм: Идеи и люди. 3-е изд., испр. и доп. М.: Новое издательство, 2018. Т. 1. С. 261–268.

21. Орлов, 1971 — *Орлов В.Н.* Молодой Краевский // Орлов В.Н. Пути и судьбы. Литературные очерки. Л.: Сов. писатель, 1971. С. 449–504.

22. Рейтблат, 2023 — *Рейтблат А.И.* Старое как новое (Рец. на кн.: Волошина С.М. Власть и журналистика: Николай I, Андрей Краевский и другие. М., 2022) // Новое литературное обозрение. 2023. № 5 (183). С. 371–377.

23. Турьян, 1994 — *Турьян М.А.* Краевский Андрей Александрович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь / гл. ред. П.А. Николаев. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. Т. 3. С. 124–127.

References

1. Balakin, A.Iu. “Ob odnom episode ‘Unizhennykh i oskorblennykh’ (Dostoevskii i A.A. Kraevskii)” [“About One Scene in *Humiliated and Insulted* (Dostoevsky and Andrey Kraevsky)”]. *Dostoevskii: materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky: Materials and Research*], vol. 16. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001, pp. 320–324. (In Russ.)

2. Belov, S.V. *Entsiklopedicheskii slovar' "F.M. Dostoevskii i ego okruzhenie": v 2 tomakh* [*Encyclopaedical Dictionary "Fyodor Dostoevsky and His Context": in 2 vols*]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2001. (In Russ.)

3. Bograd, V.E. "Belinskii, Nekrasov i Panaev v bor'be s Kraevskim (neizvestnye dokumenty perioda organizatsii 'Sovremennika')" ["Belinsky, Nekrasov, and Panaev Fighting with Kraevsky (Unknown Documents of the Period of Organization of the *Sovremennik)*"]. *Nekrasovskii sbornik* [*Nekrasov's Anthology*], issue 2. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., pp. 412–423. (In Russ.)

4. Vinogradov, V.V. "Ob avtore satiry na A.A. Kraevskogo i ego gazetu 'Golos'" ["About the Author of the Satire about Andrey Kraevsky and His Newspaper *Golos*"]. *Russkaia literatura*, no. 3, 1969, pp. 79–88. (In Russ.)

5. Vinogradov, V.V. "Dostoevskii i A.A. Kraevskii" ["Dostoevsky and Andrey Kraevsky"]. *Dostoevskii i ego vremia* [*Dostoevsky and His Time*]. Ed. by V.G. Bazanov and G.M. Fridlender. Leningrad, Nauka Publ., 1971, pp. 17–32. (In Russ.)

6. Voloshina, S.M. *Utopiia i zhizn': Biografiia Nikolaia Ogareva* [*Utopia and Life: A Biography of Nikolay Ogaryov*]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2016. 509 p. (In Russ.)

7. Voloshina, S.M. *Vlast' i zhurnalistika. Nikolai I, Andrei Kraevskii i drugie* [*Power and Journalism. Nikolay I, Andrey Kraevsky, and Others*]. Moscow, ID "Delo" RANKhiGS Publ., 2022. 664 p. (In Russ.)

8. Gromova, L.P. *A.A. Kraevskii — redaktor i izdatel'* [*Andrey Kraevsky: Editor and Publisher*]. St. Petersburg, Izd-vo SPbGU Publ., 2001. 155 p. (In Russ.)

9. Gromova, L.P. "Nekrasov i Kraevskii. (K istorii literaturnykh otnoshenii)" ["Nekrasov and Kraevsky. (For a History of Literary Relations)"]. *Nekrasovskii sbornik* [*Nekrasov's Anthology*], issue 13. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001, pp. 50–58. (In Russ.)

10. Dilaktorskaia, O.G. "Dostoevskii i Pushkin ('Slaboe Serdtse' i 'Mednyi vsadnik')" ["Dostoevsky and Pushkin ('A Weak Heart' and *The Bronze Horseman*)"]. *Russkaia literatura*, no. 2, 1999, pp. 181–189. (In Russ.)

11. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

12. Evgen'ev-Maksimov, V. "Dogovory Nekrasova s Kraevskim ob izdanii 'Otechestvennykh Zapisok'" ["Nekrasov's Agreements with Kraevsky on the Publication of *Otechestvennye Zapiski*"]. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 53–54. Moscow, Izd.-vo AN SSSR Publ., 1949, pp. 329–348. (In Russ.)

13. Zagidullina, M.V. "Slaboe serdtse" ["A Weak Hearth"]. Shchennikov, G.K., and B.N. Tikhomirov, eds. *Dostoevskii: Sochineniia, pis'ma, dokumenty: Slovar'-spravochnik* [*Dostoevsky: Works, Letters, Documents. Reference Dictionary*]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2008, pp. 172–174. (In Russ.)

14. Kasatkina, T.A. "Osobennosti struktury rannikh 'gnosticheskikh' tekstov Dostoevskii: Anagogicheskaia istoriia" ["Anagogic Story as the Specific Structure of Dostoevsky's Early 'Gnostic' Texts"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 2 (10), 2020, pp. 95–115. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2020-2-95-115

15. Kozlov, A.E. "Vokrug romana 'Proselochnye dorogi': perepiska D.V. Grigorovicha i A.A. Kraevskogo 1850–1852 godov" ["About the Novel *Country Roads*: The Correspondence between D.V. Grigorovich and A.A. Kraevsky in 1850–1852"]. *Russkaia literatura*, no. 2, 2022, pp. 152–166. (In Russ.)

16. Kuleshov, V.I. *"Otechestvennye zapiski" i literatura 40-kh godov XIX veka* [Otechestvennye zapiski *and the Literature of 1940s*]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo un-ta Publ., 1958. 402 p. (In Russ.)

17. Lukina, V.A. "Pis'ma A.A. Feta k A.A. Kraevskomu (1854–1856)" ["Letters by Afanasy Fet to Andrey Kraevsky (1854–1856)"]. *A.A. Fet: Materialy i issledovaniia* [*Afanasy Fet: Materials and Research*], vol. 1. Moscow; St. Petersburg, Al'ians-Arkheo Publ., 2010, pp. 450–471. (In Russ.)

18. Magaril-Il'iaeva, T.G. *Proizvedeniia F.M: Dostoevskogo 1840-kh godov kak edinyi tekst* [*Dostoevsky's Works in 1840s as One Text: PhD Dissertation*]. Moscow, 2023. 254 p. (In Russ.)

19. Manuilov, V.A. "Lermontov i Kraevskii" ["Lermontov and Kraevsky"]. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 45–46: M.Iu. Lermontov [Mikhail Lermontov], book 2. Moscow, Izd.-vo AN SSSR Publ., 1948, pp. 363–388. (In Russ.)

20. Oleinikov, D.I. "Andrei Aleksandrovich Kraevskii. 'Nuzhno znat', chto dumaet Rossiia o svoikh obshchestvennykh interesakh...'" ["Andrey A. Kraevsky. 'We Need to Know What Russia Thinks about Its Public Interest'"]. *Rossiiskii liberalizm: Idei i liudi* [*Russian Liberalism: Ideas and People*], vol. 1. 3rd Edition, rev. and edd. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2018, pp. 261–268. (In Russ.)

21. Orlov, V.N. "Molodoi Kraevskii" ["Young Kraevsky"]. Orlov, V.N. *Puti i sud'by. Literaturnye ocherki* [*Paths and Destinies. Literary Essays*]. Leningrad, Sov. pisatel' Publ., 1971, pp. 449–504. (In Russ.)

22. Reitblat, A.I. "Staroe kak novoe (Rets. na kn.: Voloshina S.M. Vlast' i zhurnalistika. Nikolai I, Andrei Kraevskii i drugie. M., 2022)" ["As Old as New (Review to Voloshina, V.S. *Power and Journalism. Nikolay I, Andrey Kraevsky, and Others.* Moscow, 2022)"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 5 (183), 2023, pp. 371–377. (In Russ.)

23. Tur'ian, M.A. "Kraevskii Andrei Aleksandrovich" ["Kraevsky Andrey A."]. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'* [*Russian Writers. 1800–1917: Biographical Dictionary*], vol. 3. Ex. ed. P.A. Nikolaev. Moscow, Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia Publ., 1994, pp. 124–127. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 08.02.2024
Одобрена после рецензирования: 19.02.2024
Принята к публикации: 22.02.2024
Дата публикации: 25.03.2024

The article was submitted: 08 Feb. 2024
Approved after reviewing: 19 Feb. 2024
Accepted for publication: 22 Feb. 2024
Date of publication: 25 Mar. 2024

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 1 (25), 2024.
Рецензия / Review
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2=411.2)
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-239-252
https://elibrary.ru/ZLENTV

© 2024. Николай Подосокорский
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

Михаил Катков — издатель Ф.М. Достоевского

© 2024. Nikolay N. Podosokorsky
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Mikhail Katkov, Publisher of Fyodor Dostoevsky

Информация об авторе: Николай Николаевич Подосокорский, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.
https://orcid.org/0000-0001-6310-1579
E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com

Аннотация: Рецензия посвящена изданной в 2023 году на русском языке в серии «Современная западная русистика» научной монографии профессора Уэслианского университета Сюзан Фуссо «Катков. Издатель Тургенева, Достоевского и Толстого» (на языке оригинала книга вышла в 2017 году). Труд Фуссо раскрывает и проясняет различные стороны биографии харизматичного редактора журнала «Русский вестник» М.Н. Каткова (1817–1887) и содержит ценные наблюдения относительно его непростых личных и рабочих взаимоотношений с Ф.М. Достоевским, четыре больших романа которого («Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы» и «Братья Карамазовы») были впервые опубликованы в катковском издании.

Ключевые слова: М.Н. Катков, «Русский вестник», гонорары Ф.М. Достоевского, «Преступление и наказание», «Идиот», А.С. Пушкин.

Для цитирования: *Подосокорский Н.Н.* Михаил Катков — издатель Ф.М. Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25). С. 239–252. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-239-252

Information about the author: Nikolay N. Podosokorsky, PhD in Philology, Senior Researcher, Research Centre “Dostoevsky and World Culture,” A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

https://orcid.org/0000-0001-6310-1579
E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com

Abstract: The review is devoted to the monograph by Professor Susan Fusso of Wesleyan University *Editing Turgenev, Dostoevsky, and Tolstoy. Mikhail Katkov and the Great Russian Novel*, published in 2023 in Russian for the series "Modern Western Russian Studies" (the book was published in the original language in 2017). Fusso's work reveals and clarifies various aspects of the biography of the charismatic editor of the magazine *Russkii Vestnik* Mikhail Katkov (1817–1887) and contains valuable observations regarding his difficult personal and working relationship with Fyodor Dostoevsky, whose four great novels (*Crime and Punishment, The Idiot, Demons,* and *The Brothers Karamazov*) were first published by Katkov.

Keywords: Mikhail Katkov, *Russkii Vestnik*, Fyodor Dostoevsky's fees, *Crime and Punishment*, *The Idiot*, Alexandr Pushkin.

For citation: Podosokorsky, N.N. "Mikhail Katkov, Publisher of Fyodor Dostoevsky." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 1 (25), 2024, pp. 239–252. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-239-252

В последние годы заметно вырос исследовательский интерес к фигуре Михаила Никифоровича Каткова (1817–1887)[1], одного из наиболее влиятельных российских публицистов второй половины XIX века, редактора газеты «Московские ведомости» (1851–1855 и 1863–1887) и журнала «Русский вестник» (1856–1887). Это проявилось, в первую очередь, в выходе ряда посвященных ему работ: монографий [Брутян, 2001], [Санькова, 2007], [Санькова, 2008], [Котов, 2016], [Лубков, 2018], [Перевалова, 2019]; диссертаций [Бугаева, 2007], [Шипилов, 2009], [Давудов, 2013], [Котов, 2017]; сборника воспоминаний [Воспоминания, 2014]; собрания сочинений [Катков 2010–2012]; сборников его избранных текстов; статей[2] и проч.

Публикация на русском языке еще одной биографии М.Н. Каткова, вышедшей в серии «Современная западная русистика»[3] и написанной профессором Уэслианского университета Сюзан Фуссо (на языке оригинала ее монография о Каткове вышла в 2017 году), позволяет понять, как личность основателя и редактора

[1] Большая российская энциклопедия указывает 1817 год в качестве года рождения Каткова по уточненным данным. С. Фуссо придерживается старой датировки, считая 1818 год годом его рождения. См.: [Санькова, 2022].

[2] Вот лишь некоторые из них: [Ширинянц, 2004], [Березкина, 2013], [Федосеева, 2013], [Гаврилов, 2018], [Едошина, 2018], [Тесля, 2018], [Лебедева, 2019], [Кантор, 2019], [Власов, 2023] и др.

[3] Нам уже доводилось рецензировать книги этой серии, посвященные Достоевскому: [Подосокорский, 2022], [Подосокорский, 2023].

«Русского вестника» воспринимается американскими славистами XXI века. Во введении к своему труду «Катков. Издатель Тургенева, Достоевского и Толстого» исследовательница отмечает, что до сих пор «на Западе людям, не являющимся специалистами по истории русской литературы, имя Каткова неизвестно, а специалисты знают его как человека, за которым закрепился эпитет “реакционный русский издатель”» [Фуссо, 2023, с. 8].

Действительно, на родине и за рубежом у М.Н. Каткова сложилась весьма одиозная репутация, и автор разбираемой нами книги приводит разнообразные оценки его личности, колеблющиеся в зависимости от политических взглядов лиц, их высказывающих, и от их личных отношений с выдающимся публицистом. Так, писатель Н.С. Лесков, хотя по-своему и восхищался Катковым, однако же, называл его «убийцей русской литературы» [Фуссо, 2023, с. 392]. Философ В.С. Соловьев полагал, что Катков «находился под наваждением злой силы» [Фуссо, 2023, с. 26]. Когда коллекционер П.М. Третьяков попросил И.Е. Репина написать портрет Каткова (дело происходило в 1881 году), художник решительно отказался, пояснив, что увековечивать стоит лишь по-настоящему ценных для нации деятелей, а не ретрограда вроде Каткова, «набрасывавшегося на всякую светлую мысль, клеймившего позором всякое свободное слово» [Фуссо, 2023, с. 390]. И.С. Тургенев и вовсе навесил на Каткова ярлык «бонапартиста» [Фуссо, 2023, с. 156][4].

К концу 1860-х годов в оппозиционно настроенных по отношению к российскому правительству литературных кругах за Катковым закрепилась слава не просто ретрограда, но и прямого доносчика. Например, острый на язык поэт-сатирик Д.Д. Минаев писал:

---

[4] Совсем другую характеристику Каткову дают представители «лагеря охранителей». Князь Н.П. Мещерский, старший брат издателя-редактора журнала «Гражданин» В.П. Мещерского, называет его «великим борцом за правду» [Фуссо, 2023, с. 23]. К.П. Победоносцев высказался не менее комплиментарно: «Катков — высокоталантливый журналист, умный, чуткий к истинным русским интересам и к твердым охранительным началам. В качестве журналиста он оказал драгоценные услуги России и правительству в трудные времена. Он стал предметом фанатической ненависти у всех врагов порядка и предметом поклонения, авторитетом у многих русских людей, стремящихся к водворению порядка» [Фуссо, 2023, с. 388]. Сам Катков, по словам его ближайшего соратника и биографа Н.А. Любимова, называл себя «государственным сторожевым псом, охраняющим достояние Хозяина и чующим, если в доме что-нибудь не ладно» [Фуссо, 2023, с. 12].

С толпой журнальных кунаков
Своим изданьем, без сомненья
С успехом заменил Катков
В России Третье Отделенье.

В доносах грязных изловчась,
Он даже, если злобой дышит,
Свою статью прочтет подчас,
То на себя донос напишет
[Эпиграмма и сатира, 1931–1932, т. 2, с. 352–353].

Неблаговидную роль Каткова как «нового Булгарина» отмечал до сотрудничества с ним и Ф.М. Достоевский. В статье «Необходимое литературное объяснение по поводу разных хлебных и нехлебных вопросов» (1863) писатель поддержал представление о Каткове как о влиятельном доносчике: «“Время” обличало г-на Каткова и предрекало ему **новобулгаринский путь**, еще тогда, когда вы все млели перед г-ном Катковым, по крайней мере ожидали от него великих преуспеяний на пути прогресса. И мы знали, что делали и на какую опасность шли нашими нападениями на авторитеты» [Достоевский, 1972–1990, т. 20, с. 57].

Несмотря на этот негативный оценочный фон, Фуссо справедливо указывает на высокую и едва ли не уникальную роль Каткова как издателя: «Наставляя, придираясь, финансируя, вдохновляя, а иногда и приводя в ярость авторов “Отцов и детей”, “Анны Карениной” и “Братьев Карамазовых”, он сыграл жизненно важную роль в создании русских романов, которые войдут в мировой литературный канон» [Фуссо, 2023, с. 390][5]. По мнению исследовательницы, Катков при этом сочетал в себе элементы как редактора, так и мецената [Фуссо, 2023, с. 394], что особенно значимо в свете биографии Достоевского.

[5] В другом месте Фуссо еще более восхваляет заслуги Каткова, когда пишет о его «деятельности по **взращиванию талантов лучших русских писателей**» [Фуссо, 2023, с. 63], что кажется уже некоторым преувеличением. Все-таки таланты и Достоевского, и Тургенева, и Л. Толстого «взросли» независимо от их сотрудничества с Катковым, но получили дополнительное общественное признание, в том числе, благодаря ему. Сам Катков писал об этом следующее: «Журнал не может создать таланты, но может вызывать их и давать им направление. <...> Не всякому виден труд редактора, и только тот, кто смотрит глубже, может понять, как велика его обязанность и как много может зависеть от него и направление, и форма произведения» [Фуссо, 2023, с. 86].

Фуссо в целом так описывает отношения Достоевского с Катковым[6]: «Из всех связей Каткова с русскими писателями **самым важным и прочным в его литературной карьере было сотрудничество с Ф.М. Достоевским**. Именно в “Русском вестнике” Каткова писатель опубликовал все свои самые знаменитые романы: “Преступление и наказание” (1866), “Идиот” (1868), “Бесы” (1871–1872) и “Братья Карамазовы” (1879–1880); его фундаментальная Пушкинская речь увидела свет в газете Каткова “Московские ведомости” в июне 1880 года, за шесть месяцев до смерти Достоевского. Из писем Достоевского, начиная с 1865 года, становится ясно, что он полагался на Каткова и ожидал от издателя практически постоянной финансовой поддержки в виде авансов за незавершенные произведения» [Фуссо, 2023, с. 162]. При этом Достоевский относился к Каткову как к коллеге, обращаясь к нему (в прошлом — переводчику У. Шекспира, И.В. Гете, Ф. Рюккерта, Г. Гейне, Д.Ф. Купера др. [Ванеян, 1992, с. 507]) в одном из писем 1865 года «как литератор к литератору» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_2, с. 145].

В письме же к племяннице С.А. Ивановой от 8 марта 1869 года автор «Идиота» писал о Каткове и его журнале еще более уважительно (что сильно резонирует с высказываниями, допущенными в период его острой публицистической полемики с Катковым в первой половине 1860-х годов): «Кроме того, я Катковым не только доволен, но даже благодарен ему за то, что давал вперед. Нынче журналы обеднели и вперед не дают; а я получил от них несколько тысяч вперед (*четыре*) еще до того срока, как стал отрабатываться, то есть печатать роман. И потому ни сердиться на них, ни изменять им я не могу, а главное, желал бы им быть полезным. Вы говорите, что, по слухам, их журнал падает? Неужели это правда? Мне казалось бы, что нет, — не потому, разумеется, что я участвую, а потому, что **это решительно лучший и твердо сознающий свое направление журнал у нас в России.** Это правда, что он сух, что литература в нем не всегда хороша (хотя не хуже других журналов; **все первые вещи явились у них**: “Война и мир”, “Отцы и дети” и т. д., не говоря о прежних, старинных годах, и это публика все-таки помнит)» [Достоевский, 1972–1990, т. 29_1, с. 23].

[6] Рабочие отношения Достоевского с Катковым длились более двух десятилетий. «Сохранилось 15 писем Достоевского к Каткову за 1858–1880 гг. и два письма Каткова к Достоевскому за 1866–1867 гг. (РГБ)» [Белов, 2001, т. 1, с. 373].

Илл. 1. Михаил Никифорович Катков. Из книги: Портретная галерея русских деятелей в 2 т. Т. 2: Сто портретов. СПб.: Тип. и литогр. А. Мюнстера, 1869

Fig. 1. Mikhail N. Katkov. From the book: *A Portrait Gallery of Russian Notables: in 2 vols*. Vol. 2: A Hundred Portraits. St. Petersburg, Tip. and lithograph. A. Miunster Publ., 1869

Фуссо в своей книге стремится показать, что Катков был гораздо более сложной и симпатичной личностью, чем закрепившиеся на десятилетия в мемуарной и исследовательской литературе представления о нем. В частности, со ссылкой на работу публициста Р.И. Сементковского «М.Н. Катков, его жизнь и литературная деятельность» (1892), в целом весьма критически относящегося к Каткову, она отмечает, что «относительно либеральную позицию Каткова по “еврейскому вопросу” на фоне общей склонности русских консерваторов к антисемитизму», причем в этой области издатель «Русского вестника» «оставался себе верен с начала своей публицистической деятельности до самой своей смерти» [Фуссо, 2023, с. 25]. Еще в начале 1860-х годов Катков, по словам Сементковского, «очень решительно высказывался за расширение прав евреев, в особенности за отмену пресловутой черты оседлости, доказывая весь ее вред в экономическом отношении и несостоятельность с точки зрения русских государственных интересов, требующих

слияния инородцев с коренным населением, а не искусственного разобщения их. <...> Он нападал на поляков, остзейцев, финляндцев, грузин, армян, но евреев оставлял в покое, и ни во время польского восстания, ни впоследствии не обвинял евреев в поощрении разных смут» [Фуссо, 2023, с. 25].

Говоря о редакторской работе Каткова, исследовательница далека от ее идеализации: «Катков стал известен своей манерой поведения, которая воспринималась как бесцеремонное вмешательство в художественное творчество: казалось, он считал, что лучше художника знает о том, что должно содержать произведение, и чего оно содержать не должно» [Фуссо, 2023, с. 64]. По ее словам, «Катков считал себя вправе дополнять и комментировать любые тексты, представленные на страницах “Русского вестника”», и «воспринимал себя как некоего “сверхавтора” всех статей и беллетристики, появлявшихся в журнале» [Фуссо, 2023, с. 98]. Следствием этого стали его почти неизбежные конфликты с Е. Тур, Н.М. Благовещенским, Б.И. Утиным, И.С. Тургеневым[7], Л.Н. Толстым и другими авторами, которые более или менее подробно освещены в книге.

В том, что касается редакторских вмешательств Каткова в тексты Достоевского (изменение сцены с чтением Соней Евангелия Раскольникову в «Преступлении и наказании», изъятие главы «У Тихона» в романе «Бесы» и др.), Фуссо приводит разные точки зрения на этот вопрос, отмечая при этом стремление самого Достоевского всячески избегать раздувания конфликтов по этому поводу из чувства благодарности к своему издателю и нежелания присоединяться к стану его радикальных критиков.

Оценка Катковым значения творчества Достоевского — как глубоко христианского и при этом насквозь национального по своей сути — была впечатляюще точной. Фуссо приводит на этот счет почти чеканные катковские формулировки: «Достоевский боролся с собой и карал в себе, а не в других, все дурные стороны человеческой

[7] Фуссо, в числе прочего, интересно пишет о Каткове как о возможном прототипе Павла Петровича Кирсанова в тургеневском романе «Отцы и дети» (1862), причем их сходство «было замечено таким значимым читателем, как Достоевский» [Фуссо, 2023, с. 146]. К сожалению, письмо Достоевского Тургеневу с его отзывом об «Отцах и детях» не сохранилось. Характерно, что почти сразу после публикации «Отцов и детей» Тургенев «написал двум адресатам, что никогда не издал бы роман, если бы не настойчивость Каткова: “Ни в одной вещи своей я так сильно не сомневался, как именно в этой; отзывы и сужденья людей, которым я привык верить, были крайне неблагосклонны; если бы не настоятельные требования Каткова — «Отцы и дети» никогда бы не явились”» [Фуссо, 2023, с. 161].

природы, “и чем более он очищался и овладевал собой, тем глубже становился он сыном своего народа и христианином, верующим в простоте сердца”. Он нашел Христа “в русском народном чувстве”: “В нем мы видим русский ум, который свои идеалы ищет и находит не в пустоте, не в отвлеченностях, не на чужбине, а в живой душе своего народа”. В народе Достоевский прежде всего нашел дух милосердия, “самое христианское в христианстве начало, которое, мы чувствуем, живет во глубине нашей народности и в котором таится ее истинная сила”» [Фуссо, 2023, с. 384].

А вот как Катков описал творческий метод Достоевского, предполагающий спуск в самые глубины человеческого существа, чтобы найти в них Бога: «Нет, если он походил на кого-то, разве на беззаветно преданную Богу, обрекшую себя, бесконечно проникнутую чувством своего служения сестру милосердия, которая не гнушается никакой язвой, не брезгует никаким гноем и вся озабочена только тем, чтоб облегчить страдания болящего. Он в своих анализах ищет правды и идет все глубже и глубже, идет до конца, ничем не смущаясь, пока под этой гадостью, под этой мерзостью не почуется, не послышится сама эта больная, трепещущая, забывшая себя, заглохшая душа человеческая. И нам становится понятна эта кропотливость анализа, и в этих подробностях, возбуждавших в нас гадливое чувство, мы усматриваем дело любви, которая ищет Бога в человеке и не отчаивается найти человека в одичалом и погибшем существе» [Фуссо, 2023, с. 385][8].

Очень интересен и проходящий через всю книгу сюжет постепенно усложняющегося отношения Каткова к творчеству А.С. Пушкина. Здесь нет возможности подробно его разобрать,

[8] Т.Г. Магарил-Ильяева обратила мое внимание на то, что эти слова Каткова поразительно перекликаются со словами из рассказа Достоевского «Маленький герой» (1857): «Есть женщины, которые точно сестры милосердия в жизни. Перед ними можно ничего не скрывать, по крайней мере ничего, что есть больного и уязвленного в душе. Кто страждет, тот смело и с надеждой иди к ним и не бойся быть в тягость, затем что редкий из нас знает, насколько может быть бесконечно терпеливой любви, сострадания и всепрощения в ином женском сердце. Целые сокровища симпатии, утешения, надежды хранятся в этих чистых сердцах, так часто тоже уязвленных, потому что сердце, которое много любит, много грустит, но где рана бережливо закрыта от любопытного взгляда, затем что глубокое горе всего чаще молчит и таится. Их же не испугает ни глубина раны, ни гной ее, ни смрад ее: кто к ним подходит, тот уж их достоин; да они, впрочем, как будто и родятся на подвиг...» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 273]. Это подтверждает, что Катков с большим вниманием относился даже к тем произведениям Достоевского, которые были опубликованы им в других изданиях, до сотрудничества писателя с «Русским вестником».

но отметим, что Катков весьма проницательно видел в Пушкине крупнейшую фигуру русской истории, не уступающую по своему значению великим государственным деятелям и полководцам. Так, в очерке «Заслуга Пушкина» (1880) он отмечает: «Никто не принес столько истинной пользы русской народности, как Пушкин, в то время, когда Бог судил ему жить, и **его произведения стоят многих выигранных битв**» [Фуссо, 2023, с. 378].

В некоторых случаях автор монографии исправляет неточности, содержащиеся в комментарии к 30-томному Полному собранию сочинений Достоевского. В частности, она указывает на некорректное цитирование статьи Л.К. Ильинского о гонорарах Достоевского. Как выяснила Фуссо, Ильинский на самом деле подтверждает, что за роман «Преступление и наказание» писатель получал от «Русского вестника» по 125 рублей за печатный лист (согласно изначально предложенной им Каткову минимальной цене), а не по 150 рублей, как написано в комментарии к ПСС со ссылкой на работу Ильинского [Фуссо, 2023, с. 231].

Вместе с тем, содержательная книга Фуссо также содержит немало спорных моментов. Например, она приравнивает тот факт, что Иосиф Аримафейский был «тайным учеником» Иисуса «из страха от Иудеев» (Ин. 19: 38), к его «отречению» от Христа [Фуссо, 2023, с. 340], хотя умолчание по определению не равно прямому отрицанию. Сложно согласиться и с ее оценкой Бородинской битвы как «ознаменовавшей поворотный момент войны с Наполеоном в 1812 году» [Фуссо, 2023, с. 365]. Все-таки после этого поистине великого сражения общий исход войны был еще отнюдь не очевиден, а русские войска продолжили отступать и даже сдали Наполеону Москву.

В целом вполне аккуратная в высказываемых оценках, Фуссо в одном месте своей монографии все же не может отказать себе в проявлении странного высокомерия по отношению к Достоевскому[9]. Так, цитируя его письмо к жене Анне Григорьевне из Москвы от 27–28 мая 1880 года, в котором он описывает свое посещение Каткова и то, как тепло его принял издатель «Русского вестника», вышедший провожать гостя в переднюю и тем изумивший всю редакцию, «которая из другой комнаты всё видела, ибо Катков **никогда не выходит никого провожать**» [Достоевский, 1972–1990, т. 30_1,

[9] Если, конечно, в данном случае речь не идет о неточности переводчика.

с. 167–168], исследовательница отмечает: «Опять же, как и в случае с именинами, **весьма жалко выглядит** то, что Достоевский считает это проявление нормальной вежливости со стороны Каткова чем-то заслуживающим внимания» [Фуссо, 2023, с. 354]. Все-таки при цитировании частных писем великих людей, не предназначавшихся к печати, исследователи должны проявлять особую деликатность, сознавая, что имеют дело с очень личными, интимными документами. К тому же, важно понимать, что если проницательнейший писатель вдруг отмечает в своем письме к ближайшему лицу что-то, как очень важное для него лично, то это заведомо нельзя сводить к банальным бытовым вещам.

Можно счесть некоторым упущением автора, что в главах, посвященных железным дорогам и спиритизму, эти явления рассматриваются исключительно в связи с «Анной Карениной» Толстого, без учета точки зрения на них Достоевского (скажем, тема железных дорог занимает не последнее место в романе «Идиот»).

К сожалению, не обошлось в книге и без ляпов переводчика, склоняющего женские фамилии. Так, о бывшем президенте Международного общества Достоевского Деборе Мартинсен, умершей в 2021 году, говорится как о «Деборе Мартинсене» [Фуссо, 2023, с. 6].

В целом же эта, безусловно, обстоятельная, но не очень выразительная и глубокая монография вряд ли сможет открыть специалистам по биографии и творчеству Достоевского личность Каткова с какой-то совсем новой или неожиданной стороны. Автор добротно изучила существующую литературу о Каткове, но предпочла остановиться исключительно на внешних фактах его жизни и не погружаться в нее слишком уж глубоко, полностью проигнорировав то, что Т.А. Касаткина называет *событиями биографии иного уровня* [Касаткина, 2016], хотя Катков был человеком глубоко религиозным и понимающим присутствие мистического измерения в искусстве. Даже когда биограф пишет о том, что на Каткова «сильно повлияла философская концепция Шеллинга, лекции которого он посещал в Берлине» [Фуссо, 2023, с. 14], она не делает ни малейшей попытки как-либо раскрыть и проследить это интереснейшее влияние.

Тем не менее, монография профессора Фуссо, несомненно, одна из лучших книг серии «Современная западная русистика», посвященных Достоевскому и его окружению, которые нам довелось прочесть. Ознакомиться с ней будет в любом случае полезно

для восстановления в памяти многих исторических сюжетов, уже не раз описанных в исследовательской литературе, но либо более фрагментарно, либо менее четко, либо в малодоступных широкому читателю изданиях.

Список литературы

1. Белов, 2001 — *Белов С.В.* Энциклопедический словарь «Ф.М. Достоевский и его окружение»: в 2 т. СПб: Алетейя, 2001.

2. Березкина, 2013 — *Березкина С.В.* Ф.М. Достоевский и М.Н. Катков (из истории романа «Преступление и наказание») // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2013. Т. 72, № 5. С. 16–25.

3. Брутян, 2001 — *Брутян А.Л.* М.Н. Катков. Социально-политические взгляды / под ред. Е.Н. Мощелкова. М.: Диалог МГУ: МАКС Пресс, 2001. 159 с.

4. Бугаева, 2007 — *Бугаева В.Н.* Консервативно-педагогическая концепция М.Н. Каткова: дис. ... канд. пед. наук. Смоленск, 2007. 191 с.

5. Ванеян, 1992 — *Ванеян С.С.* Катков Михаил Никифорович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь / гл. ред. П.А. Николаев. М.: Большая Российская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 506–513.

6. Власов, 2023 — *Власов Н.А.* Михаил Никифорович Катков глазами Отто фон Бисмарка // Клио. 2023. № 6 (198). С. 83–87.

7. Воспоминания, 2014 — Воспоминания о Михаиле Каткове / сост., предисл. и коммент. Г.Н. Лебедева. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2014. 616 с.

8. Гаврилов, 2018 — *Гаврилов И.Б.* Катков. Жизнь, труды, мировоззрение // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2018. № 1 (2). С. 136–177.

9. Давудов, 2013 — *Давудов Д.А.* Политико-правовые воззрения Михаила Никифоровича Каткова: дис. ... канд. юр. наук. Сочи, 2013. 200 с.

10. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

11. Едошина, 2018 — *Едошина И.А.* Из бытия Михаила Каткова: Виссарион Белинский и Владимир Соловьев // Соловьевские исследования. 2018. № 4 (60). С. 39–57.

12. Кантор, 2019 — *Кантор В.* Имперский европеизм, или Правда Михаила Каткова versus русское общество // Вопросы литературы. 2019. № 2. С. 13–41.

13. Касаткина, 2016 — *Касаткина Т.А.* Что считать событием биографии? История любви к Мадонне: Пушкин, Достоевский, Блок // Вопросы литературы. 2016. № 2. С. 44–78.

14. Катков 2010–2012 — *Катков М.Н.* Собр. соч.: в 6 т. / под общ. ред. А.Н. Николюкина. СПб.: Росток, 2010–2012.

15. Котов, 2016 — *Котов А.Э.* «Царский путь» Михаила Каткова: идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов / науч. ред. С.К. Лебедев. СПб.: Владимир Даль, 2016. 486 с.

16. Котов, 2017 — *Котов А.Э.* Консервативная печать в общественно-политической жизни России 1860-х – 1890-х годов: М.Н. Катков и его окружение: дис. ... д-ра истор. наук. СПб., 2017. 680 с.

17. Лебедева, 2019 — *Лебедева Г.Н.* Властители дум: М.Н. Катков, Ю.Ф. Самарин и Ф.И. Буслаев как выразители своего поколения // Тетради по консерватизму. 2019. № 2. С. 369–380.

18. Лубков, 2018 — *Лубков А.В.* Михаил Катков. Молодые годы. М.: МПГУ, 2018. 256 с.

19. Перевалова, 2019 — *Перевалова Е.В.* Вокруг М.Н. Каткова: авторы и сотрудники «Русского вестника» и «Московских ведомостей». М.: Московский политех, 2019. 387 с.

20. Подосокорский, 2022 — *Подосокорский Н.Н.* Функция предисловий в творчестве Ф.М. Достоевского (о книге Л. Бэгби) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 1 (17). С. 167–179. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-1-167-179

21. Подосокорский, 2023 — *Подосокорский Н.Н.* О книге Робин Фойер Миллер «Неоконченное путешествие Достоевского» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 1 (21). С. 276–286. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-1-276-286

22. Санькова, 2007 — *Санькова С.М.* Государственный деятель без государственной должности. М.Н. Катков как идеолог государственного национализма. Историографический аспект. СПб.: Нестор, 2007. 298 с.

23. Санькова, 2008 — *Санькова С.М.* Михаил Никифорович Катков. В поисках места (1818–1856). М.: АПК и ППРО, 2008. 223 с.

24. Санькова, 2022 — *Санькова С.М.* Катков Михаил Никифорович // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/c/katkov-mikhail-nikiforovich-5dfaed (дата обращения: 16.02.2024).

25. Тесля, 2018 — *Тесля А.А.* Иван Аксаков vs Михаил Катков: I-я половина 1860-х годов // Тетради по консерватизму. 2018. № 3. С. 376–384.

26. Федосеева, 2013 — *Федосеева Т.В.* Федор Тютчев и Михаил Катков в литературной и общественной жизни России 1860-х годов // Литературоведческий журнал. 2013. № 32. С. 44–73.

27. Фуссо, 2023 — *Фуссо С.* Катков. Издатель Тургенева, Достоевского и Толстого / пер. с англ. В. Полищук. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2023. 436 с.

28. Шипилов, 2009 — *Шипилов С.Н.* Эволюция идеологии русского пореформенного консерватизма: этнокультурные и политические аспекты (по произведениям М.Н. Каткова): дис. ... канд. истор. наук. М., 2009. 167 с.

29. Ширинянц, 2004 — *Ширинянц А.А.* Михаил Никифорович Катков // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2004. № 6. С. 76–81.

30. Эпиграмма и сатира, 1931–1932 — Эпиграмма и сатира: из истории литературной борьбы XIX века. М.; Л.: Academia, 1931–1932.

References

1. Belov, S.V. *Entsiklopedicheskii slovar' "F.M. Dostoevskii i ego okruzhenie": v 2 tomakh* [*Encyclopaedical Dictionary "Fyodor Dostoevsky and His Context": in 2 vols*]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2001. (In Russ.)

2. Berezkina, S.V. "F.M. Dostoevskii i M.N. Katkov (iz istorii romana 'Prestuplenie i nakazanie')" ["Fyodor Dostoevsky and Mikhail Katkov (from the History of the Novel *Crime and Punishment*)"]. *Izvestiia RAN. Seriia literatury i iazyka*, vol. 72, no. 5, 2013, pp. 16–25. (In Russ.)

3. Brutian, A.L. *M.N. Katkov. Sotsial'no-politicheskie vzgliady* [*Mikhail Katkov. Sociopolitical Views*]. Ed. by E.N. Moshchelkov. Moscow, Dialog MGU: MAKS Press Publ., 2001. 159 p. (In Russ.)

4. Bugaeva, V.N. *Konservativno-pedagogicheskaia kontseptsiia M.N. Katkova* [*Conservative Educational Vision of Mikhail Katkov: PhD Dissertation*]. Smolensk, 2007. 191 p. (In Russ.)

5. Vaneian, S.S. "Katkov Mikhail Nikiforich" ["Katkov Mikhail Nikiforich"]. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'* [*Russian Writers. 1800–1917: Biographical Dictionary*], vol. 2. Ex. ed. P.A. Nikolaev. Moscow, Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia Publ., 1992, pp. 506–513. (In Russ.)

6. Vlasov, N.A. "Mikhail Nikiforich Katkov glazami Otto fon Bismarka" ["Mikhail N. Katkov in the Eyes of Otto von Bismarck"]. *Klio*, no. 6 (198), 2023, pp. 83–87. (In Russ.)

7. Lebedev, G.N., editor. *Vospominaniia o Mikhaile Katkove* [*Memories about Mikhail Katkov*]. Moscow, In-t rus. tsivilizatsii Publ., 2014. 616 p. (In Russ.)

8. Gavrilov, I.B. "Katkov. Zhizn', trudy, mirovozzrenie" ["Katkov. Life, Works, and Worldview"]. *Trudy kafedry bogosloviia Sankt-Peterburgskoi Dukhovnoi Akademii*, no. 1 (2), 2018, pp. 136–177. (In Russ.)

9. Davudov, D.A. *Politiko-pravovye vozzreniia Mikhaila Nikiforovicha Katkova* [*Political-Legal Views of Mikhail N. Katkov: PhD Dissertation*]. Sochi, 2013. 200 p. (In Russ.)

10. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

11. Edoshina, I.A. "Iz bytiia Mikhaila Katkova: Vissarion Belinskii i Vladimir Solov'ev" ["From the Life of Mikhail Katkov: Vissarion Belinsky and Vladimir Solovyov"]. *Solov'evskie issledovaniia*, no. 4 (60), 2018, pp. 39–57. (In Russ.)

12. Kantor, V. "Imperskii evropeizm, ili Pravda Mikhaila Katkova versus russkoe obshchestvo" ["Imperial Europeanism, or Mikhail Katkov's Truth *versus* Russian Society"]. *Voprosy literatury*, no. 2, 2019, pp. 13–41. (In Russ.)

13. Kasatkina, T.A. "Chto schitat' sobytiem biografii? Istoriia liubvi k Madonne: Pushkin, Dostoevskii, Blok" ["What Kind of Event Should be Considered Biographical? The Love Story for the Madonna: Pushkin, Dostoevsky, Blok"]. *Voprosy literatury*, no. 2, 2016, pp. 44–78. (In Russ.)

14. Katkov, M.I. *Sobranie sochinenii: v 6 tomakh* [*Collected Works: in 6 vols*]. Ed. by A.N. Nikoliukin. St. Petersburg, Rostok Publ., 2010–2012. (In Russ.)

15. Kotov, A.E. *"Tsarskii put'" Mikhail Katkova: ideologiia biurokraticheskogo natsionalizma v politicheskoi publitsistike 1860–1890-kh godov* [*Mikhail Katkov's "Royal Way": The Ideology of Bureaucratic Nationalism in Political Journalism 1860–1890s*]. Ed. by S.K. Lebedev. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2016. 486 p. (In Russ.)

16. Kotov, A.E. *Konservativnaia pechat' v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Rossii 1860-kh – 1890-kh godov: M.N. Katkov i ego okruzhenie* [*Conservative Press in the Social and Political Life of Russia in the 1860s–1890s: Mikhail Katkov and his Entourage: PhD Dissertation*]. St. Petersburg, 2017. 680 p. (In Russ.)

17. Lebedeva, G.N. "Vlastiteli dum: M.N. Katkov, Iu.F. Samarin i F.I. Buslaev kak vyraziteli svoego pokoleniia" ["Rulers of Minds: M.N. Katkov, Y.F. Samarin, and F.I. Buslaev as Spokesmen of their Generation"]. *Tetradi po konservatizmu*, no. 2, 2019, pp. 369–380. (In Russ.)

18. Lubkov, A.V. *Mikhail Katkov. Molodye gody* [*Mikhail Katkov. Young Years*]. Moscow, MGPU Publ., 2018. 256 p. (In Russ.)

19. Perevalova, E.V. *Vokrug M.N. Katkova: avtory i sotrudniki "Russkogo vestnika" i "Moskovskikh vedomostei"* [*Around Mikhail Katkov: Authors and Contributors of* Russkii Vestnik *and* Moskovskie vedomosti]. Moscow, Moskovskii politekh Publ., 2019. 387 p. (In Russ.)

20. Podosokorskii, N.N. “Funktsiia predislovii v tvorchestve F.M. Dostoevskogo (o knige L. Begbi)” [“The Function of Introductions in Dostoevsky’s Work (About L. Bagby’s Book)”]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 1 (17), 2022, pp. 167–179. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-1-167-179

21. Podosokorskii, N.N. “O knige Robin Foier Miller ‘Neokonchennoe puteshestvie Dostoevskogo’” [“About the Book by Robin Feuer Miller *Dostoevsky’s Unfinished Journey*”]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 1 (21), 2023, pp. 276–286. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-1-276-286

22. San’kova, S.M. *Gosudarstvennyi deiatel’ bez gosudarstvennoi dolzhnosti. M.N. Katkov kak ideolog gosudarstvennogo natsionalizma. Istoriograficheskii aspekt* [*A Statesman without a State Position. Mikhail Katkov as an Ideologist of State Nationalism. Historiographical Aspect*]. St. Petersburg, Nestor Publ., 2007. 298 p. (In Russ.)

23. San’kova, S.M. *Mikhail Nikiforovich Katkov. V poiskakh mesta (1818–1856)* [*Mikhail Katkov. Looking for a Place (1818–1856)*]. Moscow, APK I PPRO Publ., 2008. 223 p. (In Russ.)

24. San’kova S.M. “Katkov Mikhail Nikiforovich” [“Katkov Mikhail Nikiforovich”]. *Bol’shaia rossiiskaia entsiklopediia* [*The Great Russian Encyclopedia*]. Available at: https://bigenc.ru/c/katkov-mikhail-nikiforovich-5dfaed (Accessed 16 Feb. 2024) (In Russ.)

25. Teslia, A.A. “Ivan Aksakov vs Mikhail Katkov: I-ia polovina 1860-kh godov” [“Ivan Aksakov *vs* Mikhail Katkov: First Half of 1860s”]. *Tetradi po konservatizmu*, no. 3, 2018, pp. 376–384. (In Russ.)

26. Fedoseeva, T.V. “Fedor Tiutchev i Mikhail Katkov v literaturnoi i obshchestvennoi zhizni Rossii 1860-kh godov” [“Fyodor Tyutchev and Mikhail Katkov in Russian Literary and Social Life in the 1860s”]. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 32, 2013, pp. 44–73. (In Russ.)

27. Fusso, Susanne. *Katkov. Izdatel’ Turgeneva, Dostoevskogo i Tolstogo* [*Editing Turgenev, Dostoevsky, and Tolstoy. Mikhail Katkov and the Great Russian Novel*]. Trans. by V. Polishchuk. St. Petersburg, Academic Studies Press / Bibliorossika Publ., 2023. 436 p. (In Russ.)

28. Shipilov, S.N. *Evoliutsiia ideologii russkogo poreformennogo konservatizma: etnokul’turnye i politicheskie aspekty (po proizvedeniiam M.N. Katkova)* [*The Evolution of Russian Post-Reform Conservatism: Ethno-cultural and Political Aspects (Based on the Works of Mikhail Katkov): PhD Dissertation*]. Moscow, 2009. 167 p. (In Russ.)

29. Shiriniants, A.A. “Mikhail Nikiforich Katkov” [“Mikhail N. Kaktov”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 12: Politicheskie nauki*, no. 6, 2004, pp. 76–81. (In Russ.)

30. *Epigramma i satira: iz istorii literaturnoi bor’by XIX veka* [*Epigram and Satire: From the History of Literary Struggles in the 19th Century*]. Moscow; Leningrad, Academia Publ., 1931–1932. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 18.02.2024
Одобрена после рецензирования: 20.02.2024
Принята к публикации: 21.02.2024
Дата публикации: 25.03.2024

The article was submitted: 18 Feb. 2024
Approved after reviewing: 20 Feb. 2024
Accepted for publication: 21 Feb. 2024
Date of publication: 25 Mar. 2024

IN MEMORIAM

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 1 (25), 2024.
Памяти / In Memoriam
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-254-261
https://elibrary.ru/ZNJKCQ

2024. Николай Подосокорский
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

Памяти Валентины Александровны Твардовской (1931–2023)

2024. Nikolay N. Podosokorsky
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

In Memory of Valentina Alexandrovna Tvardovskaya (1931–2023)

8 декабря 2023 года на 93-м году жизни умерла Валентина Александровна Твардовская, советский и российский историк, литературовед, редактор, доктор исторических наук, профессор, специалист по истории русской общественной мысли второй половины XIX века; дочь поэта, прозаика, главного редактора журнала «Новый мир» (1950–1954 и 1958–1970) Александра Трифоновича Твардовского (1910–1971), а также публикатор его сочинений.

Она родилась 23 ноября 1931 года в Москве (по другим данным — в Смоленске). В 1954 году окончила исторический факультет МГУ. В 1960 году защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Возникновение революционной организации “Народная Воля”: 1879–1881». С 1959 года работала в Институте истории АН СССР (с 1968 — Институт истории СССР, с 1992 — Институт российской истории РАН), с 1986 года — его

ведущий научный сотрудник. В 1980 году получила ученую степень доктора исторических наук, защитив диссертацию на тему: «Идеология пореформенного самодержавия».

В.А. Твардовская — автор многих научных работ, в том числе книг: «Социалистическая мысль России на рубеже 1870–1880-х годов» (Наука, 1969), «Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания)» (Наука, 1978), «Н.А. Морозов в русском освободительном движении» (Наука, 1983), «Достоевский в общественной жизни России (1861–1881)» (Наука, 1990), «Русские и Карл Маркс: выбор или судьба?» (Эдиториал УРСС, 1999; в соавторстве с Б.С. Итенбергом), «Б.П. Козьмин. Историк и современность» (Ин-т рос. истории РАН, 2003), «Граф М.Т. Лорис-Меликов и его современники» (Центрполиграф, 2004; в соавторстве с Б.С. Итенбергом) и др.

Вместе с младшей сестрой Ольгой Александровной Твардовской (1941–2017) она подготовила к публикации книги, дневники и письма своего отца А.Т. Твардовского: «“Я в свою ходил атаку...”: Дневники. Письма. 1941–1945» (Вагриус, 2005), «Письма с войны, 1941–1945» (М., 2015), «Дневник, 1950–1959» (ПРОЗАиК, 2013), «Новомирский дневник 1961–1966 и 1967–1970 гг.» в 2 т. (ПРОЗАиК, 2009), «А. Твардовский в жизни и литературе: (письма 1950–1959)» (Маджента, 2013), «Избранное» в 2 т. (М., 2010).

Помимо прочего, В.А. Твардовская несколько десятилетий занималась изучением жизни и творчества Ф.М. Достоевского в контексте истории общественно-политических движений его эпохи. С начала 1980-х годов ее статьи, заметки о Достоевском и рецензии на книги о писателе публиковались в «Литературной газете» (1982, 3 ноября; 1986, 8 октября); сборниках «Достоевский. Материалы и исследования» (1988, т. 8; 1991, т. 9; 1996, т. 13; 2001, т. 16), «Достоевский и современность» (Семипалатинск, 1989), «История СССР в современной западной немарксистской историографии: критический анализ» (М., 1990), «Революционеры и либералы России» (М., 1990), «Достоевский и современность» (Новгород, 1991–1994, 1999, 2002), «Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры, исследования» (1995, вып. 15), «Пушкин и Достоевский:

Материалы для обсуждения» (Великий Новгород, Старая Русса, 1998; альманахе «Достоевский и мировая культура» (1995, № 5); журналах «Знамя» (2000, № 10), «Отечественная история» (2002, № 1) и других изданиях (список ее работ о Достоевском см.: [Белов, 2011, с. 738]).

Ссылки на научные работы В.А. Твардовской содержатся и в комментарии к 30-томному Полному собранию сочинений Достоевского [Достоевский, 1972–1990, т. 26, с. 378; т. 29_1, с. 459, т. 30_1, с. 355].

Валентина Александровна участвовала с докладами в ряде международных научных конференций, посвященных наследию писателя. В мае 2001 года мне посчастливилось стать свидетелем ее яркого выступления на конференции «Достоевский и современность» в Старой Руссе.

Уход ученого побуждает обратиться к ее наиболее важным работам о Достоевском и его эпохе и вычленить из них некоторые стержневые тезисы. Так, в монографии «Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания)» (1978) Твардовская показывает, как менялась в сторону упрощения личность М.Н. Каткова, редактора «Русского вестника» и «Московских ведомостей» (сыгравшего значительную роль и в творческой судьбе Достоевского) от реформаторской эпохи Александра II до более консервативного периода царствования Александра III: «Человек, безусловно, незаурядный, одаренный от природы, весьма образованный, он в конце своей карьеры, обросший чинами и наградами, предстает умственно и нравственно деградирующим. На пути, им избранном, оказались ненужными и его эрудиция, и умение владеть пером. Боровшийся против “лишнего груза знаний”, против всякого “научного хлама”, он сам успешно освободился от него. Если его публицистика 60-х годов еще была насыщена цитатами из Маколея и Карлейля, Токвиля и Тэна, пестрела латинскими изречениями и примерами из мировой классики, то передовицы 80-х годов оживлялись лишь ссылкам на молитвы при помазании на царство да на Свод государственных законов Российской империи. Катков достиг своего идеала настоящего политика — “человека действия, а не мысли”» [Твардовская, 1978, с. 270–271].

В статье «“Экономическое поветрие” в творчестве Достоевского» (1988) Твардовская указывает на неочевидную в то время для советских исследователей важность темы крестьянства и русской деревни для Достоевского. Она пишет: «Деревня Достоевского удивительно вписывается в демократическую журналистику, кажется выхваченной с ее страниц» [Твардовская, 1988, с. 144]. И отмечает, что «за скупыми, но удивительно емкими зарисовками деревни в “Братьях Карамазовых” чувствуется немалое знание крестьянской жизни» [Твардовская, 1988, с. 146].

Монография «Достоевский в общественной жизни России (1861–1881)» (1990) содержит такой вывод исследовательницы о сложных социально-политических взглядах писателя в поздний период его творчества: «Однако сама природа демократизма Достоевского остается еще недостаточно выясненной. Долгое время в нашей литературе демократическая идеология сводилась к тому боевому, критическому демократизму, который представлен взглядами Герцена и Чернышевского, Салтыкова-Щедрина и Некрасова. Само наличие консервативных тенденций в мировоззрении того или иного деятеля уже заведомо исключало его из рядов демократии. А ведь консерватизм в огромной степени присущ и народному миросозерцанию.

Позиция Достоевского в общественной жизни России, на мой взгляд, определялась прежде всего его устремленностью к истине. Пусть не покажется это определение аполитичным и несколько абстрактным, отношение к писателю представителей разных политических течений в значительной мере зависело от того, что искренность его мысли — утверждающей и отвергающей — не подвергалась сомнению. Искренность в отличие от убеждений невозможно имитировать. Для Достоевского правда оставалась “выше Пушкина, выше народа, выше России, выше всего”, и надо знать, чем были для Достоевского народ, Пушкин, Россия, чтобы оценить смысл этого сокровенного признания, оставшегося в дневниковых записях (26, 198). Он и стремился всегда “желать одной правды и искать ее, несмотря на все те выгоды, которые мы можем потерять из-за нее, и даже несмотря на все те преследования и гонения, которые мы

можем получить из-за нее” (26, 199). Говоря свою правду, Достоевский не боялся оказаться в глазах властей неблагонадежным, как не страшился показаться ретроградом в восприятии передовой интеллигенции. Отстаивая правду, он приходил в столкновение с консерваторами, к которым тяготел, в решении ряда важных проблем, со славянофилами, которые были ему особенно близки. Эта же честность в политике заставляла решительного противника социализма и нигилизма смыкаться в понимании ряда некоторых русских вопросов русской жизни с народнической мыслью» [Твардовская, 1990, с. 328].

В статье «Родион Раскольников и Петр Ткачев» (1991) Твардовская рассматривает возможное влияние статьи литературного критика и публициста П.Н. Ткачева (1844–1886) «Преступление и наказание» («Библиотека для чтения». 1863. № 2) на одноименный роман Достоевского. Ткачев, активно печатавшийся в журналах братьев Достоевских «Время» и «Эпоха», был почти ровесником Раскольникова и, как и герой Достоевского, также учился на юридическом факультете университета, откуда был исключен. В упомянутой статье «Преступление и наказание» Ткачев настаивал, что именно «нищета, бедность, неравномерное распределение богатств, одним словом, непорядок и неустройство — основная причина преступности» [Твардовская, 1991, с. 81]. В целом Ткачев, по наблюдению историка, считал возможным подвергнуть сомнению общечеловеческую нравственность. Для Достоевского же подобное сомнение — «угроза самому бытию человеческому. Недаром все естество Раскольникова противится его теоретическим доводам о возможности переступить эти общечеловеческие моральные принципы» [Твардовская, 1991, с. 88].

Уже эти приведенные примеры наглядно демонстрируют общее направление содержательных и фундированных работ по истории литературы профессора Твардовской, а также особенности ее научного метода в достоевистике.

Список литературы

1. Белов, 2011 — *Белов С.В.* Ф.М. Достоевский. Указатель произведений Ф.М. Достоевского и литературы о нем на русском языке, 1844–2004 гг. СПб.: Российская нац. б-ка, 2011. 755 с.

2. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

3. Твардовская, 1978 — *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М.: Наука, 1978. 279 с.

4. Твардовская, 1988 — *Твардовская В.А.* «Экономическое поветрие» в творчестве Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1988. Т. 8. С. 126–158.

5. Твардовская, 1990 — *Твардовская В.А.* Достоевский в общественной жизни России (1861–1881) / отв. ред. Б.С. Итенберг. М.: Наука, 1990. 336 с.

6. Твардовская, 1991 — *Твардовская В.А.* Родион Раскольников и Петр Ткачев // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1991. Т. 9. С. 76–91.

References

1. Belov, S.V. *F.M. Dostoevskii. Ukazatel' proizvedenii F.M. Dostoevskogo i literatury o nem na russkom iazyke, 1844–2004 gg* [*F.M. Dostoevsky. Index of Fyodor Dostoevsky's Works and Literature about Him in Russian, 1844–2004*]. St. Petersburg, Russian National Library Publ., 2011. 755 p. (In Russ.)

2. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

3. Tvardovskaia, V.A. *Ideologiia poreformennogo samoderzhaviia (M.N. Katkov i ego izdaniia)* [*The Ideology of Post-Reform Autocracy (M.N. Katkov and His Publications)*]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 279 p. (In Russ.)

4. Tvardovskaia, V.A. "'Ekonomicheskoe povetrie' v tvorchestve Dostoevskogo" ["The 'Economic Atmosphere' in Dostoevsky's Works"]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky. Materials and Research*], vol. 8. Leningrad, Nauka Publ., 1988, pp. 126–158. (In Russ.)

5. Tvardovskaia, V.A. *Dostoevskii v obshchestvennoi zhizni Rossii (1861–1881)* [*Dostoevsky in Russian Public Life (1861–1881)*]. Ex. ed. B.S. Itenberg. Moscow, Nauka Publ., 1990. 336 p. (In Russ.)

6. Tvardovskaia, V.A. "Rodion Raskol'nikov i Petr Tkachev" ["Rodion Raskolnikov and Pyotr Tkachev"]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky. Materials and Research*], vol. 9. Leningrad, Nauka Publ., 1991, pp. 76–91. (In Russ.)

Информация об авторе: Николай Николаевич Подосокорский, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

http://orcid.org/0000-0001-6310-1579

E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com

Для цитирования: *Подосокорский Н.Н.* Памяти Валентины Александровны Твардовской (1931–2023) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25). С. 254–261. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-254-261

Information about the author: Nikolay N. Podosokorsky, PhD in Philology, Senior Researcher, Research Centre "Dostoevsky and World Culture," A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

http://orcid.org/0000-0001-6310-1579

E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com

For citation: Podosokorsky, N.N. "In Memory of Valentina Alexandrovna Tvardovskaya (1931–2023)." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 1 (25), 2024, pp. 254–261. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-254-261

Статья поступила в редакцию: 10.02.2024
Одобрена после рецензирования: 24.02.2024
Принята к публикации: 28.02.2024
Дата публикации: 25.03.2024

The article was submitted: 10 Feb. 2024
Approved after reviewing: 24 Feb. 2024
Accepted for publication: 28 Feb. 2024
Date of publication: 25 Mar. 2024

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 1 (25), 2024.
Памяти / In Memoriam
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-262-271
https://elibrary.ru/ZPEYQB

© 2024. Николай Подосокорский
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

Памяти Нины Федотовны Будановой (1931–2024)

© 2024. Nikolay N. Podosokorsky
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

In Memory of Nina Fedotovna Budanova (1931–2024)

6 января 2024 года, в канун Рождества Христова, на 93-м году жизни умерла Нина Федотовна Буданова, советский и российский литературовед, библиограф, редактор, доктор филологических наук, профессор, специалист по творчеству Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева и русской литературе XIX века, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН.

Она родилась 15 декабря 1931 года в Ленинграде. Окончила библиографический факультет библиотечного института (ЛГБИ). С 1958 года работала в Пушкинском Доме. В 1961–1967 годы была одним из ведущих сотрудников Группы по изданию Полного собрания сочинений и писем И.С. Тургенева в 28 т. (Издательство Академии Наук СССР, 1960–1968). В 1967 году защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Творческая история романа И.С. Тургенева “Новь”». В 1969 году перешла в академическую Группу по изданию Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского в 30 т.

В 1987 году защитила докторскую диссертацию на тему «Достоевский и Тургенев: творческий диалог». В 1996–2005 годы заведовала Группой Пушкинского Дома по изучению биографии и творчества Ф.М. Достоевского, сменив на этом посту умершего академика РАН Г.М. Фридлендера (1915–1995).

Участник издания Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского в 30 т. (Наука, 1972–1990) и Собрания сочинений Ф.М. Достоевского в 15 т. (Наука, 1988–1996). Входила в редколлегию второго академического издания Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского в 35 т. (Наука, 2013–)[1].

Впервые на академическом уровне ею был подготовлен основной текст и черновые материалы к роману «Бесы». Впоследствии этот текст и комментарий легли в основу трех отдельных изданий «Бесов» в популярных издательствах (Художественная литература, 1989; Библиополис, 1995; Речь, 2017). Как отмечает И.Д. Якубович, Нина Федотовна в шутку называла себя «профессиональным бесологом» [Якубович, 2021, с. 5].

В 1990–1993 годы совместно с Г.М. Фридлендером редактировала трехтомную «Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского». Ответственный редактор и соредактор 13–23 выпусков сборника «Достоевский. Материалы и исследования» ИРЛИ РАН (Наука, 1996–2021). Ответственный редактор и соредактор трудов: «Pro memoria: Памяти академика Георгия Михайловича Фридлендера (1915–1995)» (Наука, 2003), «Библиотека Ф.М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание» (Наука, 2005) и др.

Автор многих научных работ, в том числе монографий: «Роман И.С. Тургенева “Новь” и революционное народ-

[1] В статье «К спорам о втором издании Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского» [Буданова, 2010] она полемизирует с В.Е. Ветловской, Б.Н. Тихомировым, Т.А. Касаткиной и другими исследователями, убежденными, что затеваемое новое академическое ПСС Достоевского не должно в своей основе повторять старое (как бы добротно и основательно оно не было выполнено), но крайне важно, чтобы оно было построено на иных принципах с полной перепроверкой всей текстологической работы предшественников. В целом понятны чувства Будановой по отношению к столь значимому для нее масштабному научному проекту, но в данном случае гораздо более аргументированными и основательными представляются доводы ее оппонентов.

ничество 1870-х годов» (1983), «Достоевский и Тургенев: Творческий диалог» (1987), «“И свет во тьме светит...” (к характеристике мировоззрения и творчества позднего Достоевского)» (2012).

Мне доводилось не раз участвовать в одних достоеведческих конференциях вместе с Ниной Федотовной, а также слышать разные воспоминания и отклики коллег о ней (человек она была не простой и, как все мы, не без недостатков), и не все из них были теплыми и дружескими, но лично я, по счастью, знал ее исключительно с положительной стороны. В ноябре 2008 года на конференции «Достоевский и мировая культура» в петербургском музее писателя Буданова пригласила меня (на тот момент аспиранта Новгородского университета) к участию в редактируемом ею сборнике, результатом чего стала важная для меня статья «Об источниках рассказа генерала Иволгина о Наполеоне» [Подосокорский, 2010].

Будет уместно здесь напомнить о ключевых тезисах некоторых наиболее ярких и значимых, с моей точки зрения, работ Будановой о Достоевском. В монографии «Достоевский и Тургенев: Творческий диалог» (1987) она обоснованно подвергла радикальному пересмотру устоявшийся к тому времени подход к теме «Тургенев и Достоевский» как к исключительно «истории одной вражды». По мнению исследовательницы (уникального специалиста одновременно и по Тургеневу, и по Достоевскому), своя правда была у каждого из них; и в связи с этим Буданова всячески призывала коллег (увы, как показало время, почти безуспешно!) отказаться от «традиции возвышения одного большого писателя за счет принижения другого» [Буданова, 1987, с. 5]. Как завершает она свою книгу: «<...> в основе идейных разногласий Достоевского и Тургенева, нередко принимавших острые формы, лежала общая, поглощавшая все их помыслы любовь к России, к русскому народу, мечты о величии, славе и процветании своей родины, стремление по мере сил и возможности лично содействовать этому. Невольно вспоминаются проникновенные строки Герцена о славянофилах: “Да, мы были противниками их, но очень странными. У нас была одна любовь, но не *одинакая*”»

[Буданова, 1987, с. 191]. Сейчас, глядя на произведения Тургенева и Достоевского из эпохи всемирной дехристианизации и дегуманизации, нельзя не согласиться, что на самом деле общего между двумя, казалось бы, совсем разными художниками — гораздо больше, чем считали они сами и их современники.

В 1992 году в журнале «Русская литература» был опубликован подготовленный Будановой текст неизвестного ранее письма[2] Достоевского к литературному критику и публицисту Н.Н. Страхову от 17 апреля 1873 года, не вошедшего в 30-томное полное собрание сочинений писателя. В нем упоминаются прусский король, журнал «Гражданин», пьеса А.Ф. Писемского «Ваал» и проч. [Буданова, 1992].

В 1994 году, отвечая на вопросы анкеты редакции журнала «Диалог. Карнавал. Хронотоп», Буданова подробно высказалась о значении знаменитой книги философа М.М. Бахтина (1895–1975) «Проблемы поэтики Достоевского». Называя эту книгу одной из лучших философских работ о Достоевском, признавая мужество ее автора, писавшего в условиях ограничений жесткого тоталитаризма, вместе с тем, она замечает: «Основное несогласие вызывает у меня вывод М.М. Бахтина о “равноправии” в романе Достоевского “голоса” автора и “голосов” его героев. “Равноправие”, на мой взгляд, состоит лишь в том, что автор (Достоевский), согласно своей художественной установке, (“рожу сочинителя” не показывать), нигде прямым “монологическим” вмешательством эти голоса не заглушает и предоставляет им полную свободу. Однако “голос” автора тверже и авторитетнее “голосов” его раздвоенных героев; это слово глубоко выстраданное (“...через большое горнило сомнений моя Осанна прошла”). Авторитетность авторского слова опирается в данном случае на авторитетность христианских истин, сознательным проводником и проповедником которых был Достоевский» [Буданова, 1994, с. 7].

В статье «Заметки о Достоевском и Пушкине» (2000) отношение Достоевского к Пушкину прочно увязано

[2] Как указано в публикации, «оригинал письма хранится: США, Бостон, Isabella Stewart Gardner Museum (дар гарвардского профессора Томаса Виттемора, 1871–1950)» [Буданова, 1992, с. 114].

с преклонением перед правдой и святостью, сохраняемых в глубине русского народа, и для адекватного постижения и выражения которых нужен чистый и глубокий взгляд гения:

> Для Достоевского свидетельством истинной любви представителей «культурного слоя» к народу является не столько жалость к нему, сочувствие к его бедственному положению, сколько преклонение перед «народной правдой», народной верой, народной святыней. И здесь, как и во многом другом, образцом может служить Пушкин, который «нашел великий и вожделенный исход для нас, русских, и указал на него. Этот исход был народность, преклонение перед правдой народа русского (...) Он понял русский народ и постиг его назначение в такой глубине и в такой обширности, как никогда и никто». Пушкин «сам вдруг оказался народом», принял «суть народную в свою душу как свой идеал» (26, 114, 115).
>
> Достоевский противопоставляет Пушкина «замечательнейшим, образованным русским европейцам», которые любили народ по-своему, по-европейски, но по существу глубоко презирали его, так как видели в нем раба и оплакивали его «звериное состояние» в дореформенный и пореформенный период [Буданова, 2000, с. 215].

В предисловии к труду «Библиотека Ф.М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание» (2005) Буданова, помимо прочего, отметила огромную важность исторических трудов в формировании мировоззрения Достоевского, что зачастую недооценивается или вовсе не принимается в расчет исследователями, сосредоточенными исключительно на литературных влияниях и взаимосвязях:

> Прекрасно подобранный отдел книг по всемирной и русской истории свидетельствует о большом интересе Достоевского к истории и его основательной осведомленности в этой области. В библиотеке Достоевского хранились (на иностранных языках и в русских переводах) труды историков П.К. Тацита, Г.Т. Бокля, Ф.П.Г. Гизо, О. Йегера,

> Т. Карлейля, А. Ламартина, А. Тьера, У.Х. Прескотта, Ф.К. Шлоссера. В числе других — книги по всемирной истории, французской истории XVIII в., истории наполеоновских войн, французских революций, Парижской коммуны, истории Испании XVI в.
>
> Богато была представлена в библиотеке Достоевского история России. Среди хранившихся в библиотеке книг и изданий упомянем: «Акты по истории Южной и Западной России», изданные Археографической комиссией, и «Дополнения к Актам»; книгу Г.К. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича»; «Записки императрицы Екатерины II»; «Историю государства Российского» Н.М. Карамзина; труды современных Достоевскому историков: С.М. Соловьева, И.Е. Забелина, И.М. Снегирева, В.И. Сергеевича, М.П. Погодина; работы по истории Крымской войны, Восточному вопросу и др. Особенно интересовался писатель историей Древней Руси [Буданова, 2005, с. 21].

В 2008 году вышел подготовленный коллективом достоевистов словарь-справочник «Достоевский: Сочинения, письма, документы», для которого Буданова написала статьи о романах «Униженные и оскорбленные» и «Бесы», а также о некоторых публицистических работах Достоевского. В статье о «Бесах» исследовательница, в числе прочего, поясняет: «В настоящее время ученые не располагают авторитетным каноническим текстом главы “У Тихона”, что не позволяет включить ее непосредственно в состав романа. Поэтому она печатается обычно в “Приложении” к роману» [Буданова, 2008, с. 24]. Общее значение произведения «профессиональный бесолог» оценивает так:

> Это не роман-памфлет (хотя элементы памфлета, пародии в нем сильны), а прежде всего роман-трагедия, роман-предвидение, имеющий непреходящее общечеловеческое значение. С.Н. Булгаков, вслед за Вяч. Ивановым назвавший «Бесы» «символической трагедией», справедливо заметил, что в романе состязаются не представители политических партий: «Не в политической инстанции обсуждается здесь дело революции и произносится над ней приговор. Здесь иное,

высшее судбище, здесь состязаются не большевики и меньшевики, не эсдеки и эсеры, не черносотенцы и кадеты. Нет, здесь "Бог с дьяволом борется, а поле битвы — сердца людей", и потому-то трагедия "Бесов" имеет не только политическое, временное, преходящее значение, но содержит в себе зерно бессмертной жизни, луч немеркнущей истины, как и все великие и подлинные трагедии, тоже берущие для себя форму из исторически ограниченной среды, в определенной эпохе» [Буданова, 2008, с. 29].

В своей последней монографии «"И свет во тьме светит..." (к характеристике мировоззрения и творчества позднего Достоевского)» (2012) Буданова подробно разбирает критику христианства Достоевского К.Н. Леонтьевым, разрабатывает тему «Достоевский и святоотеческое наследие», исследует работы о Достоевском, написанные Д.С. Мережковским, Н.А. Бердяевым и др. Особенно интересны наблюдения автора относительно восприятия Достоевским фигуры святителя Тихона Задонского (1724–1783), нашедшей отражение в «Бесах» и «Братьях Карамазовых». По ее словам, «в Тихоне Задонском Достоевский находил, если использовать прекрасное выражение Тургенева, ту "крепость нравственного состава", обусловленную кровной связью с национальной "почвой", народом и его верой, проявляющуюся прежде всего в активном отношении к добру и злу, которой так не хватало, по мнению Достоевского, русскому интеллигенту, с его умственной и нравственной "шатостью", давно порвавшему с родной "почвой"» [Буданова, 2012, с. 99].

Многие из разрабатываемых Н.Ф. Будановой проблем еще будут не раз переосмыслены новыми поколениями достоевистов, но сделанный ею вклад в науку о Достоевском несомненен и заслуживает всяческой благодарности.

Список литературы

1. Буданова, 1987 — *Буданова Н.Ф.* Достоевский и Тургенев: творческий диалог / отв. редактор Г.М. Фридлендер. Л.: Наука, 1987. 198 с.
2. Буданова, 1992 — [*Буданова Н.Ф.*] Неизвестное письмо Ф.М. Достоевского к Н.Н. Страхову (публикация Н.Ф. Будановой) // Русская литература. 1992. № 1. С. 113–115.

3. Буданова, 1994 – *Буданова Н.Ф.* Ответы на вопросы анкеты // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1994. № 1. С. 6–8.

4. Буданова, 2000 – *Буданова Н.Ф.* Заметки о Достоевском и Пушкине // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2000. Т. 15. С. 214–227.

5. Буданова, 2005 – *Буданова Н.Ф.* «Книги – это жизнь, пища моя, моя будущность» (Личная библиотека Ф.М. Достоевского) // Библиотека Ф.М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание / отв. ред. Н.Ф. Буданова. СПб.: Наука, 2005. С. 5–22.

6. Буданова, 2008 – *Буданова Н.Ф.* Бесы // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г.К. Щенников, Б.Н. Тихомиров. СПб.: Пушкинский Дом, 2008. С. 19–29.

7. Буданова, 2010 – *Буданова Н.Ф.* К спорам о втором издании Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского // Русская литература. 2010. № 2. С. 32–40.

8. Буданова, 2012 – *Буданова Н.Ф.* «И свет во тьме светит...»: к характеристике мировоззрения и творчества позднего Достоевского. СПб.: Петрополис, 2012. 406 с.

9. Подосокорский, 2010 – *Подосокорский Н.Н.* Об источниках рассказа генерала Иволгина о Наполеоне // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2010. Т. 19. С. 182–191.

10. Якубович, 2021 – *Якубович И.Д.* Шестьдесят три года в Пушкинском Доме. К юбилею Нины Федотовны Будановой // Русская литература. 2021. № 4. С. 5–6.

References

1. Budanova, N.F. *Dostoevskii i Turgenev: tvorcheskii dialog* [*Dostoevsky and Turgenev: Creative Dialogue*]. Ex. ed. G.M. Fridlender. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 198 p. (In Russ.)

2. [Budanova, N.F.] “Neizvestnoe pis’mo F.M. Dostoevskogo k N.N. Strakhovu (publikatsiia N.F. Budanovoi)” [“Unknown Letter from Fyodor Dostoevsky to Nikolay Strakhov (published by N.F. Budanova)”]. *Russkaia literatura*, no. 1, 1992, pp. 113–115. (In Russ.)

3. Budanova, N.F. “Otvety na voprosy ankety” [“Answers to Questionnaire”]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*, no. 1, 1994, pp. 6–8. (In Russ.)

4. Budanova, N.F. “Zametki o Dostoevskom i Pushkine” [“Notes on Dostoevsky and Pushkin”]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky. Materials and Research*], vol. 15. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, pp. 214–227. (In Russ.)

5. Budanova, N.F. “‘Knigi – eto zhizn’, pishcha moia, moia budushchnost’’ (Lichnaia biblioteka F.M. Dostoevskogo)” [“‘Books Are My Life, My Food, My Future’ (Fyodor Dostoevsky’s Personal Library)”]. Budanova, N.F., editor. *Biblioteka F.M. Dostoevskogo: Opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisanie* [*Dostoevsky’s Library: Reconstruction Experience. Scientific Description*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005, pp. 5–22. (In Russ.)

6. Budanova, N.F. “Besy” [“The Devils”]. Shchennikov, G.K., and B.N. Tikhomirov, eds. *Dostoevskii: Sochineniia, pis’ma, dokumenty: Slovar’-spravochnik* [*Dostoevsky: Works, Letters, Documents. Reference Dictionary*]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2008, pp. 19–29. (In Russ.)

7. Budanova, N.F. “K sporam o vtorom izdanii Polnogo sobraniia sochinenii F.M. Dostoevskogo” [“To the Disputes about the Second Edition of the Complete Works of Fyodor Dostoevsky”]. *Russkaia literatura*, no. 2, 2010, pp. 32–40. (In Russ.)

8. Budanova, N.F. *“I svet vo t’me svetit...”: k kharakteristike mirovozzreniia i tvorchestva pozdnego Dostoevskogo* [*“And the Light Shines in Darkness...”: Toward a Characterization of the Worldview and Creativity of Late Dostoevsky*]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2012. 406 p. (In Russ.)

9. Podosokorskii, N.N. “Ob istochnikakh rasskaza generala Ivolgina o Napoleone” [“On the Sources of General Ivolgin’s Story about Napoleon”]. *Dostoevskii: Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky: Materials and Research*], vol. 19. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, pp. 182–191. (In Russ.)

10. Iakubovich, I.D. “Shest’desiat tri goda v Pushkinskom Dome. K iubileiu Niny Fedotovny Budanovoi” [“Sixty-Three Years at the Pushkin House. On the Jubilee of Nina Fedotovna Budanova”]. *Russkaia literatura*, no. 4, 2021, pp. 5–6. (In Russ.)

Информация об авторе: Николай Николаевич Подосокорский, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

http://orcid.org/0000-0001-6310-1579

E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com

Для цитирования: *Подосокорский Н.Н.* Памяти Нины Федотовны Будановой (1931–2024) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25). С. 262–271. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-262-271

Information about the author: Nikolay N. Podosokorsky, PhD in Philology, Senior Researcher, Research Centre “Dostoevsky and World Culture,” A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

http://orcid.org/0000-0001-6310-1579

E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com

For citation: Podosokorsky, N.N. “In Memory of Nina Fedotovna Budanova (1931–2024).” *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 1 (25), 2024, pp. 262–271. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-262-271

Статья поступила в редакцию: 10.02.2024
Одобрена после рецензирования: 24.02.2024
Принята к публикации: 28.02.2024
Дата публикации: 25.03.2024

The article was submitted: 10 Feb. 2024
Approved after reviewing: 24 Feb. 2024
Accepted for publication: 28 Feb. 2024
Date of publication: 25 Mar. 2024

ДОСТОЕВСКИЙ И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА

Филологический журнал

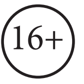
2024 № 1

Основан в 2018 г.
Выходит 4 раза в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72614
от 04.04.2018
ISSN 2619-0311

Адрес редакции:
Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской Академии наук
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1.
e-mail: fedor@dostmirkult.ru

Компьютерная верстка: Н.Э. Чайковская
Дизайн обложки: Д.В. Тихомолова

Подписано в печать 20.03.2024
Формат 60 x 90 1/16. Усл. печ. л. 17,0
Тираж 500 экз.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. 1, ком. 6.3-23Н